

Ольга Арунд

АКАДЕМИЯ
контролируемой
магии

16+

Ольга Арунд Академия контролируемой магии

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67601688

SelfPub; 2023

Аннотация

Мне, сироте при живом дяде, оставалось всего-ничего – получить диплом и вернуть украденное наследство, но нет! Выскочке-боевику приспичило поиграть в любовь, его мстительной подружке – выгнать меня из академии, а ректору спасти империю. Вот только как справиться ещё и с этим, если я и так зарабатываю на нелегальных заклинаниях, а проклятый стихийный огонь норовит сжечь меня саму? Цикл "Империя Оришан", книга 1

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	25
Глава 4	39
Глава 5	49
Глава 6	58
Глава 7	71
Глава 8	80
Глава 9	92
Глава 10	101
Глава 11	111
Глава 12	124
Глава 13	137
Глава 14	148
Глава 15	161
Глава 16	174
Глава 17	186
Глава 18	198
Глава 19	210
Глава 20	220
Глава 21	230
Глава 22	243
Глава 23	253

Глава 24	268
Глава 25	279
Глава 26	294
Глава 27	305
Глава 28	320
Глава 29	332
Глава 30	344
Глава 31	362
Глава 32	378
Глава 33	392
Глава 34	403
Глава 35	416
Глава 36	431
Глава 37	444
Глава 38	460
Глава 39	473
Глава 40	484
Глава 41	496
Глава 42	507
Эпилог	522

Ольга Арунд

Академия

контролируемой магии

Глава 1

Ночь. Библиотека. И одинокая тень, которая, искренне считая себя идиоткой, крадётся в тусклом свете, видимых только ей, линий охранных заклинаний.

Спасибо рианам хотя бы за эту, ненормальную для обычных магов, но жутко полезную лично для меня способность. С ней незаконные, однако, регулярные, вылазки в библиотеку становились гораздо проще.

Академия, вообще, прекрасное место. Гораздо прекраснее особняка Присли, и в разы информативнее. Жаль только, что самое полезное из библиотечного перенесено в закрытую преподавательскую секцию. Было жаль – первые полгода учёбы, пока я не наловчилась обходить проректорские охранки.

Кстати, о нём...

– Шаргх!

Шагни я сейчас чуть-чуть, буквально на палец левее и всё,

завыла бы такая сирена, что поднялась половина академии. Фух. Нет, правда, наш проректор – редкий перестраховщик. Ладно, голубые, к несложным и знакомым линиям охранных заклинаний я давно привыкла, но атакующие-то здесь откуда? Или теперь нарушителей не ловят, а сразу прикапывают на ближайшем кладбище?

Поминая недобрым словом проректора Оелуона, беззвучно ругаясь, я обошла, не задвинутые безалаберными студентами, стулья. И едва не шаркнулась спиной об охранки, уже представляя с каким удовольствием проректор влепит мне третий, и последний, выговор. Перед тем, как подготовить приказ на отчисление.

А всё это ради чего? Ради сомнительной репутации?

Именно. Потому что только она у меня и осталась, ведь даже именем с аристократическим «берг» или «бург» мне не похвастаться. И терять, заработанную за пять лет, славу нет никакого желания. Особенно, терять, попавшись на выполнении идиотского проигранного кона.

Чтобы я ещё хоть раз согласилась на уговоры поиграть в карты?! Да ни за что! Не играла раньше, так и начинать не стоило. Не на выпускном курсе и не на двадцать третьем году жизни уж точно.

И теперь вместо того, чтобы спать в собственной постели, я возвращала чужой «Справочник заклинаний соблазна» в мою любимую, преподавательскую секцию библиотеки. Обычные проигрыши ограничивались пробежкой голы-

шом по этажам женского общежития, покупкой сладостей или чем-то другим, щадящим и безобидным, но не в этот раз и не со мной.

И не тогда, когда завтра – ежеквартальная кураторская проверка.

Заветная секция приближалась, но не так быстро, как хотелось бы. Неудивительно, учитывая, что я перестраховывалась на каждом шагу, ведь идти пришлось сразу после игры и в форме академической, вместо формы привычной и условно-запрещённой. Которую, в отличие от «Справочника заклинаний соблазна» иметь разрешалось. Носить, правда, только боевикам, но... в любом случае Корсе просто безумно повезло. Потому что, если бы не я, грозил бы ей второй выговор, и снова из-за запрещённой литературы.

А нашему куратору хоть в ногах катайся, хоть тони в слезах – всё безразлично, кроме обожаемой теории магических вероятностей.

Выдохнув, уже представляя как буду возвращаться, я собиралась сделать последний шаг на пути к победе и здоровому сну, но, замеченное краем глаза, движение заставило замереть, не дыша.

Потому что там кто-то стоял.

Потому что круглосуточный доступ в библиотеку имел лишь преподавательский состав.

Потому что встреча с любым из них грозила мне отчислением!

Руки мелко затряслись, сильнее вцепляясь в толстый справочник.

Шаргховы девчачьи игры! Беспольные, глупые, не стоящие третьего, и последнего моего выговора за полгода до диплома! Не стоящие отчисления и... Беззвучный судорожный вздох, и шаг назад, чтобы почти полностью скрыться в тени стеллажа.

Очень вовремя, потому что над дальним от меня столом резко вспыхнул голубым магический светильник, вот только внезапный посетитель оказался гораздо ближе. И если меня с преподавательской секцией разделял широкий проход со столами, то меня и преподавателя – какие-то несколько шагов. И от этого кружилась голова, подташнивало и в целом хотелось оказаться подальше.

Повернуть назад? Хорошо бы, вот только любому из них – от молодых и тощих до высушенных и старых, хватит три секунды, чтобы поймать одну наглую, но почти без магическую студентку. А ещё... ещё Аурелия Стефания Грасс – не просто имя. В этой академии нет, ведь мне пришлось потратить слишком много времени и сил, чтобы доказать самоуверенным и вконец обнаглевшим бурго-бергам, что и им можно дать сдачи.

И одно невыполненное желание это не уничтожит!

И, уж тем более, не доведёт до отчисления, что в моём случае приравнивалось к медленной и очень мучительной смерти.

Сердце всё ещё колотилось, грозя выломать рёбра, и, задержав дыхание, я бросила взгляд на собственные руки. Рукав форменной белой блузки, манжета, напряжённо-сжатые костяшки – не следа проклятого огня, который любит вылезать в самый неподходящий момент. Нервный и беспокойный момент, прямо как сейчас, так что сегодня мне повезло хотя бы с этим. Осталось дожидаться, пока кому-то надоест просвещаться, и я смогу, наконец, вернуть справочник.

Хорошо хоть завтра выходной, и можно будет пожертвовать завтраком в пользу отсыпания.

Беззвучно и очень тяжело вздохнув, я устало прикрыла глаза. Тяжёлый день. Даже без этого всего, с одним только шарговым магическим правом, которое я стабильно сдавала со второго, а то и третьего раза. Собственно, очередную передачу профессор Поберг обещал мне уже сейчас, а его опыту можно верить. В этом вопросе точно.

А спина, тем временем, продолжила складывать на освещённом столе тома. Внушительные такие, частью из общего зала, частью из преподавательской секции. Хорошая спина, с широкими плечами под чёрной преподавательской мантией. Да весь, сплошь женский, факультет госмагии мне сейчас обзавидовался бы, потому что нас такими спинами не радовали. Мы всё больше по дряхлым старичкам, бледным новичкам и старым девам, в то время как такие спины – достояние исключительно боевого факультета.

И тем страннее, потому что те, в отличие от наших, биб-

лиотекой интересуются никогда.

А ещё волновал вопрос, получится ли незаметно вернуться к себе, чтобы наведаться в библиотеку ближе к утру? Не проведёт же спина здесь всю ночь... Хотя, сброшенная на стул рядом, мантия прямо говорила об обратном. И о том, что да, преподаватель кто-то из боевиков – без форменной мантии спина стала ещё более впечатляющей, но, в отличие от других студенток госмагии, на их полигоны я не ходила, на полуобнажённых парней не любовалась и сейчас не могла определить кто это по одному только силуэту.

И, пожалуй, с удовольствием оставалась бы в неведении всю оставшуюся ночь, но увы, спина повернулась, обводя мрачным взглядом проходы стеллажей, в одном из которых стояла я. Я, разом забывшая как дышать, с подгибающимися ногами и чистым, незамутнённым ужасом в душе.

Этому хватило бы не трёх, одной секунды. Если бы он стоял при этом с закрытыми глазами и связанными руками, потому что должность ректора Академии контролируемой магии звучала гордо. Особенно, если этот ректор – Ориан Оллэйстар, прославленный боевой маг и друг императора.

И это шаргхов конец! Естественно, мой.

Проклиная себя, Корсу и все азартные игры разом, я опустилась на пол, по-прежнему прижимая к себе книгу. У меня не оставалось выбора, придётся сидеть, ждать, и молиться, чтобы он побыстрее ушёл. Ах, да, и придумывать чем Корса извинится за мою самоубийственную выходку.

Вот только уже моя спина очень быстро устала сидеть в неестественной и неудобной позе. И не знаю, в какой момент я уснула, но глаза открыла резко. Чтобы похолодеть и лишиться всех чувств разом.

Я убью Корсу! Я убью себя! Меня выгонят из академии!

– Добрый вечер, ректор Оллэйстар.

И всякое случалось в моей студенческой, и не только, жизни, но вряд ли это могло закалить меня до такой степени, чтобы голос не дрожал. Больше того, создавалось впечатление, что я не в шаге от отчисления, а вполне себе в своём праве. Праве спать ночью в двух шагах от библиотечной преподавательской секции.

– Скорее доброе утро, лиерра Грасс. – Когда напротив тебя на корточках сидит и сверлит взглядом тот, кто одним роцчерком может загубить твою судьбу это, мягко говоря, нервирует. – Мне стоит знать, что вы делаете в библиотеке в пять часов утра?

– Думаю, нет, ректор Оллэйстар.

Вряд ли то, как судорожно я подтянула к себе ноги и заставила встать затекшее тело, выглядело хоть сколько-нибудь прилично, но и продолжать сидеть перед ректором с вытянутыми в проход ногами, демонстрируя шерстяные чулки, совсем за гранью разумного.

– Возможно, вы хотели вернуть книгу на место?

Вспомнив о легко узнаваемом ярко-алом корешке справочника, я мгновенно сравнялась с ним по цвету – не объяс-

нять же ректору, что эту пошлость я даже не открывала.

– Вам показалось. – С радостью бы вернула, но оказаться пойманной в библиотеке в это время уже повод для выговора. Не говоря о возвращении книги, которая, помимо откровенно вульгарной теории, состояла из любовных заклинаний и зелий на любой вкус. – Я лучше пойду. Всего доброго, ректор Оллэйстар.

– Лиерра Грасс, – он даже не пытался скрыть насмешку в голосе, – куратор Гронберг очень добросовестно относится к своим обязанностям, а я слишком устал сегодня, чтобы следить за тем, что происходит в дальнем проходе преподавательской секции.

Что?

Мне не послышалось? Он действительно позволит мне вернуть этот дурацкий справочник? Будь на месте ректора любой другой маг, я заподозрила бы желание поймать меня на месте преступления, но это же Оллэйстар! Герой войны! Честный и благородный боевик, что, кстати, редкость. Строгий, но справедливый ректор, что, на секунду, ещё большая редкость. И подозревать его в обмане мне не удавалось даже мысленно, но...

Не сказав больше ни слова, игнорируя моё присутствие, ректор вернулся за стол и погрузился в свои записи. Не оторвавшись от них ни через пять, ни через пятнадцать минут. И я решила. Тихо вышла из прохода с дальней от ректора стороны, чтобы обойти его по широкой дуге, и, следуя

по неактивным линиям охренок словно по указателям, нашла нужный стеллаж. Ладони подрагивали, когда справочник втискивался на полку, в компанию к таким же, всех оттенков красного, книг одной и той же любовной направленности.

Двигаться совсем бесшумно я не умела, но очень старалась, чтобы в тишине, нарушаемой лишь редким шорохом перелистываемых страниц, мои шаги оставались неслышными. Отсутствие охранных заклинаний на стеллажах этому только способствовало – у меня получилось покинуть библиотеку как никогда быстро.

И, уже проваливаясь в темноту сновидений, успеть пообещать самой себе никогда в жизни больше не играть в карты.

Глава 2

Утро началось со стука в дверь. Хотя как стука... вряд ли можно так назвать истеричные удары по хлипкой деревянной перегородке между коридором и моей комнатой.

– Аурелия! Аурелия! – Удивительно, как в тщедушном теле Корсы помещается столько силы – от грохота начинала болеть голова. – Аурелия, я знаю, что ты там!

Неудивительно, после такой-то ночи. Мимолётный взгляд, брошенный в окно и на часы, и вот я стою у двери, удерживая в руках сплетённое заклинание недельных прыщей. Пока удерживая, но любимое, уникальное и не снимаемое так и рвётся приложиться о физиономию графской дочки. Самое то будет для соблазнения боевиков, у которых вечером тренировка.

И нет, идти туда я не планировала, просто на доске объявлений женского общежития, замаскированное под курсы шитья, висело их еженедельно обновляемое расписание.

– Какого шаргха?! – Резко распахнув дверь, которая едва-едва разминулась с носом Корсы.

Чтобы стать хотя бы просто терпеливой к окружающим, мне нужно выспаться, но как это сделать, если кому-то что-то от меня всё время надо?

– Ты не прислала вчера вестника, я волновалась, – зако-

нючила Корса, увеличивая свои шансы сделать кассу Арисе. Та как раз жаловалась, что эта зима оказалась мёртвым сезоном – простуд нет, прыщей нет, и спроса на самодельные зелья тоже нет. Сплошное разочарование. – Всю ночь не спала!

– Зато я сплю! – За руку втащив её в комнату, я с силой захлопнула дверь. – По твоей милости я вернулась только три часа назад!

– Я не заставляла тебя садиться с нами играть. – Корса лихо примерила на себя роль несправедливо обиженного карапуза, подзабыв, что ей слегка за двадцать. – И ограниченный по желаниям мы не ставили.

– Не ставили. – Вспомнив ночной промах, я завелась с пол-оборота. – Но нормальные люди не загадывают вылазку в закрытую секцию библиотеки только для того, чтобы вернуть идиотский справочник соблазнов! Который ты просто забыла вовремя поставить на место!

– Аурелия, не обижайся... – Может на кого её пантомима и действовала, но я в число этих несчастных не входила. – Ну, хочешь, я тебе в следующий выходной конфет из города принесу? Или заколку там какую-нибудь... – к концу фразы Корса сдулась, обводя взглядом мой стол, на котором из украшений – одна-единственная чёрнённая резная рамка. – Ну, или книжку тебе куплю? В знак нашей дружбы!

Это насколько надо быть общительной, чтобы пятеро из пятнадцати однокурсниц всерьёз считали себя моими подругами?

– Ловлю на слове, – недовольно согласилась я, мысленно прикидывая, что бы такого полезного потребовать. И затратного, ведь, в отличие от меня, она не перебивалась с одной опекунской подачи до другой.

– Да ладно тебе, Аурелия, – беспечно отмахнулась Корса, но движение оказалось слишком нервным, чтобы я могла это пропустить, – разве я тебя когда-нибудь обманывала?

– Нет, – скрестив руки на груди, – но недоговариваешь ты мастерски.

– В этот раз я рассказала всё как есть, – выпятив губу, призналась она. – И желание использовала от безысходности! Весь факультет знает, что ты с первого курса таскаешься по ночам в библиотеку и ни разу не попалась.

– Лесть не поможет, я всё равно стрясу с тебя книгу.

– За то, что ты избавила меня от второго выговора, я тебе ещё и не одну принесу! – в горячке выпалила Корса, но, увидев мой взгляд, быстро исправилась: – Книгу и пирожные!

– Идёт!

Несмотря на трёхчасовой сон, это утро определённо становилось всё приятнее. Я-то думала, что придётся доводить Корсу уговорами и угрозами, но всё оказалось гораздо проще. И пусть с опозданием, но она тоже поняла, что переборщила. В конце концов, играть меня и правда не заставляли, а уплата долга в студенческих кругах поважнее несданных экзаменов будет, однако...

– Чтоб тебя шаргхи сожрали! – Корса едва не топнула раз-

дражённо ногой, но поймала мой довольный взгляд.

Из десяти обещаний магия скрепляет едва ли половину, но мне повезло – наш случай оказался удачным – вспыхнувшая на мгновение вязь обязала её выполнить слово. Так что, расшатанные встречей с ректором, нервы вполне окупились глупостью Корсы – взвинченной, как и все, перед проверкой куратора.

– Пойду я, – потеряв запястье, скривилась она и выскочила за дверь, заставив меня тяжело вздохнуть.

И что делать? Попробовать снова уснуть? Или идти в столовую, надеясь, что голодные студенты ещё не смели всё с подносов? Пара минут серьёзных раздумий закончились громогласным урчанием в животе, и с протяжным стоном я поплелась в ванную.

В столовой наблюдалась приятная тишина, и стало вдвойне приятней, когда я увидела почти целое блюдо пирожков. Свежих, не уступающих столичным, пирожков, и ноги сами направились в ту сторону, правда, затормозили за два шага до подноса – остались только сладкие. Мои любимые мясные разобрали, причём гарантированно боевики, но жалобно заурчавший живот заставил набрать полную тарелку этой гадости.

Видимо, в качестве компенсации за неудачный завтрак, получилось занять стол, стоящий вплотную к окнам. Их запредельная высота открывала невероятный вид на глав-

ную аллею академии, которую с каждой минутой всё больше укрывало снегом – большие пушистые хлопья летели седьмые сутки без перерыва. Сугробы уже побили все рекорды, но это и неплохо – Зимний бал в этот раз выйдет по-настоящему зимним.

Собственно, из-за него мне и досталась целая гора ягодных пирожков – женская половина академии дружно села на диету. Капустная, яблочная, цветочная – чем только они себя не травили последние пару недель, только чтобы лучше смотреться в сверкающем бальном наряде. Самые инициативные и вовсе сидели на одной только воде, через неделю добиваясь потрясающих результатов.

Серьёзно, взять и свалиться на простейшем заклинании проверки писем это потрясающий идиотизм.

И пусть факультет госмагии считался самым бесполезным из всех, но колдовать от этого мы не разучились, а магия требовала не только умения, но и приличной энергетической подпитки.

– Аурелия! – Обернувшись и приветливо махнув знакомым бытовикам, я запила начинку из пары ягод и полстакана сиропа крепким травяным отваром. Зубы жалобно заныли в ответ на издевательство.

– Голодаешь? – На второй стул нагло уселся боевик с последнего курса.

Хотя, как последнего... у шестикурсников-боевиков академией дело не заканчивалось. В перспективе их ждали ещё

пара лет практики после и столько же службы под надзором, и только после этого диплом. После которого ещё два года боевики должны отработать там, куда их пошлёт тот самый надзорный куратор.

– Кто такой редкий сдох, что главная архивная язва сидит и давится сладким?

– Не нарывайся, Рик, – огрызнулась я, тяжело проглотив первый и с усилием откусывая от второго пирожка. – Я спала четыре часа, а это, – ткнув пальцем в тарелку, – далеко не предел моих мечтаний. Соответственно, настроение у меня паршивое, и нет никакого желания все следующие выходные отмывать лаборатории только потому, что я не сдержалась и прокляла тебя чем-нибудь позабористей.

– Я к тебе со всей душой, – хмыкнул он и подложил в мою тарелку пирожок, который одуряюще пах мясом, – а ты...

– В чём подвох? – Скрестив руки на груди, я откинулась на спинку стула, чтобы оказаться подальше от еды, и с подозрением уставилась на боевика.

– Знал, что ты не ешь эту гадость, решил порадовать, – обаятельно улыбнулся тот, не произведя на меня никакого впечатления.

– В прошлый раз, когда ты решил порадовать меня яблоком, в нём оказался полный справочник по зельям, от приворотного до слабительного.

– Да брось, Аурелия, я же извинился!

– Ты серьёзно считаешь фразу: «Жаль, что не сработало!»,

извинением?!

– Давай не будем, – скривился Рик, – ты мне за это ещё тогда отомстила, так зачем трогать прошлое?

Не поспоришь – действительно отомстила. Наградила одного из лучших, если не самого-самого студента боевого факультета розовой шевелюрой и длинным пушистым хвостом. На неделю. Правда, за это извиняться пришлось уже мне, причём в присутствии деканов факультета боевой магии и нашего, что не добавило мне тёплых чувств к Рику.

– Мне лень ходить кругами, – хмыкнула я, с ненавистью смотря на обожаемый пирожок, – говори, что тебе нужно и проваливай!

– Пойдёшь со мной на Зимний бал?

Что-что?..

Но нет, подвоха не предвиделось – Рик смотрел голубыми, наглыми, но абсолютно честными глазами. Хуже того, весь он вдруг стал как-то на пару лет старше и настолько же серьёзнее. Ему бы ещё цветы и встать на одно колено – ни одна студентка курса так до четвёртого не устояла бы.

Потому что те, кто постарше уже знают, на что способен этот красавчик. И тем обиднее, что мои умственные способности занизили на два курса.

– Будем считать, что я посмеялась, так что не задерживаю. – Не оборачиваясь, я ткнула пальцем вбок, туда, где за шумным столом сидел весь его курс.

– Аурелия Стефания Грасс, – Рик повысил голос, и на нас

стали оглядываться, – я прошу тебя встретиться со мной начало нового года и стать моей белой розой на Зимнем балу.

Придурок! Идиот! Вот всегда сомневалась в наличие хоть капли ума у боевиков, все мозги им на полигонах ещё в первые полгода отбивали. И вот вам, пожалуйста, доказательство на лицо.

Магия сработала, отзываясь на ритуальные слова, и на его руке появился серебристый замысловатый узор.

Шалинберг что, выпендриться захотел под выпуск? Так у него получилось, ближайшие столы смотрели на него кто шокировано, кто восхищённо, но умным не считал уже никто. Потому что только что герцогский сынок, красавец, магически одарённый боевик и вообще самый-самый шестикурсник оставил себя без пары, а особо желающих без шанса.

И побить бы его головой об стол, но... причём тут, собственно, я, если сложности из ничего Рик создал себе сам?

К этому времени студентов в столовой значительно прибавилось и все они, затаив дыхание, ждали моего ответа. В абсолютной уверенности, что я не смогу отказать боевику, несмотря на четыре года войны.

– Рикард Уворм Шалинберг, – говорить торжественно, так, чтобы слышали во всех уголках зала, меня тоже когда-то учили, – быть твоей белой розой на Зимнем балу... – Долгая пауза и злорадный взгляд, который Рик, в отличие от остальных студентов, видел отчётливо. – Не мой путь.

Так тебя! Не то, чтобы я планировала победить в нашем

занимательном противостоянии, но такой финал меня более чем устраивал. Ведь это каким надо было быть идиотом, чтобы додуматься пригласить меня на бал? Или Рик думал, что я обклеила всю комнату его портретами и втайне их нацеловываю?

– Что?! – усиленное эхом и десятками голосов.

Ах, да, мы здесь не одни.

И всё бы ничего, но моё чистое и неприкрытое удовлетворение знатно подпортилось его взглядом. Вполне себе победным. И вот вопрос, чего я не знаю? Того, что Рик не совсем дурак и предполагал отказ? Тогда за каким шаргхом ему понадобилось это представление?.. Хотя какая мне разница!

Под ошарашенными взглядами студентов я вышла из столовой, оставив боевика за спиной.

Глупость? Ну, не знаю... Чтобы я согласилась с ним пойти, на землю снова должны были спуститься рианы, не меньше. Но боги, создавшие наш мир не являлись, а, значит, скушать Шалинбергру без спутницы на Зимнем балу. Ничего, ему полезно. Возможно, какой-нибудь наивной третьекурснице я даже сделала одолжение, оставляя её без внимания обнаглевшего боевика.

– Лиерра Грасс!..

Поздно. Увлечшись мстью, я не смотрела вперёд, очнувшись в момент удара, от которого из глаз брызнули слёзы. Неудивительно вообще-то, если со всей дури влететь в основу металлической стремянки, поставленной прямо в центре

зала. Хорошего такого, большого, с широкой двойной лестницей, гранитным полом и гранитными стенами. Прекрасного зала, но никак не предназначенного для бесхозных стрелянок!

Схватившись за лоб, я отшатнулась в бок, но нога запнулась за ногу.

Это такая месть за отказ Рику?

Понимая, что о каменный пол отобью себе не только лоб, а всю бедовую голову, я выставила руки, готовясь тормозить, но не пригодилось. Чужая рука перехватила на половине полёта к полу, сохранив мне нос, ладони и пошатнувшуюся было самоуверенность – из столовой начали выходить студенты, обсуждая выходку Рика.

– Спасибо! – Чтобы рассмотреть спасителя, необходимо хотя бы сморгнуть мешающие слёзы, удар получился ощутимым.

– Пожалуйста, – ответил незнакомый голос, продолжая поддерживать за локоть.

– Лиерра Грасс. – А вот и мой ночной кошмар. – Вы уверены, что твёрдо стоите на ногах?

– Уверена, ректор Оллэйстар. – Я, наконец, вернула чёткость окружающему миру и перевела взгляд на спасителя, стоящего рядом с ректором. – Спасибо... большое.

Просто огромное, судя по золотой вышивке на рукавах и лацканах бордового сюртука, и золотой цепи с, раскрывшим крылья, грифоном. Императорская семья?

Аккуратно высвободив локоть, я шагнула назад, увеличивая расстояние и низко присела.

– Простите мою невнимательность.

– Ориан, это кто у тебя тут такой вежливый? – усмехнулся высокий темноволосый мужчина и жесткость, и властность которого я заметила ещё до того, как опустила глаза.

– Лиерра Грасс, – слышится ровный голос ректора, – госмагия, шестой курс.

– Выпускной? – Внезапный интерес в голосе титулованного незнакомца. – Лиерра, не думали о карьере в канцелярии императора?

– Это была бы великая честь для меня. – Я выпрямилась, глядя исключительно на лацкан распахнутого сюртука с узнаваемой золотой брошью в виде перекрещенных пера и меча.

Советник императора?!

Глава 3

– Что скажешь, Ориан?

– Лиерра отличается усердием и получит отличный диплом, если продолжит вести себя в рамках школьного устава.

Более чем тонкий намёк. Хорошо, я больше не попадусь.

– А резерв? – продолжил допрос неизвестный спаситель, оборвав мне всё и разом.

Потому что место в канцелярии императора – спасение от планов Присли на моё наследство и на меня всю. Вот только магического резерва у меня чуть, едва набралось для поступления на самую непривлекательную специальность. А про остальные таланты лучше вообще не вспоминать.

– Достаточный.

Достаточный? Он серьёзно?

Приоткрыв рот, я смотрела на ректора, который вовсе не обращал на меня внимания. Достаточный резерв? Да я с ног до головы обвешалась накопителями ещё в конце первого курса, с первого своего заработка, лишь бы без страха возвращаться в поместье опекуна. И чтобы иметь возможность ответить зарвавшимся дочкам разномастных аристократов.

Ещё бы, куда им до бедной сиротки без имени и титула!

Закрыв рот, я опустила глаза. БОльшей благодарности Ол-лэйстар от меня не дождался бы даже вчера, но он всё так же

обращал внимание только на высокопоставленного гостя.

– Такая характеристика от вашего ректора редкость, лиерра, можете собой гордиться, – перевёл на меня взгляд советник императора. Интересно, который из трёх? В лицо я их не знала, не интересовалась газетными портретами, только по именам. – Получите диплом – подавайте прошение в канцелярию, я прикажу, чтобы вас отследили среди всей бумажной волокиты.

– Я... – Не веря в собственное везение, я присела в низком благодарном поклоне. – Благодарю вас... – Заминка и просящий, из-под ресниц взгляд на ректора.

– Великий князь Джакоб Эвилонберг, – снова помог мне ректор. – Советник императора и глава канцелярии.

– Благодарю вас, великий князь! – Правда, склоняться ниже уже некуда, и я ограничилась тоном, полным благодарности.

Подумать только! Неужели вот так просто меня возьмут и примут в императорскую канцелярию?!

– Нам всегда не хватает образованных магов, – скучающе отозвался советник и, по совместительству, дядя императора. – Учитесь, лиерра, и сможете пополнить наши ряды.

– Идите, лиерра Грасс, – добавил ректор, заканчивая разговор. – И в следующий раз смотрите под ноги.

Коротко кивнув, я попятилась и, развернувшись, в два удара сердца оказалась на середине лестницы. Чтобы успеть ещё раз бросить взгляд на удаляющихся ректора и Эвилон-

берга, милостью рианов посланного мне во спасение. Но вот обе высокопоставленные спины скрылись за углом, и мне оставалось одно – бежать.

– Аурелия Грасс. – Куратор заметила меня из другого конца коридора, стоило только подняться на свой этаж. – Надеюсь, никто не забыл про проверку?

Её громовой голос разнёсся, казалось, на всё общежитие и половина моих соседок вжали головы в плечи. Фух, успела! Какое счастье, что все корпуса академии соединялись переходами, позволяющими месяцами не бывать на улице. Зима в Унаше, столице Оришана, случалась очень суровой.

– Конечно, куратор Гронберг! – Отдышавшись за несколько спокойных шагов, я приблизилась к ней. – Я как раз спешу к себе, чтобы вас не задерживать.

Спина сразу зачесалась от неприязненных взглядов соседок. Подумали, что выслуживаюсь? Да и ладно. Будет гораздо хуже, когда они узнают, что именно произошло в столовой с их любимым Рикардом. Потому что высокий, темно-волосый, голубоглазый и слишком хорошо сложенный боевик хоть и предостерегал одним своим видом, но мечтать не запрещал. Чем эти дурёхи и занимались, грезя то о нём, то об опальных близнецах Делабергах, которые, на секундочку, вовсе племянники императора.

– Договорись ты когда-нибудь, Грасс, – прищурилась куратор, в отличие от остальных прекрасно определяя сте-

пень моего ехидства.

Курса так с третьего наше негласное противостояние «Я тебя поймаю! – Попробуйте докажите!» перешло на гораздо более качественный уровень

Очаровательной улыбке она тоже не поверила, но я уже скрылась за собственной дверью, примерно рассчитав, что ближайший час ей будет не до меня. Как раз хватит времени, чтобы доделать магическое право – жутко нудный предмет, который я стараюсь учить в первую очередь. Жаль, что не всегда получается.

Тяжёлый вздох, открытая тетрадь и обречённая тоска. Но собственные страдания сдать предмет всё равно не помогут, поэтому я взяла в руки карандаш, заставляя себя окунуться в чистой воды бумагомарательство.

По ощущениям прошло гораздо больше часа, когда я с облегчённым вздохом вытянулась на стуле. Специальность «Документоведение» никогда не являлась пределом моих мечтаний, но смерть родителей не оставила и шанса на то, чтобы выбрать что-то по душе. Хотя всегда оставался вариант выйти замуж.

Оставался бы, если бы не представлялся мне ещё худшим, чем настоящий, когда я целиком и полностью находилась во власти опекуна. И не только я. Поместье, где мы жили с родителями. Доступ ко всем родительским сбережениям. И ценнейшая библиотека, за каждой книгой из которой мои ро-

дители гонялись с упорством боевиков, преследующих стихийников.

Наверное, гонялись.

Потому что всё, что мне известно о Стефании и Нерии Грасс, помещалось в паре, брошенных Присли, презрительных фраз, единственном портрете и в мамином кулоне.

Поэтому мой вариант мне нравился больше. Воспользовавшись безразличием Присли, я сама выбрала и Академию контролируемой магии, и самую скучную специальность в ней. А потом с тщательно скрытым наслаждением наблюдала, как перекосило опекуна, когда он осознал размер подстроенной пакости. Спасибо императору за особые привилегии! Потому что не знаю, зачем в канцелярию шли остальные, но лично я душу бы продала за одно только право распоряжаться своим наследством, невзирая на опекунство и несовершеннолетний возраст.

Несовершеннолетний! Боги, ну кто решил, что до двадцати пяти у магов нет ни ума, ни способности им распоряжаться?

И, может, оставшиеся мне два года так бы не пугали, если бы не уверенность, что за это время Присли не только найдёт мне мужа, под стать своей продажной натуре, но и высосет всё моё наследство. Высосал бы, но теперь у меня есть слово князя Эвилонберга и гарантированная возможность получить место при императорском дворе.

А это значит столько, что страшно даже представить.

– Вот я и до тебя добралась, Грасс. – Куратор никогда не стучалась. – Признаемся сразу или по старинке?

– Куратор Гронберг, – с улыбкой встав, я привычно зашла ей за спину, – вы же знаете, я таким не балуюсь хранением.

– Значит, по старинке, – заключила она с наигранным вздохом и активировала один из накопителей.

Мгновенно создав заклинание, схему которого я видела словно вживую, куратор сбросила его с пальцев в центр комнаты и стала ждать. Не успокоится она, пока не исследует каждый миллиметр моего жилья!

Всё ещё верит, что у меня под кроватью целый склад заперщёнки? Между прочим, те два выговора, которые подпортили моё дело, я получила исключительно из-за длинного языка. И кому как не ей об этом знать, учитывая, что оба раза я сцепилась именно с куратором Гронберг!

А заклинание тем временем продолжало разворачиваться, покрывая стену, пол и каждый предмет мебели искрящимся золотым узором. Красиво. И опасно, для меня так точно, ведь об уникальности этой своей способности я узнала ещё до академии. Тогда, когда смогла вскрыть кабинет Присли, просто потянув за разноцветную ниточку в, оплетающем двери его кабинета, узоре.

Не став мешать, я вышла в коридор и забралась на подоконник, легкомысленно болтая ногами.

Подумать только, взять и встретить вот так, между делом, самого советника императора и, к тому же, его дядю это про-

сто... невероятно это до такой степени, что мозг всё ещё не верит. И сдержаться бы, но как, если впервые за много лет внутри фейерверк, который то и дело пытается вырваться наружу?

Вот только...

Краем глаза заметив движение, я резко перевела взгляд на собственную руку. Радость погасла, словно её и не было, а глаза до рези всматривались в тонкую кожу на запястье. Мгновение, другое – ничего. Казалось, что ничего, потому что в тот самый момент, когда привычные уже ледяные когти страха стали отпускать, по коже проскочила искра.

Огненная.

Тёмная.

Убийственная.

Сцепив зубы, я без резких движений накрыла запястье другой рукой. И прикрыла глаза, выдохнув и начав дышать по счёту.

Всё хорошо, никто ничего не заметил. Всё прекрасно, меня не упекут ни в Гвинбор, ни в Академию неконтролируемой магии. Всё в порядке, меня не отчислят и не отдадут императорским Ищейкам.

Открывала глаза с обречённостью, но нет, в очередной раз помогло. Моя, в перспективе, казнь снова отсрочилась на неопределённый срок. И, пожалуй, это самое большое моё везение – непонятно откуда взявшийся во мне стихийный огонь пока слушался, поддаваясь на уговоры, но...

Но все двенадцать лет, которые прошли с последней нашей войны с плотоядными горными тварями, боевые маги занимались только одним – они уничтожали слетевших с катушек стихийных магов. Тех, которые не справлялись с собственной бесконтрольной силой. Тех, которые истребляли вокруг себя всё живое. Тех, из-за кого не перекрывался вечный недобор в рядах императорских боевиков.

Тех, одной из которых скоро могу стать я.

Почувствовав чей-то настойчивый взгляд, я повернула голову – две третьекурсницы, встретившись со мной глазами, демонстративно задрали носы и скрылись в комнате. Надо впечатлиться? Если они узнали про столовую и так выражают своё недовольство вместо любимого Шалинбер, то шаргха им в...

– Грасс. – Перебила мысль куратор, как всегда в отношении меня обойдясь без вежливого «лиерра». – Вот что тебе стоило меня порадовать?

Она вышла из дверей комнаты, одним выражением лица показывая насколько разочарована.

– Третьим выговором? – Я легко спрыгнула с подоконника. – При всём уважении, куратор Гронберг, но ни одна вещь из списка запрещённых меня не интересует.

А если бы интересовала, она бы в жизни её не нашла.

– И справочник приворотных не нужен? – подозрительно прищурилась куратор.

– Только если некоторым он привернёт ума побольше. – Я бы такой подарила как минимум двоим особо одарённым.

Хмыкнув, я скрылась у себя, но стоило устроиться за столом, как дверь без стука распахнулась на всю ширину, с силой ударившись ручкой о стену. Это что за самоубийца, решивший покончить с жизнью таким оригинальным способом?

Но нет, лица всё те же, и Корса Вамбург, сделав несколько шагов, обрушилась на край жалобно скрипнувшей кровати, тупо уставившись в стену. И по-честному её спасло только то, что такой наглости мне видеть ещё не приходилось. Соседки по общежитию и однокурсницы стучали, преподаватели отправляли вестников, а клиенты ловили меня в перерывах. Но это...

– Я пропала! – И я бы спросила, почему именно в моей комнате, но Корса выглядела абсолютно раздавленной. Настолько, что её несчастный взгляд вдруг пробудил во мне что-то, сильно смахивающее на сочувствие. – Гронберг сделала мне второй выговор.

Да она издевается! Какого шаргха я тогда так подставилась ночью?!

– Я же вернула твой справочник!

Раздражение потонуло в жалком виде сокурсницы, и, не выдержав, я присела рядом с ней, хотя утешать не умела никогда. Может, как раз потому, что меня никогда не утешали, и сейчас я с трудом представляла, что именно надо делать.

– Я забывчивая идиотка! – неожиданно зло воскликнула Корса, грохнув кулаком по постели.

– Да брось, не всё так плохо...

– Всё хуже. – Корса перевела на меня воспалённый взгляд. – Давным-давно у одной из девчонок я купила зелье, «Глаза с поволокой».

М-м, я даже знаю у кого...

Ариса с первого курса отличалась безграничной фантазией, периодически декламируя стихи собственного сочинения прилюдно, даром, что училась на лекаря, но потом её увлекли зелья. Настолько, что всё воображение она тратила на говорящие названия, вот только не всегда они соответствовали смыслу.

Конкретно «Глаза с поволокой» я знала – официально оно проходило бы как условно-запрещённое, если бы речь вообще шла об официальности. Потому что три капли этого зелья в питьё себе и партнёру заставляли обоих везде искать любимый взгляд. Правда, если переборщить, любой взгляд для них становился любимым, но, к счастью, Арисины зелья носили кратковременный эффект.

Правда, законнее от этого они не становились, но кто бы говорил...

– Я хотела подлить его одному парню, ещё курсе на третьем. – Корса скосила на меня глаза. – Но передумала и совсем забыла про зелье, а куратор Гронберг нашла-а-а!

Конец фразы смазался протяжным всхлипом и, тяжело

вздыхнув, я подала ей платок. Так и думала, что этим всё закончится.

– Перестань, – скривилась, – второй выговор у меня появился ещё на четвёртом курсе, но это никак не помешало доучиться и, в перспективе, получить диплом.

– Это ты-ы-ы, – всхлипы перемежались протяжными стонами, – а мне отец сказал, что лишит насле-е-едства, если я получу ещё хоть оди-ин.

Всегда удивлялась, когда родители оказывались глупее детей.

– И ты в это веришь? – От скепсиса в моём голосе Корса перестала лить слёзы и посмотрела на меня красными глазами.

– Ты не знаешь моих родителей. – И слава рианам. – Если отец сказал, то так и будет. Его брат так лишил наследства своего среднего сына.

Собственно, откуда у дочери быть уму, если им и старшие родственники не особо отличаются... Можно похвалить себя – я с трудом, но удержалась от выводов на тему её семьи, хотя моя официальная тоже далеко не идеал.

– И что думаешь делать?

– Ночью я проберусь в кабинет Гронберг, – тихо, но твёрдо заявила Корса, и этого хватило, чтобы я пожалела о том, что вообще пустила её к себе.

Мало ли что может выкинуть неадекватная магичка! А в её ненормальности сомневаться не приходилось – нормаль-

ной студентке даже в голову не пришло бы залезть в кабинет куратора. Это не библиотека с громкими, но, в целом, безвредными охранками!

– Я найду журнал проверок и подчищу отметку напротив своего имени.

И рассмеяться бы ей в лицо, но в отдалённых уголках моей души обнаружили остатки тактичности. Прикусив губу, во избежание, я пыталась придумать пафосную речь, чтобы отговорить Корсу от этого идиотского поступка, но в голове, как на зло, крутились одни ругательства.

– Поверь, это не самая лучшая идея.

– Для меня это единственный выход, – вновь всхлипнула она, – я не смогу жить как ты – без балов, молодых магов, украшений и ежемесячного посещения ателье! – Ну конечно, куда нам, простым смертным, до средней дочки графа Вамбург! – Не смогу посвятить всё время учёбе и книгам! Поступая сюда, я, вообще, была уверена, что быстренько выйду замуж за родовитого боевика и отчислюсь курсе так на третьем!

Потрясающие планы на жизнь! Хотя, не будь я сиротой, наверняка имела бы совершенно другие приоритеты, чем сейчас.

– Для этого тебе надо было поступать на факультет боевой магии, а не к нам.

Жалость пропала, и я вернулась за стол. Как по мне, для того, чтобы найти жениха, Корсе не требовалось поступать

в академию. Для пропуска в высшей свет Унаша мозги не являлись обязательным критерием – достаточно иметь приличную родословную, а уж это у семейства Вамбург и так в наличие.

– Если бы я могла! – Она с таким отчаянием взмахнула руками, словно поступила в академию вчера, а не шесть лет назад. – Для него мне не хватает резерва! А идти на факультет бытовой магии это фу, – Корса с отвращением скривилась, не услышав как скрипнули сжатые челюсти.

Без бытовиков такие маги как она и недели бы не прожили, а всё туда же, считает их вторым сортом.

– Для госуправления резерв не требуется.

Зато деньги – очень даже, но и с этим у графа вряд ли есть проблемы.

– Родословная не дотягивает, – с заминкой, большим трудом и словно под пытками призналась она.

– Какой кошмар! – прокомментировала саркастически, складывая раскиданные по столу листки в аккуратную стопку. – А тебе не пора...

– Аурелия! – ни её возглас, ни, одухотворённое очередной гениальной идеей, выражение лица мне не понравились. – Помоги мне!

И это понравилось ещё меньше. Плюнув на манеры, такт и сочувствие, к этому моменту серьёзно потрёпанные, я сплела заклинание слабенькой воздушной волны, чтобы выдворить «подругу» из комнаты.

– Укради журнал Гронберг!

Глава 4

Плетение рассыпалось на предпоследнем узле, а руки так и застыли в наилучшем для атаки положении.

– Что... – я недоверчиво тряхнула головой. – Что ты сейчас сказала?

– Ну, Аурелия, ну, миленькая, – сложив руки в молитвенном жесте, зачастила Корса: – Я ведь точно попадусь! И меня исключат! А ты лучше всех на факультете, если не во всей академии, обходишь охранки! Это все знают! И у тебя получится! Я точно знаю. И потом, ты же не бросишь подругу в беде? – И эта вот... подруга уставилась на меня умоляющими голубыми глазами, заставляя потерять дар речи от размаха наглости.

Впервые за все шесть лет учёбы.

И, пока я соотносила степень нашей дружбы и идиотизма её предложения, Корса так и стояла рядом, купая меня в отратно-сладких духах. И ведь не шутила, на полном серьёзе предлагая мне за полгода до диплома таким вот оригинальным способом самоотчислиться. Даже не по собственной, а ради чужой дурости.

Только Корса просчиталась, меня мало волновали чужие проблемы. Поэтому друзья не входили в список моих приоритетов, а, не будь этих шести лет, которые мы провели с ней

в одной аудитории, я выставила бы её гораздо раньше.

– Знаешь что, *подруга*... – Новое заклинание сплелось мгновенно и почти само по себе. День оказался каким-то невыносимо долгим, и душа требовала сделать гадость хоть кому-нибудь. – Иди-ка ты... – выдержав паузу, я демонстративно подняла скрещенные пальцы на уровень груди. – К себе. Вместе со своими фальшивыми слезами, страданиями и истериками.

– Ты не можешь мне отказать! – Из жалкой подавленной девицы Корса очень быстро стала собой – капризным и ноющим ребёнком. – Я заплачу! – вдруг осенило её. – У тебя же проблемы с деньгами! Назови цену!

Последнее волевое усилие жгло руки, сдерживая рвущееся заклинание.

Заплатить. Мне. За воровство.

И пусть я сотни раз нарушала академический устав, пусть зарабатывала заклинаниями, за которые меня могли упечь в Гвинбор, но никогда, ни при каких обстоятельствах я не стала бы воровать! Не тогда, когда меня обокрал и продолжал это делать собственный опекун.

– Пошла вон! – процедила я сквозь зубы, шагнув на неё, и этого оказалось достаточно, чтобы Корса дрогнула, вылетев в коридор и громко хлопнув дверью.

Вот же... графская дочка! Я! Воровать! У Гронберг!

Руки подрагивали, в глазах рябило, грудь тяжело поднималась и опускалась.

Проблемы с деньгами! Может и так, но хотя бы не с головой, как у некоторых! Но, несмотря на уговоры, бешенство не отпускало, и изнутри поднимался не огонь – целое пожарище. Тёмное, запрещённое, уговаривающее разнести не комнату, но всю академию.

Я воровать у Гронберг!

Да, с куратором мы сталкивались регулярно, но обе понимали, что всё это так, игра. Понимали и уважали друг друга уже за честность и откровенность. А эта дрянь...

Ладони пылали и, открыв глаза, я убедилась, что пылали в самом прямом смысле. Чёрное с алыми проблесками пламя послушно лизало руки, предлагая помочь, успокоить, бросить к моим ногам всю столицу, до которой езды-то полчаса, но...

Скрипнув зубами, я сжала ладони в кулаки, приказывая себе смотреть. Смотреть и понимать, что одна уступка, даже самая незначительная, и сила вырвется, погребая под собой мои планы, мою жизнь и меня саму. А то, что сейчас уговаривало ласково и нежно, взовьётся к небу, отказываясь подчиняться.

И в академии станет на одну глупую студентку меньше.

Потому что у ищеек всё отлажено, они на раз вычисляют малейший стихийный выброс, происходящий за пределами академии неконтролируемой магии.

Потому что сотню только наших студентов-боевиков на-таскивают, в том числе, на ловлю стихийников.

Потому что ректор лично уничтожил не меньше десятка спятивших магов.

Потому что Аурелия Грасс – ничтожная магичка, с которой не станут церемониться.

Выдохнув, впившись ногтями в кожу ладоней, я думала только об этой боли. Дышала на счёт, вспоминала портрет родителей и запрещала себе радоваться, когда казалось, что проклятое пламя уменьшается. Шло время, но я вздохнула полной грудью только когда убедилась, что на руках не осталось ни единой искры.

Шаргхова Вамбург!

И приложить бы её тем не снимаемым заклинанием, но за использование магии такого порядка в общежитие мне грозит если не выговор, то лекция от куратора точно. Вдобавок к недельному дежурству в лазарете или уборке за особо вонючими питомцами академического зверинца.

Чувствуя, как кипит, не успокоившаяся до конца, злость, я спиной упала на кровать, раскинув руки и бездумно глядя в потолок.

Не буду об этом думать. Сейчас точно нет, а потом просто забуду, потому что Корса не тянет на роль даже песчинки в моём впечатляющем жизненном плане.

Да даже Присли не тянет, хотя в бОльшей части моих проблем – только его вина. Его – высокого, тощего, с круглым лицом и рыбьими глазами посредственного мага, получившего титул «за заслуги», но не добившегося высокой при-

ставки «берг». Барона, но без власти. Хотя полезных друзей у скользкого и высокомерного Ораса Присли, по шутке рианов ставшего моим опекуном после убийства родителей, хватало с избытком.

И почти двадцать лет назад меня не отправили в приют, хотя лучше бы туда, отдав на воспитание единственному живому родственнику. Дальнему дяде, милому и кроткому барону, по рассказам, пустившему слезу, стоило переступить дом моих, убитых по глупости, родителей.

Мой дом, который Присли не собирается возвращать.

Вымотанная очередным стихийным приступом, я не заметила, как уснула, открыв глаза за четверть часа до ужина.

Надеясь проскочить одной из первых, накинула подбитый мехом плащ – в переходах прилично дуло, и зашагала в сторону столовой. Приятно, когда твои голодные ожидания оправдываются. И ещё приятнее, когда, снова свободный, утренний стол напоминает о громком провале Шалинберга, какие бы планы не бродили у того в голове.

Поставив поднос с рагу и укрепляющим травяным отваром на стол, я скинула плащ на спинку стула и села. Пальцы подрагивали, когда я держала стакан, но это ничего, слабость пройдёт, не в первый раз. Ведь, проявившийся перед поступлением в академию, стихийный дар, который тогда до смерти напугал меня одной-единственной искрой, за пять лет дорос до истинного пламени, охватывающего руки от кончиков

пальцев до плеч.

Заставляя беззвучно кричать и давить в себе любые намёки на сильные эмоции. Пугая до визга. Но вместо того, чтобы лить слёзы, я искала. Выискивала любые сведения о стихийниках, особенно, огненных в библиотеке Присли, в газетах, в нашей академической библиотеке и, конечно, в преподавательской секции. Везде, где могло оказаться хоть слово, которое смогло бы меня спасти.

И не думала о том, что одна слабая сиротка-студентка мало что может.

Столовая быстро наполнялась гомоном голодных студентов и, пропорционально её наполнению, я всё больше чувствовала жжение в области спины. Проклятия они такие – то, что они не срабатывали, а невзрачное, но баснословно дорогое колечко на указательном пальце отвечало именно за это, не значило, что от них не останется и следа. Особенно, когда их насылают в таких количествах!

Смешно, но Рик снова меня переиграл, подставив своей утренней выходкой с балом – теперь его поклонницы будут проклинать меня до выпуска. Не смертельно, учитывая их, общую на всех, глупость, но приятного мало. И ведь думала же, что всё выглядит слишком подозрительно!

В столовую вошла Корса, но, слава рианам, не сумев высмотреть меня в огромном зале, пошла к раздаче.

Засмотревшись на неё, я пропустила момент, когда спину перестало припекать, а рядом с моим подносом возникла

белая роза на длинном стебле.

– Привет. – Шалинберг с самым довольным видом устроился напротив. – Я с миром.

– На аерию денег не хватило? – подняв бровь, я без интереса разглядывала лежащий передо мной цветок.

– Она ядовита, – сверкая улыбкой, поделился он знаниями, – и лучше я получу расцарапанную шипами физиономию, чем пару суток проваляюсь в лазарете.

– Резонно, – хмыкнув, я вернулась к ужину, никак не реагируя на наглого боевика.

– Аурелия, давай мириться? – Промолчала, с наслаждением пережевывая рагу.

– Подумаешь, сглупил по малолетству, с кем не бывает...

Спорить на девушку – ни с кем не бывает. Ни с кем воспитанным и нормальным.

– Я всё это время цеплялся к тебе, потому что ты мне нравишься.

И именно поэтому он – один из первых бабников академии, на раз опередивший двух князей и одного герцога.

– Ну, хочешь, поклянусь родовым артефактом?

Кольцо на его среднем пальце сердито вспыхнуло алым, но Рик не обратил внимания на недовольство артефакта.

Совсем берега потерял?

Это, прямо скажем, не мои надёжные, но всё же простые колечки, которые не давали и десятой доли той защиты, что гарантировал Шалинбергу родовой артефакт. И игнориро-

вать его... С чего Рика, вообще, так разбирает?

В то, что он внезапно вспылал ко мне чувствами, верилось слабо – слишком резким оказался переход от любимого врага к влюблённому идиоту. А может?..

– У тебя много недоброжелателей? – спросила я, задумчиво изучая лицо Шалинберга.

Румянца нет, зрачки вроде на месте, но кто его знает как богатые и именитые реагируют на приворотное. И спровадить бы боевика к лекарю, но его дружки вдруг куда-то делись, а вести самой нет никакого желания.

– Ни одного, – самодовольно улыбнулся Рик.

Совсем идиот? Врагов нет только у них и уродов, а ни к тем, ни другим я его не относила. До сегодняшнего дня.

– Тебе надо к лекарям, – констатировала я со вздохом, поднимаясь.

По всему выходило, что эта тяжёлая доля выпала мне. Жаль только, что лазарет стоит отдельно от остальных зданий. Плащ, конечно, защитит от снега, а вот туфли вместо сапог от холода уберегут вряд ли.

– Из-за того, что у меня нет врагов? – развеселился Шалинберг, но встал и, оказавшись удивительно быстрым, сам набросил плащ мне на плечи.

– Можно и так сказать, – отозвалась мрачно, чувствуя, как нам вслед смотрит вся столовая.

Так и знала, что дурацкое приглашение на бал не закончится ничем хорошим.

Обычно идти до лазарета всего ничего, но не тогда, когда вокруг сугробы по колени, а снег застилает глаза. Хотя Шалинберга я недооценила – стоило выйти на мороз, и боевик накинул согревающее заклинание сначала на меня, а потом на себя, демонстрируя неплохое владение бытовой магией.

Мне высушить, согреть, нагреть, почистить или сделать ещё что-нибудь такое же полезное всё ещё удавалось через раз.

Лазарет встретил нас влажным теплом и улыбкой встречающего лекаря.

– Имя? – вежливо спросила девушка, стоило мне подтолкнуть к ней боевика.

– Рикард Уворм Шалинберг, – оказался необычайно послушным тот.

– Причина обращения? – И, вздёрнув бровь, демонстративно повернулся ко мне.

– Подозрение на отравление приворотным зельем. – Улыбаться лекарь резко перестала, уже гораздо внимательнее изучая Шалинберга.

– Понимаете, – он доверительно понизил голос, наклонившись к ней, – мне нравится эта девушка, а она считает, что мне подлили приворотное.

– Бывает. – И лекарь вроде улыбнулась, но улыбка вышла настолько неживой, что не поверил никто. Неудивительно, в общем-то, за использование приворотных одним выговором не отделаешься. – Пройдите за мной, льер Шалинберг.

Всё, дело по спасению выполнено, а, значит, можно возвращаться к себе.

– Аурелия Грасс?

До комнаты оставалось два поворота, когда мне внезапно преградили путь.

– Допустим.

Каждая из трёх девиц, зло глядящих на меня, была на полголовы выше и в два раза мощнее. И интуиция подсказывала, что вряд ли они учатся на спецартефакторике. И вот вопрос, что за нашествие боевиков на мою бедную голову? Или бедовую?..

– Ты совсем нюх потеряла, крыса канцелярская? – Выступила та, что оказалась повыше и потупее. – Так мы сейчас быстро объясним, где твоё место!

Глава 5

– Девушки, может, уладим всё мирным путём?

Поднятые в примирительном жесте руки и лёгкую улыбку они ожидаемо приняли за слабость и страх, и довольно переглянулись, явно предвкушая веселье. Естественно, веселье для них, обученных и могущественных.

Наивные.

Пользуясь заминкой, я повернула серебряное кольцо на среднем пальце внутрь камнем, активируя накопитель.

– Я не совсем понимаю, какие у вас могут быть ко мне претензии...

Всегда даю возможность одуматься, я же не совсем безжалостная. Вон даже Корсу пожалела... попыталась по крайней мере.

– Из-за тебя, жалкой секретутки, Рик остался без пары на бал! И теперь не может пригласить никого другого! – взвизгнула та, что стояла правее.

То есть вот эти три не самые умные представительницы своего факультета решили отомстить за кумира? Серьёзно?

Интересно, как к этому произволу отнесся бы сам Шалинберг? Хотя какая разница, если девицы разом достали жезлы, встав в боевые стойки, а у меня ещё последнее плетение не готово.

– А причём тут я? – Вздёрнув одну бровь. – Или в академическом уставе прописано, что нужно соглашаться на предложение первого встречного?

– Да ты должна быть благодарна, что такой как он вообще обратил на тебя внимание! – снова истерично взвизгнула правая.

А как она прошла тест на устойчивость при поступлении к боевикам? С таким-то визгом. Или это учёба среди парней довела девушку до психоза? Но шутки закончились – её слова не разошлись с делом, и в мою сторону уже мчалось ярко-красное атакующее заклинания.

Резко уходя вправо, я успела рассмотреть его структуру.

Хм, то есть бросаться условно-запрещёнными у них в порядке вещей? Потому что вот эта прелесть должна была меня если не убить, то покалечить точно. И спрашивается, где у девицы логика? Зимний бал через две недели и, даже если бы я согласилась на приглашение Рика, лекари не смогли бы так быстро поставить меня на ноги. Так что их кумир всё равно остался бы без пары.

Хотя Шалинберг мог выкинуть всё это, только чтобы отвертеться от претензий таких вот визгливых. И даже мне не удалось бы его в этом обвинить.

На самом деле у них имелись все причины для уверенности в себе, но я давно разучилась биться честно, особенно, с превосходящим меня противником. А три боевика против одной маленькой меня это однозначно превосходящий про-

тивник.

Пользуясь тем, что две другие девицы среагировали с опозданием, я отпустила собственные плетения, опустошив сразу четверть резерва. Своего четверть, но меня страховал накопитель и, если придётся продолжать, этих ждёт сюрприз.

Не пришлось – все три агрессивно настроенные истерички разом схватились за животы. Удобное заклинание, оно заставит их забыть о моём существовании дня на три. А то, что всё это время боевички проведут, не вылезая из уборной, станет гарантом, что жаловаться они не станут. Как же, ведь их таких умных и магически одарённых сделала простая канцелярская крыса!

Равнодушно переступив через жезлы, брошенные девицами, я продолжила путь к себе и шаргхову праву.

Утро началось с пар, которые я любила настолько, что не могла с ними расстаться, каждую сессию сдавая его раза так с четвёртого, доводя сухонького профессора Поберга до нервного тика. Ну, не давалось мне архивное право! Вообще никак. И, если на первых двух курсах, когда его вёл Арек, сам не на много старше нас, всё шло ещё не так плохо, то стоило ему уйти, и начались мои мучения. Мои и профессора Поберга. И магическое право снова стало для меня шаргховым тёмным лесом.

В аудитории не оказалось ничего необычного, кроме прищуренных взглядов однокурсниц – переживания за бедного,

несчастливого и брошенного боевика творили чудеса. С одними вчера уже сотворили, и я не прочь повторить урок для особо влюбчивых.

И не то чтобы у меня плохой характер, просто по пути в аудиторию до меня случайно донёлся отрывок разговора двух третьекурсниц. У которых Шалинберг теперь страдающий якобы влюблённый, а не циничный бабник, меняющий пассий чаще, чем накопители. Которые, кстати, боевикам выдавали раз в четыре дня.

До начала занятия оставалась пара минут и, подперев голову рукой, я задумчиво рисовала схемы в тетради, прервавшись только когда в аудиторию вошёл профессор. И то только потому, что приветствовать его полагалось стоя. Дождавшись кивка, мы сели, но начать лекцию не получилось – перед профессором лёг алый вестник.

– Гхм, – удивлённо откашлялся Поберг.

То, что игнорировать ректорского вестника чревато понимал и профессор, и мы. Поэтому он потянулся за яркой птичкой, в его руках развернувшейся идеально-гладким, сероватым листом. Все знали, что ректорский был красным, проректорский – жёлтым, преподавательские – синими, а студенческие халявные записки, по привычки называемые вестниками из-за одного и того же используемого заклинания, вовсе были разноцветными.

В зависимости от износа бумаги, на которой они писались.
– Лиерра Грасс, – Поберг поднял глаза вверх листка, –

вас вызывает ректор.

– Меня?

Посещать кабинет ректора мне не приходилось ещё ни разу и, честно говоря, я не планировала появляться там вовсе, но грозно сдвинутые брови профессора придали ускорения. Спешно сбросив вещи в сумку, я вышла под удивлёнными взглядами остальных.

И мне бы испугаться, но ничего запрещённого, кроме вылазки в библиотеку, я не делала. Сомневаюсь, что ректор Оллэйстар передумал и решил наказать меня задним числом. Но для чего тогда меня вызывают? Что такого важного могло произойти? Может, Присли подавился желчью и умер?

Крамольная мысль заставила сердце замереть на несколько мгновений, и выбросить глупости из головы. Не с моим везением такое счастье.

– Можно? – Секретаря на месте не оказалось и, постучав, я заглянула в святая святых академии.

– Проходите, лиерра Грасс, – разрешил ректор Оллэйстар, и я послушно прошла, остановившись за два шага до его стола.

Массивная мебель, стеллажи с книгами, стеллажи с артефактами и дверь по правую сторону от меня, вот только гораздо больше обстановки впечатляла куратор Гронберг. Впервые на моей памяти, по-настоящему злая Гронберг, сжавшая тонкие губы так, словно их не было вовсе.

Искрящийся, напряжённый, едва не грозовой ореол во-

круг неё прямо указывал на её принадлежность к боевикам. Удивительное открытие, с другой стороны, кто бы ещё мог держать в порядке женское общежитие?..

Вот только скрипнувших, при моём появлении, челюстей, я не ожидала.

И такой взбешённой не видела её даже тогда, когда на третьем курсе Линда решила отомстить Гронберг за выговор. Справедливый выговор, правда, Линду это не волновало и, подделав отпечаток магии, она забралась в комнаты куратора. Мало того, что при этом Линда повредила все охранки, так ещё и оставила протухшие яйца шаргха, хотя они и свежие у неуловимого грызуна-переростка воняют так, что хоть выносите.

И всё бы ничего, но эти самые яйца она оставила под заклинанием невидимости, и ещё неделю куратор не могла понять, что сдохло в её спальне.

Да, Линда была одной из самых талантливых студенток нашего потока, но за эту выходку её отчислили. Не посмотрев ни на, приближённого к императору, папу, ни на успехи в учёбе.

Вот и у меня уверенности в своей непогрешимости резко поубавилось, хотя яйца я точно не подкладывала. Не из-за трёх же истеричных девиц меня вызвали! Серьёзно, боевики регулярно устраивают и массовые потасовки, и дуэли, но никто при этом даже не чешется.

– Лиерра Грасс. – Из собственных мыслей меня вырвал

строгий голос ректора.

Вот только я не поняла когда успела осознать себя виновной и опустить голову, изучая затейливый узор ректорского ковра. Выпрямившись, я вскинула голову и уверенно посмотрела прямо на Оллэйстара, но почему-то увидела его таким, каким встретила ночью в библиотеке – казавшимся безобидным, в рубашке с закатанными рукавами и ясным взглядом зелёных глаз.

И вот вопрос, какое мне, собственно, дело до глаз ректора?

– Что вы делали вчера с одиннадцати часов вечера до трёх часов ночи?

– Спала, ректор Оллэйстар. – Идиотский ответ на идиотский вопрос.

– Вы, правда, рассчитывали, что она сама признается?! – обрушилась на меня куратор, заставив нервно отступить на шаг. – Это точно она! Больше никому! Я же показывала вам...

Но один брошенный ректором взгляд и куратор замолкла на полуслове. Впечатляюще.

– Лиерра Грасс, а есть кто-нибудь, – ректор Оллэйстар даже не поморщился, – кто может подтвердить, что это время вы провели у себя?

Какого шаргха?!

– Да как вы смеете! – Академия далека от благородных пансионеров, и к последнему курсу студентки могли обзаве-

стись не только женихом или мужем, но и детьми, но чтобы я?! – Вы...

– Лиерра Грасс, – холодный тон и такой же взгляд заставили заткнуться, но обиженная гордость от этого никуда не делась, – я задал этот вопрос не для того, чтобы вникать в подробности вашей личной жизни. Можете быть спокойны, имя свидетеля в любом случае останется тайной, но оно же может сильно облегчить жизнь и вам, и нам.

Да что такого у них случилось?

Несколько долгих мгновений не отводя глаз от взгляда ректора, я, наконец, опустила голову. Виновата, не подумала, сорвалась. А кто бы не сорвался, каждые каникулы подвергаясь унижительной проверке Присли. Как же, для его высоких планов и невеста должна быть на уровне. Невинной как минимум.

– Простите, ректор Оллэйстар. Нет, никто не сможет этого подтвердить.

Торжествующий взгляд куратора ощущался всем телом.

– Раз так, тогда посмотрите, – ректор демонстративно положил что-то перед собой, – лиерра Грасс, это ваше?

Повинуясь его жесту, я подошла, но даже с расстояния двух шагов сердце замерло, узнавая рубиновый отблеск. Перед ректором лежал массивный кулон на длинной цепочке – единственная вещь, оставшаяся мне от мамы.

Я снова во что-то влезла, да?

– Это кулон Стефании Араны Грасс, моей мамы, – при-

зналась тихо, забирая украшение и сжимая его в кулаке.

Казалось, я давно привыкла, что от родителей мне осталась только портрет и этот кулон, но каждый раз понимание отзывалось горечью на языке.

– Эту вещь нашли в кабинете куратора Гронберг, – не в силах выдержать испытующий взгляд ректора, я опустила глаза, – она является единственной уликой в деле кражи журнала проверок.

Глава 6

Журнала проверок?!

– Я этого не делала, – негромко, но твёрдо призналась я, поднимая взгляд.

– Как же! – едко отозвалась куратор. – Все вы так говорите! Но стоит отвернуться и... – вскинутая ладонь ректора Оллэйстара заставила её оборвать обвинение.

Как доказать свою невиновность, если я не могу подтвердить, что была в комнате в ту ночь? Что делать, если мне не поверят? От одной только мысли, что меня могут исключить, вспотели ладони и задрожали пальцы. Так глупо потерять шесть лет и шанс на нормальную жизнь?

Ни за что!

– Ректор Оллэйстар, я согласна на вмешательство воздуш... ментального мага.

Казалось, даже падающий снег за окном на мгновение замер.

– Вы серьёзно? – Ректор смотрел на меня оценивающе, вряд ли веря, что я готова идти до конца.

– Абсолютно. И приму все возможные последствия этого... воздействия.

От потери магии до лишения рассудка. Стихийные маги воздуха открыли собственную предрасположенность к мен-

тальной магии лет двадцать назад и добились определённых успехов, но что такое два десятка лет! Особенно, если ты лезешь в чужую голову.

– Девчонка, ты соображаешь, что творишь?!

– Куратор Гронберг, – скривился ректор Оллэйстар.

– А в чём я не права?! Она даже не представляет, на что подписывается! – Гронберг грохнула кулаком по ректорскому столу. – Раньше-то ума не было, а сейчас и инстинкт самосохранения отказал? Никто в здравом уме не разрешит воздушнику копать в собственной голове! Тем более добровольно!

– Я не крада журнал проверок! – Дурой меня ещё не называли! – И, тем более, не залезала в ваш кабинет!

– И поэтому решила заделаться самоубийцей?! – Всплеснула руками куратор. – Или надеешься, что так мы поверим в твою невиновность? Да никто просто не позволит нам из-за мелкой кражи копать в мозгах студентки!

– Лучше так, чем отчисление.

Я отступила на шаг, признавая за ректором право распоряжаться моей дальнейшей судьбой. Отчислит? И пусть! Но тогда в дом Присли я точно не вернусь. Не знаю, как и что буду делать, но справлюсь. Обязательно.

– Лиерра Грасс, – устало вздохнул ректор, – у вас есть предположения, кто мог желать вам таких неприятностей?

– Ни одного.

Предположений нет, есть уверенность.

– Хорошо, Аурелия, – внимательный ректорский взгляд подсказывал, что Оллэйстар мне не поверил, – вы можете идти.

– Что значит идти?! – от злого окрика куратора я замерла.

– Идите, – повторил Оллэйстар, и под сверкающим взглядом Гронберг я дошла до двери. – Лиерра Грасс, – обернулась растерянно, – верните кулон.

– Что? – Что я могла сказать? Что эта вещь для меня бесценна? – Да, конечно.

Деланно безразлично я вернулась и положила украшение перед ректором. Не отрывающим от меня нечитаемого взгляда.

– Вам вернут его, как только мы найдём вора.

– Спасибо.

И в этот раз никто не помешал мне покинуть кабинет.

Ректор мне поверил? Вот так просто, без доказательств, без привлечения артефактов правды и ментальных магов? Хотя в одном Гронберг права – никто не позволил бы воздушнику копаться в моей голове из-за пропажи дурацкого журнала. Об этом в тот момент как-то подзабылось, хотя я и сейчас предпочла бы воздушника отчислению, если по-другому снять с себя подозрения не получилось бы.

Потому что за настоящим виновником далеко ходить не придётся.

Корса Вамбург – средняя дочь Карла и Катарины Вамбург. Лелеемый семьёй, не знающий отказа белокурой голубогла-

зый цветок. Лицемерная, добивающаяся своего любыми путями, дрянь! Лживая, двуличная гадина. Шаргхова стерва, прекрасно осведомлённая о том, что мои родители погибли. И имеющая достаточно мозгов, чтобы соотнести стоящий на столе портрет с висящим на нём же кулоном!

И у меня остался только один вопрос – спонтанная месть или тщательно продуманный план?

Журнал проверок наверняка украли ночью, а ко мне она пришла в обед, всего лишь за несколько часов до. И, чтобы обойти охранки куратора, Корсе не хватило бы ни знаний, ни силы, а подпольные, сделанные нашими недоучками-артефакторами изделия для этого не подходили. Значит, она ездила в лавку Прикена – единственное место, где студентам, и не только, продавали редкие и не всегда разрешённые артефакты.

Я знаю – именно там приобрела свои кольца. Вот только последний раз Корса покидала академию семь дней назад.

Семь. Дней. Назад.

И я всё ещё говорю о случайности?

Семь дней! И пусть меня не должны волновать её причины, но предательская мысль то и дело выскакивала на поверхность. Почему я? Ведь наши с Корсой жизни настолько отличались, что, не будь академии, вряд ли пересеклись хоть когда-нибудь. Когда я успела перейти ей дорогу? Причём перейти кардинально. Сильно сомневаюсь, что она мстила за мои, гораздо лучшие, чем у неё, оценки.

Смысла идти на последние несколько минут магического права не было, поэтому я остановилась у следующей аудитории. Решая выцарапать небесно-голубые глаза сразу, или подождать для большего эффекта.

– Зачем тебя вызывал ректор? – обеспокоенно спросила Миста, только появившись передо мной.

И как раз она волновалась за всех и всегда. Удивительно, как могла настолько добрая, открытая и дружелюбная девушка доучиться до выпускного курса, не растеряв ни одного из перечисленных качеств. И это в нашем-то зверинце.

– Нашёлся кулон, который я потеряла, – ровно ответила я ей и остальным, сгруппировавшимся вокруг.

Ректор редко разбирался со студентами напрямую, поэтому каждый вызов в его кабинет – целое событие.

– А почему через куратора не передали?

Высокомерный вид Армины давно никого не удивлял, а проявленный к пустяку интерес – очень даже. Дочь преуспевающего торговца, вот-вот собирающегося получить титул за особые заслуги перед империей, зазнавалась даже больше, чем с рождения графские дочки.

– Это дорогое украшение. – Я перевела взгляд на неё. – Мы сверяли отпечаток моей магии с тем, что присутствует на пропаже...

– А это можно сделать только в присутствии ректора, – разом заскучав, продолжила за меня Армина и мгновенно потеряла интерес к беседе.

– Хорошо, что всё нашлось! – тепло улыбнулась Миста, но всё же отошла, оставляя меня одну.

Интрига развеяна, участники выявлены, зрители разочарованно расходятся по своим делам.

– А как ректор узнал, что это твой кулон?

Сжались челюсти, ногти на мгновение впились в ладони, но оборачивалась я с привычной равнодушной улыбкой на лице. Стерва!

– Куратор знала. Я обратилась к ней, как только узнала о пропаже. – Приторная улыбка плохо маскировала недовольное выражение глаз Корсы. Боится, что о пропаже мамино кулона я сообщила раньше, чем надо?

– Надо было сказать нам, мы бы помогли в поисках, – она обвела взглядом ближайших сокурсниц. – Куратор Гронберг не сказала, где именно нашла украшение?

– Я не спрашивала, – чуть склонив голову набок, я с интересом смотрела на устраиваемый Корсой спектакль.

Если предположить, что я говорю правду, то она зря пыталась меня подставить, ведь о пропаже кулона куратор узнала от меня задолго до взлома своего кабинета. И пусть всё это ложь, но даже выцарапать голубые глаза захотелось намного меньше. Потому что, поверив мне сейчас, Корса продолжит строить из себя подругу, делая одолжение нам обеим.

Себе – чтобы продолжать мне гадить исподтишка, мне – развязывая руки для будущей мести.

Только интересно, куда она всё-таки дела журнал?

– Понятно, – Корса улыбнулась, как ни в чём не бывало и, вслед за другими, зашла в аудиторию.

Перед обедом нас задержали, поэтому в столовую мы вошли в самый разгар перерыва. Змеившаяся к раздаче очередь не внушала радости, зато мне удалось узнать, почему женская половина академии, включая тех, кто до этого боевика терпеть не мог, резко меня возненавидела. Рик страдал. Причём страдал так, как не каждому лицедею под силу. И все эти грустные, следящие за мной, глаза, болезненное выражение лица и полное игнорирование веселящихся друзей стоили мне ещё парочки неприятных заклинаний неизвестно от кого.

Кольцо на левой руке ожидаемо нагрелось и, хмыкнув, я заняла очередь.

А вечером мне доставили письмо от поверенного – сам Неиски магом не был, а тратиться на вестники считал глупостью и расточительством. В послании он уведомлял меня о своём визите, расписав на полстраницы то, что поместилось бы в четыре слова: «Прибуду через два дня». Оставшееся место Неиски оставил под заверения в своём уважении и надежды, что моё здоровье благополучно.

Неожиданное красноречие от того, кто на пару с Присли прилично наживался на моём наследстве.

Отбросив письмо, я обречённо спрятала лицо в ладонях. Ничего, всё в порядке. Осталось потерпеть каких-то шесть месяцев, две недели и три дня, и мне больше не при-

дётся видеть ни мерзкую физиономию Неиски, ни презрительную Присли. Всего-то встретиться с поверенным ещё шесть раз, и забыть об обоих до конца долгой, счастливой и только моей жизни.

Стук в дверь прервал глухую и какую-то безнадежную тоску по дому, которого я не знала.

Со вздохом убрав от лица руки, я перевела взгляд на дверь. Может, уйдут? Но нет, стук повторился и, тяжело поднявшись, мне пришлось идти открывать.

– Пустишь? – На пороге стояла Ариса, наша местная фантазёрка-зельевар.

– Заходи. – Пожав плечами, я посторонилась, и она прошла внутрь, любопытно оглядываясь.

Мне тоже было любопытно, с русоволосой, смешливой и юркой Арисой мы не то чтобы дружили, но испытывали взаимное уважение. Она так же, как и я не распространялась о собственной жизни за пределами академии, но, в отличие от меня, Арисе это удавалось лучше. Если моё сиротство в академии только ленивый не обсудил, то о её семье до сих пор никто ничего толком не выяснил.

– Ты просто так или?..

– Мне нужна твоя помощь, – скользнув взглядом по рамке на столе, она повернулась ко мне.

– Моя?

Помощник из меня примерно такой же, как утешитель.

– Твоя-твоя, – хитро прищурившись, Ариса присела на

кровать и достала из складок форменной юбки тёмный кошель. Тёмный, бархатистый и явно не пустой. – Сделаешь мне заклинание? Естественно, не по дружбе. – И она демонстративно положила кошель рядом с собой.

Вот это поворот...

– Ты же знаешь, – вздохнув, я села напротив неё на стул, – мы учимся последний год, мне не до...

– Да, я слышала, что с начала года ты разворачиваешь всех своих клиентов, – сморщив острый нос, хмыкнула Ариса. – Поэтому готова заплатить сколько скажешь.

– И кто тебя так допёк?

Потому что ко мне приходили в основном за одним – отомстить обидчику так, чтобы не попасться, но удовольствие получить. И я, действительно, выворачивалась наизнанку, но придумывала заклинания, каждый раз разные, чтобы подозрение не падало ни на меня, ни на клиента, но Ариса... вряд ли такому зельевару как она нужны мои способности.

– Есть там один, – подтвердила она мои догадки, – особо умный...

– Какой же он умный, если рискнул тебя разозлить? – весело фыркнула я в ответ.

– Конечно, умный, – раздражённо всплеснула руками Ариса, – хватило же мозгов купить универсальное противоядие!

– Так он не только умный, но ещё и не бедный, учитывая сколько оно стоит, – рассмеялась я. – И кто самоубийца?

– Не суть, – отмахнулась Ариса. – Поможешь?

Поня-я-тно...

Явно кто-то из богатых, именитых, и живущих в платном общежитие, в отличие от скромных нас. И, судя по горящим местью глазам, ещё и смелый настолько, что не побоялся связаться именно с Арисой. Ненамного уступающей мне в мстительности, уме и упорстве.

Интересно, кто из боевиков зацепил её настолько, что без мести не обошлось? А в том, что парень был с боевого, сомневаться не приходилось. И ещё интересно как она, с таким-то умом, попала на их самоуверенное обаяние?

– Помогу, – вздохнула с улыбкой.

И в этот раз не ради денег, а действительно по дружбе. И потому, что хочется посмотреть кто там такой идиот, уж действие своего заклинания я узнаю из тысяч других.

– Сколько? – Приобрела наша беседа деловой тон, а Ариса потянулась за кошелём, но, хмыкнув, я лишь отмахнулась.

– Ой, всё, убери. – И открыла верхний ящик стола, достав бумагу и карандаш. – За глупость надо наказывать, а тебя тронуть, как по мне, только дурак и попробует.

– Добреешь к диплому? – Без иронии, с искренним интересом спросила Ариса, вставая за моей спиной.

– Вроде того. Не стой там, пожалуйста, – попросила я, мельком бросив на неё взгляд, – терпеть не могу. – И добавила, быстро рисуя на чистом листе схему из линий, углов и целых узлов, образующихся их них: – Если мимо глупо-

сти пройти ещё получается, то мимо нормальности уже нет. Слишком мало её вокруг, чтобы не помочь последним её представителям.

– Согласна. – Стоя слева, Ариса наклонилась над листом. – Что это?

Много ли надо времени, чтобы придумать заклинание? А чтобы усовершенствовать уже существующее?

– Это заклинание, – довольно отозвалась я, любовно выводя последние линии. – Совсем простенькое, практически лекарское.

– Вот я и смотрю что-то знакомое... – задумчиво склонилась она ещё ниже.

– Знакомое-знакомое. – Ещё один угол и я выпрямляюсь, с прищуром глядя на неё. – Вы его для лечения желудка используете, в основном у младенцев и стариков.

– Чтобы еда лучше усваивалась, – нахмурившись, кивнула Ариса. – Но оно другое, там...

– Там – да, а здесь в основу положено не качество, а скорость. – Обожаю этим заниматься! – Смотри внимательно, – я вернулась к карандашу, – отличие здесь и здесь. Теорию заклинаний ты наверняка помнишь, а значит, сможешь запомнить и воспроизвести схему, когда припечёт. Лист я тебе, конечно, отдам, но сама понимаешь, показывать кому-то не рекомендую.

Да и вряд ли она успеет – эта бумага, купленная всё у того же Прикена, сгорала, не оставив даже пепла, часов через

двадцать. Как раз хватит и на запоминание, и на месть.

– Само собой, – посмотрев на меня другими глазами, кивнула она. – А что всё-таки случится?

– Неприятность случится, – весело фыркнула я, – всё со-держимое желудка твоего умного и богатого вдруг разложит-ся, как будто оно там не два часа, а неделю лежит. И ему ста-нет очень неприятно.

– А противоядие? – задумчиво прикусила губу Ариса.

– А противоядие отслеживает всё, что происходит извне, а не внутри. Да и еда – не яд, чего там обезвреживать... – Откинулась я на спинку стула, иронично крутя в руках ка-рандаш.

Ариса долго, очень долго смотрела на листок на столе, и только потом перевела взгляд на меня.

– Ты знаешь, что ты гениальна?

– Главное, чтобы другие об этом не догадывались, – под-мигнув ей, я протянула лист со схемой. – Дальности дей-ствия на нашу столовую хватит, вместо направления доста-точно задать имя, а отследить его не сможет никто. И, сама понимаешь, для лучшего эффекта стоит накладывать заклинание после обеда. В идеале плотного обеда.

– Я уже тебя боюсь. – Фыркнув, она сложила и спрятала заклинание в кармане юбки. – И с такими способностями у тебя ещё есть проблемы?

– Увы, мои так просто не решаются. – Пожала я плечами и поднялась. – И лучше об этом не распространяться, – кив-

нула на карман, – я действительно в этом году не занимаюсь заклинаниями.

– Без проблем, – остановилась Ариса уже в дверях. – И спасибо, Аурелия! Можешь обращаться в любое время, отправлю твоего врага на раз.

– Я учту, – улыбнувшись, я проследила, как за ней закрылась дверь.

И вздрогнула, услышав шорох со стороны стола.

На столешнице, где я только что начертила преследуемое законом заклинание, лежал красный вестник.

Глава 7

Не доверяя глазам, я посмотрела на часы – оставалось всего ничего до начала комендантского часа, но вестник продолжал лежать на столешнице, не оставляя выбора. Вздохнув, я развернула лист, борясь с подступающим ознобом – меня вполне устраивало, что раньше ректор даже не подозревал о моём существовании.

Написанная ровным почерком строчка не успокаивала вообще ни разу.

«Жду вас в своём кабинете. Поторопитесь».

Озноб сменился паникой другого рода. Поторопиться действительно стоило! Потому что на мне домашнее платье, волосы распущены и в целом вид далёк от приличного, но быстро собираться я умела, а потому через четверть часа уже входила в приёмную ректора, надеясь, что успею вернуться к себе до десяти.

Секретаря снова не оказалось на месте. В этот раз неудивительно, ведь последняя повозка в Унаш ушла почти два часа назад, а господин Оберг, сухонький секретарь ректора жил именно там.

Дверь кабинета была наполовину распахнута, и я услышала:

– Проходите, лиерра Грасс.

Можно подумать, у меня имелся выбор.

– Садитесь. – Не поднимая глаз от какого-то документа, ректор Оллэйстар махнул рукой в сторону кресел. Я предпочла остаться на ногах, надеясь, что он быстро сообщит мне чрезвычайно важное нечто, ради которого пришлось бежать через половину академии, и мне повезёт вовремя вернуться в общежитие. – Садитесь, Аурелия, мне нужно ещё пару минут, чтобы закончить с письмом от императора.

Сдержав тяжёлый вздох, села. Сейчас атмосфера не напоминала грозно-отчислительную, как утром и я пожалела, что поторопилась, вместо нормального закрутив совсем уж неаккуратный пучок. Теперь одна особо настойчивая прядь так и норовила залезть в глаза и нос, ни в какую не держась за ухом.

Ректор закончил быстрее, чем обещал и поднял на меня нечитаемый взгляд.

– Возьмите, – он достал из стоящей на краю стола шка-тулки мой кулон и положил его перед собой, – возвращаю ваше украшение.

Корсу же ещё не поймали, так почему он торопится? Или всё, что могли, они с кулоном уже сделали?

В любом случае, какое мне дело, если без маминого рубина я чувствую себя голой, хотя никогда его не носила...

– Спасибо, ректор Оллэйстар, – после недолгой тишины произнесла я, поднимаясь и забирая кулон.

Хватило быстрого движения, чтобы надеть его на шею, и

убрать под воротник форменного платья. Камень мгновенно нагрелся от соприкосновения с кожей, дав мне возможность обрести хотя бы подобие душевного равновесия. Самое то, что нужно, вспоминая последние события.

– Пожалуйста. – Меня никто не отпускал и, стоя в двух шагах от ректорского стола, я не очень понимала почему. – Вы торопитесь?

Странный вопрос для человека, который самолично установил комендантский час для студентов. Предыдущему ректору на это было плевать – я точно знаю, Николас рассказывал.

– Мне нужно успеть в общежитие. – Честный и разумный ответ, но, взглянув на выражение лица ректора, я почувствовала себя глупо.

– Об этом вы можете не беспокоиться, – заверил меня Оллэйстар и поднялся, – позвольте мне вас испытать, лиерра Грасс?

Сделать что?

– Ничего неприличного, просто небольшая проверка ваших способностей.

– Но меня ведь проверяли перед поступлением... – Недоумение усиливалось.

– Значит, вам тем более нечего опасаться.

Нечего, как же! Только если забыть о непонятном стихийном даре, умении видеть заклинания и способности эти же заклинания составлять, не хуже имперских заклинателей.

Вот только те передавали знания из поколения в поколение, а мне повезло.

Если можно назвать везением то, что, даже сегодняшнее заклинание для Арисы в случае чего обойдётся мне допросом с последующим арестом. А оно одно из самых простых мной придуманных.

Но безупречная репутация Оллэйстара снова играла со мной дурную шутку. И даже то, что на дворе практически ночь, преподавательский корпус наверняка пуст, а я нахожусь наедине с сильнейшим магом в академии, не пугало. За свою честь я точно не боялась, а вот за здоровье и жизнь очень даже.

И не то чтобы в самом крайнем случае мне нечем было его удивить, но вряд ли после этого я доучусь до диплома.

– Хорошо, ректор Оллэйстар.

А что делать, повернуться и бежать? Тогда никаких сомнений в моей виновности у него точно не возникнет, а уж в чём обвинять Оллэйстар выяснит потом.

– Посмотрите на шкаф с книгами по правую сторону от вас и скажите, что вы видите.

Более странного предложения мне ещё не делали. Перед поступлением нас проверяли на артефакте, которого нужно было коснуться, но никак не обычным книжным шкафом.

– Ничего не вижу.

Даже врать не пришлось, потому что вряд ли ректора интересовали корешки фолиантов, и так находящихся в пол-

ном его распоряжении. Знать бы ещё, что я такого должна увидеть или не увидеть, чтобы вопросы ко мне отпали все и разом.

– А так?

И всё бы ничего, но колыхание воздуха за спиной и вкрадчивый голосу самого уха заставили вздрогнуть. И пусть мне ещё не страшно, но уже очень и очень нервно. Собираясь развернуться и спросить хоть что-то, пока придумываю выход из ситуации, я не ожидала, что Оллэйстар крепко удержит меня за плечи.

Я спокойна, я спокойна, я спокойна.

– Ничего.

Видеть не вижу, но чувствую как опаска, волнение и непонимание будят огонь, которому запрещено просыпаться рядом с Оллэйстаром.

Подзадоренный непонятным поведением ректора, пульс участился, а мысли начали путаться, и я готовилась прочувствовать всю силу знакомых симптомов. Неудивительно, если за твоей спиной стоит мужчина и маг, превосходящий тебя по всем статьям. Чувствуя, как просьба отойти застряла в горле, а паника становилась всё ошутимее, я всё же подняла взгляд на злополучный шкаф.

И замерла, забывшись, не в силах оторваться от светящегося чуда.

В жизни не видела ничего подобного! В библиотеке были синие линии охранок, были жёлтые заклинаний иллюзий, ко-

гда наши профессора хотели что-то скрыть или наоборот нарастить. Опять же недавние истерички, бросающиеся красными атакующими, но чтобы всё сразу, да ещё в комплекте с чёрными линиями?!

И как же это невероятно... Наверняка опасно, тревожно, но красиво.

Восторженно выдохнув, не заметила, как ректор предостерегающе придержал меня за локоть, когда я подалась вперёд.

– Что вы видите, лиерра Грасс?

Мне конец. Но какой же потрясающий...

Наверное, у меня и правда, что-то не то с головой, потому что страх исчез, словно его не было. Хотя бояться стоило – как минимум того, что один свой дар я перед ректором раскрыла самым идиотским образом.

– Он искрится. – Всё ещё не веря собственным глазам, я попыталась сделать шаг и мне это удалось. – Десятки линий! Синие, жёлтые, фиолетовые. А ещё зелёные, красные и чёрные.

Последние меня особенно заинтересовали и, плохо отдавая отчёт в собственных действиях, я протянула руку, собираясь их коснуться. Неожиданный рывок заставил очнуться, растерянно посмотреть на ректора, и только через несколько мгновений осознать, что он крепко держит меня за плечи.

– Чёрные это заклинания, несущие мгновенную смерть, и с вашей стороны, лиерра, глупым и безрассудным было ре-

шение рассмотреть именно их. – Ректор Оллэйстар отпустил меня и отошёл к окну. Помолчал задумчиво. – Градация заклиний по цвету. Откуда вы её знаете?

От Присли, который тащил в свою библиотеку все книги подряд, руководствуясь только их стоимостью и экзотичностью. И пара из них очень мне пригодилась, когда я поняла, с чем именно столкнулась.

– Я много времени провожу в библиотеке.

– Ночью и в преподавательской секции? – насмешливо хмыкнул ректор и повернулся, глядя на меня в упор. – Вы в курсе, что обычный маг не видит эти линии?

– Я... – Как же велик соблазн соврать! – Подозревала.

И дело не в моей честности или страхе перед Оллэйстаром, нет. Просто где гарантия, что поблизости у него нет активированного артефакта правды? А то, что фиксировали эти штуки, в качестве доказательств примут хоть суды, хоть сам император.

Да, выставить меня воровкой Корсе не удалось, но то, что происходило сейчас в сотни раз хуже! Ректор – не восплававшая ненавистью шестикурсница, стоит ему понять, какие именно вопросы задавать и уже сегодня ночью я окажусь в антимагических кандалах. До выяснения всех обстоятельств.

А их у меня столько, что хватило бы на десяток лишений магии.

– Что именно вы видите? – Пожалуйста, пусть у него вот

сейчас, в это самое мгновение не будет артефакта правды!

– Линии... иногда. – Осталось как-то выдержать испытующий взгляд ректора. Подошедшего ближе ректора.

– Давно?

– С одиннадцати лет.

Осознанно точно с одиннадцати. И это без поправки на то, сколько времени у меня ушло, чтобы разобраться в непонятном, являющемся далеко не всегда, радужном нечто.

– Вы меня обманываете, Аурелия? – Ректор вернулся к своему столу и показательно достал куб из чёрного кианита. Характерные светлые прожилки не давали спутать его с другими минералами. Вот он, артефакт правды. – Почему вы удивились количеству линий? – резкий вопрос застал врасплох, и я ответила чистую правду:

– Потому что я не знала, что так можно. Что я могу видеть столько заклинаний одновременно.

Кианит так и остался непроницаемо чёрным.

От такого везения начала кружиться голова. Стоило Оллэйстару достать кианит чуть раньше и пришлось бы признаваться, что просто линиями дело не ограничивалось. Потому что видела я не только их, мне доступна любая схема любого наложенного в этом кабинете заклинания. И, хоть пробовать ещё не приходилось, но, уверена, я смогла бы как усилить любое из них, так и развеять, потянув всего за одну ниточку.

– Каким образом вы попадали в преподавательскую секцию? – Я всё больше ощущала себя стихийником на допро-

се, и в каком-то смысле так оно и было.

Кожа под длинными рукавами вмиг покрылась мурашками, а внутренности похолодели. Совру, и камень на столе ректора станет прозрачным. Выбора нет. Вздохнув, мне оставалось лишь виновато опустить глаза:

– Мне подарили схемы охранок... охранных заклинаний библиотеки.

– И отмычки к ним, – скрестив руки на груди, с нехорошим прищуром добавил ректор. Каяться в этом хотелось меньше всего, но и отрицать я не стала. Это сейчас никакие отмычки мне не сдались, а вот поначалу обойтись без них не получалось. – Давно?

– Недавно, – уклончиво ответила я, надеясь, что он не станет допытываться кто именно подарил, и оказалась права – ректор лишь усмехнулся и занял место за столом.

Конечно, вряд ли Ареку, который уже давно преподавал в академии стихийников, мои запоздалые признания хоть как-то навредят, но рисковать не хотелось.

Отвлечшись, я с опозданием ощутила на себе серьёзный и пристальный взгляд.

– Мне нужна ваша помощь, лиерра Грасс.

Глава 8

– Вам?! Моя помощь?

– Мне, – не стал отпираться Оллэйстар. – В одной из подвальных лабораторий находится артефакт с неизвестными свойствами. Вы поможете мне – расскажете обо всём, что видите, а я взамен не стану требовать от вас вернуть схему охранок и отмычки. – Пф. – И не поменяю алгоритм доступа в библиотеку. – А вот это уже угроза.

Потому что проректорские охранки пусть сильные, но, в целом, предсказуемые, а то, что наложит Оллэйстар... Судя по одному его книжному шкафчику, можно сказать, что фантазия у ректора богатая – так смешать всё подряд это надо постараться. А, значит, риск попасться возрастет в десятки раз, и не стоило забывать о том, что теперь ректор в курсе моих специфических способностей...

И выходит, что Оллэйстар оказался не таким благородным, как представлялся? Спорный вопрос. С одной стороны мне оставили выбор, с другой его сегодняшнее нежелание меня отчислять вполне могло диктоваться моим даром. Который вдруг оказался полезным лично для ректора, и о наличие которого он мог догадаться после памятной встречи в библиотеке.

– Для меня будет честью помочь вам, ректор Оллэйстар.

Никогда не поздно сделать хорошую мину при плохой игре, жаль только, что с этим я переборщила и фраза приобрела издевательский оттенок. Но удивительно – ректор меня поддержал.

– Я буду безмерно вам благодарен, лиерра Грасс. – И, встав из-за стола, он подошёл к той самой двери, на которую я обратила внимание ещё днём. – Вы вряд ли хотите попасться на нарушении комендантского часа, тем более что теперь куратор Гронберг относится к вам несколько необъективно.

Оллэйстар коснулся раскрытой ладонью деревянного полотна, но ничего не произошло. Впрочем, его это не смутило и, открыв дверь, он жестом предложил мне зайти.

Ещё чего не хватало, ходить через непонятные ректорские двери!

– Бросьте, Аурелия! Вы не побоялись прийти ко мне в такой час, а пройти в обычную дверь опасаетесь?

Можно подумать насчёт прийти у меня был выбор!

Под откровенно ироничным взглядом я приблизилась к двери, но увидела лишь вязкую темноту по ту сторону, ещё больше убивающую желание переступить порог. Но ректор молчал, и, решившись, я быстро шагнула вперёд. Правда, перед этим закрыл глаза.

Хлопок закрывшейся двери особенно чётко дал понять, что стоять неизвестно где вслепую не самая лучшая идея. Вот только меньше всего я ожидала оказаться в одиночестве... своей родной, изученной до последней трещины,

комнаты в общежитие.

А с утра, потирая сонные глаза, обнаружила на столе записку. Записку! На моём столе! В обвешанной охранками комнате! Остатки сна растворились с шипением особо кислотного зелья Арисы, и на сложенный лист обычной бумаги я смотрела, как на ядовитого детёныша болотной каирры*.

Выведенное аккуратным почерком моё имя не впечатлило. И то ли я не до конца проснулась, то ли просто мозг отшибло после вчерашнего вечера, но мне хватило ума осторожно стащить со стола карандаш и потыкать им в лист бумаги.

Карандашом! Потыкать!

Хотя для обнаружения проклятий на письмах существовало целое плетение Кронберга, которое я, как красно-дипломная «канцелярская крыса», знала наизусть.

Тяжело вздохнув, я развернула послание, в котором ректор Оллэйстар приглашал меня сегодня в восемь вечера присоединиться к нему в лаборатории. Всего лишь! Интересно, а можно вернуться к вестникам? Они хотя бы указывают на отправителя...

Раздавшийся стук заставил вздохнуть тяжелее прежнего. Я становлюсь на редкость популярной.

Но в коридоре никого не оказалось. Только лежащие у моих ног семь белых роз, перевитые серебристой лентой. Резерв восстановился и, бросив плетение Кронберга на цветы, я убедилась, что опасности нет.

«Моя бессердечная роза, умоляю о снисхождении! P.s.: как я и говорил ни следа приворотных, моя недоверчивая аурика».

Фыркнув, я сожгла вложенную записку и подняла глаза. Откровенно завистливый взгляд рыженькой второкурсницы мгновенно решил судьбу букета.

– Нравится? – спросила я у неё и, не дождавшись ответа от растерявшейся девушки, бросила цветы ей. Искренне надеясь, что от такого счастья она их уронит, но нет. Не всё мне пирожки с мясом. – Забирай.

Закрыв дверь, я вернулась за стол, не оценив намёк боевика.

Древние рода, к одному из которых он принадлежал, помимо явных привилегий, накладывали свои обязательства и одно из них – заключение брака в храме рианов. Авор, Атер и Аитая – трио богов, рианов, которые и создали наш мир, а, сделав своё дело, удалились неизвестно куда. Хотя лучше бы последили за потомками, которые к моему веку разожгли пламя ненависти между обычными магами, как я, и стихийниками. Тоже как я.

Но суть проблемы не в этом, а в том, что Шалинберг не сможет зарегистрировать брак в городской ратуше. Нет, ему, как представителю аристократии полагалось прийти в храм, преклонить колени и произнести формулу призыва. На свою бедовую голову.

Потому что браки, заключённые с благословения рианов,

разорвать нельзя. Хуже того, несмываемые рисунки на запястьях супругов носили не только формальный характер. Со временем они подстраивали, меняли пару для лучшего понимания друг друга. И такие браки, хоть и по расчёту, считались едва ли не самыми счастливыми.

Женщин в таких союзах они называли алеурикия – золотоносная роза. Название дурацкое, особенно в искаленном Шалинбергом варианте, но, видимо, наследники у них на вес золота, отсюда и происхождение. А традиционный Зимний бал вполне мог стать ступенью к этой самой золотоносной, потому и впихивали студентки в свои платья невпихуемое. И сидели на диете, почём зря.

Хотя, может, я одна понимала, что даже опальных императорских племянников скорее добьют, чем дадут жениться непонятно на ком.

Собственно, поэтому женская половина академия жаждала моей крови – своей идиотской выходкой Шалинберг продемонстрировал свою во мне заинтересованность. Причём демонстративно, в самом посещаемом месте академии! И вот вопрос, это он так мстил? Или самоутверждался?

Хотя для последнего поздновато – всё, что боевик мог вычудить, он вычудил курса так до пятого, сейчас лишь пользуясь получившейся репутацией. И именно из-за него вместо того, чтобы готовиться к занятиям я витала в своих мыслях, пытаюсь найти решение, и не замечая, что рисую на листе бессмысленные схемы.

Так и не найдя выхода, я раздражённо отбросила карандаш и пошла на завтрак, даже не надеясь, что на меня снизойдёт озарение.

– Доброе утро, моя аурика, – пропел Рик, присаживаясь рядом со своим подносом.

– Ещё раз так меня назовёшь и снова станешь розовым и хвостатым, – пообещала я, потеряв аппетит от созерцания его физиономии.

– Понравились цветы? – Не стал обострять боевик, хотя куда уж больше!

Я и так с трудом сдерживалась, чувствуя, как на нас скрестились взгляды большей части студентов, находящихся в столовой.

– Они прекрасно смотрелись на фоне рыжей второкурсницы, которая их забрала.

Испортить ему настроение такой мелочью? Вряд ли.

– Ты жестока, моя белая роза! —пафосно заявил Шалинберг, и я в последний момент расцепила пальцы, намертво скрюченные для самого эффективного заклинания в моём арсенале.

Девичам с боевой магии понравилось.

– Признайся честно, – тяжело вздохнув, в попытке сохранить остатки спокойствие, – ты хочешь не дожить до выпуска?

– Признаюсь, – Рик наклонился ко мне, демонстрируя крайнюю степень откровенности, – я хочу представить тебя

родителям, но подозреваю, что эта затея тебе не понравится.

У проходящей мимо выпускницы с бытовой магии, отчётливо слышавшей каждое его слово, с грохотом упал поднос, а я не сдержала стон. Через час об этом будет знать вся академия!

– Шалинберг, за последние пару дней ты достал меня больше, чем за предыдущие шесть лет! – резко поднялась я, осознавая, что хуже уже не будет.

Ни одну из всех своих многочисленных пассий боевик не знакомил с родителями, а я даже в их список не входила! Настроение, и так не отличающееся оптимизмом, окончательно испортилось и, чеканя шаг, я стремительной походкой направилась к выходу. Чтобы столкнуться с ректором.

– Извините, ректор Оллэйстар, – потирая ушибленный лоб, повинулась я.

Впрочем, без особого раскаяния. У него там что, под сюртуком железная пластина с наградами?

– У вас точно всё нормально, лиерра Грасс? Последнее время вы совсем не смотрите под ноги.

– Всё в порядке, ещё раз извините! – Я аккуратно обошла ректора с проректором и целенаправленно отправилась к главной лестнице, стремясь как можно быстрее попасть в зимний сад.

Хотелось остановиться и спокойно обдумать происходящее, но одно всё время накладывалось на другое. Дурацкое приглашение боевика, циничная подлость Корсы и ультима-

тум ректора. Пусть вежливый, тактичный и якобы представляющий выбор, но какое там...

И разбираться со всем этим придётся мне!

И шаргх с ним, с Риком – его желания не волновали меня вовсе, но Корса! Внутри терпение заскрежетало по ярости, но... и эта стерва могла чувствовать себя в безопасности. Временно. Потому что для начала нужно развязаться с заданием ректора, и чем быстрее, тем лучше.

Беспокойные мысли, роящиеся в голове, не позволили сосредоточиться на чтении, и я перевела взгляд за окно, но там кроме снега и резвящихся первокурсников никого не было. Студенты постарше предпочитали в долгие зимние месяцы отсиживаться в стенах академии.

– Рик, ну не будь буквой! – Невозможно не узнать капризный голос Корсы.

– Лира, не приставай, я тебе уже всё объяснил! – голос Шалинберга отдавал раздражением, видимо, и правда, объяснял. У боевиков тоже окно или просто с посещаемостью проблемы? – И какая тебе разница кого я позвал на Зимний бал? Помнится, после того поцелуя, мы зареклись повторять печальный опыт. Или ты передумала?

Вот это подробности! Совершенно лишние для моих неискушённых ушей, но выбора нет – уйти незамеченной уже не удастся. Оставалось надеяться, что они не дойдут до последнего поворота, после которого отлично просматривалось моё убежище.

– Вот ещё! – фыркнула Корса, и ей удалось обмануть Шалинберга, но не меня.

Так значит, вот он – счастливчик, которому не пришлось попробовать «Глаза с поволокой»? И не из-за него ли она решила меня подставить?

– Сильно сомневаюсь, что за это время ты научился целоваться! – Откровенной провокации боевик то ли правда не заметил, то ли не захотел замечать. – Просто я не понимаю, почему из сотен девушек академии ты выбрал именно Грасс? Что, никого достойней не нашлось?

– Прекрати, Лира! – В голосе Шалинберга прорезалась непривычная сталь. – Мы, конечно, давние друзья, но не лезь в то, что тебя не касается! Особенно, если хочешь, чтобы друзьями мы и остались.

Вот это да... Я, похоже, пропустила момент, когда боевик вырос из заносчивого спесивого мальчишки в парня с принципами.

– Как это не касается? Рик! – Что происходило за поворотом, мне не было видно, но, похоже, кто-то из них начал нервно расхаживать перед скамейкой – слышалось шуршание гравия в такт шагов. – Да очнись ты! То, что ты пригласил Аурелию на Зимний бал ещё можно списать на вашу нелепую вражду! Якобы ты сделал это специально, чтобы на Грасс набросились остальные студентки, но каждым следующим шагом ты всё больше становишься похож на влюблённого идиота! И, главное, в кого! В главную ледышку акаде-

мии! Да и та твоя фраза о знакомстве с родителями... лорда Виерда и леди Олиену удар хватит, если до них дойдут слухи о том, что ты увлёкся безродной сироткой!

Удивляюсь я, сколько жара и пафоса в её монологе. Но есть в нём и пара интересных моментов – мне понравилось внезапное прозвище, в отличие от мнения Корсы о моей невзрачной персоне. И оно не задело, нет, но досаду я почувствовала и главным образом на себя – столько времени общаться бок о бок с этой стервой и не разглядеть её ко мне истинного отношения! Давно не замечала за собой такой слепоты.

– Ты забываешься! – отрезал Шалинберг. – Мне не шестнадцать, и я давно вышел из того возраста, когда терпел чужие нотации. Особенно по поводу своей личной жизни!

– Рик! – У Корсы приступ паники? – Ты же не всерьёз?..

Боевик не ответил, и она жалобно продолжила:

– Рик, прости, я действительно переборщила, но ты мой друг! Я переживаю за тебя! И то, что ты... – даже с такого расстояния я слышала её судорожный вздох, – влюбился в Аурелию – не повод впадать в крайности. Просто она отличается от других девушек... – Судя по тону Корсы далеко не в лучшую сторону. – Вот увидишь, мы закончим академию, окупёмся в настоящую жизнь, и через неделю ты и думать забудешь о том, что существовала какая-то Аурелия Грасс!..

Ответом её не удостоили, и по звуку удаляющихся шагов я поняла, что Шалинберг просто ушёл.

Стоит чувствовать себя польщённой? Наверное, да, но я бы обошлась без этого, с лёгкостью передарив симпатии боевика кому-нибудь другому. Хотя в их наличие всё ещё не верилось. Не может быть, чтобы всё оказалось так банально!

Заучка и красавчик.

Прекрасный сюжет для романа, но у меня есть собственная многолетняя драма, всё ещё с непредсказуемым финалом. И чем я могла его зацепить?! Клятвой четырёхлетней давности, что не лягу с ним в постель, даже если он останется последним мужчиной в мире? Смешно уже потому, что в этом случае легла бы, никуда не делась. Постоянно мрачным видом? Так я не одна такая – в академии хватало помешанных на учёбе и собственных заботах студенток.

Или тем, что отказывалась сдаваться в нашей импровизированной войне?..

С другой стороны, всё оставалось по-прежнему – внезапная влюблённость это целиком и полностью проблемы боевика. Вот только уверенность, что за эти полгода он доведёт меня до тюрьмы, крепла. Ведь если оговорка про знакомство с родителями не шутка, то Шалинберг не отстанет. И я могу долго раздавать его букеты и подарки, но рано или поздно он придумает что-то более действенное.

Вот только если в себе я уверена, то в собственном стихийном и очень нервном даре – не очень.

– Будь ты проклята, Аурелия Грасс!

Вздрогнув, я обернулась в сторону быстро удаляющихся

шагов. И в очередной раз похвалила себя за предусмотрительность и защиту от чужих истерик.

Повесить реальное проклятие таким образом невозможно, но схватить отголосок искреннего желания мага – вполне. А потом гадать то ли действительно отравилась, то ли кто-то искренне и от всей души пожелал тебе смерти.

Если Корса и правда влюбилась в Шалинберга, то вместо идиотских интриг могла бы подойти к собственному отцу и попросить о помолвке. Намекнула бы на давнюю дружбу семей, о возможной выгоде и добилась бы своего. А в академии придумала, как приручить боевика, а не подставить под отчисления его якобы подружку!

Сколько проблем разом могло бы решиться!

Жаль только, что на волне идиотского упрямства Шалинберг запросто мог всё испортить, отказавшись приносить брачные клятвы. Увы, но в храме рианов жених и невеста должны произнести слова древних самостоятельно и добровольно. Сложно. Гораздо проще найти мага с императорской лицензией или сходить в ратушу и пожениться без лишней суеты.

В полной уверенности, что в самом крайнем случае брак получится расторгнуть, пусть и испытав при этом не самые приятные ощущения.

*Каирра – огромная змея, живущая на болотах

Глава 9

Документоведение не отличалось новизной – скучно, нудно и по-прежнему баз капли магии, но его я хотя бы знала на отлично.

Профессор Армаберг – сухошавая высокая магичка с первых же мгновений привычно ввела половину студентов в сон, и наступило моё время. Потому что чем-то цепляли, не давая спокойно забыть, те утренние каракули и, достав сложенный вчетверо лист, я внимательнее вгляделась в переплетение линий.

И вроде в общей схеме смысл был, пусть едва уловимый, но что-то такое проглядывало, но, стоило всмотреться, и терялась всякая логика.

– Лиерра Грасс, вы так увлечены... наверняка знаете наизусть что делать при приёме входящей корреспонденции. – Профессор Армаберг, сдвинув брови, смотрела, как я поднимаюсь с места.

Знаю, если очень надо.

– Если корреспонденция доставлена службой доставки необходимо снять личность курьера опознающим кристаллом или скопировать отпечаток магии, если это был вестник. После необходимо провести регистрацию корреспонденции, присвоив номер, и, при необходимости, рассортировать. – Я задумалась, прикидывая, устроит ли такой ответ придиричи-

вую Армаберг. – Далее следует направить документацию на исполнение в соответствии с указанными адресатами.

– А контроль исполнения? – с прищуром поинтересовалась профессор.

– Всё зависит от того, прописано ли это в наших обязанностях, – бодро ответила я и, получив одобрителный кивок, села.

– Продолжим...

Мгновенно потеряв нить лекции, я смотрела, смотрела и смотрела на разрисованный лист, но никак не могла понять, что с ним не так.

Волны, круги, пересечение линий... такие бумажки я могла рисовать десятками, но никогда не ощущала того узнавания, которое возникло утром. Хотя... вот эти несколько линий чем-то напоминали вертикальный узел, один из основных в заклинании, которое недавно опробовали на себе истеричные боевички.

А если посмотреть по-другому?.. Наклонив лист, я плавно меняла угол, сосредоточенно закусив губу. И отчаялась бы, если бы не пошла по десятому кругу.

Вдруг вместо хаотичного рисунка передо мной появилось схема неизвестного заклинания – пусть без опорных линий, но три основных узла прослеживались! И даже несколько связей между ними!

Одной рукой держа на весу лист, второй я сделала наброски прямо в конспекте документообращения и, когда закончи-

ла, со вздохом облегчения отпустила ненужный уже рисунок, позволив ему спланировать на другой конец стола. Похоже, моё подсознание решило порадовать хозяйку, выдав нечто невообразимое, но очень интересное.

Такое уже случалось однажды.

Где-то в середине четвёртого курса, успев заработав неплохую репутацию среди студентов, я никак не могла выполнить заказ Аржека, который хотел порадовать невесту, ночью наколдовав цветы на её подоконнике. От меня требовалось создать её любимые летние миалисы, на минуточку в середине осени, поднять цветы на высоту пятого этажа и пройти через защиту на окнах академии.

Три действия, три узла и гарантированный пожизненный срок в Гвинборе. Потому что, если за двухузловые ещё могли оштрафовать и отпустить, то здесь без вариантов.

И был бы Аржек послан далеко и надолго, если бы не предложенная им сумма. Один из моих дешёвых и ненадёжных накопителей как раз за день до этого вышел из строя. В отличие от Шалинберга и его компашки, для которых обмениваться со мной еженедельными гадостями в то время было в порядке вещей.

Вот только шли дни, сроки поджимали, а нужное заклинание никак не вырисовывалось, доводя меня до нервного потряхивания. Мастеру всегда страшно не выполнить работу и разочаровать клиента, но, если ты ни разу не мастер и, вдобавок, нуждаешься в деньгах, провал обрывается новыми

рисками. Обрастал, пока так же случайно среди сотен своих каракуль я не увидела то самое заклинание.

С того момента к своим озарениям я относилась с большим трепетом.

Лекция закончилась, а я так и сидела, уставившись взглядом в конспект с перерисованными узлами.

Вот что это? Мне понять хотя бы принцип, а дальше, шаг за шагом, заклинание сложится само. И пусть императорские маги вряд ли использовали такой подход, но у них и база была другой. Она у них в принципе была, в то время как мои знания черпались из той самой преподавательской секции, которая, на моё счастье, содержала в себе кучу разнообразных книг. Не все из них оказались полезными, а некоторые даже вредными, но за пять лет, методом проб и ошибок, я сложила свою собственную систему.

И даже если ко мне в голову, приказом императора, залезет воздушник, он быстрее сам рехнётся, чем разберёт что и как я делала.

– Аурелия, ау! – громкий возглас над ухом заставил вздрогнуть и прийти в себя, быстрым движением захлопнув тетрадь со схемой. – Ты в каких облаках витаешь?

– Что тебе нужно?

Я все понимаю, правда. И то, что Корса не знает правды о случившемся в кабинете ректора. И что стоит держаться нейтрально хотя бы для того, чтобы потом ударить побольнее. И что мне несложно лишний раз мило ей улыбнуться...

но как же бесит! До тёмных пятен перед глазами и следов от ногтей на внутренней стороне ладони.

– Вообще-то я думала это нужно тебе! – по-детски обиженно протянула она. – На неделе я поеду домой, по семейным делам, и заодно заскочу в книжную лавку. Я же обещала.

– Забудь.

– Ну, уж нет! – Корса притопнула ногой. – Я не дура, так подставляться под проклятие из-за ерунды. – Ах, да, у неё же нет выбора. – Да и никогда не нарушаю своих обещаний, так что думай до четверга, или я выберу книжку на свой вкус.

Книжку!

Пару дней назад угроза получилась бы серьёзной, а книжка на её вкус оказалась бы бульварным романом, но сейчас всё это меня не волновало. Не уверена, что вообще решусь взять в руки то, что она мне «подарит».

Пока Корса шла по проходу, я задумчиво провожала её взглядом – надеюсь, ей понадобилось домой не для того, чтобы придумать подлость понадежнее.

Но вот закончилась ещё одна лекция документоведения, и нас отпустили с миром, задав непомерное домашнее задание. И идти бы в столовую, вот только с недавних пор она подрастеряла привлекательность.

Может, Николас не будет сильно ворчать и накормит бедную голодную студентку прямо на кухне? В обход школьных правил?

Но открывала дверь на кухню я всё равно осторожно. После прошлого раза, когда его племянник собрался за мной поухлёстывать, я слегка перестаралась, превратив кухню Николаса в филиал придорожной забегаловки. Где поварята попрятались, вся бьющаяся посуда разбилась, а небьющаяся валялась на полу вперемешку с приготовленной едой. А главный виновник бедлама – Дарин – болтался подвешенным за ремень штанов на громадной деревянной люстре с чугунными плафонами.

Надеясь, что быстро остывающий и весёлый, в целом, Николай забыл о моей выходке, я, с видом униженной сиротки, боком просочилась в дверь и встала у стеночки. И не знаю, сколько простояла бы, не решаясь побеспокоить хоть кого-то, если бы на всё немаленькое помещение не раздался звучный бас:

– Вы только посмотрите кто тут у нас! – Понимая, что меня заметили, я со вздохом предстала перед прищуренным взглядом Николаса. – Аурелия Стефания Грасс собственной разрушительной персоной!

– Привет, Николай, – мой покаянный вздох не смягчил выражение его лица.

– Неужели вспомнила старика Ника? – ехидно продолжил он. – А я уже решил, что не по статусу выпускнице целой Академии контролируемой магии общаться с простым людом.

– Прекрати, – опутив взгляд, я ковыряла пол носком

туфли, – ты же знаешь, что я не из-за этого!

– А из-за чего же? – со скрещёнными на груди руками мощный и подпирающий люстру головой Николас выглядел очень грозно, так что я опустила голову ещё ниже, здесь, в отличие от ректорского кабинета, действительно считая себя виноватой.

– Боялась, – призналась со вздохом. Но боялась не его злости, а того, что, поверив Дарину, Николас сочтёт меня не пойми кем! А у меня и так слишком мало близких, чтобы по собственной дурасти терять хотя бы одного.

– Дурная у тебя голова, Аурелия, – покачал он головой и, развернувшись, пошёл вглубь кухни. Последовав за ним, я увидела, как повара быстро накрывают маленький столик в углу. – Садись и ешь!

– Николас... – То есть он с самого начала не собирался меня выгонять?

– Сначала обед потом разговоры, – отрезал Николас.

И молча наблюдал, как я ем, начав говорить только после десерта – миниатюрного кекса с глазурью, который не подавали студентам.

– Ты, Аурелия, вроде умная, но иногда такая бестолочь! – сокрушённо признался он. – Да после того, как мне рассказали, что Дарин тебя в углу зажимал при всём честном народе, да руки распускал, куда не следует, я ему сначала уши надрал, потом уборщиком заставил отработать, а после отослал обратно к матери. Не дорос ещё, значит, в приличном месте

работать! – Николас смотрел расстроенным взглядом. – Но ты-то чего сбежала? Я ведь за тебя отвечаю! Перед Грейс и собственной совестью.

Грейс – мой единственный друг, союзник и, по совместительству, повар Присли, в своё время пригрела меня и вытащила из того кокона отчаяния, в который я с каждым днём погружалась всё больше.

– Я... – Нужные слова никак не находились. – Прости меня, Николас. Я боялась, что ты поверишь Дарину, а не мне. Он ведь тебе племянник, а я так...

– Ох, дурё-ё-ха! – С досадой покачал головой Николас. – И, вроде понимаю, что никому кроме себя ты доверять не привыкла, но всё же надеялся, что мы друзья, а не совсем посторонние!

– Друзья тоже бывают разные, – я вздохнула, вспомнив Корсу.

– Значит, это не друзья, – отрезал Николас. – Лучше расскажи-ка мне, какая нужда заставила тебя проведать старика Ника? – Я скривилась, не сумев сдержаться. – Мальчишка Шалинберг допёк? – и такой хитрый у него стал прищур, что я нахмурилась.

– А ты откуда знаешь? Об это что, уже и на кухне сплетничают?

– Так в кухне обычно самые сведующие люди работают, – подмигнул Ник. – Вы же, маги великие, на простых людей свысока смотрите, и не замечаете никого, чем мы и пользу-

емся. Тут слово, там два, и тайн на кухне хранится больше, чем в императорских залах. Даже сам ректор не гнушается по-простому поужинать на кухне!

– Ректор Оллэйстар здесь бывает?

– Бывает, – кивнул он и долил мне пряного отвара, – как засидится опять со своими бумажками до ночи, забудет про ужин, так и приходит, а мне не сложно накормить уставшего человека.

– Допустим, но откуда ты знаешь про Рика?

– Так уж все знают, – пожал плечами Николас, подтвердив мои опасения, – что он на тебя серьёзные виды имеет.

– Прямо серьёзные? – съязвила я и получила в ответ слишком уж строгий взгляд.

– Не ёрничай! Знаю, что всякое у вас бывало. И то, что дурью маялись, изводя друг друга, а ещё знаю, что он на бал тебя приглашал по-старинному. – Николас замолчал, а мне жутко захотелось высказать всё, что я думаю о той старине. – И что ухаживать пытается, а на зимние каникулы собирается позвать тебя в Изервуд.

– К-куда?!

Глава 10

– В Изервуд, – спокойно повторил Николас, и я слишком поздно осознала насколько влипла. – Так что твой Шалинберг влюбился, и вряд ли родители его остановят.

– Он не влюбился, он рехнулся! – разом охрипла я.

Несмотря на родовитость, Шалинберги жили не в фамильном замке, а в столице, желая быть ближе к императорскому двору. Вот только все прекрасно знали, что основная причина не в этом, а в Исгарде Шалинберге – дедушке Рика. Присли всегда отзывался о нём презрительно, как о старом, выжившем из ума старике, но только если никто его при этом не слышал.

– Ты уверен, что это не слухи?

– Я похож на болтуна? – недовольно отозвался Николас. – Ты же знаешь, платники могут заказывать ужин прямо в комнаты, и один из моих поварят видел, как Шалинберг писал письмо, в котором было твоё имя. И отправил его чёрным вестником.

– И что? – Даже легче стало, и я улыбнулась. – Подумаешь! Может он на меня родителям жаловался?

– Ты по сторонам часто смотришь? – покачал головой Николас. – Чёрный с золотом – родовые цвета Шалинбергов, у твоего Рикарда на лацкане всегда приколоты брошь – чёр-

ный меч на фоне золотого пламени – их герб вообще-то! И письмо начиналось со слов «Дорогой дедушка». Какие ещё доказательства тебе нужны?

– Можно подумать, я рассматриваю что там и где приколото у Шалинберга! – вздохнула я, пытаюсь осознать масштабы свершившейся пакости.

Не хочу я быть породистой кобылой в стойле у графского сынка! Час назад я злилась на Корсу? К фаркасам её! Боевику удалось переплюнуть «подружку» по всем фронтам!

– Николас, что мне делать?

При всей самоуверенности, это дело явно мне не по зубам, особенно если в него ввяжется старик Шалинберг.

– Скажи ему прямо, – пожал плечами Николас, не видя в этом никакой проблемы.

– Я говорила, – нервно вертя в руках вилку, призналась ему. – Но он либо не верит, либо плевать хотел на все мои возражения!

– Ну, – Николас озадаченно почесал рыжую с проседью бороду, – ты же знаешь, у них традиции, так что насильно в храм тебя никто не потащит. Жди. Либо ему надоест, либо ты всё же ответишь Шалинбергу взаимностью, – он хитро мне подмигнул.

– Это вряд ли. – Я поднялась. – Спасибо, что предупредил и за обед. Ты не против, если я иногда буду есть у тебя?

– Не против, – пожал плечами Николас, – только вряд ли тебе это сильно поможет.

Никогда ещё мне не было так тяжело высидеть лекцию!

Заклинания, правила, зубодробильные термины... Лучше бы рассказали, что делать с озабоченным шестикурсником, если он твёрдо намерен затащить тебя в свою семью! Честное слово, лучше бы в постель! Даже если получилось бы, я бы отомстила, плюнула и забыла, но нет же, Шалинбергу приспичило познакомить меня с родителями, а, значит... жениться?!

Одно предположение заставляло бессильно беситься, но шаргхов способ отвадить целеустремлённого боевика так и не находился. Уж кто-кто, а этот знал все выверты моего что ума, что характера.

И что теперь делать? Тягаться с герцогским родом? Да я даже с Присли справиться не могу! При том, что до Шалинбергов ему как до императора пешком!

Застрав в собственных мыслях, я что-то кому-то отвечала, но полностью пришла в себя, лишь перед дверью собственной комнаты. Станный хруст привлёк внимание и, опустив взгляд, я подняла носок туфли, под которой лежали белые цветы, на этот раз лилии.

Очередной букет отправился очередной мимо проходящей студентке на последнем усилии воли. И, лишь захлопнув дверь, я позволила себе без сил сползти по ней на пол.

Рваное дыхание, вырывавшееся из груди, не обещало ничего хорошего. Как и пламя, расшатывающее грудную клетку, давящее на меня уже изнутри. Как будто снаружи мне

мало проблем!

Дыша по счёту, я вдыхала, только когда воздух в лёгких заканчивался совсем. И это помогло, замедлив пульс и заморозив на время мой дурацкий дар. Тот самый, который с каждым днём выдавал меня всё больше.

Тяжёло вздохнув, я поднялась, опираясь о дверь, и, бросив сумку, поплелась в душ. Может, вода смоеет усталость вместе с имеющимися трудностями? И пусть с этим не повезло, но хоть голова перестала гудеть, словно её в колокол засунули. Но ровно до того момента, пока я не увидела на своём столе ярко-красную птичку.

Рианы слышали мою просьбу и вернули ректора к привычным вестникам?

«Восемь вечера, лаборатория 101. О.О»

Ориан Оллэйстар.

В академии практически не звучало это имя. Даже у преподавателей изредка проскакивало лишь «таер Оллэйстар», а с гостями ректор вовсе общался за закрытыми дверьми своего кабинета.

Покачав головой, мне хватило совести порадоваться ректорской предусмотрительности – после разговора с Николасом я напрочь забыла про его задание. Которое возвращало меня к Корсе.

Ну, какой надо быть дурой, чтобы посчитать меня соперницей! Хотя... выходило, что не так уж она неправа. И, может, в чём-то я могла бы её понять, если бы не украденный

кулон и намерение отчислить меня из академии.

Шаргх!

Вот что стоило Корсе прийти и честно всё рассказать! Может, вместе мы смогли бы переключить внимание Шалинберга на неё и лишились уймы проблем... но кому я вру! Если бы она только заикнулась о своей неразделённой любви, я рассмеялась бы ей в лицо, и это ни разу не комплимент в мою сторону.

А вообще пора прекращать истерить и отвлечься на что-нибудь другое, да хотя бы на ту самую схему, пока есть время до встречи с ректором. И головой я понимала, что рано или поздно доиграюсь, меня сдадут если не студенты, то кто-нибудь другой, кто заметит мои схемы, но... если бы не учёба, я бы сутками сидела за своими заклинаниями. Это было тем, что поддавалось контролю даже хуже, чем мой стихийным огонь.

Взглянув на время спустя час, я засобиравалась, стянув в высокий пучок не до конца высохшие волосы. Выбросив из сумки всё кроме карандашей и тетради, выскочила из комнаты и заторопилась к лестнице.

В подвальном этаже, где располагались лаборатории, я оказалась впервые. Студентам госмагии просто нечего было разрушать, поэтому основными местными обитателями считались лекари, артефакторы и бытовики. Боевики прекрасно справлялись и с уничтожением полигонов, поэтому их сюда просто не пускали – лабораторная защита для них оказалась

бы слишком хилой.

Пройдя до конца сумрачного, со стенами из необработанного камня коридора, я упёрлась в тупик и задумалась. Времени оставалось всё меньше, а лабораторий с нужным номером не оказалось ни одной, как и предположений где её искать. Может, стоило уточнить? Потому что оббежать за оставшиеся пять минут все пять корпусов академии – так себе идея... но бежать не пришлось. Услышав за спиной гулкие шаги, я обернулась – ко мне неспешно подходил ректор Оллэйстар.

– Добрый вечер, лиерра Грасс. – Он прошёл мимо, остановившись перед тупиком, и приложил раскрытую ладонь к стене. – Видите что-нибудь?

Каменную стену? Древний чадающий факел? Мифическую некромантскую пентаграмму?

– Значит, не видите, – констатировал Оллэйстар спустя пару мгновений. – Будьте добры, подойдите.

Легко. Сделав пару шагов, я остановилась на расстоянии вытянутой руки и вопросительно подняла бровь.

– Ближе, лиерра Грасс. – С тенью улыбки он взял меня за руку и потянул, заставив сделать последний шаг. Между нами осталось слишком мало пространства, чтобы я могла чувствовать себя в безопасности, но, кроме моей обострившейся паранойи, ничего страшного не происходило. – Не бойтесь, я не причиню вам вреда, всего лишь привяжу отпечаток вашей магии к проходу, чтобы вам не приходилось ждать

меня в коридоре. – Прищурившись, он смерил меня внимательным взглядом. – Я ведь могу рассчитывать, что после этого толпы студентов не ринутся в закрытые лаборатории?

Лаборатории?

– Можете, ректор Оллэйстар. – Друзей у меня нет, а если бы и были, шаргха с два моё любопытство дало бы поделиться такой тайной.

– Прошу прощения, – ровно отозвался ректор.

Спросить за что я не успела.

Неуловимым движением Оллэйстар развернул нас, поставив меня перед собой, и, продолжая крепко удерживая, приложил мою раскрытую ладонь к тому месту, где ещё недавно лежала его. Мне даже испугаться не пришлось, вперёд страха пришла боль, да такая, что я взвыла, пытаюсь отдернуть руку. Но куда там... Оллэйстар держал крепко, не давая не то, что сдвинуться с места, даже повернуть голову и то не получалось!

А ладонь продолжало жечь так, словно я приложилась к стоящему на очаге чайнику. Или кастрюле. Или к любому другому раскалённому металлу.

И даже тёмные искры, лизнувшие пальцы, казались уже не гибелью, а избавлением. Но вот стена передо мной вспыхнула зелёным, и Оллэйстар отнял мою руку от камня, на котором остался характерный отпечаток. Отскочив, обняв одну ладонь другой – в основном, чтобы скрыть не угомонившийся ещё огонь – я перевела злой взгляд на Оллэйстара.

– Я извинился, – напомнил он и мгновенно оказался рядом, чтобы отнять мою ладонь и накрыть её своими.

– Что вы?..

Он же сейчас поймёт, что я стихийник!

– Ваше присутствие рядом с лабораториями натолкнуло бы других на лишние мысли, – объяснил ректор, кажется, не замечая никого огня. Опустив взгляд, я выдохнула – его и не было. – Но вы, лиерра, не являетесь ни преподавателем, ни работником академии, поэтому мне пришлось воспользоваться обходным путём, добавив ваш отпечаток магии к тем, что уже числились в защитной системе академии. Поэтому вам было так... неприятно.

Неприятно?! Ладонь всё ещё горела, наверняка покрывшись пузырями. Интересно, лекари вылечат такой ожог до завтра, или завтра на лекциях мне придётся обходиться одним слухом?

– В следующий раз предупреждайте заранее, – скривилась я, смаргивая выступившие слёзы.

– Вам это чем-то поможет? – удивился Оллэйстар, подняв взгляд от моей руки.

– Многим, потому что незнание не освобождает от ответственности, – буркнула я, отводя глаза. Особенно, если это ответственность за случайно спалённую ко всем фаркасам академию. – А если бы я случайно, на одних рефлексах, ударила вас заклинанием?

– И откуда у вас такие рефлексы, лиерра Грасс? – насмеш-

ливо поинтересовался ректор, отходя. – И заклинание, которым вы могли бы мне навредить? Может, с такими знаниями вам стоило поступать на боевой факультет?

То, что рука больше не болит, я осознала с опозданием, а, перевернув ладонь, лишь убедилась, что Оллэйстар полностью вылечил ожог.

– Не только боевикам нужно уметь за себя постоять, – ровно отозвалась в ответ, получив цепкий внимательный взгляд.

Боги, но когда я уже перестану умничать?! Или хотя бы выставлять себя самой умной... ну, не бывает от этого ничего хорошего.

Не. Бы. Ва. Ет.

– Идёмте.

Вопроса «Куда?» не возникло, тупик исчез, словно его не существовало, а мне открылось продолжение коридора, в котором дверей оказалось ещё больше, чем до этого.

И эти, видимо, лаборатории отличались от учебных, как рианы от фаркасов – жрущих всё подряд тварей, спустившихся с гор около двенадцати лет назад. Другими были не только надписи на табличках, сами лабораторные двери были другими. Одни тёмно-зелёными и вроде обычными, другие – мерцающими синим, третьи – словно облитые смолой – непроглядно чёрные и переливающиеся...

Моя любознательность требовала потрогать все, и, желательно, посмотреть, что у них внутри, но... я себе не враг. Не до такой степени точно.

Увы, далеко мы не ушли, остановившись у первой же чёрной переливающейся двери, к которой ректор вновь приложил ладонь.

– Запомните нужную лабораторию и в следующий раз ждите меня здесь. Только не трогайте ничего, – предупредил Оллэйстар, взялся за ручку и жестом пригласил меня проходить.

Глава 11

– Как скажете, ректор Оллэйстар, – остановившись в середине, я не рискнула идти дальше.

Два лабораторных и один обычный стол, шкаф с книгами и два с артефактами – ничего интересного здесь не оказалось.

– Меня радует ваша покладистость, – хмыкнул он, и в антураже звука закрывающейся двери это прозвучало... слишком.

– Глупый риск не то занятие, которое меня привлекает. – И вроде ректор не сделал ничего, но в лаборатории стало заметно светлее.

– Поэтому у вас два выговора в досье? – Подойдя к письменному столу, Оллэйстар начал что-то там искать.

– Оба они получены из-за того, что раньше я была слишком... – замялась, подбирая подходящее слово, – импульсивной.

– И что изменилось? – Не услышав ответа, ректор поднял взгляд от бумаг.

– Я не понимаю к чему эти вопросы, ректор Оллэйстар, – скрестив руки на груди, недовольно призналась я. – И как они относятся к моей вам помощи.

– Лиерра Грасс, – он смотрел на меня, насмешливо заломив бровь, – не знаю как вы, а я предпочитаю работать с

человеком, с которым можно перебороться хотя бы парой фраз. И в данном случае это актуальная проблема, поскольку вы – студентка моей академии, а я привык к дисциплине.

Резонно, конечно, но нам так уж обязательно общаться?

– Я научилась держать себя в руках, – просто ответила я, наблюдая, как ректор открыл один из стеллажей и достал оттуда шкатулку из светлого дерева. – Это тот самый артефакт?

– Да.

подавшись вперёд, я смотрела, как Оллэйстар ставит её на лабораторный стол, но не голыми руками как мне показалось – шкатулка висела между его ладонями, не касаясь их. И, конечно, я не сдержалась, полуприкрыла глаза, в следующее мгновение зашипев и едва не ослепнув от зелени защитных заклинаний.

– Лиерра Грасс! – прорычал Оллэйстар над моим ухом, в то время как его рука занималась чрезвычайно важным делом – закрывала мне глаза. – Объясните, как ваше поведение сочетается с вашим же недавним заявлением о риске?

– Извините, поторопилась, – призналась виновато. – Обещаю, что больше и шага не сделаю без вашего приказа.

Демонстрируя покорность, я села на стоящий рядом стул и сложила руки на коленях. У меня выдалась редкая возможность посмотреть за работой выдающегося мага, вот только вопрос в какой именно области...

Практически вся западная граница империи состояла из сплошного горного массива, коварного и беспощадного как

к человеку, так и к магу. Единственным безопасным местом там можно было назвать Академию неконтролируемой магии, расположенную между Эфеем и Илэйдом – горами-близнецами. Если вообще можно говорить о безопасности, учитывая, что там обучали стихийников – тех, кого дружно ненавидел весь остальной мир. И именно из-за них мы не сразу поняли, какую угрозу упустили. Землетрясения, оползни, лавины. Неопознанные хищники и следы кровавых пиров.

Всё это списывали на нестабильный, из-за академии стихийников, магический фон и лесное зверьё. Вот только мёртвую маленькую деревушку списать оказалось не на кого. Об этом упоминали в газетах, заметно преуменьшив масштаб проблемы, но слухи – самое страшное оружие. И император отправил к западной границе боевых магов.

Вот только, когда они пропали, стало поздно.

Словно по команде с гор поползла такая нечисть, что жители ближайших к Асиланским горам деревень и поселений без приказов и просьб бросали скот, жилища и налаженную жизнь, перебираясь ближе к большим городам. А на подходах к Равей – горе, с которой ползла основная масса тварей, развернули настоящий военный лагерь, сходу ставший желанной целью нечисти.

«Вестник Оришана» как-то публиковал их портрет, уже после того, как мы победили фаркасов. Тупая лысая морда с плоским носом и широкой пастью, жёсткая тёмная шерсть,

спускающаяся от шеи и ниже, огромное волчье туловище, с вывернутыми суставами на задних лапах. По рассказам Грейс после этого выпуска успокаивающие и снотворные зелья в лавках раскупили в одно мгновение – ей самой пришлось ездить за ними в Унаш, Присли никогда не отличался храбростью.

Но всё закончилось так же незаметно, как и началось. В один промозглый осенний вечер императорским дворцом было объявлено об окончании войны с фаркасами. Днём позже только провозглашённый императором Лориан III лично выступил на главной площади Унаша, восхваляя доблестных боевиков и с почестями вспоминая погибших. Это было семнадцать лет назад, за пять до того года, когда моя личная, детская в светлых оттенках, жизнь разбилась о несправедливую реальность.

Ориан Оллэйстар пришёл с той войны героем, а в начале следующей осени уже он говорил речь с трибуны в главном академическом зале, за эти годы не только подтвердив заслуженность полученных наград, но и заработав уважение всех обитателей академии.

Так что ректор просто обязан быть боевым магом, но это ни разу не мешало ему вот прямо сейчас демонстрировать неплохие знания артефакторики.

– Можете начинать, лиерра Грасс, – сообщил он меньше чем через четверть часа, отходя в сторону.

– Что начинать? – Хорошо бы получить подробные ин-

струкции, а не как тогда со шкафом.

– Мне нужны заклинания. Все, что вам удастся увидеть.

Непростая задача. Примерно как сдать магическое право с первого раза, но когда это меня останавливало...

Вздыхнув, я встала со своего места и перевела вопросительный взгляд на ректора.

– Я могу подойти к артефакту?

– Прошу, – он демонстративно взмахнул рукой и отошёл на шаг от стола. – Только не трогайте шкатулку, она наверняка опасна.

И если он ещё мог в этом сомневаться, то я видела точно – такой гадости ещё поискать.

– Мне хочется до неё дотронуться, очень, – произнесла я со вздохом спустя несколько секунд и обернулась на Оллэй-стара. – Но это не моё желание.

– Попробуйте отойти, – посоветовал Оллэйстар и, сделав полшага назад, я почувствовала, как навязчивое желание ослабевает, а спустя ещё полшага исчезает совсем.

– Кто-то приготовил очень неприятный сюрприз для самых неосторожных, – я снова сделала небольшой шаг вперёд, контролируя влияние артефакта до терпимого уровня.

– Таких, как вы?

И я бы оценила насмешку, но сейчас имелось занятие поинтереснее.

Что я видела? Не так много, как хотела. Та ослепляющая зелень явно принадлежала ректору, но под ней оказалось так

мало, что мысли о ловушке пришли сами собой. Особенно, стоило увидеть едва различимый фиолетовый внушающий фон.

Ещё на полшага ближе и привлекательность артефакта увеличилась в разы, но я держалась. Что там каким-то заклинаниям против желания закончить с помощью ректору как можно быстрее! И что-то цепляло тренированный взгляд, как сегодня на лекции со схемой, но что именно...

Ещё полшага, гораздо более уверенные, сделанные с нетерпеливым желанием поскорее приблизиться и взять уже в руки эту прелесть!

Невероятно красивую, вырезанную из цельного куска дерева мастером своего дела.

– Лиерра Грасс. – Пока ещё предупреждение, но я чувствовала, что приблизиться ещё мне не дадут.

– Что-то не так, – я тряхнула головой, пытаюсь сбросить наваждение. – Что-то мешает.

– Что?

Ректор Оллэйстар стоял за мной, на границе действия неизвестного внушающего заклинания. Страховал? Или не желал попадать в ту же ловушку? Неважно, потому что мне пришлось сцепить пальцы, мешая ладоням дотронуться до коварного артефакта.

– Есть какая-то нелогичность в... крышке, – стоило озвучить предположение, и я поняла, что так и есть.

И гораздо внимательнее всмотрелась в узор. Закрученный

кант не при чём, вырезанные по углам ветви акрогуса тоже. А вот цветы аерии... Четыре крупных бутона, расположенные ближе к центру, выглядели одинаково и симметрично, но...

– Верхний правый цветок, – ректор так и не сдвинулся с места, но видел, кажется, больше меня, – в сердцевину вставлен гагат.

– Как вы?..

Вопрос захлебнулся, когда Оллэйстар буднично обошёл меня и встал у стола. И я не понимала, о каком камне он говорил, пока, ректорскими усилиями, тот сам не поднялся над крышкой, оставив после себя отверстие величиной с головку булавки.

Камень, цветом не отличающийся от цвета дерева! Как Оллэйстар, вообще, его увидел?!

– Так лучше?

Лучше?! Зрение взорвалось болью, стоило вернуть взгляд на шкатулку.

Кто смог такое сделать?! У кого хватило ума, силы и, главное, терпения, переплести зелёные и синие линии заклинаний в одно полотно? Под которым гарантированно ждало ещё много сюрпризов.

Но, по крайней мере, приближение к шкатулке больше не угрожало неизвестными, и от этого ещё более опасными, неприятностями.

– Ректор Оллэйстар, здесь... – я встретила с ним взглядом, – столько заклинаний... Тот, кто это сделал должен

быть талантливейшим артефактором! И сильным магом.

– Он им и был.

Движением руки ректор поднял шкатулку над столом, но и снизу не оказалось ни одного просвета. Защитный кокон опутывал её сине-зелёным клубком, который идеально подстраивался под происходящее – проминался, сужался и расширялся. Если было нужно.

И, если верить теории, то даже самое заковыристое заклинание можно распустить, как вязание Грейс, потянув лишь за одну нить, но здесь зацепиться оказалось не за что.

– Абсолютно непроницаема, – со вздохом ответила я на вопросительный взгляд ректора. Очень задумчивого ректора. – Может быть, есть книги... – В том самом книжном шкафу в его кабинете, содержимое которого с первого мгновения захотелось изучить. – Которые помогли бы мне... и вам? Может, мне просто не хватает опыта и знаний?

– Лиерра Грасс, – под его ироничным взглядом я отвела глаза, якобы снова заинтересовавшись шкатулкой, – если такие книги и существуют, то ни в библиотеке академии, ни в моём личном собрании их нет. – Замолчав на мгновение, ректор всмотрелся в меня уже гораздо внимательнее. – Вы ведь не осознаёте уникальность своего дара?

Даже если и осознаю в этом всё равно не много смысла. Способность видеть заклинания мне помогала – в выполнении заказов, в вылазках в библиотеку, чтобы обмануть Присли... но что дальше? Где, в той же канцелярии, я смогу поль-

зоваться этим так, чтобы не привлечь к себе лишнее внимание?

– Вы знаете, что такое кварц Габюса? – Ректор присел на стол, загораживая мне вид на шкатулку.

– Не знаю, ректор Оллэйстар.

Артефакторика никогда меня не интересовала. В солнечном сплетении неприятно заскреблось, и я сделала шаг назад, увеличивая расстояние между собой и Оллэйстаром.

– Кварц Габюса добывают только в одной горе, расположенной на северо-западе Миерии. Уникальное сочетание породы, течений подземных рек и аномального магического фона наделяет минерал особыми свойствами, благодаря которым он служит аналогом вашей способности – в зависимости от окраса показывает какие заклинания наложены на предмет. – Ректор опёрся ладонями о стол, кажется, не собираясь продолжать.

– Значит, вы можете воспользоваться кварцем Габюса?

– На сегодняшний день единственный в империи кварц находится в императорском хранилище, в личном распоряжении Лориана III.

Обидно. Особенно, учитывая, что у императора в наличии целый штат талантливейших магов. И, значит, слухи врут – дружба между ректором Оллэйстаром и Лорианом III преувеличена газетными фантазёрами, иначе вопроса с недоступностью кварца Габюса даже не возникло бы.

– Я посмотрю ещё раз, – не став скрывать тяжёлый вздох.

Ректор оттолкнулся, отходя, и сделал приглашающий жест рукой. Защитные заклинания светились даже не трёх – четырёхузловыми схемами с таким количеством плетений, что рябило в глазах. Надо не забыть спросить у ректора имя безумного гения, воплотившего эту защиту в жизнь.

– Безумно сложные схемы. – Крутить шкатулку над столом, как это делал Оллэйстар, я не умела, поэтому ограничилась рассматриванием её со всех сторон. – Они не цепляются друг за друга, а перетекают без потери свойств.

– Сколько их?

– Не знаю, – я медленно покачала головой, не отрывая взгляда от артефакта. – Много, не меньше двадцати. Сложно сказать точно, заклинания настолько плотно расположены, что я не то, что нижний слой – саму шкатулку практически не различаю!

– А так?

Резко участившееся сердцебиение наглядно показало, что он имел в виду. Оллэйстар подошёл со спины, остановившись так близко, что я чувствовала его всей спиной. Нет, нет и нет, только не надо ко мне так подходить! Резко, страшно, загоняя в ловушку...

Ладони похолодели, и я попыталась отстраниться, но оказалось просто некуда. Судорожный вздох, и, в бесполезной попытке отвлечься, я перевела внимание на шкатулку.

– Шаргх!

И отлетела прямо в руки ректора, ударившись затылком

о его плечо.

Я видела! Видела всё... ну почти всё и... Невероятно. Просто невероятно.

Неизвестный гений уложил заклинания тремя слоями, заметно усложняя каждый нижний. И охранки оказались заданием для первокурсника, в отличие от второго слоя, в котором атакующие настолько тесно переплетались с заклинаниями иллюзии, что передо мной предстало сплошное оранжевое полотно, связанное из красной и жёлтой пряжи.

И всё это переливалось – более яркой, сине-зелёной, рябью верхнего слоя и... чёрной самого глубинного. Больше того, искрила не только шкатулка – переливались разными цветами абсолютно все предметы, находящиеся в лаборатории!

Чтоб меня фаркасы сожрали! До этого самого момента я даже не предполагала, что могу видеть столько... и так!

– Лиерра Грасс, с вами всё в порядке?

Интересно, если я попрошу, чтобы ректор помолчал хотя бы четверть часа, это будет слишком? Потому что зарисовать хотелось всё, от жёлто-фиолетовой схемы на письменном столе до всех трёх слоёв на шкатулке!

– Да, я... просто... – Мысль никак не формулировалась, потому что я склонилась над артефактом, практически ткнувшись в него носом.

Трогать руками не собиралась, но, может, так мне удастся разглядеть нижние, смертельные заклинания во всех по-

дробностях? И записать как назло не на чем! Как чувствовала – собиралась захватить бумагу и карандаш, но поторопилась и забыла.

И сейчас жалела так, как никогда до этого!

Потому что тот артефактор создал настоящее произведение искусства! Вот так, навскидку, мне не удавалось понять даже того, сколько основных узлов в ртутно-чёрных схемах, но в том, что больше трёх я могла ручаться. Линии сходились под самыми невероятными углами, подобных которым я не видела не то, что в жизни – даже в древнейшем, бесценно важном, случайно найденном у Присли учебнике «Теория для заклинателя».

– Мне не трудно каждый раз нарушать ваши личные границы, особенно, если это приводит вас в такой восторг, но подозреваю, что вы быстро к этому привыкнете.

– Что?.. – я скользнула по ректору бессмысленным взглядом, надеясь отыскать в пределах досягаемости хотя бы маленький клочок бумаги.

– Вы привыкнете к моему присутствию, – его голос дразнил насмешкой, – а пугать вас по-настоящему мне бы не хотелось.

– Спасибо, я... – глаза, наконец, встретились с глазами и я вздохнула. – Пожалуйста, дайте мне минуту и, обещаю, я расскажу вам всё!

– А я вас недооценил, лиерра Грасс, – многозначительно хмыкнул Оллэйстар, но мне стало уже всё равно.

Ни одного листка не оказалось, а нагло потрошить единственный в помещении стол точно не пристало законопослушной студентке. Поэтому я вернула всё внимание шкапулке, пытаюсь запомнить хотя бы связующие линии между узлами, чтобы в тишине и покое собственной комнаты их перерисовать.

Вот только в этот раз артефакт решил отомстить мне за излишнее любопытство.

Глава 12

Первым вернулось зрение, и уже потом осознание, что я лежу на единственном подходящем для этого месте – маленьком диване у дальней стены.

Лежу.

Последний раз я теряла сознание в кабинете Присли, куда забралась, чтобы основательно подпортить ему накопители, ведь без них он не мог практически ничего. Хорошо, что меня нашла Грейс, успев переложить в кровать до прихода опекуна! Но план я всё же осуществила, хоть и на полгода позднее.

Но почему сейчас?

Осторожно покрутив головой, убедилась, что боли нет и смело села, спустив ноги. Подумать только, второй раз в жизни я потеряла сознание и из-за чего? Из-за дрянного артефакта, вздумавшего показать характер! И это мне! Магу, в клиентах которой значились даже несколько боевиков!

Шаргхова шкатулка! И я буду не я, если не смогу снять защиту безумного гения.

– Вы свободны, лиерра Грасс. Конечно, если пришли в себя, – глядя на то, как я встаю и надеваю туфли, сообщил стоящий напротив Оллэйстар. – У меня нет желания сводить вас в могилу.

Конечно, ему же потом отчитываться за самовольно пре-

ставившуюся студентку. Хотя, что уж теперь... стоило подумать об этом вчера, но не тогда, когда я с взглядом серийного маньяка прикидывала, как бы снова подступиться к артефакту.

– Извините, ректор Оллэйстар, но теперь это дело принципа.

– Насколько я помню, сохранение собственной жизни тоже один из ваших принципов. И он прямо противоречит вашему заявлению.

И кто меня за язык тянул!

– Случайный обморок не является угрозой для жизни. Я прошу вас разрешить мне продолжить работу...

– Не смешите, Аурелия, – ректор скрестил руки на груди, – вы к этому не привыкли и тратите слишком много не только магического резерва, но и собственных ресурсов.

Не помню, когда я просила последний раз, но ему на это явно наплевать – Оллэйстар принял решение. И не собирался его менять. А у меня осталась последняя возможность заставить его изменить мнение – низкая, откровенно подлая, но имеющая все шансы стать удачной. И либо всё обойдётся, либо завтра моя фамилия окажется первой в списке отчисленных.

Перспектива отдавала гнильцой, но при всём желании остановиться я уже не могла.

– Я расскажу Академическому совету, что это вы дали мне отмычки от библиотеки. – Очень хотелось зажмуриться, но

я держалась и поэтому видела, как изменилось выражение его лица.

С ректора разом слетела маска сурового руководителя, и совершенно некстати мне подумалось, что он гораздо моложе, чем я думала. Вот только Оллэйстар – не студент, чтобы спускать такие выходки.

– Вы в своём уме, студентка? – тихо спросил он, но от этого тона мне стало гораздо страшнее, чем, если бы ректор просто на меня наорал. – И как вы планируете объяснять совету мои мотивы?

Молчи, молчи, молчи!

– Чтобы тайно там со мной встречаться.

Отчётливо понимая, что именно сказала, я всё-таки зажмурилась и втянула голову в плечи, осознав, что он не отчислит, нет. Оллэйстар меня просто прибьёт, тем более что магу его уровня нетрудно скрыть следы преступления, выбросив слишком наглый труп в лес.

Но прошла минута, потом другая, а ничего не происходило, и я решилась приоткрыть глаза – ректор Оллэйстар стоял в нескольких шагах от меня и, сложив руки на груди, мрачно изучал. Тоже меня. Похоже, что чувство вины в его присутствии становится моей привычкой.

– То есть вы пошли на шантаж только ради того, чтобы продолжить работу с артефактом?

– Простите, ректор Оллэйстар, – я закусила губу и сцепила руки перед собой, – я... ничего никому я не скажу, но мне

правда очень хотелось бы вам помочь! – Честность – ещё одна моя большая проблема. – Если вы позволите, всю ответственность за свою жизнь я возьму на себя!

Особенно учитывая, что если я случайно самоубьюсь, Присли получит неограниченный доступ к моему наследству, и наверняка будет скакать от радости на моей могиле.

Оллэйстар молчал, глядя на меня тяжёлым взглядом, а я прикидывала, что проще – сбежать в соседнюю Миерию или вернуться в дом опекуна и подстроить тому несчастный случай. Потому что после таких взглядов отличные дипломы не получают.

– Хорошо, лиерра Грасс, – наконец ответил ректор, – я разрешу вам продолжить работу со шкатулкой.

Вот так просто? Без наказаний, чистки вольеров и другой высочайшей мести?

– Спасибо! – ещё не веря его словам, выдохнула я, чувствуя, как с души упал не просто камень, целый Норатайский хребет. – Поручение за свою жизнь я могу подписать хоть сейчас, – повторила я и снова поторопилась.

Хоть эта бумажка, где несовершеннолетний писал, что он, такой-то такой-то предупреждён и принимает на себя все последствия такого-то шага, и принималась судами, но за всю историю руководства Оллэйстара никто ни разу её ещё не подписывал. Даже если сильно хотел.

– Льерра Грасс, – во взгляде ректора зажёгся недобрый огонь, – пока я ректор этой академии мне по силам сохранить

вам жизнь и здоровье.

Не стоило мне влезать. Вот не стоило и всё. Где хладно-кровие, которым я так гордилась? Да где хотя бы простейший инстинкт самосохранения? Всё-таки права была куратор – со мной точно что-то не так.

Без лишних слов подняв с пола сумку, я пошла к выходу, понимая, что сегодня никакой работы уже не будет.

Но это был ещё не конец...

Кто бы знал, насколько мне не хотелось проходить мимо однозначно раздражённого ректора, но в лабораториях даже окон не было, чтобы из них выпрыгнуть! Поэтому пришлось брать себя за ошмётки пошатнувшейся уверенности и стараться ступать как можно тише. Вот только, в отличие от главного академического зала, лаборатория занимала гораздо меньшую площадь, так что через два шага я всё же сравнялась с наблюдающим за мной ректором.

Как же... страшно? Нет, но неудобно. Настолько, что я застыла на мгновение, пытаюсь справиться с волнением перед тем, как сделать последние несколько шагов, но...

Рывок, и вместо желанного выхода я вижу ворсинки на чёрном воротнике-стойке, а руки сведены в безболезненном, но сильном захвате за спиной.

– В следующий раз... – я попыталась дёрнуться, но куда там! – не угрожайте тем... – от сковавшего ужаса всё, что мне удавалось это, не дыша, смотреть в его очень медленно приближающиеся глаза, остановившиеся так близко, что

следующие слова я ощутила дыханием на своих губах, – чего не сможете доказать!

Оллэйстар отпустил меня так же неожиданно, как перехватил – когда я уже не могла смотреть в его глаза и закрыла свои. Отступив, он вернулся к письменному столу, дав понять, что аудиенция закончена.

И если бы кто-нибудь спросил, как я оказалась у себя, мне не удалось бы вспомнить. Кажется, я в жизни так быстро не бегала, как в этот вечер, стремясь оказаться от лабораторий и от ректора как можно дальше.

Очнулась я только когда почувствовала тянущую боль в груди. Встряхнулась, растерянно глядя на свои руки и на дверь, увешанную двумя десятками заклинаний, напроочь исчерпавшими резерв. Но и эта мера помогала лишь первые несколько мгновений. Приложив ладонь к бешено бьющемуся сердцу, я отступала, пока не запнулась о стул. Оглянулась, не узнавая комнату, и влетела в ванную, закрыв за собой дверь на замок.

Рианы милосердные! Да если бы я только знала, как он решит отомстить мне за оскорбление, плюнула бы и задавила все свои исследовательские порывы! Ненавижу! Не терплю собственную беспомощность! Здесь, за шесть прошедших лет, я совсем от этого отвыкла, и подлый приём Оллэйстара вышиб воздух из груди. Я пыталась, но никак не могла вдохнуть, опустившись на пол и оперевшись спиной о холодную стену.

Слишком яркими оказались воспоминания, которые я хотела навсегда забыть...

Лето перед первым курсом выдалось удивительно солнечным – вода в лесном озере прогрелась уже к седьмому числу, а игольчатые ветки ориосов тянули в чащу, обещая влажную прохладу и спасение от жары. Получив в конце июня вестник из академии, с подписанным договором на зачисление, оставшиеся два месяца я не замечала ничего. Как же! Мечта сбылась – меня приняли на факультет государственной магии по специальности документоведение!

Оставалось всего три дня до того, как я услышу цокот лошадиных копыт академической повозки, когда барон Присли вызвал меня к себе. Но что он мог сделать? Я зачислена в Академию контролируемой магии, договор на шесть лет обучения подписан, а в случае моей неявки сюда приедет проректор Оелуон собственной персоной.

И я пошла, понимая, что скрываться больше не в силах, исключительно из любопытства что ещё надо опекуну, помимо моей подписи на документах.

В мрачном кабинете не оказалось никого, кроме Присли. Поначалу жизнерадостная, я с каждым последующим мгновением всё больше осознавала, что ничего хорошего из нашей встречи не выйдет. Даже зная, что из длинного списка запретов, подаренного Присли на мой двенадцатый день рождения, не делала ничего, за что он мог меня наказать.

Присли стоял ко мне спиной, но вряд ли его так уж сильно

интересовал раскинувшийся за окном, холёный, модный в этом сезоне парк.

Тишина переливалась всеми оттенками ярости, становясь тем страшнее, чем меньше я понимала происходящее. Ногти давно впились в кожу ладоней, наверняка оставив ярко-красные следы. Не от гнетущего страха, нет. Только чтобы сдержаться, задавив порыв подготовить начальное плетение.

Присли не должен знать, на что я способна.

– Барон Присли? – Смелость рассыпалась, не долетев даже до его стола, вместе с тихим писком, заменившем мне голос.

Резкий поворот. Взгляд, обычно безразличный, сейчас полоснул звериной жестокостью. И лишь шорох планирующего листа, брошенного тонкой ухоженной рукой, нарушил тишину этой жуткой минуты. Уведомление. О том, что заключённый с академией договор вступил в силу почти месяц назад, с поздравлениями и напоминанием, в какое время ждать повозку.

– Вздумала меня одурачить, мерзавка? – Впервые Присли злился так, что водянистого цвета глаза потемнели. – Думаешь, я идиот и не знаю, что ты забыла в этой поганой академии?

– Я... Мне просто нравится учиться, а это – лучшее учебное заведение в империи!.. – Я храбрилась, собираясь добавить что-то об исполнении мечты, но Присли сделал то, чего никогда не позволял себе раньше.

Один взмах трости разделил реальность на до и после.

Заготовленное ещё до моего прихода, заклинание впечатало меня в противоположную стену, но вместо того, чтобы дать бессознательно по ней сползти, пришилило к тёмно-зелёной ткани, словно одну из бабочек в его коллекции насекомых. Ни пошевелиться, ни стереть кровь, первая из капель которой горячей слезой потекла по виску.

Большого ужаса я в жизни не испытывала, как в ту минуту, когда ко мне не спеша приближался Присли, издевательски поигрывая тростью с встроенным накопителем.

– Я всё о тебе знаю, неблагодарная дрянь, – тихо произнёс он, остановившись в полушаге от меня. И зажмуриться бы, но Присли больно схватил меня пальцами за подбородок. – Смотри на меня, когда я с тобой разговариваю!

И я смотрела широко распахнутыми глазами как он, явно гордясь собой, описывает мне рассчитанные им перспективы.

– Ты ошибаешься, если думаешь, что сможешь спрятаться от меня под крышей этой паршивенькой академии. Поверь, я найду способ вытащить тебя оттуда раньше, чем закончится первый курс! И, как только тебе исполнится двадцать три, как миленькая отправишься в храм с тем, на кого я укажу. И произнесёшь все традиционные клятвы. Иначе пострадают те, к кому ты успела так привязаться! – Единственной, с кем я общалась, оставалась Грейс, и угроза заставила горло сжаться спазмом. – Ты хорошо меня поняла, мерзавка?

– Да, – с трудом прохрипела я, радуясь, что кроме меня

никто не может аннулировать договор с академией.

А в следующее мгновение полетела вниз, чувствительно ударившись ещё и об пол, но Присли это не волновало – он повернулся ко мне спиной и вернулся за стол.

– Свободна, – процедил он, видя, что я не тороплюсь покидать его кабинет.

К счастью, ничтожных секунд передышки мне хватило, чтобы встать, опираясь о стену, из последних сил поклониться и, хромя, выйти за дверь.

Грейс замешивала тесто.

Правда, до того момента, пока я не перевалилась через порог кухни, едва пережив две лестницы и коридор. И только моя бессознательная тушка спасла этот дом от ругани, а Грейс от увольнения.

Оставалось три дня до отъезда в академию.

Это был первый и последний раз, когда Присли поднял на меня руку. Потому что следующим летом я приехала не только заметно поумневшая, но и официально принадлежавшая академии. И больше никогда не оставалась с Присли наедине.

И вот снова – это удушающее ощущение беспомощности!

Умом я понимала, что ректор рассчитывал исключительно на мой испуг, чтобы не нагнела, но... ничего не проходит бесследно. И за эту брешь в моей броне стоит винить только Присли.

Открыв кран, я пару раз плеснула на лицо ледяной водой,

и вылезшие страхи начали отступать, возвращаясь в самый дальний угол сознания. Глубоко вздохнув, подняла голову и встретила взглядом с отражением.

– Красотка! – скривившись, фыркнула я и распустила пучок, позволив длинным, тёмным с рыжиной волосам каскадом опасть за спину.

Ничего особенного – обычная симпатичная мордашка и глаза, обычно серые, но сейчас потемневшие до черноты. Грейс называла меня красивой и ещё на втором курсе обещала, что год-два и отбоя от женихов не будет, но прошло четыре, а в моём распоряжении лишь придурочный Шалинберг и кто-то, кого, судя по намёкам Неиски, Присли уже выбрал мне в мужа.

Правда, если они думали, что я, как покладистая кобыла, беспрекословно пойду в храм, то очень сильно заблуждались!

Вернувшись в спальню, я сняла почти все наложенные на дверь заклинания, уже не поражаясь размаху собственного психоза. С тяжёлой головой, но всё же села за домашние задания, но дело не шло и, кое-как доделав задачи, я захлопнула тетрадь, запуская руки в наконец-то высохшие волосы.

То, что случилось сегодня, могло привести меня к отчислению. Даже несмотря на слова ректора – никто не мешал ему вернуться к себе, обдумать всё ещё раз и ранним утром подготовить приказ, тем более что рабочий день его секретаря начинался задолго до подъёма студентов.

И завтра меня может ждать неприятный сюрприз, который в настоящем отрезке времени порадует слишком многих. Корсу, Присли, Неиски. И это только те, кого я знала лично, без учёта мифического жениха и предполагаемой толпы моих врагов. Так что в чём-то ректор даже делает доброе дело... определённом кругу лиц.

Откинувшись на спинку стула, я с сожалением смотрела на знакомый до каждой пылинки портрет.

Если бы только вы были живы!

Стефания Арана Грасс, в прошлом Оринберг, и Нерий Алекас Грасс были запечатлены осенью, в самый лучший её момент, когда дожди ещё не настолько настойчивы, чтобы превратить всё вокруг в грязь и серость, но листья на деревьях уже приобрели свои неповторимые цвета. Кажется, стоит отвести взгляд, и они продолжают кружиться в объятиях друг друга, смеясь под водопадом из разноцветных листьев.

Если бы не это тайком вытащенное из ящика стола Присли изображение, я бы так и не узнала, как выглядят мои родители. Все портреты первых двух, самых счастливых лет моей жизни остались в нашем поместье, закрытом ото всех по приказу Присли. Как же, смысл содержать немаленький дом, если на свой-то хватало едва-едва!

Прохлада цепочки от кулона на шее успокаивала.

Понимая, что уснуть не удастся, я повалилась на кровать, раскинув руки.

Вся женская часть преподавательского состава обзавидо-

валась бы, узнав, в чьих объятиях мне удалось побывать. И неудивительно – Ориан Оллэйстар уже двенадцать лет оставался ледяным утёсом посреди жаркого преподавательского цветника. И возникающий к нему интерес наших профессоров не помогали скрыть ни приглашения в интимном полумраке пустых аудиторий, ни демонстративное безразличие при свете дня.

Мы – студенты – те, кто пролезут туда, куда раньше считалось невозможным и додумают, то, чего вообще не было. И не знаю, где он находил себе леди, с которыми периодически появлялся на вторых, а то и первых страницах газет, но ни разу за всё время не возникло даже намёка на слух о его романе с кем-то из обитательниц академии.

И студентки в компании преподавательниц продолжали безутешно страдать по неприступному Ориану Оллэйстару.

С отсутствия романтики в одном месте, мысли плавно перескочили на её избыток в другом. Рикард Шалинберг. Раз уж выдалась возможность и время, стоило бы придумать резкую, но достойную речь для того, чтобы отвязаться от боевика с гарантией! Жаль только, что, начав подбирать слова, я провалилась в крепкий сон без сновидений.

Глава 13

Следующее утро началось с ругани.

Я вспоминала шаргха, запнувшись мизинцем о стул, умываясь не до конца прогретой водой, расчёсывая свалявшийся за ночь колтун и ища потерявшийся карандаш. Просто знала – сегодня мне нанесёт очередной ежемесячный визит господин Неиски – поверенный моих родителей.

Подумать только, Неиски! Неужели не нашлось кого-то получше? Потому что никогда в жизни, находясь в здравом уме, я не выбрала бы настолько скользкого гада представлять интересы своей семьи! Одна радость – Неиски всегда приходил после занятий, утром дав мне возможность делать вид, будто ничего особенного не происходило. Хотя толку-то, если к обеду всё равно стало только хуже, и даже ягодный пирог, оставленный Николасом, не спас моё настроение.

Спасибо хотя бы за то, что к ректору для подписания приказа об отчислении не пригласили!

– Лиерра Грасс, – распечатав красный вестник, профессор Ипраберг взглянула на меня поверх очков в тонкой оправе, – вас вызывают к ректору.

Шаргх!

Всё-таки отчисляют? Хороший вопрос, жаль, что ответ можно узнать только на месте. Поэтому, тяжёло вздохнув,

чувствуя тяжесть и холод в районе сердца, я сбросила тетрадь в сумку, и, выйдя из аудитории, поплелась настолько медленно, насколько могла. К сожалению, дверь в приёмную ректора всё равно появилась слишком быстро и, замирая от нехорошего предчувствия, я вошла.

– Лиерра Грасс? – уточнил секретарь, едва на меня взглянув.

– Да, – отозвалась хрипло и откашлялась.

– Пожалуйста, проходите, ректор Оллэйстар вас ждёт.

Вот и всё внимание, хотя обошлась бы и без него.

– Заходите, лиерра Грасс, – раздался голос из глубин открытого кабинета, и у меня не осталось другого выхода. – Садитесь, – хмуро кивнул ректор на стоящее перед столом кресло и снова углубился в чтение.

Как я радовалась, когда мне удалось купить эти туфли, последний размер – вдвое дешевле обычной цены, зато сейчас проклинала глухой цокот высокого каблука, слишком громкого в тишине и официальной атмосфере кабинета.

Опустившись на самый край сиденья, я выпрямила спину и сложила на коленях руки.

– Лиерра Грасс, – отвлекшись на все эти манёвры, мне не удалось застать момент, когда ректор отложил письмо и поднял взгляд на меня, – уточните, по какому поводу вас регулярно посещает господин Неиски?

Ч-что?

Я вскинулась, чтобы тут же опустить взгляд на узорный

паркет.

А какого шаргха этот вопрос прозвучал сейчас, а не шесть лет назад? Присли, как мой опекун ещё тогда писал обращение сначала к ректору, а потом и в Академический совет. Который, в отличие от Оллэйстара, впечатлился аргументами и дал Неиски доступ в академию. Исключительно в официальных целях.

– Господин Неиски посещает академию раз в месяц для того, чтобы получить подпись, позволяющую распоряжаться наследством моей семьи, и оставить содержание от барона Присли.

Собственно, никакой тайны в этом нет.

– И как давно он это делает?

– Шесть лет.

– Лиерра Грасс, вам необходима защита от барона Присли и господина Неиски?

З-защита?

Я не просто застыла – лёгкие захлебнулись воздухом, пальцы нервно скрючились, а глаза распахнулись так, что вряд ли выглядели прилично.

– Я изучил ваше личное дело, – Оллэйстар не был раздражён или раздосадован. Он лишь сообщал факты. – И поинтересовался состоянием, о котором вы говорите. Поэтому я спрошу ещё раз, барон Присли не исполняет своих обязательств по отношению к вам?

От цепкого мрачного взгляда у меня дрогнули пальцы, но

я только сильнее сцепила их в замок. То есть для того, чтобы прийти к этим выводам ему понадобилось «всего лишь» изучить и поинтересоваться?

– Достаточно просто сказать «да».

Просто?

Вот так взять и пожаловаться на Присли, обеспечив ему ворох проблем, из которых он всё равно выберется? Грейс не говорила, но я знала, что она обращалась в службу по надзору – давно, лет десять назад. Наверняка нашла каких-то знакомых и там, только чтобы помочь «малютке» обрести необязательно любящую, хотя бы просто нормальную семью. Вот только Присли – скользкий гад, способный вырваться из любых тисков, и сотни влиятельных знакомых с радостью ему в этом помогали.

Согласиться на защиту Оллэйстара? А что потом?

Официально Присли считался опекуном, пока мне не исполнится двадцать пять, но с двадцати трёх он имел право выдать меня замуж, передав состояние родителей мужу... ну или поделить его на двоих, что гораздо ближе к правде. Но стоит мне сейчас ответить согласием, и он проведёт ближайшие пару лет в судебных тяжбах со службой надзора.

И когда я вернусь с дипломом, а даже в случае тяжбы деваться мне, кроме дома опекуна, будет некуда, ничего не помешает ему сорваться на мне. Снова.

Не возвращаться в поместье совсем? Деньги на первое время у меня есть, а отличившихся студентов распределяют

в течение недели после окончания академии. И её я как-нибудь продержусь, чтобы потом предстать перед разъярённым Присли с официальной защитой за спиной и жетоном императорской канцелярии, приравнивающим меня к совершеннолетним, но... я не могу.

Я должна вернуться.

Нелогично, нерационально, опасно.

Знаю. И мне вряд ли поможет предварительное распределение, озвученное вместе с вручением диплома. От Присли – нет, зато помогут шесть лет учёбы на износ и заклинания. Пусть слабенькие, но коварные настолько, что легко свалят его в постель на те самые, необходимые мне семь дней.

Чтобы я могла забрать то, ради чего подставляю спину врагу – ключи, без которых не открыть дом, хранивший мои самые счастливые воспоминания.

– Лорд Присли исполняет все обязательства, предписанные законом, – не опуская взгляд, соврала я прямо в лицо Оллэйстару. – Спасибо, но у меня всё в порядке.

– Аурелия, – сцепив пальцы перед собой, позвал ректор, – поверьте, вам ничего не грозит. Если вы признаетесь, ни барон Орас Присли, ни господин Тиррен Неиски к вам даже не приблизятся.

Допустим, мне найдут какой-нибудь временный дом и временную семью, но будет ли она лучше?

– Мне действительно не на что жаловаться, – вежливая улыбка заставила ректора откинуться на спинку кресла, про-

должая изучать меня нечитаемым взглядом.

– Как скажете, лиерра. Вы можете идти, – наконец, решил он и, не дожидаясь повторного приглашения, я поспешила покинуть святая святых академии.

Где за последние несколько дней побывала раз больше, чем за предыдущие шесть лет!

И логично со стороны Оллэйстара поинтересоваться досье пригодившейся вдруг студентки, но предлагать помощь? Это что-то новое. Хотя... кажется, года четыре назад у одного из первокурсников со спецартефакторики случилось что-то такое, из-за чего академия подала иск в отношении опекающей его семьи.

Не помню. На втором курсе местные сплетни волновали меня ещё меньше, чем сейчас – днями я пропадала на лекциях, а ночами в библиотеке, чтобы выполнить очередной заказ и чтобы заняться не входящим в учебный план самообразованием.

Ладно, поговорили и забыли.

Мне оставалось пройти через переход и повернуть в нужный коридор, когда я увидела знакомый силуэт. Шаргхов боевик! Увы, другого пути не было и, сцепив челюсти, я пошла навстречу Шалинбергу.

– Привет. Спешишь?

– У меня этика, – ровно отозвалась я, собираясь пройти мимо, но он удержал за запястье. – Отпусти.

– Я просто хотел поговорить, – Рик поднял руки ко мне

ладонями и отошёл на шаг. Но довольнее от моей вынужденной остановки не стал. – Ты меня избегаешь?

– А не много ли чести, Шалинберг? – прищурилась я.

– Ты перестала ходить в столовую, – боевик засунул руки в карманы и перекатился с пятки на носок.

– Это не помешало тебе найти меня здесь, – я обвела рукой коридор. – У меня много дел и слишком мало времени, чтобы тратить его на стояние в столовых очередях, – скрестив руки на груди, я мрачно наблюдала за Шалинбергом, не поднимающим взгляда выше моей шеи. – Это всё, что тебя интересовало? Я опаздываю.

– Не всё, – он нервно взлохматил и так находящиеся в беспорядке волосы и поднял на меня очень странный взгляд. – Давай честно, почему ты отказалась от моего приглашения? – Каюсь, издевательский смешок вылетел прежде, чем я успела обдумать ответ.

– Рик, – Шалинберг дёрнулся, услышав своё имя, – а с чего бы мне соглашаться? Я не одна из твоих поклонниц и никогда ею не была. А то, что ты сам оставил себя без пары на Зимний бал исключительно твоя глупость. За все шесть лет я ни разу не дала тебе повода. Ни одного раза! – покачала я головой. – Не кокетничала, ни жеманничала, даже ни разу не посмотрела на тебя украдкой! Объясни мне тогда, какого шаргха ты решил, что мне нравишься?

– Когда-то мы могли не только обмениваться заклинаниями...

– На втором курсе? – издевательски хмыкнула я. – Мы и тогда не общались. Всего лишь сидели за одним столом в библиотеке или в столовой, иногда даже обменивались парой фраз, но не общались, Рик. И то, всё это ровно до момента, пока я не узнала, что ты на меня спорил.

Может, другая на моём месте заставила бы его извиняться за тот идиотский спор с такими же придурковатыми друзьями, которые хотели, чтобы Шалинберг уложил меня в постель, но мне искренне наплевать. Что на прошлые, что на настоящие развлечения боевика.

– Я готов тысячу раз просить за это прощения! – Рик приблизился, и мне показалось, что в его глазах и правда мелькнула какая-то иррациональная безысходность. – Был идиотом, готов признаться на всю академию!

– Слушай, – не выдержала я, отступая на шаг, но горьковатый аромат его парфюма всё равно никуда не делся, – мы были прекрасными врагами, практически классическими, поэтому брось дурацкую затею меня добиваться! – Я видела и сжатые губы, и упрямую складку на лбу, понимая, что говорю в никуда. – Ты испортишь последнее полугодие и мне, и себе! – За что мне влюблённость того, кто меня даже не слушает?! – Потерпи. Пожалуйста. Всего шесть месяцев, и через неделю после выпуска ты обо мне даже не вспомнишь!

– А если вспомню, Аурелия? – исподлобья взглянул он. – Что мне делать тогда?

– Ты – наследник Шалинбергов. Найдёшь себе девушку

посимпатичнее и не будешь выходить из спальни неделю. Уверена, все твои мифические чувства сразу испарятся.

Кстати, этот способ можно попробовать и в академии. Пусть не неделю, но два выходных в полном его распоряжении. Как и количество желающих утешить «безответно влюблённого» боевика. А, если не поможет, двухнедельных зимних каникул ему точно должно хватить.

– Как у тебя всё просто, – ехидно протянул он, сверкнув глазами, и молниеносным движением прижал меня вплотную. Я даже ахнуть не успела. – А если не помогает? – его голос опустился до шёпота, и я снова застыла, парализованная чужой близостью. Будь ты проклят, Орас Присли! – Если единственная, кто мне нужна, это ты? Что мне делать тогда, а, Аурелия? – на выдохе, мешая мой страх, свою горечь и поцелуй.

Увы, наш общий.

Горячий, яростный и жадный. Такой, словно Шалинберг давно этого ждал, и готов умереть, но не отпустить.

Оглушённое паникой сознание, которое уже второй раз за эти сутки терпело форменное над собой издевательство, обрело ясность и вдруг заработало, словно по щелчку.

Раз – и Шалинберг отстранился, выругавшись, но даже так не разжал объятия. Два – и каблук опустился на его ногу. Не столько причинив боль, в отличие от прокушенной мной губы, сколько дав возможность оттолкнуть боевика и разом приготовить три плетения, два из которых сразу отправились

по адресу.

Но куда там! Рик легко уклонился от обоих, криво усмехнулся и вытер кровь тыльной стороной ладони. И не будь он в тренировочной форме, скакал бы сейчас на одной ноге, но куртка, штаны и сапоги из кожи укавируса* защищали боевика не только от лёгких заклинаний, но и от мелких ушибов.

– Совсем рехнулся?! – Сказать хотелось много, но какой толк в криках? Тем более что вот так, лицом к лицу, мои заклинания его уже не достанут. – Если я сообщу куратору, уже завтра тебя исключат!

– Это того стоило! – Шалинберг довольно усмехнулся. – Переживаешь, моя аурика?

Рианы, да за что! Я не убивала, ни крала, даже толком никого в своей жизни ещё не оскорбила! Почему именно мне перепало счастье отбиваться от упёртого, как каирра* на кладке, идиота? Ещё чуть-чуть и он переплюнет даже Присли!

И хуже всего что, несмотря на знания и опыт, я беспомощна так же, как и на первом курсе. Стоит мне использовать что-то действительно серьёзное и через несколько секунд здесь появится проректор, отследив по сигнальной системе академии активность магического фона. А всё остальное Шалинберг отобьёт с лёгкостью практически дипломированного боевого мага.

– Не приближайся ко мне, Шалинберг! – предупредила я

и добавила без малейшего сомнения: – Или я не сдержусь! И пусть меня отчислят, но ты больше не рискнёшь остаться со мной даже на одной улице!

– Не слишком ли смелое заявление для госпожи секретаря?

Думая, что вляпалась в неприятности после разговора с Николасом, я только сейчас осознала их масштаб! Боевик смотрел на меня так, словно уже победил.

Занятие закончилось, и коридор начал заполняться студентами. Теми, кто нет-нет, да останавливался, недоумённо глядя на наше с Шалинбергом немое противостояние.

– Я не отступлю, – одними губами произнёс он.

– Посмотрим, кто кого! – взглядом ответила я, резко развернулась и пошла в аудиторию – ещё одну лекцию этики никто не отменял.

*Укавирас – Червяк, наподобие змеи. Не агрессивен, не ядовит, огромен. Шкура лёгкая и прочная, идеально подходит для изготовления защитной одежды и формы

*Болотная каирра – Болотная каирра не отходит от кладки и после вылупления змеёнышей первые три-пять месяцев. Сжирает любого, кто попадает в поле видимости. Снять каирру с кладки можно только мёртвой

Глава 14

Можно обмануть кого угодно, но с собой так не получится. Поэтому, только заняв место, я незаметно провернула кольцо и проверила накопитель.

Можно выдохнуть, три заклинания никак не повлияли на самозарядный артефакт, а, значит, мне будет, чем отбиваться от претензий боевика хоть до самого выпуска. Вот только это не выход. Шалинберга прорвало, и неизвестно теперь чем всё обернётся.

Вот бы случилось чудо, и родственники вернули мысли сына и внука в правильное русло!

Неудивительно, что лекция прошла мимо. Впереди ждала встреча с Неиски, так что самое веселье только начиналось. Единственная радость – вечером Николас обещал испечь торт, только для своих, и я искренне наслаждалась ощущением, что входила в это число. В конце концов, кусок трёхслойного, ягодного с кислинкой, гиганта – самое то, чтобы закончить долгий и сложный день.

А ведь совсем скоро академию начнут украшать к празднику, создавая поистине сказочную атмосферу. И снова окна засверкают искусными ледяными узорами. В воздухе закружатся снежинки, искристыми звёздами опадая с потолка и тая над головами студентов. Каждую колонну в главном холле украсят мелодично звенящими сосульками и аромат-

ными, разлапистыми синие-зелёными ветками ориосов.

Но главными гостями станут, конечно, аерии – традиционно зимние цветы. Белые с розовыми, серыми и золотистыми прожилками на широких, скрученных к центру, лепестках – они украсят академию, и взгляд всё время будет ловить десятки горных цветов. Главное не задумываться, что это всего лишь иллюзия. Академия так себе место для растений, в которых ядовито абсолютно всё.

Да и ладно. Главное, что подарки для Грейс и Николаса уже готовы, и белая вишня в шоколаде уже упакована, чтобы завтра быть отправленной в поместье Присли. За все годы я ни разу не приехала туда на зимние каникулы. Николаса же ждёт его любимая настойка из ягод олимираса. Он и Грейс – единственные, кого мне хотелось поздравить и единственные, чьи подарки я с удовольствием приму.

Хотя Присли тоже дарил. Отдельный, увеличенный бюджет для сборов на Зимний бал.

И вся циничность подарка легко угадывалась по одному его кривящемуся взгляду. Мои родители не были аристократами, но это не мешало им иметь хороший доход от тиража еженедельной научной газеты, большей частью раскупаемого академиками и императорским дворцом. Присли тоже нельзя назвать скупым на развлечения и это загоняло его в ловушку бальных трат.

Потому что я не могла выглядеть как сиротка из обедневшей семьи. Вне зависимости от истинного состояния дел.

Сам Зимний бал проводился за день до праздника, и на следующее утро академия пустела. Студенты и преподаватели предпочитали встречать наступление нового года в кругу самых близких, и по замку оставались растерянно бродить одиночки вроде меня, которым некуда возвращаться.

Самое лучшее время – в тишине и покое все две недели можно провести за заклинаниями и не бояться чужого взгляда.

Но вот звон, который означал окончания занятия, принёс не только общий радостный выдох, но и жёлтого вестника. Светлая птичка опустилась передо мной, раздражая взгляд.

Рианы, не дайте мне снова выйти из себя!

По правилам академии я должна была ставить подпись в присутствии куратора, но Неиски с Присли как-то обошли и это. Поэтому встречались с поверенным мы в первой попавшейся пустующей аудитории, где он упражнялся в остроумии, правда, уже года три его попытки меня переговорить выглядели откровенно жалкими.

Вздыхнув, я распечатала вестник.

«Лиерра Грасс, жду вас в кабинете ректора. Убедительно прошу поторопиться и привести себя в порядок! Ваш поверенный, Т. Неиски»

Да какого шаргха опять кабинет ректора?!

– Аурелия, всё хорошо? – тревожно оглянулась на меня Миста, уже выходя из аудитории.

Прекрасно. Вот только разожму сейчас челюсти, выдох-

ну и расслаблю пальцы, стиснувшие странное послание. Что значит «привести себя в порядок»? И причём тут ректор?

– Да, я в порядке, – слабо улыбнувшись и накинув шаль, я подхватила сумку и пошла на выход.

Снова пустое кресло секретаря позволило остановиться перед тем, как войти в кабинет ректора.

Руки дрожали, внутренности с каждой утекающей минутой всё туже скручивались в узел, а в горле пересохло. Что-то ждало меня за этой дверью и вряд ли это что-то мне понравится. Потому что оба письма Неиски лучились неприкрытой, грубой ложью. И потому что всё это началось задолго до сегодняшнего дня. Ещё летом, в тот солнечный июльский полдень, когда Присли пожелал отобедать в моём обществе, но вместо еды в золочённой тарелке изучал меня.

Довольным сытым взглядом.

И ещё тогда я понимала к чему идёт дело, но надеялась, что повезёт.

Не повезло.

По телу прошла судорога, пальцы крепче вцепились в концы шали и, сдержав судорожный вздох, я постучала. Хотела постучать, но дверь распахнулась раньше, чем костяшки пальцев коснулись деревянного полотна.

– Входите, лиерра.

Оллэйстар недоволен.

Это слышится в мягкой, безукоризненно-вежливой интонации, в складке на лбу, делающей его старше, в том, как

прямо он стоит за собственным столом.

– Доброго дня, ректор Оллэйстар, господин Неиски. – Мой голос вдруг стал тише и покорнее, чем когда бы то ни было. Правда, поклон им обоим все ещё образцовый, даже несмотря на ощущение надвигающейся и неотвратимой беды.

– Доброго, Аурелия, – на правах давнего знакомого опустил обращение Неиски, – рад снова вас видеть. Ваш дядюшка Орас передаёт вам своё почтение и желает всяческих благ.

Подавиться он мне желает, но присутствие ректора сдерживало и Неиски, и меня. Только маленькие бегающие глазки поверенного не изменились, да живот, на котором едва сходились пуговицы шегольского сюртука.

– Передайте дорогому дядюшке, что я молюсь за него риганам, – склонив голову к плечу, отозвалась я.

Под, уже откровенно полный иронии, взгляд ректора. Он, кстати, так и не сел в кресло, и не предложил сесть нам. Странная немилость, учитывая, что мы тут вроде как равны. Хотя бы на то время, пока Неиски – поверенный, я – подопечная барона, а ректор выступает в качестве формального надзирателя за всем этим представлением.

– Приятно видеть, что я не ошибся в вас, лиерра. – Из-за моей спины появилось новое действующее лицо, и я согнулась в самом низком, на который только была способна, поклоне. – Вы не только умны, но и обладаете редкой в наше время учтивостью к старшим.

Нет, нет, нет... Рианы, только не это! Пожалуйста! Я жизнь положу в храме, я буду ходить туда дважды в день, да хоть жить там, только не это!

Присли ведь не мог! Ни одна его махинация не смогла бы привести к такому! Это ведь совсем за гранью! Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, пусть он не смог...

– Великий князь... – даже не шёпот, едва слышный крик умирающего, который никто уже не услышит. – Вы слишком добры ко мне.

Фаркасы должны были снова спуститься с гор, чтобы советник императора...

– Скромность вас только украшает, Аурелия.

Я слышала шаги, я чувствовала его приближение, я едва не согнулась от той властности, что излучал этот мужчина, но всё равно вздрогнула, когда он коснулся моего подбородка, заставляя подняться.

Коснулся меня! Вот так просто! Не затянутой в перчатку рукой, а прохладными пальцами с молчаливого одобрения всех присутствующих. Или не всех?..

Ужас, шок, дрожь, которые поднимались из глубин, откуда, где жил проклятый стихийный дар, не помешали бросить быстрый взгляд на ректора. Недовольного ещё больше, чем до этого.

– Вы прекрасны, лиерра Грасс, и я рад, что вы станете моей невестой. – Касание холодных пальцев никуда не делось, наоборот, стало ещё более личным. И большой палец вели-

кого князя только доказал это, легко огладив мой подбородок.

– Князь! – предупреждая и очень вовремя напомнил о себе Оллэйстар. Он вышел из-за стола и встал рядом, практически между мной и Эвилонбергом, который отступил на шаг без потерь в самолюбии. – Лиерра Грасс всё ещё считается студенткой моей академии. Пока она не получит диплом и не расторгнет договор с академией, лиерра находится под моей защитой даже в большей степени, чем под опекуном барона Присли.

– Но, позвольте, – влез Неиски, – согласно положениям...

– Ты в своём праве, Ориан, – с улыбкой развёл руками Эвилонберг, и Неиски замолчал на полуслове. Эти маги считались с ним ещё меньше, чем даже я – Твоя забота о студентах уже стала при дворе занятной байкой и не мне сомневаться в твоей репутации.

И после той демонстрации в лаборатории мне бы пугаться Оллэйстара, но этот этап я, кажется, уже прошла. В конце концов, чего стоит ректор против того, чтобы стать невестой советника императора...

Шаргхова честь. Не подавиться бы от счастья.

Но может ещё не всё потеряно?

– Ваше высочество, я...

– От имени Аурелии Стефании Грасс, – перебил меня Неиски, – бароном Орасом Присли было заключено соглашение о помолвке с великим князем, советником империи

и членом императорской семьи Джакобом Джереоном Эвилонбергом. Официальная помолвка состоится после окончания Аурелией Стефанией Грасс академии и получения ею диплома, если обстоятельства непреодолимой силы не заставят её завершить учёбу раньше.

– Это... – Удавка сжалась на горле, не давая вдохнуть. – Это такая честь, ваше высочество!

Желание дёрнуть ворот рубашки, ослабить затянутый узел растворилось под взглядом тёмных глаз Эвилонберга, не допускающих даже намёк на неповиновение.

– Что вы, Аурелия, для вас я просто Джакоб.

И этот Джакоб бросил резкий взгляд на Оллэйстара.

И хуже всего, что ректор, который только говорил о защите, сразу отошёл, повинувшись воле советника императора! Оставил меня под цепким вниманием того, кому за каким-то шаргхом понадобилась безродная сиротка!

– Простите, ваше высочество, но я не могу... – возражение захлебнулось красивым, по сути, мужчиной, склонившимся к моей руке.

Шаргх с ним, с советником! Сам дядя императора взял мою безвольную ладонь и коснулся её поцелуем! Дядя! Императора!

Боги, почему я ещё в сознании?..

– Вы всё можете, Аурелия, – Эвилонберг выпрямился, но не отпустил мою ладонь. – И сможете ещё больше после того, как станете моей женой.

Просто убейте.

Это будет гораздо милосерднее, чем смотреть на свою разрушенную жизнь, сидя в золотой дворцовой клетке, будь она хоть тысячи раз императорской.

– Благодарю вас, – надеюсь, что дрожащий, срывающийся голос они все примут за волнение, – ваше высочество.

За что благодарю? А фаркасы его знают, лично мне бы сейчас просто дожить до своей комнаты...

– Джакоб, Аурелия! – А вот и тон, в котором прорезались холодные нотки того, кто привык повелевать.

– Благодарю вас, Джакоб, – ещё тише и едва дыша, отозвалась я. Сделав вид, что ладонь из его руки выскользнула сама по себе.

– Ваше высочество, кажется, вы хотели осмотреть корпус лекарей? – Оллэйстар снова шагнул вперёд и почти перекрыл меня собой, указав рукой на выход из кабинета.

– А тебе есть чем меня удивить, Ориан? – вскинул бровь Эвилонберг.

– Всегда есть. – Оллэйстар едва заметно поклонился и позвал: – Господин Оберг, проводите нашего гостя к тьерре Вирме, главному лекарю, – и обратился уже к Эвилонбергу: – Я присоединюсь к вам чуть позже.

– Прошу вас, ваше высочество. – Секретарь ректора, господин Оберг пропустил высокого гостя перед собой, и они скрылись за пределами кабинета.

– Что же, – мгновенно засобиравшись Неиски, – пожалуй,

мне тоже пора. Барон Присли жаждет узнать подробности встречи двух влюблённых...

Я даже с места не сдвинулась, лишь сознание ещё как-то отслеживало происходящее.

Вот Неиски хватает свою шляпу. Вот он же подхватывает папку. Вот уже одни, последний шаг отделяет его от выхода...

– Господин Неиски, – остановил его ледяной голос ректора, – вы кое-что забыли.

– Забыл? – притворно удивился тот и повернулся.

– Разве вы не должны оставить лиерре Грасс месячное содержание?

– Ах, да, конечно... – скользкий гад Неиски просочился мимо нас к ректорскому столу и раскрыл папку.

Как подписывала, забирала увесистый мешок и прощалась с Неиски, не помню. Ничего не помню после властного «Джакоб, Аурелия!» Хотя, может, это и к лучшему.

А, может, и нет...

– ... лиерра Грасс? Аурелия?

А? Что? Был какой-то вопрос?

– Вы в порядке? – нахмурившись, Оллэйстар хотел было взять меня за подбородок, но я отшатнулась и больно ударила ногой о ножку кресла.

– Я? – Запереться и выть, вот весь мой порядок! Не хотела быть кобылой в стойле Шалинберга? Получите-распишитесь, станешь бесправной куклой Эвилонберга! – Спасибо,

ректор Оллэйстар, я в порядке.

– Аурелия, – удержал он меня за запястье руки, в которой оказался зажат мешок с монетами, – просто скажи «да», и я смогу помочь.

– Помочь? – горькая усмешка вылезла вперёд всех доводов рассудка.

Что мне теперь терять?

Диплом? Уже плевать, Присли успел первым, лишив меня разом дома, жизни и места в канцелярии. Той самой, где мне обещал место сам великий князь!

Я усмехнулась, покачала головой и, не обращая внимания на ректора, вышла из кабинета.

Куда шла? Не знаю.

Помню только, как остановилась.

К счастью, коридоры пустовали, и никто не видел, как я сползла по стене в каком-то по счёту переходе. Прикрытые глаза, бессильно повисшие руки, звякнувший об пол кошелёк.

Самой себе я казалась пустышкой, пешкой, который воспользовались лучшим из возможных способов. Никчёмным, разбитым сосудом, из которого потоком выливались все надежды, планы и мечты. Ничего не оставалось мне самой, наивной дурочке, возомнившей, что может тягаться с сильными мира сего.

Хотя нет.

Одно осталось.

То, что незаметно вытесняло остальную шелуху, наливаясь тёмным, вечно голодным пламенем. Тем, которое стира-ло отчаяние, обещало покой и сейчас, в это самое мгнове-ние, казалось другом. Единственным из всех.

И я улыбнулась.

– Аурелия?

И Рику улыбнулась тоже. Бедный, безответно влюблённый мальчик. Интересно, кому из нас не повезло больше? Мне, которую осчастливили шаргховой, явно посланной рианами выгодной партией? Или Шалинбергу, который ещё не знал, что вся его влюблённость может катиться шаргху под хвост?

– Ты горишь, Аурелия...

Смешной. Особенно такой, с жезлом в одной руке и при-мирительно поднятой на уровень лица второй.

Мои ладони тоже оказались смешными – кипельно-белы-ми, с чёрными венами под бледной кожей. Кожей, которая горела. Не искрой, ни языками пламени, самым настоящим пожаром. И чем больше его становилось, тем лучше мне бы-ло.

Огонь успокаивал, дарил забытое ощущение покоя. Он де-лал меня сильнее, предлагал показаться Эвилонбергу и спро-сить, устраивает ли его невеста, если она такая.

А следом за этой пришла другая, ещё более радостная мысль. Интересно, а что будет, если я дотронусь до Неис-ки? Он далеко ушёл или ещё можно догнать? А если коснусь Присли?

Пока я рассматривала руки, поворачивала их, стихийный дар подкидывал в сознание картинки горящих врагов, домов и даже горящих рек. Что, и так можно?

«Можно», – убеждало что-то внутри головы. То, что взвыло, привлекая внимание к Шалинбергу, который стоял уже меньше чем в шаге от меня.

Улыбнувшись, я успокоила и себя, и дар. Это же боевик, что он может мне сделать! Придурочный, возомнивший себя героем-любовником герцогский сынок, решившийся на последнюю свою самоубийственную выходку.

Интересно, убойную дозу героизма он унаследовал от родителей или это исключительно его качество? Потому что по-другому назвать то, что Рик тянул руки к моему огню, не получалось.

С интересом наблюдая, дотронется он до меня или нет, я пропустила самое главное – смазанное, очень быстрое движение и прикосновение к собственной руке.

И, наконец, потеряла сознание.

Глава 15

Мир покачнулся, а в следующее мгновение я открыла глаза.

Голова напоминала пустой колокол, по которому ритмично бьют кувалдой. Мышцы ломило так, словно меня раскатали по полигону боевиков те три дикие девицы. А к страданиям физическим добавлялись страдания моральные, потому что память осталась на месте, издевательски напоминая, что именно я исполнила.

Со стоном сев, я на ощупь добралась до края кровати – раньше она не казалась такой широкой. Но вот вместо привычного вытертого ворса ковра, ступни утонули в мягком мехе и, наплевав на боль, я широко распахнула глаза.

И посмотреть было на что. Спальня, раза в два больше моей и в десять раз шикарнее. Светлые гобелены с пейзажами на стенах. Тяжёлые портьеры на окнах. Тёмное дерево, позолоченные ручки, светлые ткани.

Платное общежитие.

Я убью Шалинберга!

– Рад, что ты очнулась. – Боевик как раз появился в собственной спальне с бокалом в руке и протянул его мне, вместе с бултыхающейся внутри болотной жижей. – Пей!

– Да иди ты! – огрызнулась я, но звучало это жалко. Так же наверняка и выглядело.

И Шалинберг пошёл. Только не от меня, а в противоположном направлении. Он же хитро зафиксировал мне и так больную голову и влил содержимое бокала, пользуясь явным физическим преимуществом. По вкусу жижа оказалась каким-то травяным сбором, и мне пришлось проглотить всё до капли, давясь отчётливым привкусом мяты.

– Я устал с тобой спорить, аурика, – раздражённо ответил Рик, – проще самому сделать как надо, чем доказывать, почему это нужно.

– Прекрати меня так называть. – Голова больше не отзывалась эхом на каждое слово, а слабость отступила. Горло приятно холодило привкус ориосов и я встала, пробуя собственные силы. – Ты ведь представляешь, насколько мне не хочется тебя благодарить? Особенно учитывая, что я понятия не имею, что ты сделал.

– Подозреваю настолько, насколько мне хочется вытрясти из тебя душу, узнавая, что происходит. – Шалинберг опёрся бедром о стол и скрестил руки на груди.

– Это не твоё дело. – Шали не казалось ни в кровати, ни в стоящем рядом кресле. Неужели потеряла? – Что ты мне дал?

– Укрепляющий бальзам, – хмыкнул он. – Можешь ознакомиться с составом в библиотеке. Это ищешь? – Шалинберг из ниоткуда достал шаль и я нахмурилась. – Забирай.

Он спокойно протянул мне руку с бордовым вязаным полотном, но что-то останавливало. С другой стороны, что он

может мне сделать? Рассказать всем, что я стихийник? Такими темпами я прекрасно справлюсь с этим сама... Поэтому и подалась вперёд без особой опаски, вот только меньше всего я ожидала, что боевик дёрнет меня за руку, опрокидывая себе на грудь.

– Если бы не я, ты бы сгорела заживо, Грасс! – Иглаза – сверкающие, словно злые молнии в безоблачном небе.

– Тебе меньше хлопот, – язвительно отозвалась я и попробовала выдернуть шаль. – В любом случае на активность фона примчался бы кто-нибудь из профессоров.

– Предпочитаешь раскрыть свои тайны им, но не мне? – прищурился Шалинберг, прижимая меня ещё ближе.

– Предпочитаешь об меня самоубиться? – усмехнулась в ответ, даже не думая отводить взгляд.

Весь ужас от слишком близких объятий растворился, напуганный гораздо более серьёзными проблемами.

– Что так тебя вывело, Аурелия? – Молний в его глазах поубавилось, зато серьёзности как раз наоборот. – И как давно ты прячешь стихийный дар?

Вывело.

Воспоминания об Эвилонберге полыхнули жаром, снова выжигая осторожность и здравый смысл, а в воздухе запахло палёным.

– Скажи что, и я помогу. – Рик бросил безразличный взгляд на край собственного, уже знатно подпаленного стола, о который я опиралась одной рукой. – И поклянусь чем

хочешь, что не попрошу ничего взамен!

– Не поможешь. – Мне надоел спектакль и, оттолкнувшись от боевика, я вырвала шаль из несопротивляющихся ладоней. – Даже ты не сможешь.

– А мы?

Шаргхово общежитие!

Я слишком поздно заметила гостей из разряда тех, кому прямая дорога к фаркасам.

– Надо было хоть запирающее повесить, если развлекаешься, – цинично усмехнулся один из близнецов Делабергов, входя. Он же опёрся спиной о стену рядом с дверью, второй прошёл чуть дальше, цепким взглядом осмотрев комнату и остановив его на мне.

И послать бы, но как-то неуютно. Хотя бы потому, что Араэл и Элион Делаберги пусть и опальные, но всё-таки императорские племянники. Цвет империи, если забыть о том, что даже младшая сестра Лориана III, их матушка не смогла выцепить сыночков из лап академии. Откуда они просто отказались выходить навстречу родным объятиям.

– Вы не вовремя, – нахмурился Рик и окинул обоих выразительным взглядом.

– Ага, – хмыкнул тот, что стоял ближе, – вот и дядя всегда то же говорит. Хотя, знаешь, конкретно к этой студентке у нас есть парочка своих вопросов...

Я даже представляю каких, вот только шаргха с два отвечу.

– Вы-то как с ней пересеклись?

Только я заметила, что Рик шагнул вперёд и в сторону, встав передо мной? Защищал от близнецов? Да не смешите... Можно подумать, то заклинание у меня одно такое ответственное было.

– Ходят слухи, что Грасс, – лениво начал тот, что привалился к стене. Это он старше или просто наглее? – Сыскала славу почище императорских заклинателей... и чертит заклинания направо и налево...

– Слухи, вообще, вещь ненадёжная, – мило улыбнулась я в ответ. – Говорят, до несварения могут довести... тебе ещё не грозит?

Резкий рывок я не увидела, зато услышала, как один боевой жезл ударил по второму. Рианы, они все такие психованные? Кольцо провернулось на пальце само собой, активируя резерв.

Вот только с Делабергами мне не хватало сцепиться для полного счастья!

– На твоём месте я бы не стал, – покачал головой тот, что дёрганнее, и молниеносным движением вернул жезл в крепление на поясе, – её защищать.

– Ты не на моём месте, Ар, – хмуро отозвался Рик и повторил жест, видимо, Араэла.

Угадала. Как раз он вроде как старший. Судя по истеричным девчачьим восторгам, хотя было бы чем... С другой стороны, я могу ошибаться, предпочитая мозг и адекватность

вот этому великолепию.

– И слава рианам! – издевательски вскинул бровь Араэл. – Уводить невесту у собственного дяди я бы и за возврат родового замка не стал. – Он бросил на меня последний нечитаемый взгляд и отрывистым шагом вышел из комнаты.

М-м... нет, не могу.

– О чём он, Эл? – напрягся Рик.

– Мы видели в академии Джакоба, – вздохнул Элион, – а два дня назад матушка прислала гневное письмо... правда, слухи при дворе поползли ещё раньше.

– Эл!.. – повысил голос Шалинберг.

– Она, – кивок на меня, – обещана Джакобу Эвилонбергу. Если бы не Оллэйстар со своими правилами, уже была бы невестой, а вскоре и женой... – Элион неодобрительно покачал головой, но всё же хлопнул Рика по плечу. – Не лезь в это, друг, не стоит оно того...

И после хлопка двери неуютно стало даже мне. Настолько, что я набросила шаль на плечи, маскируя нервозность.

– Так что тебя так вывело?.. – очень медленно и снова с молниями во взгляде повернулся ко мне Рик.

Шаргховы друзья! Что, не могли хотя бы постучать?!

– Что ты сделал со мной в аудитории?

Вопрос за вопрос, тем более что ответ на мой он наверняка уже знал.

Но Шалинберг молчал, нехорошо так, мрачно. И смотрел на меня, сцепив челюсти, так, что по его лицу заходили жел-

ваки.

– Это не я, это стааш, – ответил он, когда я уже перестала ждать. – Жезл. – Рик отцепил его от пояса и положил на вытянутую передо мной ладонь. – Он называется стааш, это наше главное оружие против стихийников.

– Против меня, – усмехнулась я, разглядывая узоры на рукавях.

– Против тебя, – всё так же мрачно отозвался он. – Аурелия, то, что сказал Эл...

– Правда.

Ни обычное, ни магическое зрение не увидели в стааше ничего особенного. Жаль, потому что это был прекрасный повод отвлечься от собственных мыслей.

Стало холоднее, и я плотнее стянула на груди шаль. Грустно звякнула цепочка кулона, напоминая о том, как бессмысленно я провела эти годы. Учёба, заклинания, библиотеки... Столько лет убежать, болеть мыслью о том, чтобы вернуть себе жизнь, вернуть воспоминания... да хотя бы свой дом! И быть проданной непонятно зачем.

– Ты не обязана... – начал Рик, скривился и заглох.

Потому что не хуже меня понимал, кто тут и кому обязан.

Присли должен был вывернуться наизнанку, чтобы уговорить такого мага стать моим мужем. Или я чего-то не знала. А я гарантированно чего-то не знала, и это пугало даже больше свадьбы.

– Спасибо, что помог, – криво усмехнулась я и оглянулась

в поисках сумки.

Она нашлась в изножье кровати, но уйти так просто мне не дали.

– Ты пойдёшь со мной в храм? – Рик встал передо мной за шаг до двери. Поймал мой взгляд, скривился, отчаянно взлохматил волосы. – Я понимаю, что ты... пусть ты считаешь меня придурком, но, Аурелия, Эвилонберг не стал бы жениться на обычной сироте просто так.

– Он не стал бы, а ты готов? – иронично покачала я головой и подалась вперёд. – Пусти.

– Послушай, – Шалинберг взял меня за плечи и заглянул в глаза, – может, я так себе кандидат в мужа, но меня ты хотя бы знаешь. Чего от меня ожидать так точно, а Эвилонберг... он страшный человек, Аурелия. Каждый бунт против императора вёл к нему, и каждый раз след обрывался в шаге, нескольких шагах до правды. – Со страшилками это он запоздал на полдня. – Эвилонберг жесток со слугами, нетерпим к служащим и регулярно высказывается против власти императора. Ты думаешь, он решил жениться на тебе, потому что влюбился?

– Я думаю, что ты можешь забыть о своих мифических чувствах, – улыбнувшись, я скинула его руки, но куда там...

– Хорошо! – Рик крепко прижал меня к себе и шумно выдохнул в макушку. – К фаркасам храм, давай просто уедем?

– Надоело! – зло озвучила я уже после того, как он согнулся от предательского удара туда, куда мужчины не бьют. –

Стихийный дар – моя забота, так же, как и Эвилонберг, свадьба и всё остальное, происходящее в моей жизни. Моей, Шалинберг! Поэтому будь добр, держи себя в руках!

Хлопнула дверь я под изумлённые взгляды половины коридора, но студенты быстро опомнились и показательно обилили меня презрением.

Интересно, сколько истерик случится в этом общежитии, когда бурго-берги узнают? Когда поймут, что всю оставшуюся жизнь станут кланяться безродной сиротке. Пусть мою оставшуюся и вряд ли долгую жизнь, но даже этого мне хватит, чтобы насладиться зрелищем их согнутых спин.

Не потому, что я злая, просто настроение сегодня не очень и память хорошая.

Коридор, поворот, лестница. Повторить дважды и только тогда добраться, наконец, до перехода.

Шаг, другой. Меня не впечатлило ни одинокое эхо каблучков, ни полумрак каменного коридора. Я просто забыла, что ещё осталось чего бояться, занятая гораздо более интересным занятием – пыталась не думать, иначе голова грозила лопнуть от шаргховых мыслей.

– Грасс.

Ленивый голос отразился от стен, заставляя остановиться в нескольких шагах от Делабергов. Обоих.

– Араэл, – не осталась я в долгу, провернув кольцо-накопитель.

Слабо верилось, что сиятельные близнецы ждали меня,

потому что забыли попрощаться.

Тот, который говорил, поморщился и отлепился от стены, до этого поддерживающей высокородный тыл. Что, не нравится слышать собственное имя из моих уст? Терпите, ваше императорское Высочество, здесь все равны. Волею устава и Оллэйстара, не признающего, что некоторые равнее остальных.

– Двое боевых магов на одну слабую девушку? – поцокала я языком, отступая на шаг.

Эти могли бросаться заклинаниями как заведённые, а мне нужно место для манёвра и расстояние, чтобы успеть сплести своё, пока в меня летят их плетения.

– Много чести, Грасс, – хмыкнул Араэл.

– Я здесь, чтобы проследить... – Элион тоже поморщился, но, в отличие от брата, устало. И вздохнул для полного комплекта. – Чтобы вы оба не перешли границ.

– В смысле, чтобы не пришлось закапывать меня под ориосами из-за вспыльчивости второго? – фыркнула я, чувствуя неадекватное веселье.

«Второй» понравился нервному Делабергу ещё меньше, чем «Араэл», да и ладно. Четыре плетения готовы, ещё для двух мне хватит мгновения, а дальше как рианы решат. Тем более что эти ещё не знали про мой стихийный дар, который после всего так и не смог успокоиться до конца.

– Просто скажи имя заказчика и пойдёшь хоть к фаркасам на обед, – показательно сунул руки в карманы Араэл.

Боги, за что вы так жестоко с Арисой-то?..

Нет, понятно, оба близнеца как с картинки – высокие, плечистые и тёмноволосые, с яркой голубизной глаз, шаргховой кучей императоров в родне и горами золотых кранлей в запасе, но... какие же противные! Высокомерные, брезгливые, пренебрежительные и полностью осознающие своё преимущество перед другими. Как же! Ведь у Лориана III детей не было, а, значит, что?

А, значит, вот эти два образца первые, и единственные кандидаты в будущие императоры. Интересно, как будут делить трон... или Элион, как всегда, уступит?

– Не скажу, – пожав плечами, просто отозвалась я.

Потому что они хоть и высокородные, но всё-таки не дураки. И прекрасно понимали, что тайна заказчика тайна и есть.

– Я всё равно заставлю, – с жалостью окинул меня взглядом Араэл.

– Попробуй, – усмехнулась в ответ я, поднимая руки на уровень груди.

– Аурелия, – позвал Элион, – никто не поймет, откуда мы узнали, так какой смысл калечиться?

Совсем идиот? В смысле не поймёт, если знали только я и Ариса? Или я, по их мнению, такая дура, что поведусь на откровенную ложь? Да даже будь заказчиком не она, а любой другой студент, всё равно Делаберги не дождались бы имя. От меня точно нет.

– А дружку своему как вы будете объяснять мои увечья? – хмыкнула я. – С лестницы упала, а боевой пульсар случайно с ладони соскользнул?

Лучший способ победить в драке – избежать её. Но, если избежать не удаётся, заговорить зубы и слинять тоже неплохой выход.

– Хватит болтовни! – повысил голос Араэл. – Кто заказал тебе то заклинание?

– Какое заклинания? – захлопала я глазами.

Имя Ариса не говорила, а эти молчат, какое именно заклинание их интересует.

Когда тебя считают душой, иногда полезно подтверждать мнение окружающих.

– Ар! – прозвучало предупреждение, и в ладони старшего схлопнулся тот самый боевой пульсар. К великому разочарованию Араэла.

– Она просто издевается! – рыкнул тот и оказался недалёк от истины.

– Да какая тебе разница кто... – Элион проглотил продолжение фразы. – Давно сказано было завязывать с этими девками, а ты...

Всё интереснее и интереснее. То есть старшенький взбесился в основном от того, что невоздержанность в связях оказалась наказуема?.. Хм. Может, предложить Арисе ещё одно заклинание? Просто так, из чисто девчачьей солидарности... хоть узнаю что это такое на практике.

– Эл! – зарычал Араэл уже на брата.

– Ребят, может, вы тут без меня как-нибудь разберётесь? – фыркнула я, чувствуя безбашенную храбрость, которая подняла настроение.

И очень вовремя уклонилась от слабенького, брошенного без прицела, пульсара.

– Разбирайся сам! – неодобрительно покачал головой Элион в ответ на всё это и собрался нас покинуть.

В смысле сами?! А кто будет следить, чтобы старшенький меня случайно не прибил?

Но тут за моей спиной послышались шаги, и мы дружно улыбнулись друг другу, симулируя безобидную беседу выпускников.

– А что здесь происходит?

Глава 16

Смешок вырвался помимо воли. Вот уж игры рианов!

– Мы... общаемся, – ответила я Арисе, которая уже оценила обстановку и встала за моим левым плечом.

– И как общение? Радует всех участников процесса? – с пониманием усмехнулась она и перевела взгляд на Араэла.

Забавно, никогда не видела этого со стороны.

Замкнуло обоих. И не знаю, что там у них произошло, но Араэл враз стал выглядеть влюблённым идиотом – руки дрогнули, глаза прищурились, а вены на шее напряглись. И всё это вместо мечтательного, но в целом, глупого вида. Опять же это боевики... у Шалинберга вон тоже, в ответ на меня происходили какие-то странные для влюблённого реакции.

Зря боевиков водят на полигоны с первого курса, ой зря...

– Не всех, – Элион, который вместе со мной наблюдал за собственным братом, только покачал головой.

Устал от нашей компании или от Араэла?

– Что не всех? – Бессмысленно моргнула Ариса.

– Я пошёл, – вздохнул Элион и действительно пошёл.

– И я.

Лучшего случая победить в этой драке мне точно не выпадет, поэтому я прошмыгнула мимо всё ещё контуженного Араэла и с облегчением вздохнула только когда увидела

дверь собственной комнаты.

Не знаю, чем закончится эта история, но великих князей в моей жизни хватало и без Делабергов.

Добравшись, наконец, до комнат, я бросила сумку на пол и упёрлась ладонями о стол.

Плохо. Очень плохо.

Делаберги – ерунда, побесятся и забудут. Наверное. Рик теперь сам должен понимать, связываться со мной такой... проще сразу в ссылку, не дожидаясь диплома. Присли?

Этому я отомщу из принципа. И у меня будет возможность, когда я стану... стану ж...

До боли закусив губу, я не могла выговорить это даже про себя.

Рианы! И как мне теперь разговаривать с... с советником императора? Если одно только воспоминание о событиях в кабинете ректора вызывало желание спалить всё и разом. И получить не меньше десяти лет в застенках Академии неконтролируемой магии, либо пожизненное в Гвинборе.

Наверное, стоило подумать об этом раньше. Не пытаться облапошить Присли, а искать способ спастись от стихийного дара, но что уж теперь...

А может сдаться ректору? Или бежать из империи, надеясь, что стихия во мне успокоится?

Тяжёлый вздох вырвался помимо воли, и я устало осела на стул.

Некогда страдать, не время. А, значит, встречай меня биб-

лиотека.

Набросив на себя лёгкую иллюзию, я пронеслась по коридорам академии. Дверь как в самую библиотеку, так и хранилище открылись легко и привычно.

Преподавательская же секция, отделённая кованой решёткой от остальных книг, всегда вызывала во мне особый трепет. В самый первый раз я две недели решалась на ночную вылазку, самую долгую за все шесть лет. Тогда почти вся ночь ушла только на то, чтобы вскрыть дверь и обойти проректорские охранки, но сегодня я почти не смотрела под ноги, чувствуя себя безопаснее, самоувереннее и... глупее.

Потому что ректор знал об отмычках.

И риск того, что он сменил охранки, был даже не риском – уверенностью, но шли минуты, я шла по проходу между стеллажами, а линии оставались теми же, что и в последний раз. Даже дверь преподавательской секции не изменилась, встречая привычными сигнальными и защитными заклинаниями.

Ловушка? Или Оллэйстар просто не рассчитывал на такую наглость?

Руки вдруг вспотели, дыхание участилось. Вот он, решающий шаг – либо я крючком распускаю сейчас охранную схему, либо Оллэйстар поменял заклинания так, чтобы я не заметила. И отпечаток моей магии отправится к проректору вместе с сигналом о взломе библиотеки.

Рискнуть?

Плохая затея. Очень плохая, но выбора нет – до сва... до лета ещё надо дожить и без знаний о стихийной магии эту задачу я провалю.

Нужная нить нашлась быстро, отмычка была наготове и... я не смогла. Прикрыла глаза, успокаиваясь... а потом резко дёрнула заклинание на себя.

И железная дверь распахнулась без единого скрипа, а я выдохнула сквозь зубы. Не знаю, что именно благодарить – забывчивость Оллэйстара или собственное везение, но спасибо!

Гулкая тишина библиотеки успокаивала сердцебиение и замедляла дыхание. Всё получилось, бояться нечего, сейчас точно нет. И я смело вступила в новый проход.

В отличие от общего зала, здесь не было охранных линий. На полу нет, зато стеллажи оплели ими настолько плотно, что названия на корешках книг смазывались, и впервые я видела это настолько отчётливо. Благодаря ректору мой дар вышел на качественно другой уровень.

Красиво. И чего здесь только не было! Наверное, любовь к книгам всё же передалась мне от родителей, которых убили в тёмной подворотне из-за объёмного свёртка в руках. Того, в котором вместо денег оказался справочник растительности Оришана, единственный экземпляр. Но разве волновало это неизвестного стихийника?..

Идя по проходу, я на мгновение замерла около одной из полок. «Теория заклинаний». Эта книга намертво отпеча-

лась в памяти, так часто мне приходилось ей пользоваться, но сегодня я прошла мимо. Не зная, что конкретно ищу, обычным зрением вглядывалась в каждый корешок. И мне оставался последний стеллаж, когда вдалеке послышались голоса.

Вернуть все охранки на место и выскочить в хранилище? Не успею! И я бесшумно переместилась в дальний угол преподавательской секции, прижалась к стене и замерла, дыша через раз.

– Ориан, – раздался голос проректора Оелуона, – преподавательская секция взломана!

Сердце пропустило удар. Если Оллэйстара студенты уважали, то проректора боялись – непримиримый, все вопросы он решал кардинально – нет студента, нет проблемы.

– Кому она нужна, Акиро? – приглушённо хмыкнул ректор в ответ.

– Тебе нужна. – Звякнула металлическая дверь, послышалось шуршание. – И не только тебе... посмотри, кто-то снял все мои охранки! – рыкнул Оелуон.

– Это не значит, что секцию взломали, – спокойно отозвался ректор. – В нашей достойнейшей академии полно не менее достойных преподавателей, возраст которых настолько внушителен, что они забывают некоторые прописанные в уставе правила.

Из-за стеллажа до меня донесся высокомерный смешок.

– Это ты сейчас про маразматика Нолена? – Вежливостью

Оелуон тоже не отличался.

Профессор Нолен, кажется, был старше самой академии. Он преподавал только у бытовиков, но то, что его вылавливали в самых неожиданных местах замка, знали все. Хотя, по словам его же студентов, лекцию он вёл превосходно и с теорией бытовой магии сложностей у них не возникало.

– Ты идёшь?

Часть беседы прошла мимо, некстати подумалось, что мне бы пару уроков теории от Нолена не помешали. Со всем этим высушить-нагреть-согреться у меня так и остались очень сложные отношения.

– Нет, мне нужны ещё пару томов, – задумчиво откликнулся ректор.

– Одумайся, Ориан! – весело ужаснулся Оелуон. – Работа никогда и никого не доводила до добра, лучше бы смотался в город, сходил в...

– Акиро! – повысил голос Оллэйстар. – Я без тебя разберусь, чем мне заниматься. Ты взял свой альманах? Вот и иди.

– А хочешь, расскажу последнюю сплетню? – внезапно воодушевился проректор.

– Ты хуже студентов, — устало отозвался ректор. – Если я выслушаю, ты уйдёшь, наконец?

– Так точно, господин ректор! – радостно откликнулся тот. – Помнишь, я рассказывал про мальчишку Шалинберга? Что ко мне приходили его родители с просьбой пригласить за наследником?

– И?

– Не поверишь, но сегодня вечером мне пришёл вестник от старика Исгарда!

Рианы!

– Что он хотел?

– А вот это самое интересное, – проректор выдержал театральную паузу, – он просит не препятствовать ухаживаниям внука.

– Акиро! – раздражения в голосе Оллэйстара стало гораздо больше. — Ты бы лучше не веселился, а разворачивал всех этих родственников. Это академия или... придорожный трактир?

– Там нет таких спектаклей! – не смутился Оелуон. – Лорд и леди Шалинберг категорически против невестки, а Исгард, наоборот, потворствует внуку и не имеет ничего против Грасс! Представь, какие волнения в древнем семействе!

– Кого? – переспросил Оллэйстар.

– Аурелия Грасс, выпускница госмагии, документоведение, – повторил тот. – Судя по тому, что объявился Исгард, наследник Шалинбергов по уши в неё влюбился.

– Потрясающе! – сыронизировал ректор. – Если это всё, то больше не задерживаю.

– И тебе неинтересно? – кажется, не поверил проректор.

– Акиро, мне глубоко безразличны отношения студентов, пока они находятся в рамках устава! Будь добр, либо иди, либо оставайся, но молча. Мне нужно работать.

– Как знаешь, – краем уха слыша, как Оелуон попрощался и быстрым шагом направился к выходу, я просто дышала.

В конце концов, запретная фамилия не прозвучала, срыва не случилось, а Шалинберг... его дед первым отвадит внука, как только узнает, чем это грозит.

– Лиерра Грасс, – громкий голос вырвал из мыслей, – можете выходить.

Интересно, если я не выйду, ректор пойдёт меня искать? Тяжело вздохнув, я осталась на месте. Может, Оллэйстар зовет, надеясь исключительно на мой здравый смысл? Хотя откуда бы ему взяться...

Но проверять выдержку ректора не хотелось, с той ночи в библиотеке ничего не изменилось – если Оллэйстар захочет, достанет меня и без моего желания. Поэтому я тихо прошла по проходу и неохотно вышла на свет.

Ректор опирался бедром о стол и недовольно смотрел на меня.

Если он хотел ограничить мне доступ, мог и поменять охранки, а не смотреть таким взглядом. От которого я и правда чувствовала себя виноватой. Остановившись в трёх шагах от него, я старалась не смотреть на ректора, глядя чуть выше его плеча.

– Что вы здесь делаете, лиерра Грасс?

– Читаю.

Какой вопрос, такой и ответ.

– В таком виде? – он смерил ироничным взглядом такую

же, как у Рика форму.

Облегающие брюки, мягкие сапоги, куртка с высоким воротником-стойкой, и всё это тоже из кожи укавираса. Правда, в отличие от формы боевиков, моя была тёмно-зелёная и с красивыми металлическими вставками, которые ухудшали свойства материала. Но мне и не на полигонах в ней скакать.

– Это не запрещено.

В теории. Никто просто не догадался, что кому-то кроме боевых магов придёт в голову носить удобный, но всё-таки кожаный и требующий привычки костюм.

Короткий смешок заставил меня поднять глаза.

– Это единственное, что не запрещено, если учесть вашу прогулку в середине ночи, взлом библиотеки, проход в закрытую секцию и подслушивание чужого разговора.

– Подслушивать тоже не запрещено. – Я вернула взгляд на ладонь левее его лица.

Удивительно, но Оллэйстар действительно не злился. Происходящее вообще его не задевало, скорее... забавляло?

– Зато осуждаемо обществом, – добил он.

– Ректор Оллэйстар... – набрав в грудь воздуха, начала я, но сдулась после двух этих слов. Его внимательный интерес к моим оправданиям откровенно раздражал. – Я не хотела подслушивать ваши личные разговоры. Я пришла вообще не за этим и прошу прощения за то, что случайно услышала лишнее! Но ведь вы знали, что у меня есть отмычки... сменили бы охранки, если не хотели пускать меня в библиотеку!

А какое хорошее было начало...

– Допустим, разговор лишним не был, раз уж напрямую вас касался, а насчёт библиотеки... Лиерра, вы хоть помните, с кем беседуете? – насмешливо поднял бровь Оллэйстар. – И кого обвиняете в собственных промахах.

– Не моя вина, – ровно ответила я, – что нужные книги заперты в преподавательской секции.

Получилось бы так ответить ректору в нашу первую библиотечную встречу? Ни в жизнь! Но тогда я и не представляла, как весело мне станет через какие-то несколько дней.

– И какие же книги вам нужны? – Оллэйстар приблизился, и мне пришлось задрать голову. – Может быть те, в которых написано как влюбить в себя боевого мага? – Полка слева от меня засветилась розовым. – Или те, где указано как избавиться от соперницы? – Ещё одна вспыхнула фиолетовым. – А может, как отравить навязчивого поклонника?

Три полки справа от меня высветились зелёным.

Я уже знала, что от ректора можно ожидать всего, и незаметно переместила вес с одной ноги на другую. Пусть я так себе противник, но и меня кое-чему учили.

– Вы меня боитесь, Аурелия? – замолчав на мгновение, совсем другим тоном спросил Оллэйстар.

– Резонно опасаясь, – призналась я.

– Бросьте, – ректор вернулся к столу, заставив меня выдохнуть с облегчением, – в лаборатории мне пришлось показать, что шантажировать мага вдвое старше и намного опыт-

нее вас глупая затея и заведомо проигрышный вариант. Хотя, – Оллэйстар снова окинул меня взглядом, – кажется, вы были правы, и скоро библиотека станет местом наших тайных встреч.

Ну, библиотека – не Гвинбор, можно и потерпеть. И что я там хотела? Сдаться ректору? Вот только какому? Серьёзному и дисциплинированному старому или насмешливому и непонятному новому?

– Что вам понадобилось в библиотеке, Аурелия? – вкрадчиво поинтересовался Оллэйстар, отвлекая от посторонних мыслей.

– Книга, – медленно ответила я. – Недавно со мной случилась одна... неприятность, – приходилось тщательно подбирать слова, – и я хочу узнать почему.

– И что за неприятность?

– Простите, ректор Оллэйстар, но это моё личное дело, – твёрдо ответила я, стараясь не обращать внимания на откровенную иронию в глазах стоящего напротив мужчины.

– Ваше личное дело подпортило пол в коридоре третьего этажа, – равнодушно сообщил ректор.

Ч-что он сказал?

Я как-то разом разучилась дышать, но ответила по-прежнему ровным и спокойным:

– Не понимаю о чём вы.

– Не понимаете?

Страшно, очень. Особенно, когда обстановка вокруг ста-

новится такой вязкой, напряжённой, буквально пропитанной моим ужасом. Я не отводила взгляд от Оллэйстара и понимала, что всё, конец. Вот сейчас он скрутит меня каким-нибудь особо опасным заклинанием, вызовет императорских ищущих и отправлюсь я куда-то очень далеко.

Зато проблема с советником решиться сама собой...

– Вы можете идти.

Три простых слова отвлекли от картины, где меня ведут, закованную в аتماгические кандалы. Под свист и улюлюканье жителей столицы.

В смысле идти? Это какая-то проверка? Не может же он, зная о стихийном даре, вот так просто меня отпустить!

– Или хотите составить мне компанию? – Развернулся вполоборота Оллэйстар, насмешливо глядя на меня.

– Н-нет, я пойду. – Я осторожно, по кругу обошла его стол и направилась к выходу из секции, но перед тем как сделать шаг в темноту проходов, обернулась. Отчаянно прикусила губу, но не смогла промолчать. – Спасибо, ректор Оллэйстар. И доброй вам ночи.

– И вам, лиерра Грасс, – ответил ректор и, идя вдоль стеллажей, я ещё долго чувствовала пристальный взгляд в спину.

Глава 17

– Ну что, ты определилась с книгой? – подошла ко мне Корса на следующее утро.

Аппетит и до этого не баловал, а при виде белокурой стервы исчез вовсе.

Книга? Ах, да...

– Нет.

– Издеваешься? – Корса возмущённо тряхнула локонами и села на стул напротив.

И так нелюбимую сладкую кашу пришлось отодвинуть подальше, приторности хватало и в духах Вамбург.

– Слушай, – скривилась я в ответ, – давай ты просто... – Но на глаза попало запястье Корсы, напоминая, что выбора у неё и правда нет. – Ладно, пусть это будет справочник по магическому праву. Любой.

– Не удивлена, – хмыкнула она. – Но ты уверена? С магическим правом у тебя всё равно не складывается... может, роман?

– Этого мне и в жизни хватает, – я осеклась, но поздно.

Не объяснять же теперь, что Рик не причём... да и смысла в этом мало, Корса смотрела на меня, а видела уже врага. Правда ни поджатые губы, ни злой прищур меня особо не впечатлили и, резко поднявшись, Корса развернулась и в два шага долетела до своих подружек.

Интересно, ей уже донесли, что вчера треть платного общежития видели, как за полчаса до отбоя я выходила из спальни Шалинерга? И вот вопрос, что за книгу она мне после этого принесёт...

Я вздохнула и вернула тарелку с кашей. Appetit подумал и издох окончательно. Такими темпами из бального платья я вылечу быстрее, чем Корса из академии, если рискнёт засунуть яд в обещанный справочник.

Взрыв смеха за спиной отвлек от вялого ковыряния ложкой в тарелке.

Тринадцать рослых и магически одарённых парней сидели за столом в середине зала и увеличивали слюноотделение у трети студенток академии. Боевики, выпускной курс во всей красе и великолепии громких фамилий, огромных магических резервов и натренированных мышц. Графы, маркизы, герцоги и, конечно, Делаберги, по недосмотру императора и собственной матушки поступившие в академию.

И ладно бы это было единственной выходкой сиятельных близнецов... но нет. Великие князья, чьего отца Лориан III казнил за участие в заговоре, сразу после того, как их лишили родового замка, земель и всех титулов, кроме высочайшего, сбежали. Да так, как никто не ожидал от капризных и бестолковых обычно наследников. Пятнадцатилетних тогда близнецов искали, кажется, всей империей.

Нашли, конечно. В степях на границе с Ктараном. В ящике. Ждущих казни за воровство.

Что после этого сделал с двумя идиотами император, история умалчивала. Грейс поговаривала, что Лориан III выкупил племянничков у степняков за два мешка золотых кранлей, по весу каждого. Якобы ей об это рассказал кто-то, приближенный к императорскому двору, но подтвердить не удалось. А меньше чем через год Делаберги объявились на пороге академии – дёрганые, подозрительные, и мгновенно поступили на боевой факультет.

Я их даже помню в тот день. Нам измеряли величину магического резерва на соседних артефактах. К счастью, невиданно высокий показатель старшенького так впечатлил комиссию, что никто не заметил странностей в резерве одной безродной сиротки. А там и Элион приложил ладонь к мутно-белому шару, так что мне быстро черкнули цифру в деле и отпустили, не желая отвлекаться от редкого зрелища.

Услышав скрип зубов, я поняла, что это мои, и попыталась подумать о чём-нибудь хорошем. Хорошее как назло не находилось, в отличие от Рика.

– Там некого убивать, – сообщил он и занял место, где ещё недавно сидела его подружка. – Что у тебя с Аром?

– С кем? А-а... – Окончательно отодвинув от себя тарелку, я вздохнула. – У меня ничего, про него не знаю.

– Аурелия, Ар не тот, с кем тебе стоит ссориться. Характер тот ещё, да и положение... – многозначительно поднял бровь Рик.

– Я тебя умоляю! – Глаза в ответ закатились сами. – Их

даже император не вынес, а в академии мы все как бы равны.

– Равны или нет, но Ар настроен серьёзно...

Так же, как и Рик, возомнивший себя моим защитником?

– Да мне плевать! – Подавшись вперёд, выбесилась я. – Твои дружки ничего не стоят, по сравнению с... – Ну вот опять. Горло перехватило спазмом, пальцы сжались в кулаки.

– Моё предложение всё ещё в силе, – ровно отозвался он и... накрыл мою ладонь своей.

Вообще рехнулся?! И, видимо, вместе со мной, потому что я не выдернула руку. Под взглядами всех тех, кого интересовало наше противостояние.

– Какое из?

– Оба.

Молчание повисло над столом, нами и половиной столовой. Конечно, кроме нас ведь и обсудить некого!

– Рик, я...

Внезапный и пронзительный женский вопль разорвал тишину огромного зала.

Дёрнувшись, я зажала ладонями уши, но визг прекратился так же резко, как и начался, а все взгляды устремились к Мисте. Нашей Мисте – милой и пухлой брюнетке с крупными чертами лица и вечной улыбкой на губах. Причём улыбкой доброй, искренней, той, которой нельзя не улыбнуться в ответ.

Вот только сейчас Миста Истран не улыбалась.

Она стояла рядом со своим столом неподвижно, спиной к нам, поэтому мы не видели то, что видели её подруги. Но вот секунда, другая и та, которая кричала, завалилась набок, посерев так, что заметно стало даже мне.

– Что за?.. – я начала медленно подниматься, но Рик не дал.

В мгновение оказавшись рядом, боевик сжал моё плечо. Сильно, до боли, но смотрел при это он только на Мисту, которая воспарила над полом, раскинув руки в стороны. И с каждым ударом сердца поднималась всё выше под гробовое молчание остальных.

Единым слитным движением поднялись приятели Рика – они поняли то, что всё ещё не доходило до нас, простых студентов. Знание, от которого я покрылась холодным потом, только ощутив знакомый пожар внутри. Страшное, леденящее душу озарение, подбросившее с мест самых впечатлительных.

Миста оказалась стихийником.

– Я должна...

– Ты ничего не должна! – встретился со мной взглядом Рик.

– Иди к фаркасам! – вызверилась я, скидывая его ладонь.

– Встанешь с этого стула, и я лично сдам тебя ректору! – зло процедил Рик и вряд ли шутил.

– Шалинберг, ты совсем?!

Совсем. Потому что, не теряя времени, он обездвигил ме-

ня так, что даже говорить не получалось.

– Так ты точно никуда не влезешь, – ровно пояснил Рик, отвернулся, а в следующее мгновение наступил хаос.

Ещё один крик, и уже Илана, которая только что сидела рядом с Мистой, хрипит и царапает себе горло, не в силах... вдохнуть? Дрожь прошла по телу одновременно с предвкусением.

Воздушник! Миста оказалась стихийным воздушным магом и, подтверждая, виски взорвало болью, идущей от необученного менталиста. А за её столом продолжали, хрипя, одна за другой падать девушки, которые больше не могли дышать.

Шаргх! Мне нужно снять это дурацкое заклинание!

«Так сожги его», – отозвалось нечто в моей голове.

Сжечь? Но как...

И тут всю академию накрыло звоном, от которого закладывало уши. Сигнальные заклинания, наконец, обнаружили стихийный выброс, и сейчас здесь всем станет жарко.

Запаниковали студенты, застучали упавшие стулья, ввергая столовую в бедлам. Хотя его хватало и без этого – Миста зависла наверху, под сводчатым потолком, а ближайшие к ней студентки продолжили терять сознание от удушья.

И безмозглые боевики ринулись в самую гущу событий.

Сжечь, значит?..

На собственный страх и риск, не обращая внимания на крики, топот и панику, я потянулась к пламени, а оно только этого и ждало. Плетение Рика, осевшее на мне яркими зелё-

ными линиями, горело, освободив сначала руки, а потом и всю меня.

Легко? Как же!

Я чувствовала, как огненная стихия тащит меня в самую середину, туда, где Миста неосознанно убивала студентов академии. Пламя уговаривало помочь, подхватить силу вдруг проснувшейся однокурсницы. Напоминало, что огню с такой поддержкой ветра будет не страшен сам Эвилонберг, чего бы он не хотел.

И запретная фамилия раззадорила, ослабила волю, но...

Ногтями одной руки я впиалась в запястье другой. Боль отрезвила, вернула в себя и помогла запереть стихийный дар внутри. Хотя бы попробовать запереть так, чтобы хватило терпения пережить этот ужас.

И именно в этот миг в столовую ворвались преподаватели.

Оллэйстар сразу подхватил совместное плетение Делабергов, не давая ему рассыпаться под гнётом магии Мисты. И заклинание засверкало, заискрилось силой, которую влил в него ректор. Отсекающий Мисту от остальных студентов купол тут же стал материальным.

Араэл и Элион даже не дёрнулись, когда рядом с ними встал ректор. И, если бы не близнецы, жертв оказалось бы гораздо больше. Именно они первыми поняли, что делать, а следом за ними Рик накрыл всю столовую чем-то сложным, красивым и явно защитным.

Всю. Необъятную. Столовую.

И уже рядом с ним встала профессор Блекхендберг – пожилая, но всё ещё высокая и подтянутая куратор и декан боевого факультета. Она же вплела своё заклинание в заклинание Рика, и я окончательно потерялась.

Что они делают? Зачем профессор Блекхендберг добавила отражающее плетение к защите, которой Шалинберг накрыл стены? Или... купол Делабергов может не выдержать? – Нужно уходить.

Додумать мне не дали, кто-то из боевиков подхватил под локоть, подталкивая в сторону дверей. И хорошо, что давка закончилась – я оставалась едва ли не единственной бесполезной студенткой в зале, но уйти вот так просто... Похоже, врала я Оллэйстару, заявляя, что риск это не моё.

– Куда? – рыкнул было боевик, стоило мне выдернуть локоть, но в это же мгновение нас обоих оглушил звук, словно усиленный в сотни раз хлопок лопнувшего пузыря.

К этому моменту в столовой оставались студенты боевого факультета пятых и шестых курсов, Оллэйстар, Блекхендберг, я и проректор, который только-только вошёл в двери.

Ударной волной приложило всех и сразу.

Меня откинуло к стене, к счастью, недалеко, а боевика ударило об неё гораздо сильнее. Оелуона подхватило и впечатало в створку двери. БОльшая же часть пяти и шестикурсников осталась лежать на полу без признаков жизни.

Спину жгло, на грудь давило, словно на ней стояла вся академия, и я упала на колени, сдирая кожу ладоней о ка-

менный пол. Дышать становилось всё сложнее, но смотреть ещё получалось.

Миста стояла уже на полу, улыбаясь дико и в то же время властно. Словно осознала вдруг свою силу и не прочь удивить ею нас. В её руках, повинуюсь движения ладоней, всё расширялась грязно-серая сфера. Вот она захватила полубезумную уже Мисту, вот накрыла бессознательных Делабергов, лежащих там, где до этого они сдерживали стихийницу.

Вот сфера накрыла Оллэйстара... попыталась накрыть, но ректора на мгновение окутало такой тьмой, что я ослепла от непроглядной черноты. А, когда открыла глаза, они уже стояли треугольником – Оллэйстар, Рик и профессор Блекхендберг. И давили на Мисту чем-то, похожим на повёрнутый углом вниз треугольник.

Не знаю что это, но силы там хватило бы на десяток рехнувшихся стихийников... однако Миста лишь смеялась им в ответ. И всё расширяла своё нечто.

Помочь? Но чем? Вряд ли мою бывшую сокурсницу свалит сейчас несварение желудка. Вряд ли оно вообще пробьётся туда, где правила магия такого порядка.

Но вот Оллэйстар оглядывается и между бровей у него тревожная складка. То есть что-то идёт не так и Миста нас всех здесь передушит? Нет уж! Троица подумала также. Профессор Блекхендберг сказала что-то, и заклинание изменилось, принимая форму овала.

И Рик пошёл вперёд, к Мисте, заведя одну руку назад и доставая стааш.

Совсем мозги отбило?!

Забыв про собственное пламя, которое все ещё рвалось наружу, лишь слегка приглушённое ударной волной, я чувствовала неправильность происходящего. И дело даже не в боевике, что-то мешало заклинанию Оллэйстара, сдерживало их с профессором Блекхендберг магию и защищало Мисту. И это что-то ощущалось чужой волей, лишней линией, которой в заклинании ректора быть не должно.

Но нет, остановиться и хоть секунду подумать для боевиков невыполнимая задача! Ведь если ворота не открывают, надо идти на таран, вместо того, чтобы взять и обойти! Очень в духе Шалинберга.

Но что всё-таки делать?..

Ещё мутная, мысль появилась и попыталась пропасть, но... если всё сжечь?

Не всё, конечно, но ту самую лишнюю нить? Так же, как я выжгла заклинание Рика со своей кожи... и едва не раскрыла себя.

Рианы, ну почему всё всегда так сложно!

Поднявшись и пошатнувшись, я схватилась за спинку стула, который устоял во всём этом хаосе. Спина болела, глаза слезились и раскалывалась голова. Последнее, возможно, стараниями Мисты, но я сжала дрожащие пальцы в кулак и отцепилась от стула. Шаг, другой, третий. Пользуясь тем, что

ни ректору, ни профессору Блекхендберг не до меня, я встала за ними, практически на место Рика и только тут привлекла внимание.

– Лиерра, – отрывисто рыкнула Блекхендберг, – какого шаргха?!

– Вам... мешают, – снова переоценила я себя.

Потому что здесь дышать стало невозможно. Короткие вдохи не помогали, хотелось вдохнуть полной грудью, но воздуха не было.

– Кто? – Она сразу вцепилась в меня взглядом, раз уж руки оказались заняты.

– Не... знаю.

В глазах потемнело и, покачнувшись, я едва не рухнула, в последнее мгновение ухватившись за рукав Оллэйстара.

– Чтоб вас! – ругнулся он, подхватывая меня за талию одной рукой. – Грасс, вы-то что...

– Там. – На последнем усилии воли ткнула я пальцем в сторону их заклинания, повисая на ректоре. – Лишнее... я могу...

Или не могу.

– Аурелия!..

От крика сознание вернулось на какую-то долю секунды, но и этого мне хватило – я заставила гореть ладонь и, вместе с простеньким заклинанием вестника, бросила одну-единственную искру в ту самую чужую нить.

И окончательно провалилась в темноту.

Глава 18

Очередное учебное утро.

Глаза не открывались, и я повернулась на другой бок, с силой потягиваясь. Пытаясь потянуться, но ахнула от резкой боли, и вместо сорочки рука наткнулась на тугую повязку, которая обхватывала меня от середины живота до подмышек.

Что произошло?..

И память быстро показала, что к чему.

Столовая. Миста. Вестник.

С глухим отчаянным стоном я откинулась на подушки и закрыла лицо руками.

Идиотка!

Кто? Ну, вот кто просил меня лезть?! Можно подумать Оллэйстар без меня не нашёл бы способ успокоить Мисту! Или что, захотелось побыть самой умной?

Дура.

Несколько раз глубоко вдохнув и выдохнув, я убрала руки и осторожно ощупала повязку.

Прочная ткань оборачивалась вокруг тела в несколько слоёв, так что, подцепив пальцем край, я не добралась до кожи – снова уткнулась в ткань. Стоило надавить в районе солнечного сплетения, и острая боль пронзала живот, грудь и шею. Щекотка в горле тоже не радовала, и я попыталась

откашляться.

Мой голос превратился в такой вот хрип?

Стиснув зубы, придерживая на груди одеяло, через боль я медленно поползла к краю постели. Моей, кстати, постели, что удивляло даже больше свободных от кандалов запястий.

– Аурелия, тут тебя... да ты совсем, что ли, спятила?! – рывкнула под конец фразы Ариса и метнулась ко мне, не давая встать.

– Мне надо идти, – просипела я в ответ.

Идти? Бежать мне надо! Хоть куда, лишь бы подальше от Эвилонберга, ректора и остальных.

– Куда идти? – широко раскрыла болотного цвета глаза Ариса. – У тебя только трещины схватились, тебе ещё два дня валяться в постели! Хорошо, если к Зимнему балу восстановишься!

– Трещины? – удивлённо подняла я брови и закашлялась.

– Скажи спасибо, что легко отделалась! – Выверенными движениями она в два счёта вернула меня обратно на подушки. – Кто бы мог подумать, что ваша Миста...

– Не надо, – отчаянно зажмурилась я. – Пожалуйста, давай не об этом!

– Давай, – хмыкнула Ариса, глядя на меня. – Меня, вообще-то, отправили к тебе передать, что за дверью гости.

– Гости? – Дёрнулась я.

Это конец. Императорские ищейки.

– Меня просили удостовериться, что ты одета, – много-

значительно заявила Ариса и пошла к двери.

Сердце захлебнулось собственным биением. Сжимая одной рукой горло, другой я вцепилась в одеяло. Кто там? Присли, убедиться, что меня отправят в академию стихийников? Оллэйстар с сообщением, что мне подготовили камеру в Гвинборе?..

Голова не работала, и я обессиленно ждала приговора.

И Оллэйстар действительно пришёл. Задержался на мгновение в проёме двери, смерил меня внимательным взглядом... и посторонился, пропуская в мою спальню советника императора.

– Как вы, Аурелия? – В два шага преодолев расстояние до кровати, Эвилонберг присел на её край и осторожно взял мою безвольную ладонь. – Мне передали, что с вами случилось... Трагическая, недопустимая ошибка – просмотреть стихийного мага... и какого! Воздушного, с такими ментальными способностями.

В-воздушного? Он о Мисте?

Я перевела растерянный взгляд на Оллэйстара. Эвилонберг тоже перевёл, но, судя по тому, как склонился в ответ ректор, советник императора вряд ли сочувствовал ему так же, как мне.

– Лиерру Истран снова проверили на артефакте сразу после случившегося в столовой. Проявитель не показал наличия стихийного дара так же, как и при поступлении в академию, – выпрямившись, ровно отозвался Оллэйстар, хотя

вопроса не было.

– Значит нужно сменить артефакты! – властно приказал Эвилонберг. – Император будет извещён о вашем промахе, таер Оллэйстар.

– Как пожелаете, ваше высочество, – едва склонил голову ректор.

С насмешкой?.. Но нет, стоило нам с Оллэйстаром снова встретиться взглядами, и на его лице не оказалось ничего, кроме привычной невозмутимости.

– Аурелия, – совсем другим, мягким и успокаивающим тоном обратился ко мне Эвилонберг, – мне доложили, как храбро вы вели себя во время нападения стихийного мага.

Храбро? Может, всё-таки по-идиотски?

– Я благодарю рианов за то, что они послали мне вас – такую молодую и неопытную, но уже решительную и достойную девушку. – Ладонь советника скользнула вверх по моей обнажённой руке.

И я смутилась, краснея, и отвела глаза.

Шаргх!

Он ведь бесцеремонно пользуется той самой моей неопытностью! Он – властный, привлекательный и могущественный мужчина, маг, которому вряд ли отказала хоть одна дама двора. И неудивительно! Короткие тёмные волосы с едва заметными седыми нитями, которые его только красили, прямой нос, уверенный цепкий взгляд, твёрдые ладони и подтянутая фигура... да за Эвилонбергом очереди должны вы-

страиваться! Но, увы, всё это великолепие досталось мне.

Негромкий щелчок заставил вздрогнуть – на моём запястье теперь красовался невероятной красоты браслет, где серебряные лозы оплетали огромные сапфиры.

– Вы позволите мне за вами ухаживать, Аурелия? – И снова взгляд, только со смущением уже проблемы.

Хотя, гораздо меньшие, чем с дыханием.

– Я... я...

Я задыхаюсь, фаркасы вас пожри!

Чувствуя, что начала кружится голова, я закрыла глаза, но так стало только хуже – от цветных пятен затошнило и пришлось распахнуть веки. И наткнуться на понимающий зелёный взгляд.

– Дышите, лиерра.

Одна прохладная ректорская ладонь лежала на моём горле, вторая касалась груди в области сердца. И то, что между ней и мной были несколько слоёв повязки, спасало мало.

– Что происходит, Ориан? – потребовал ответа Эвилонберг, стоя рядом с кроватью. В отличие от Оллэйстара, которым нависал надо мной, коленом опираясь о постель.

– Лиерра Грасс перенервничала, – ровно отозвался ректор, не отпуская мой взгляд. – Как я и говорил, ни её магический, ни собственный резерв после атаки тьерры Истран ещё не восстановились. Ваш... подарок вызвал у лиерры сильное волнение, волнение поспособствовало учащению сердцебиения и дыхания, а частое дыхание вызвало удушье, с кото-

рым лёгкие лиерры ещё не в состоянии справиться сами.

То есть Миста меня почти задушила? Прекрасно, просто прекрасно. И ещё прекраснее, что Оллэйстар, помимо артефакторики разбирается ещё и в лекарском деле. Потому что дыхание и правда успокоилось, а, стоило мне это понять, с шеи исчезла приятная прохлада его ладони.

– Это грозит здоровью Аурелии? – нахмурился Эвилонберг, но не стал подходить даже когда отошёл ректор.

– Временно, – подтвердил тот, а я растерянно потёрла место, которого касалась его рука. Под нечитаемый взгляд Оллэйстара. – Прошло меньше суток, а лиерра отличается крепким здоровьем. Завтра ей будет гораздо легче, через два дня последствия практически сойдут на нет. К Зимнему балу лиерра сможет без усталости танцевать всю ночь.

Разве что на собственных похоронах. Интересно, а в Академии стихийников тоже устраивают Зимний бал? Хотя, даже если так, вряд ли на него съезжается весь цвет Унаша.

– Зимний бал... – словно вспомнив, протянул Эвилонберг и приблизился к кровати, но садиться не стал. – Аурелия, надеюсь, вы простите, что я не смогу сопровождать вас?

Укол ужаса резко сменился облегчением. Прощу? Да слава рианам, что у советника есть другие дела на этот вечер! Представляю, какая бы из нас вышла пара... убийственная для чужих нервов.

– Я понимаю, ваше высочество. – Я опустила глаза, пряча их выражение.

– Милая, я обещаю возместить вам своё отсутствие, – ласково пообещал он. – Как только вы приедет на каникулы в поместье барона.

– Простите, ваше высочество...

– Джакоб, – ровно напомнил Эвилонберг.

– Простите, Джакоб, – выдавила я из себя, – но я не уезжаю из академии на зимние каникулы. Мне... – Противно находиться с Присли в одном доме? – ... есть предметы, которые мне не даются. Приходится брать дополнительные занятия и проводить эти дни за учёбой.

Кто бы знал, что меня спасут именно пересдачи по магическому праву!

– Что ж, тогда я рассчитываю на прогулку по территории академии, – улыбнулся Эвилонберг, а я подтянула одеяло повыше. – Рассчитываю ведь, Аурелия?

– Конечно, ваше... Джакоб.

Не мне тягаться с советником императора и, не выдержав его взгляда, я снова опустила глаза.

– Ориан, оставь нас.

– При всём уважении, ваше высочество, – нахмурился Оллэйстар, – я не могу...

– Две минуты, Ориан, – ледяным тоном отрезал Эвилонберг, разом напомнив нам обоим, кто тут главный. – За это время не пострадает репутация ни твоя, ни Аурелии.

Советник смотрел только на меня, ректор сверлил ему спину. Отвратная ситуация, для меня точно, но вот Оллэй-

стар усмехнулся, что видела я, и не видел Эвилонберг.

– Это нарушает академический устав, – ответил он и да, с насмешкой. Заставив советника развернуться так резко, что взметнулись полы сюртука. – Лиерра Грасс находится под защитой этих стен и пока не является ни женой, ни даже невестой.

– Ты забываешься, – опасно понизил голос Эвилонберг, а я во все глаза смотрела за происходящим. – Перед тобой советник империи и член императорской семьи.

– Как ректор этого заведения, я не смогу оставить ни одну из своих подопечных наедине с мужчиной, даже если это будет сам император. – Не впечатлился Оллэйстар под моим ошалелым взглядом.

Он совсем того? Кто в здравом уме пойдёт на ссору не только с императорским дядей, но и с представителем академического совета? Того самого, которым я угрожала ректору в лаборатории.

– Лориану будет интересна твоя преданность... академии. – Угроза. Это ощутила даже я, ничего не понимая в интригах такого уровня.

– Я с большим удовольствием встречусь с его императорским величеством. Снова, – вежливо улыбнулся Оллэйстар, явно на что-то намекая.

На что? Но нет, этот интерес я пресекла мгновенно. Не мне лезть в интриги императорского дворца, даже если они меня задевают.

А вот Эвилонберг понял, о чём речь, потому что на несколько томительно долгих мгновений в комнате установилась напряжённая тишина. Такая, что переживания за ректора сами закрались в голову. Ничего бы Эвилонберг за эти короткие минуты мне не сделал! Но что он может, решив, что Оллэйстар его оскорбил?..

– Ректор Оллэйстар, – влезла я своим хриплым голосом, – я не против выслушать ваше... Джакоба наедине. Уверена, что его репутация убережёт от слухов и меня, и вас.

– Лиерра, вы больны. – Прозвучало как диагноз, и, судя по насмешливому взгляду Оллэйстара, им и было. – Вам нужно отдыхать, а всё, что хочет, его высочество может сообщить вам в моём присутствии.

– Мы ещё поговорим об этом, Ориан, – ровно пообещал Эвилонберг и вернул мне всё внимание, словно забыв о том, что у нашей беседы есть свидетели. – Аурелия, впредь я прошу вас быть осмотрительнее. – Советник смотрел недовольно и в то же время требовательно. – И не забывать, что ваши действия теперь имеют отношение и ко мне.

– Что вы имеете в виду?

Он ведь не про успеваемость? И вряд ли про Мисту...

– Вас видели в компании Рикарда Шалинберга, – ожесточился Эвилонберг, а взгляд его заледенел. – Мне всё ещё стоит уточнять, о чём идёт речь?

И тут заледенела уже я, причём в самом прямом смысле. Грудь сдавило, замёрзли руки, по телу прошла дрожь. По-

тому что это была угроза, и угроза уже мне. То есть эти... рассказали не академии, они пошли дальше. Написали любимым родителям? Очень может быть, а там и до императорского дворца недалеко. Настолько недалеко, что Эвилонберг слишком быстро узнал о том, что я была в спальне Рика.

– Нет. – Я устала опускать глаза, но это было сильнее меня. – Я поняла вас, ваше высочество.

– Джакоб! – уже раздражённо исправил Эвилонберг. – Выздоровливайте, Аурелия, и не разочаровывайте меня больше...

Бросив на меня последний взгляд, Эвилонберг, не прощаясь, резким отрывистым шагом вышел из спальни.

– Надеюсь, что вы простите мне вмешательство в свою личную жизнь. – Я вздрогнула, банально забыв о том, что Оллэйстар ещё здесь.

– Я... вы зря столкнулись из-за этого с князем, – покачала я головой и прикусила губу. По-прежнему не глядя на ректора. – Со мной не случилось бы ничего страшного, а теперь вас...

– Переживаете за меня, лиерра? – хмыкнул Оллэйстар, и что-то в его тоне заставило поднять взгляд. Лучше бы я этого не делала... – Пока я ректор этой академии, академический устав будет здесь главным законом.

Пока.

– А если князь... – Не туда меня несёт, ой, не туда. В конце концов, проблемы с императором это исключительно рек-

торское дело. – Это не моё дело, простите. Похоже, я и правда устала.

– Не представляете, как меня радует ваша сознательность, – весело хмыкнул Оллэйстар и, не смущаясь того, как резко я подтянула одеяло, уселся на край моей постели. – Значит, я могу рассчитывать на честные ответы.

– Ответы? – рвано сглотнула я, испуганно глядя на него.

Верните Эвилонберга, с ним было как-то проще, даже несмотря на разницу в возрасте и положении!

– Ответы, – повторил ректор, насмешливо улыбаясь. – Например, на вопрос о том, что вы сделали с моим заклинанием в столовой. Или о том, как вы остались в сознании после уничтожения купола, если слегли даже опытные боевые маги. Или о том, как долго вы скрываете стихийную магию...

Он знает! Всё знает!

От простого осознания я снова начала задыхаться, но в этот раз Оллэйстар не спешил мне помочь. Он всё так же сидел на краю кровати, смотрел на меня и улыбался. Улыбался! В то время как я пыталась справиться с собственным ужасом, который струился по венам тем самым тёмным огнём.

– Я... с чего вы...

Не получалось ни ответить честно, ни соврать. И беспомощность впиалась в сердце острыми когтями, до тёмных пятен перед глазами.

И я почти не почувствовала резкий рывок и прохладные ладони на своём теле. Почти. Но приятный холодок, который

разлился по телу сразу после, не почувствовать было гораздо сложнее. Вдох, выдох. Всего несколько мгновений понадобилось, чтобы вернуть меня в сознание.

Относительное, конечно, потому что я сидела перед Оллэйстаром в одной повязке, в то время как одна его ладонь поддерживала меня под спину в районе сердца, а другая снова лежала на горле. И это мелочи, по сравнению с тем, насколько никакое нас разделяло расстояние.

– Признаваться будем? – негромко уточнил Оллэйстар, насмешливо подняв бровь. – Или подождём ещё одного испорченного пола?

Глава 19

– В-в чём пр-ризнаваться?

– А не в чем? – с интересом переспросил ректор и перевернул мою руку ладонью вверх. И удержал, когда я дёрнула её на себя.

Мыслей не осталось. Неудивительно, в общем-то – моё левое запястье украшал ожог, боль от которого я почувствовала только сейчас.

– Знаете, что это, лиерра? – задумался Оллэйстар, поднимая взгляд от моей руки.

– Знаю, – мрачно отозвалась я, выдернула ладонь и откинулась на подушки, натягивая выше злосчастное одеяло.

Пятиконечная звезда, с символами стихий в каждом угле. Знак стихийников. А теперь и мой знак.

– Чего вы от меня хотите?

Да, вот так идти напролом неправильно, нелогично и глупо, но... не просто так я лежала сейчас в своей комнате. Без конвоя. Без стааша у горла. Без компании Мисты.

– Мне всё ещё нужна ваша помощь

– Даже... сейчас?

Отвращение, ужас, ярость – где всё это? Где всё то, что сопровождало стихийников с момента пробуждения дара и до последнего вздоха? И откуда у него столько понимающей насмешки? У боевого мага, который несколько часов назад

скрутил очередного рехнувшегoся стихийника.

– Сейчас... а что изменилось, лиерра Грасс? – Оллэйстар поднял бровь, смутил меня пристальным взглядом и поднялся. – Вы перестали видеть заклинания?

– Н-нет. – Посмотрела на магический светильник и убедилась – не перестала.

– Вам наскучила шкатулка?

– Нет, но...

– У вас появились другие срочные дела, грозящие развалом империи?

Да что происходит?!

– Причём тут... – Оллэйстар развернулся и опёрся о мой стол. Требовательно ожидая ответа. – Нет, не появились.

– Вы всё ещё меня боитесь? – Ещё один вопрос, на этот раз с лёгким прищуром.

– Конечно, боюсь! – дёрганно взмахнула я руками и схватилась за спадающее одеяло. – Вы... вы ничего не рассказываете. Ни о шкатулке, ни о Мисте, ни обо мне! Я не знаю чего от вас ожидать, а значит, и подготовиться не могу!

– А вы спрашиваете, Аурелия? – Рианы, его вообще возможно вывести из себя?! – Насколько я помню, ни один ваш вопрос ещё не остался без ответа.

– Хорошо, – шумно выдохнула я, решаясь, – что будет с Мистой?

– Судьба подруги беспокоит вас больше собственной? – краешком губ улыбнулся ректор. – Сейчас тьерра Истран на-

ходится в антимагической лаборатории, она уже пришла в себя, молчалива и подавлена. Через несколько часов за ней придут профессора из Академии неконтролируемой магии и тьерра Истран, в сопровождении проректора Оелуона отправится на обучение туда.

– Обучение? – у меня перехватило дыхание. – А разве?..

– Разве что? – подстегнул Оллэйстар после недолгой паузы, но что я могла сказать... Так и молчала, от волнения прикусив губу. – Лиерра Грасс.

– Гвинбор, – с трудом выдавила я из себя и подняла на него глаза. – Разве Мисту не отправят в...

– В тюрьму? – Кажется, удивился ректор. – Не знал, что вы так кровожадны. Тьеру Истран не за что запереть в пожизненной антимагической темнице. По крайней мере, пока.

– Подождите! – тряхнула я головой, и волосы упали на грудь, укрывая лучше одеяла. – А те... а Илана? А остальные студентки?

– Все живы и скоро буду здоровы, – вздохнул Оллэйстар. – К нашему и тьерры Истран счастью обошлось без смертей, иначе...

– Вас бы наказали? – сначала спросила, а уже потом подумала я. Но поздно, ректор уже склонил голову к плечу, с интересом за мной наблюдая. – То есть академию... академию бы закрыли?

– Вы преувеличиваете роль одного случайно найденного стихийника в жизни академии, – хмыкнул Оллэйстар. – Но

Зимнего бала вы бы точно лишились.

– Я?

– Студенты, – улыбнулся он.

И эта улыбка добила и так ушибленное сознание. У меня в голове никак не укладывалась действительность, в которой я, раскрывший себя стихийник, лежу и болтаю с ректором на отвлечённые темы.

– Что в той шкатулке? – Я всячески тянула время, откладывая главный и самый важный для себя вопрос.

– В шкатулке? – насмешливо переспросил Оллэйстар.

– Да. – О стихийном даре он узнал, о моих заклинаниях тоже, так какой смысл строить из себя скромницу... – Сомневаюсь, что вам нужна шкатулка... так что внутри, ректор Оллэйстар?

– Внутри... – эхом отозвался он, взял мой стул и, поставив его у кровати, сел. – Аурелия, а что вам известно о Кристиане Велинберге?

Что-то такое мелькало на границе сознания, но слишком смутно, чтобы догадка разъяснилась.

– Ничего? – ответила полувопросительно, надеясь, что это не какой-нибудь дряхлый старец из теории магического права.

– Велинберг был талантливым магом земли и одним из ректоров Академии неконтролируемой магии, – сообщил Оллэйстар. – На этом посту он прослужил империи почти восемьдесят лет, боролся за каждого своего студента, даже

если их приговаривали к казни, и умер около двух веков назад.

– Это его артефакт? – подалась я вперёд.

– И шкатулка, и то, что внутри, – подтвердил Оллэйстар. – Неизвестно как, но Велинберг добыл минерал, это нашли в его записях, который лишал мага стихийной силы и только её.

Сердце пропустило удар, дёрнулось раз, а после разогналось как ненормальное.

– Лишить силы? – Хрипнуть дальше мне уже просто некуда.

Интересно, а можно мне стать первой жертвой... в смысле испытателем?

– Если верить дневникам Велинберга – да. Он добыл камень, который назвал оскантом и считал, что тот может вернуть стихийникам жизнь. Не ту, где на них косо смотрели, преследовали и казнили, а ту, где их могли приравнять к обычным магам. Оставив только тех, кто понимает и контролирует дар.

– Но почему... прошло ведь двести лет! Почему сейчас? – растерянно потрянула я головой. – Столько времени потрачено зря...

– Напомните-ка, лиерра, как у вас с историей? – весело хмыкнул Оллэйстар и откинулся на спинку стула. – Вы знаете, как к стихийникам относились двести лет назад?

– Никак, – вздохнула я и закусила губу, по примеру Олл-

эйстара откинувшись на подушки. – До вступления на престол Алемдара Оришанского учили едва ли половину, а сошедших с ума...

– Убивали, – с охотой подсказал Оллэйстар. – Велинберг не знал, как относится к этому вопросу новый император, а узнать не успел – умер от старости. Увы, он не дожил до принятия Алемдаром указа о принудительном обучении стихийных магов, поэтому предпочёл спрятать оскант до лучших времён.

– И теперь вы...

Почему он? Почему именно Ориану Оллэйстару поручили достать оскант из шкатулки? Почему не императорским магам? Почему не артефакторам? Или есть что-то, из-за чего такой чести удостоился именно он? Пусть уважаемый, но рядовой по сути ректор Академии контролируемой магии.

– Империю раздирает на части, – мрачно отозвался Оллэйстар. – Стихийники обозлены, часть бежит в Ороканскую пустошь, где всех без разбора принимает некто Горус, но тех, кто остаётся в империи гораздо больше. И обычные жители напуганы, они за несколько кварталов обходят дома, где есть хоть один стихийный маг. Не понимают природу вашей магии, бояться сгореть, утонуть или задохнуться просто посмотрев стихийнику в глаза. И вы, Аурелия, можете это остановить.

– Я?! – Голова пухла и грозила лопнуть от таких новостей. Рианы, во что я влезла?!

– Кварц Габюса – в личном пользовании императора, он не пожертвует им даже ради такой цели, а без вас я не смогу вскрыть шкатулку.

– Я могу, но... это же... Да как я...

– Помогите мне, и я обещаю избавить вас от советника.

Да что за день такой! Поперхнувшись воздухом, я надсадно закашлялась. И продолжала кашлять, пока не ощутила прохладное прикосновение к руке.

– Я обещаю, – повторил Оллэйстар, серьёзно глядя на меня.

– Это же великий князь, – беспомощным шёпотом ответила я, – дядя императора, глава канцелярии и...

– Ты мне не веришь? – насмешливо хмыкнул он, словно речь шла о булочнике из соседнего квартала.

– Я... я просто не могу. – Коротко столкнулись взгляды, и Оллэйстар отстранился, но... Рианы, я схватила за рукав собственного ректора! – Нет, я... я верю вам, но такие интриги... Я не могу справиться с Присли, не могу противостоять Эвилонбергу, да даже Рик не слушает, а вы предлагаете... Это же дело всей империи, куда мне...

– А кому ещё? – задал простой вопрос Оллэйстар и накрыл мою ладонь своей. – Велинберг не был приближен к императору, он всего лишь хотел мира. А теперь, благодаря ему, мы можем этот мир установить. Ты упустишь такой шанс?

Упущу? За оскант я бы убила, но, возможно, убьют как

раз меня.

– Я помогу вам, – выдохнула я, понимая, что выбора нет. И выдернула ладонь.

Три дня спустя я возвращалась с занятий, а в голове всё крутилась одна навязчивая мысль. В той беседе Оллэйстар запретил мне даже думать о лаборатории, пока последствия от влияния Мисты не сойдут на нет, а я все эти дни думала только о том, что выход есть. Теперь мне необязательно бежать и прятаться, нужно просто разгадать загадку Велинберга, открыть шкатулку и достать оскант.

Всего лишь...

Я вздохнула, поправила на плече сумку и напоролась на злой девчачий взгляд. Так, что опять не так?

Ответ нашёлся быстро, стоило только завернуть за угол.

– Какого... – я с трудом проглотила ругательство, – что ты здесь делаешь?

Встав перед Риком, я перекрыла восторженным идиоткам вид на боевика, правда, это не мешало им меня ненавидеть ещё и за это.

– Тебя жду, – пожал плечами Рик и отлепился от стены рядом с моей дверью.

– И зачем?

– Соскучился, – улыбнулся он и приблизился. Наглая ладонь скользнула по моей талии, на мгновение лишая дара речи.

– Ты решил так известить меня или себя? – подняла я бровь

и скинула чужую конечность.

– Почему тебя? – не понял Рик. То есть целостность своей тушки его не волнует?

– Потому что твои милые, – скривилась я, – соседи по общежитию уже донесли своим прелестным родственникам о том, как я выходила перед отбоем из твоей спальни. Как понимаешь, родственники молчать не стали...

Перемена оказалась разительной. Рик разом нахмурился, глаза заметали молнии в самом прямом смысле, а сам боевик шагнул ко мне, удержав за локоть.

– Что он тебе сделал? – И всё это стиснув челюсти и заглядывая мне в глаза.

– Совсем уже?! – отозвалась я с шипением, выдернула локоть и отступила к своей двери. К большой радости всех тех, кому внезапно понадобился этот коридор.

– Аурелия... – У Рика дёрнулся кадык, он прикрыл на мгновение глаза, но продолжил: – Просто скажи, что сделал этот... его высочество и я...

Что именно «я» он не договорил, но решимости там явно хватило бы на весь факультет.

– Никто ничего мне не сделал, – спустя несколько долгих секунд вздохнула я. – Но завтра об этой нашей дружеской беседе снова будет знать не только и не столько академия. А у меня хватает сложностей и без этого...

– Хорошо, – дёрганным движением Рик взлохматил шелюру. – Давай встретимся где-нибудь после отбоя... мне

нужно кое-что тебе передать.

– С тобой. После отбоя. Где-нибудь, – иронично отозвалась я. – Принеси своё кое-что на ужин, если надо, там и увидимся.

Пришибленные в первые дни, сейчас студенты полюбили столовую с удвоенной силой. Ещё бы! Стихийники это, конечно, страшно и волнительно, но есть-то хочется каждый день.

– Ладно, – вздохнул Рик, молча развернулся и быстрым шагом пошёл к выходу с этажа.

Глава 20

А на столе алел вестник Оллэйстара.

«Завтра, восемь вечера, лаборатория 101. О.О.»

Очень вовремя, потому что если меня не добьёт проклятый огонь, то с этим справится истерия, с ним связанная. Или бесконечные посетители, один из которых как раз стучал сейчас в дверь.

– Грасс. – Корса больше не делала вид, что мы подруги. – Вот твоя книга и пирожные. От меня, в качестве извинения. – Она протягивала мне толстый справочник и коробку с эмблемой лучшей кондитерской города.

– Извинения за что? – уточнила я.

То, что она держала книгу и коробку без перчаток, говорило лишь о безопасной упаковке. И ни разу не гарантировало невинного содержимого.

– За ночь в библиотеке, – вздохнула Корса и сунула всё это прямо мне в руки.

То есть выбора мне не оставили? Конечно, нет, учитывая, что после этого на её запястье вспыхнула на мгновение сложная вязь. Обещание выполнено.

– Да? А я думала за кражу, обман и подставу перед куратором и ректором.

Коридор оставался пустым, но она всё равно нервно оглянулась. Правда, раскаяния в её взгляде после этого не при-

бавилось.

– У меня не было выбора! – скривилась Корса. – Если бы не твой кулон, куратор сразу бы вышла на меня. А так, пока они разбирались с тобой, магический след окончательно развеялся.

– Вамбург, ты, вообще, нормальная? – Стало действительно интересно. – Не боишься, что я пойду с этой историей к ректору? Тогда тебе не просто выговор влепят – исключат, наплевав на папочку и всю родню.

– Ага, как же. Ты и пойдёшь? – Она больше не изображала богатую дурочку, становясь той, кем всегда являлась – отъявленной стервой. И это шло ей гораздо больше идиотских кривляний. – Скорее подкараулишь за углом и отомстишь.

– Мило, – приподняв бровь, прокомментировала я. – То есть тебе для счастливой жизни только моей мести не хватало?

И, покачав головой, попыталась закрыть дверь.

– Аурелия, – Корса придержала её, мешая избавиться от своего присутствия, – ты же понимаешь, что ничего личного?

Совсем ничего. И Рик здесь не при чём, и та их беседа в зимнем саду мне тоже просто пригрезилась.

– Конечно, Корса, – улыбнулась я в ответ. – Всего лишь необъяснимое желание нагадить ближнему.

– Ты могла мне помочь! – раздражённо откликнулась она. – Но не захотела, потому что ненавидишь тех, кто пре-

восходит тебя хоть в чём-то. Мы это ещё с первого курса поняли!

– Ты лечиться не пробовала? Вместе с «мы», – с сочувствием поинтересовалась я и шагнула навстречу. – Я всего лишь не захотела подставляться ради постороннего мне человека, причём подставляться перед куратором и ректором. И, поверь, не захочу и дальше, а со своими притязаниями можешь катиться хоть к фаркасам, хоть к лекарям. Говорят, они научились действительно лечить психозы... как раз твой случай.

Пока Корса открывала и закрывала рот, я легко толкнула её плечом, заставив отступить, и захлопнула дверь.

– Это же надо! – не удержалась, поражаясь чужой наглости.

Но так просто её слова из головы не выбрасывались, как бы ни хотелось. Может, и правда завидую?

Предательская мыслишка сопровождала, пока я доставала учебники, умывалась и даже когда я засела за занятия.

Нет, ну чему я могу завидовать?

А как будто нечему...

Живые, в отличие от моих, родители. Состояние, неважно какое, если его не надо выгрызть у постороннего человека. Свобода в выборе специальности и мужа. Хотя, свобода эта, конечно, относительная – с ней сложности не только у меня, породистых студенток так же, как и меня, вполне успешно продавали, не заботясь их мнением.

Ну и, конечно, мой прекрасный стихийный дар, точнее, его отсутствие, как отдельный повод для зависти. Любимый настолько, что страх медленно, но верно вытеснялся злостью. Знать бы, откуда во мне эта гадость, может и удалось бы решить задачку... хотя всё решение теперь от меня же и зависит. Оскант – вот что нужно мне и половине других стихийников, многие из которых сидели в Гвинборе просто потому, что были опасны для жителей империи. Увы, опасны даже не по своей воле.

Из груди вырвался прерывистый вздох.

Ладно, хватит. В крайнем случае, если не удастся достать оскант или он не оправдает ожиданий Оллэйстара, я всегда могу сбежать в Ороканскую пустошь. Вот только надо бы выяснить, куда именно бежать и как потом найти того самого Горуса... но потом. Всё потом, а сейчас...

Здравствуй, любимое магическое право!

– Грасс.

Рик умел удивлять – вместо него на ужине напротив меня сел один из близнецов и положил на стол объёмный свёрток.

– Старшенький, – хмыкнула я и мельком взглянула на, судя по форме, книги.

У Араэла дёрнулась щека, но он промолчал. Забавно, значит, слухи не вралы – близнецы действительно отличались только серьгой в ухе. У старшенького в правом, у Эла, выходит, в левом.

Интересно, не у степняков ли они их воткнули?

– Это Ариса?

– М-м, что? – переспросила я и продолжила жевать рагу под раздражённым взглядом Делаберга.

– Ариса заказала тебе то заклинание?

Да что ж его так пробило-то?! Или потому и пристаёт, что пробило от души?

А я всё жевала, медленно и очень тщательно, кажется, доводя старшенького до бешенства. Но тут уж кому что, я не заставляла его сидеть за своим столом и портить мне аппетит.

– Не понимаю о чём ты, – наконец, мило улыбнулась я. И положила в рот ещё одну ложку невероятного, тающего во рту, мяса. Николас – гений!

– Грасс! – рявкнул старшенький, но быстро заткнулся, когда поймал заинтересованные взгляды с ближайших столиков. – Так сложно назвать имя? Скажи, что ты за него хочешь, и разойдёмся, наконец!

Нет, перемалывать в пюре такое блюдо – полное извращение. И ещё один раздражающий аргумент в копилку Делаберга.

– Так сложно отстать? – тяжело вздохнула я в ответ и отложила ложку. – Иди к фаркасам вместе со своими предложениями, я ничего тебе не скажу.

– Почему? – нахмурился старшенький.

– О тайне заказчика что-нибудь слышал? – доверчиво прошептала я, подавшись ближе. – Я – да.

– Даю слово, что проблем с заказчиком у тебя не будет, – рано обрадовался тот.

– Конечно, не будет, если вы с братцем его прикопаете потихому. Под проректорскими цветниками, – хмыкнула я и вернулась к рагу.

Правда, не рассчитала настойчивость старшенького.

– Мне. Нужно. Знать. – Удержал он меня за запястье, глядя голубыми как безоблачное небо глазами. В которых, однако, уже посверкивали молнии.

То есть это они от бешенства так? Тогда можно себя поздравить и добавить умение доводить боевиков в список своих талантов. Все как один, кстати, бесполезных.

– Сочувствую. Или поздравляю? – я задумчиво осмотрела Делаберга от тёмной макушки до широкой груди, обтянутой тёмно-синим, но не академического скромного пошива, сюртуком.

– Я прибью тебя, Грасс, – пообещал он и откинулся на спинку стул, но сделал это так устало, что в моей душе шевельнулось что-то, похожее на сочувствие.

Рианы, было бы к кому!

– Возможно. Когда-нибудь.

И скорее всего даже раньше, чем планирует старшенький, с моими-то стихийными сложностями...

Удивительно, но Араэл никуда не делся – он так и сидел напротив, пока я не доела, допила и даже трижды с ним попрощалась. Ещё удивительнее, что наше молчание не было

напряжённым. Издевательским, да, но как раз это нас обоих не беспокоило.

– Ты знаешь что там? – кивнула я на свёрток, раз уж старшенький никуда не торопился.

– Нет, – коротко и раздражённо ответил он. Спрашивалось, чего тогда сидит-то?

– Почему Рик сам не...

– Потому что ты достала даже его? – саркастически поинтересовался Делаберг, скрестив на груди руки.

– Ладно, нет, так нет, – равнодушно пожала я плечами, сгребла свёрток и подхватила сумку.

И собиралась уйти, но мрачный голос старшенького остановил в шаге от намерения:

– Прикопаться к нам у Эвилонберга не получится даже при всём непомерном желании.

И, оставив меня с приоткрытым ртом, этот... близнец встал и растворился в толпе, спешащей на занятия.

За весь день Рик ни разу не попался мне на глаза, поэтому свёрток я разворачивала уже после занятий, сидя со скрещенными ногами на своей кровати. Потянула осторожно за верёвку, которой была перевязана посылка, и первым на колени упал высушенный цветок. Роза. Белая. Я с улыбкой покачала головой.

Рианы, ну что за ребячество! Не буду я его спутницей ни на Зимнем балу, ни по жизни. Не хочу и не смогу, а вот друзьями мы стать могли. Могли бы, если бы Рик бросил свои

влюблённые замашки, но... похоже, не с этим боевиком.

Хотя вот за эти книги я бы его даже поцеловала, плюнув на гнев Эвилонберга.

Аккуратно положив перед собой оба издания, я вздохнула. Наклонилась ближе, рассмотрела каждую букву на обложках, едва не ткнувшись в них носом. Ещё раз вздохнула, поднялась и отошла к столу.

«Стихийная магия» и «Проклятие Даруана». Первый фолиант объёмный и наверняка познавательный, второй – едва ли толще брошюры по бытовой магии, зато вряд ли содержит приятные для меня новости. Не с таким названием.

И самым правильным решением было бы лечь спать, а уже завтра, после встречи с Оллэйстаром, все выходные посвятить этим двум книгам, но последнее время я редко следовала тому, что правильно. Да и кто бы на моём месте выдержал...

Именно поэтому я вернулась на кровать и с трепетом открыла «Стихийную магию». Увлёклась, конечно, и на последнем усилии воли отложила книгу, которая была больше справочником по стихийной магии. Очень полезным справочником, с примерами и пояснениями, но всё же не таким интересным, как второе издание. И с «Проклятием Даруана» всё оказалось проще и сложнее одновременно – тридцать страниц, больше похожие на дневник, увлекли с первой же строчки. И далеко не радостными новостями.

Маг Даруан не называл ни своего настоящего имени, ни

титула, но очень подробно расписал всё, что выпало на его долю. И если начиналась книга вполне невинно, то к пятой странице по моей спине всюю бродили толпы мурашек. А всё потому, что Даруан сходил с ума с того момента, как впервые почувствовал жжение на правой руке.

Вздрогнув, чувствуя, как встали дыбом волоски по всему телу, я перевернула ладонь и задрала длинный рукав сорочки. Увы, пятиконечная звезда всё ещё была там – мой первый и, судя по Даруану, далеко не последний ожог.

Потому что за первым последовали другие, пока он не увидел, как чёрные искры гуляют по его рукам. Проходили дни, и Даруан понял, что пламя появляется тогда, когда он ликует, злится или страдает. Или спит. Но не спать он не мог, а вот подавлять эмоции, став равнодушным и безэмоциональным, очень даже.

И сначала Даруан потерял друзей, потом приятелей, а следом и простых знакомых. Достойная цена за жизнь? Не знаю, но он считал, что лучше остаться одному, чем покрыться не проходящими ожогами.

Новая волна озноба прокатилась по всему телу. Мне повезло больше – ни искры, ни огонь меня не обжигали. По крайней мере, пока. Но на моменте, где Даруан проснулся с криком, чувствуя, как горят руки, я захлопнула книгу.

Хватит на сегодня.

Подрагивали пальцы, участилось дыхание. В груди потеплело, напоминая, что вот оно, моё собственное проклятие,

всё ещё со мной. И никакой Даруан не поможет, вот только...
сгореть заживо?

Отчаянно запустив пальцы в волосы, я продолжала сидеть
на кровати, не в силах лечь.

Часы показывали три часа ночи.

Глава 21

Следующий день прошёл как будто мимо. Я всё возвращалась и возвращалась к Даруану и к оставленной на постели книге.

Надо бы дочитать её после встречи с Оллэйстаром, хотя конец угадывался и так. Даруан умрёт, но как и когда... неплохо бы узнать, чтобы подготовиться к тому вероятному концу, который ждал и меня. Особенно, если оскант так и останется запертым в шкатулке.

Пока собиралась, складывая в сумку карандаш и тетрадь, я даже не смотрела в сторону кровати и, выходя из комнаты, не взглянула на «Проклятие Даруана».

Как и обещал Оллэйстар, сегодня для меня коридор не ограничивался учебными лабораториями. Дойдя до нужной двери, я перевела дыхание и в лабораторию вошла уже спокойной, жаль только, что никто не оценил – она оказалась пустой. И, следуя своему обещанию, я смиренно устроилась на стуле, чтобы дожидаться ректора.

Который появился в лаборатории спустя несколько минут.

– Добрый вечер, ректор Оллэйстар, – я поднялась, поворачиваясь к нему лицом.

– Добрый. – Он подошёл к одному из шкафов, а спустя время передо мной стояла та самая шкатулка. – Не торопитесь! – очень вовремя предупредил Оллэйстар, за мгновение

до того, как я чуть не ткнулась носом в резную крышку.

– Что-то не так? – Резонный вопрос, учитывая, что Оллэйстар сбросил на стул мантию, оставшись в рубашке и брюках, и вытащил из кармана камень.

Только уже не гагат – этот оказался гораздо крупнее и переливался, словно покрытый расплавленным металлом.

– Знаете, лиерра, – повернулся ко мне Оллэйстар с лёгкой улыбкой на губах, – ваше присутствие... вдохновляет.

– На что? – поинтересовалась я с осторожностью.

Сильно сомневаюсь, что на подвиги. Вот на отчисление – гораздо ближе к правде.

– Император буквально от сердца оторвал этот поглотитель. – Оллэйстар кивнул на странный булыжник, который, похоже, очередной артефакт. – И всё ради вашей безопасности, преступно было бы угробить такого специалиста по заклинаниям.

– А нельзя случайно оторвать от императора кварц Габуса? – прикусила я губу изнутри, чтобы не улыбнуться в ответ. – Он был бы гораздо полезнее меня.

И безопаснее в обращении.

– Боюсь, вы не настолько ценны для его императорского величества, – насмешливо хмыкнул Оллэйстар. – И с вами гораздо веселее общаться, чем с магическим артефактом.

– Веселее?

– С каждым днём всё больше, – явно намекнул он на мой стихийный дар. – Внутри поглотителя заключены силы всех

четырёх стихий, оболочкой для них служит ортоклаз – самая прочная из известных нам горных пород.

– А так можно?

Два архиценных артефакта в пределах одного стола! Такого подарка моё любопытство ещё не знало. Поэтому я обошла ректора и присела, чтобы поглотитель оказался на уровне глаз.

– Гарриган Оттельберг, действующий ректор Академии неконтролируемой магии, смог. – Дёрнувшись, я вскинула напряжённый взгляд на Оллэйстара, но он спокойно продолжил: – Ему удалось соединить огонь, воду, землю и воздух в один элемент и заключить его в ортоклазе, получив удивительный по своим защитным свойствам артефакт.

– А как он работает?

– Поглотитель активируется резким скачком магического фона, заключённый в нём элемент направленно погружает в стазис источник колебаний. – Как будто на магическую теорию разом перенеслась. – Если определить источник не удастся, в стазис погружаются все предметы и создания.

А меня в создания включили или в предметы?

– А если источником окажется маг? – Я поднялась на ноги и расправила юбку.

– Ничего не случится, поглотитель не воспринимает мага в качестве виновника. – Оллэйстар наблюдал за тем, как я беру карандаш и листок. – Поэтому чаще всего он используется артефакторами и составителями заклинаний.

Я подняла взгляд, невинно глядя прямо в насмешливые зелёные глаза ректора.

Понятия не имею о чём речь. Тем более что с начала года я помогла только Арисе и исключительно безвозмездно. Но там сами рианы велели, потому что не проучить старшенького оказалось выше моих скромных сил.

– Вы поднимите?.. – Я вернулась к столу и с намёком посмотрела на Оллэйстара. Шкатулка сразу воспарила над столом, хотя смотрел он при этом на меня.

Мне до такого уровня расти и не дорасти.

– Спасибо. – Я собиралась сесть, но меня отвлекло странное движение внутри поглотителя. Его словно подсветили изнутри, а в центре артефакта сворачивалась воронка, стремительно меняющая цвет с серого на алый. – Ректор Оллэйстар, так и должно быть?

– О чём вы го... Ложись!

Ответить не получилось – Оллэйстар дёрнул меня за руку и закрыл собой от... да от самого настоящего шаргхова взрыва! Оглушительно громкого для моих бедных ушей и ослепительно яркого для глаз.

Ударной волной нас толкнуло к двери, но Оллэйстар удержался и удержал меня. Не знаю как, потому что к этому мгновению я уже зажмурила глаза и мелко и часто дышала.

Прижатые к телу руки опалило жаром. Нос обожгло изнутри, будто я надышалась молотым красным перцем, связками развешанным у Николаса в кладовой. А открыв рот,

чтобы вдохнуть, тут же его закрыла, чувствуя, как скрипит на зубах пыль и... деревянная стружка?

Глаза распахнулись без моего участия. И стали ещё шире, когда я отстранилась и поражённо выдохнула – вокруг нас искрилась и переливалась серебристая сфера. Защитная? Наверняка, учитывая, что нас не размазало по ближайшей стене, но цвет... такое я видела впервые.

– ...? – Отвлечённая на огромный пузырь, в котором мы стояли, я не сразу осознала, что Оллэйстар что-то спросил.

– М-м... что?

Да какая разница что, если перед моим носом такая красота! Вот бы карандаш, а потом попробовать начертить что-то такое же.

Но чужие пальцы коснулись подбородка, и мне пришлось встретиться взглядом с владельцем красоты.

– Я здесь, – весело сообщил Оллэйстар. – Жива?

Пока не осознавала, что он меня фактически обнимает, была жива. Недолго, пока не дрогнули пальцы, ресницы и вся я.

– Да.

Коротко, ясно и вполне можно меня отпустить, но он не торопился. Вокруг всё ещё сверкала сфера, но вдруг появившиеся молнии в глазах Оллэйстара были ярче. В воздухе стояла пыль, но куда там, если мы стояли гораздо ближе всех приличий. И всё, что я смогла – упереться ладонями ему в грудь.

И так стало только хуже.

Кажется, дышать я перестала разом и навечно. Хуже того, хотелось то ли сбежать, то ли... не сбежать. И вот это «не сбежать» пугало больше всех Присли, Эвилонбергов и стихийных даров вместе взятых.

Бум. Бамс. Ты-дыщ.

Оллэйстара повернул голову на громкий звук, а мне, наконец, удалось выдохнуть. И выскользнуть из каких-то слишком нервных объятий.

Рианы, это какой же силы был взрыв, если так разнесло мебель?! И как при этом остались живы мы?

А вокруг, будто вторя первому «бум», что-то падало, горело, взрывалось, а я всё стояла рядом с Оллэйстаром, глядя на разрушенную лабораторию. И отказывалась думать о том, что случилось бы, не среагируй он вовремя.

Уверена, мои похороны стали бы самыми весёлыми в империи. Присли даже Грейс расцеловал бы, если бы получил уведомление о моей случайной гибели!

А полупрозрачная серо-серебристая пелена тем временем добавляла сказочных красок творящемуся безумию – оседающие на ней клочки бумаги казались мерцающими снежинками. Интересно, как удалось уцелеть бумаге, если мебель развеяло в пыль?

– Что это... что произошло?

Вместо ответа Оллэйстар, который подошёл уже к границе собственной сферы, обернулся и нахмурился. А в следующее

мгновение набросил на меня заклинание.

– Поглотитель взорвался, – ровно ответил он, когда оно вернулось к хозяину, не выявив у меня никаких повреждений.

– Как он мог взорваться, если... – я осеклась и встрети-лась с мрачным взглядом Оллэйстара. – Поглотитель вам, правда, дал император?

– Не совсем, – не стал пояснять он, а я остереглась уточнить.

Интересно сколько прошло времени? Минута? Час? Несколько секунд? Вряд ли много, а казалось, что мы уже несколько часов стоим и смотрим на хаос вокруг. Неужели Оллэйстара не вывести из равновесия даже покушением? Это ведь покушение? Или нормально, когда поглотители, вместо того чтобы защищать, пытаются тебя убить?

Ещё шаг, к самой границе сферы, и Оллэйстар едва заметно шевельнул пальцами, развеивая заклинание.

Лаборатории больше не было.

Столов и дивана тоже. Покорёженные остовы стеллажей валялись по всему помещению, стены которого превратились в полотна безумного поджигателя. Тяжёлый, наполненный взвесью и гарью, воздух жёсткой щёткой скрёб горло. Я закашлялась, выходя из-под взгляда Оллэйстара и осматривая то, что ещё узнавалось.

Перевернутая вверх дном шкатулка лежала в нескольких локтях от нас, ещё ближе оказалась изогнутая металлическая

труба с острым обломанным краем. И представлять, что стало бы, не останови её сфера Оллэйстара, я не собиралась. Как и трогать руками «артефакт с неизвестными свойствами», на котором не появилось и царапины.

– Почему сюда все ещё никто не пришёл?

– Потому что эти лаборатории не отслеживаются, в них не бывает бестолковых студентов. – Я повернулась и увидела, как Оллэйстар носком ботинка отодвинул обломок стеллажа и присел, высматривая что-то в груди теперь уже мусора.

Любопытство задавило скромность в зародыше. Несколько шагов отделяли меня от Оллэйстара, вот только стоило подойти ближе, и я содрогнулась. Хорошо различимый среди обрывков бумаги и куч трухи, целый и невредимый, на обугленном полу вполне себе мирно лежал кроваво-красный поглотитель.

Тот самый, что едва нас не убил.

– Его перенастроили, – задумчиво отозвался Оллэйстар, каким-то куском металла переворачивая редкий артефакт.

– Зачем? – Он взглянул на меня снизу вверх, заставив поёжиться от выражения зелёных глаз.

– Случайно, – нехорошо усмехнулся Оллэйстар.

Ну да, ну да. Пусть я оказалась временно полезной империи, но не перестала от этого быть простой студенткой. Той самой, которой ни к чему лезть в государственные тайны, что показывали сейчас и его тон, и взгляд.

– Конечно, случайно, – вежливая улыбка всегда мне

шла. – Шкатулка лежит вон там.

Я махнула рукой в нужном направлении и стала внимательно изучать стену. Стена была не против. Ректор был не против и отправился в указанную сторону. Я тем более не противилась, задумчивым взглядом скользя по тёмным следам гари, которые красочно разрисовали необработанные камни.

Перенастроили.

Вот только кто? И где Оллэйстар на самом деле взял поглотитель? И кто хочет его убить? Вопросы без ответов заставляли мысли нервно почёсывать голову изнутри. У меня нет фактов, чтобы строить предположения и, всё же я не могла об этом не думать. Беспокойство проявилось тёмным огненным лепестком, который прокатился от запястья до локтя.

Прекрасно. То есть я перестала ощущать стихийное пламя в груди не потому, что оно исчезло, а потому, что предупреждения закончились? Замечательные новости, просто великолепные.

Злость поднялась, словно из ниоткуда, и я предпочла думать о поглотителе.

Легче всего сменить вектор заклипания с защиты на разрушение удалось бы создателю, Гарригану Оттельбергу, но зачем ему? Две академии. Два ректора и никаких конфликтных интересов. Наверное. Потому что во всей империи не найти репутации хуже, чем у Академии неконтролируемой

магии, в то время как нашу любят и уважают.

Скрежет отвлѣк от раздумий – Оллэйстар подхватил заклиниванием шкатулку, поднял её в воздух и задел прислонѣнную к стене полку. Почти нетронутую взрывом, словно ожидающую когда её прикрепят к нужному стеллажу.

Вот только никто из нас не ожидал, что поглотитель подкинет ещё один, последний, сюрприз.

И всё, что я успела – заметить тѣмный, с едва различимым оттенком красного, луч.

Горело всё.

Кожа, горло, лёгкие, да даже глаза под закрытыми веками. В то же время сознание словно заморозили – мысли никак не могли пробиться сквозь толстый слой льда. Кроме одной.

Как же больно дышать!

Ресницы слиплись, и я попыталась встать.

– Лежи, – меня снова откинуло на спину. На этот раз без права пошевелиться.

– Какой у тебя живенький труп! – насмешливое восхитился кто-то, но это прошло мимо моего сознания. – Такой тихо прикопать не получится, только отвернёшься – сбежит.

– Сделай что-нибудь! – рявкнули так, что заложило уши.

Пожар в груди становился злее, безжалостнее, захватывая желудок, грудь, всё ближе подбираясь к сердцу.

– Могу добить. Хотя...

Остальное растворилось в тѣмном мареве удушающего спазма. Воздух кончился. Лѣгкие сгорели. В горле хрустну-

ло, и я сделала последнее, что могла – закричала.

Тело парило в ледяном облаке, а я наслаждалась влажной прохладой, мелкими каплями усеивающей лицо. Жаль, что глаза открыть не получалось. Зато не было ни боли, ни пламени.

Пламени? Что-то такое возникло в сознании, беспокоя, лишая безмятежности, но я не стала допытываться. Зачем, если без этого хорошо и спокойно?

Облако куда-то плыло вместе со мной, а я ловила себя на мысли, что могу провести так всю жизнь.

Могла бы, если бы не приступ нестерпимой боли.

Тугой, сдавливающей внутренности.

Словно поперёк живота меня стиснула огненная плеть, вместе с кожей расплавляя внутренности. Я снова не могла дышать, не могла кричать и даже веки разлепить не могла! Тело содрогалось, руки цеплялись за воздух, но вместе с ногами их сковало тем самым облаком.

Которое не понимало, что так оно перережет меня на две половины.

– Добить было бы проще. И милосерднее.

– Не отвлекайся.

Воздух в лёгких появился неожиданно.

Первый вдох не стал спасением, обжигая горло и вызывая

боль в груди. Тело колело, судорогой свело руки. А ещё болела щека.

– Мог бы обойтись без этого!

– Пощёчина быстрее и безболезненнее.

Спазмом скрутило желудок, и я рванулась набок, прощаясь с его содержимым. Только сейчас осознавая себя на кровати и в распахнутой рубашке. Ладони стиснули ворс покрывала, из последних сил удерживая меня в сознании. Голова кружилась.

– У меня для тебя сюрприз. И я с большим трудом сдерживаюсь от того, чтобы вызвать ищек.

– Потом.

К губам прислонилось что-то твёрдое. Не успев сделать первый глоток, я ощутила, как прохладные капли неприятно щекочут шею.

– Мне не нравится то, что ты делаешь! – Даже в таком состоянии я заметила тон. Предупреждение? Угроза?

– Что? – Ответ насмешливый, без признаков опаски.

– Хорошо – как.

Происходило что-то важное. И непонятное.

Но силы закончились, голова упала, и я потеряла сознание.

Глава 22

Я вздрогнула и проснулась.

Что-то разбудило меня, выдернув из вязкой темноты муторного сна в темноту реальную. Вокруг не оказалось ни единого источника света, кроме едва различимой светлой полоски из-под закрытой двери.

Лаборатория – поглотитель – нет лаборатории.

Удивительно как легко и ясно складывались теперь детали. Убить всё-таки хотели, но не меня – Оллэйстара. Похоже, поглотитель действительно перенастроили, сменив полюс заклинания, вот только этим неизвестный не ограничился.

Стоило признать, расчёт оказался верным, ведь, выжив при взрыве, Оллэйстар вряд ли стал проверять артефакт на другие заклинания. И он, правда, не стал, оправдывая ожидания, вот только на его пути встала я.

Голова больше не болела, тело слушалось, и даже ноги не дрожали, когда я откинула одеяло и поднялась. Пара пробных шагов вышли удачными. И уже гораздо увереннее я застегнула смятую рубашку. Выпила воды из бокала на тумбе.

И замерла с поднятой для стука рукой.

– ... не Оттельберг. Он бы не рискнул.

– У нас нет ничего, кроме взорвавшегося поглотителя, – в

усталом голосе Оллэйстара слышалось раздражение. – И ты знаешь, что такое случилось!

– Если пост ректора ведёт тебя к маразму, ты его лишишься, – ленивая угроза прозвучала до того обыденно, что моё сердце пропустило удар.

– Какой уже год я это слышу? Шестой? Десятый? – не впечатлился Оллэйстар. Звякнуло стекло.

Оба собеседника молчали, давая мне время для передышки.

Что я делаю! Подслушиваю разговор ректора с неизвестным магом! И речь в нём явно не об учёбе и вороватых опекунах! Они о гораздо более важных вещах. Возможно, даже более важных, чем моя жизнь!

Мысль отрезвила, заставляя отступить и опустить руку.

Я не должна это слышать.

– Ты должен разобраться с девчонкой.

В глазах потемнело, дыхание прервалось, а я с трудом удержалась на ногах. И не смогла уйти.

– Она – студентка моей академии.

Снова послышался звон, а я надеялась только, что угроза в тоне Оллэйстара мне не почудилась. Ну, почему всё это происходит со мной?! Почему сейчас? Может, Корса всё же нашла способ меня проклясть, а это – результат?

– Месяц, Ориан. На оба дела.

Я просто не могла слушать дальше. Насколько получилось тихо, я отошла от двери и присела на край кровати. Глаза

различали очертания мебели – широкая постель, две тумбы, четыре двери и огромное зеркало на ножках. Никаких диванов, кресел и кофейных столиков. Больше чем уверена, что и цвета у спальни тёмные.

Всё что угодно, лишь бы не думать о подслушанном разговоре. Не сидя в спальне собственного ректора после неудавшегося убийства.

Шорох двери заставил вздрогнуть.

– Вы проснулись.

– Да, ректор Оллэйстар. – Я подскочила, с трудом удержавшись, чтобы не присесть в реверансе.

– Идём.

Комната за дверью ожидаемо оказалась кабинетом. В котором, конечно же, не было никого, кроме нас. Но разговор был, я запомнила тот голос. И была угроза.

Не верю, что покушение это случайность. Не верю, что шутил тот, кто настаивал на моей... смерти? И не верю, что смогу с этим справиться. Как и в то, что мне скажут правду.

– Садись. – Оллэйстар кивнул на одно из гостевых кресел, но сам садиться не стал. И я бы не стала, но слабость ещё накатывала волнами, грозя в любое мгновение спуститься в ноги.

Этот кабинет оказался меньше академического раза в два и в той же степени уютнее. Хотя бы потому, что за моей спиной ярко пылал камин, наполняя помещение треском поленьев и терпким ароматом ориосов. Не помню, когда я по-

следний раз видела по-настоящему зажжённый камин, ведь магический огонь горит ярче и дольше, не оставляет после себя копоти и золы, не обжигает и доступен каждому.

– Что ты помнишь?

Боль. Удушье. Чужое: «Месяц, Ориан. На оба дела».

– Я помню, как взорвался поглотитель. Как нашла шка-тулку и сказала вам об этом. Ещё помню заклинание.

– Как оно выглядело? – Оллэйстар обошёл стол, открыл один из ящичков и достал лист бумаги и карандаш. – Смо-жешь нарисовать?

– Мне нечего рисовать.– Я пожала плечами и подняла на него взгляд.– Оно выглядело как луч, тёмный с красным от-тенком.

– Это всё? – Оллэйстар смотрел на меня, оперевшись ла-донями о собственный стол.

Как может смотреть боевой маг с таким опытом? Очень впечатляюще, но кианита у него не было, и это развязывало мне не столько руки, сколько язык.

«Добить было бы проще. И милосерднее».

– Да. – Самое время перевести тему. – Мы за пределами академии?

– Да, – насмешливо повторил за мной Оллэйстар, не от-рывая внимательного взгляда. – Спрашивай, не стоит изво-дить себя любопытством.

Лучше изводиться самой, чем ждать, пока тебя изведут.

– Вы расскажете что произошло?

– Расскажу, – хмыкнул Оллэйстар, удивляя, – хотя не уверен, что это пойдёт тебе на пользу. – Он присел на край стола. – Хочешь есть?

– Н-нет, – ожидая, когда он раскроет если не все, то хотя бы часть тайн, я растерялась, услышав вопрос. – А какой сегодня день?

Интуиция молчала, но ведь без сознания я могла провести как три часа, так и три дня... и второе было бы намного хуже.

– Почти час ночи пятницы. Ничего важного тыне пропустила. – Кроме собственной полусмерти – ничего.

– Мне... – В общем-то, попробовать стоило. – Мне послышались голоса, – и взгляд – тревожный и кристально-честный, – я отвлекла вас от гостей?

– Тебе слышалось, Аурелия. – Откровенно соврал Оллэйстар, но так, что, не зная я правды, не догадалась бы. – Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо. – Да и ладно. – А поглотитель, он...

– Возвращён императорским магам для исследований. – А тут, кажется, он не обманывал. – У меня не так много студентов, чтобы бездарно ими разбрасываться, – весело улыбнулся Оллэйстар.

– Почему я... – ...в вашей спальне? – Здесь, а не в лекарском корпусе?

– Потому что там тебе бы не помогли.

– А здесь?..

– Здесь – это в моём доме, – насмешливо сообщил Олл-

эйстар. – От того, что ты назовёшь вещи своими именами, тебя не привлекут за аморальность.

Аморальность?

Рианы! Эвилонберг!

– Я... – Паника накрыла как-то внезапно. Может, это последствия лечения? – Мне срочно нужно в академию! Нельзя, чтобы меня здесь видели. Если князь узнает, то...

– Что? – с интересом поднял бровь он.

– Нет, это... Если даже Рик не рискнул, то вам и вовсе не...

Я резко поднялась, пошатнулась, но устояла и оглянулась в поисках выхода. Другого выхода, кроме как в спальню, не оказалось. Но как тогда исчез странный гость? Испарился?

– Пей.

Резко развернувшись, я вдруг уткнулась носом в белоснежную рубашку. И в её хозяина, который одной рукой удержал меня за талию, второй поднеся стеклянный бокал к губам.

– Я не... – Рубиновая жидкость коснулась губ, и глоток я сделала инстинктивно.

Острый, словно из перца, напиток обжёг горло, и я закашлялась, на глазах выступили слёзы. Ещё бы! Все силы уходили на то, чтобы избавиться от дерущего горло привкуса, и стало уже не до срывов.

– Ещё.

Я в ужасе смотрела на бокал, уже другой, и приготовилась

умереть, но не пить, но Оллэйстар вдруг коснулся моей щеки, и я не заметила, как выпила всё до дна. Не зря – едва тёплый густой напиток с молочно-ягодным привкусом прокатился по гортани, успокаивая раздражённые внутренности.

Вот только чужая ладонь всё ещё обжигала почище проклятого огня.

– С-спасибо.– Я отшатнулась, а взгляд, кажется, навечно приклеился к узорному ковру. – Что это было?

– Первое – Ктаранский самогон. – Я возмущённо вскинулась, но куда мне! В отличие от Оллэйстара, краска залила меня от лба до кончиков пальцев на ногах.– Второе – молоко с ягодным эликсиром. Одно привело тебя в чувство, другое сработало вместо укрепляющего.

– А почему... не важно.

Действительно, какая разница, чем ему не угодил укрепляющий отвар! Гораздо важнее то, что кабинет накрыла смущённая тишина. Для меня смущённая, Оллэйстар же пребывал в прекрасном настроении, что чувствовалось в расслабленной позе, насмешливом взгляде и да, настоящих искрах в глазах.

– Я умерла? – Неприятный вопрос, которым я надеялась перебить неловкость, но он лишь пожал плечами.

– Ты жива, – мягко ответил Оллэйстар, – разве это не главное?

«Добить было бы проще. И милосерднее».

– Кто меня вылечил?

Закружилась голова, и я взялась за спинку кресла.

– Таер Галор, мой личный лекарь. Хочешь узнать подробности лечения? – с откровенной иронией поинтересовался Оллэйстар, лучше меня понимая, что ничего выяснять я не буду. – Могу позвать.

Но вот так просто взять и поверить? Моей фантазии не хватало, чтобы представить как опытный лекарь, а другого Оллэйстар вряд ли бы держал, предлагает меня добить. С другой стороны я жива, практически здорова и даже слабость сдавалась выпитому эликсиру.

Кем бы ни был и чего бы ни хотел маг, который меня лечил, ему стоило сказать спасибо.

– Нет, просто я... Передайте, пожалуйста, мою благодарность таеру Галору.

– Передам.

Оллэйстар вернулся к столу, поставил бокал на поднос и, кажется, никуда не торопился.

Хм. И что дальше?

– Вы вернёте меня в академию? – Вопрос получился настолько неуверенным, что я поморщилась. И продолжила гораздо твёрже: – Мне нужно обратно, иначе...

– Я помню, великий князь будет недоволен, – ровно отозвался Оллэйстар и повернулся.

– Иначе я снова не сдам магическое право, – договорила с укором.

Сомневаюсь, что доносчики Эвилонберга ежечасно загля-

дывали ко мне в спальню, а вот если я не появлюсь на завтраке, у них могли возникнуть вопросы.

– Ты уверена, что хорошо себя чувствуешь? – Ректор имел полное право мне тыкать, но приглушённом освещении кабинета выглядело это не очень. Не очень прилично так точно. – Академические лекари, конечно, многое могут, но с таким они вряд ли сталкивались.

– Таким? – вскинулась я. – Вы знаете, что это было за закливание?

– Догадываюсь, но вам это знание ничем не поможет. Идёмте.

Оллэйстар подошёл к единственной двери в кабинете и распахнул её во всю ширину проёма.

– Прошу. – Вот только вместо спальни передо мной оказалось что-то вязкое, тёмное и как будто живое. И идти через это не было никакого желания. – Если боитесь, можете остаться здесь, – насмешливо добавил Оллэйстар, когда я осталась стоять на месте.

Остаться... сейчас же.

Я резко выдохнула и быстрым уверенным шагом вошла прямо в это нечто. Правда, не удержалась, зажмурилась перед тем, как лицо коснулось пусть магической, но всё-таки жижи.

Ещё шаг, и каблуки ударились о деревянный пол.

Здравствуй, кабинет ректора.

Открыв глаза, я увидела знакомый уже книжный шкаф,

стол и паркет. Хлопок закрывшейся двери заставил обернуться.

– А это... – я кивнула на дверь, через которую мы зашли. Ту самую, которая вернула меня в прошлый раз в собственную спальню. – Это ведь артефакт?

– Вроде того. – Оллэйстар снова взялся за ручку. – Должны же быть у ректора хоть какие-то привилегии, – весело хмыкнул он.

– А как она работает? – не обращая внимания на его насмешливый взгляд, я подошла к деревянному полотну.

Осмотрела с одной стороны, с другой, но ни обычное, ни магическое зрение ничего не видело.

– Можем вернуться, и я покажу наглядно, – явно дразня, предложил Оллэйстар, подняв бровь.

Может, я и любопытна, но не настолько.

– Спасибо, обойдусь, – разом потеряла я интерес к артефакту и уверенно шагнула в проём.

Глава 23

За мной негромко захлопнулась дверь, но я не обернулась – и так понятно, что за ней будет привычный коридор общежития вместо непривычного ректорского кабинета. Взгляд наткнулся на тёмную обложку и золотистые витиеватые буквы.

Проклятие Даруана.

Вздохнув, я села на край кровати.

Не знаю, с чего началась эта война. С первого сумасшедшего стихийника? С первого разрушенного им города? Или с первого императорского указа о казни? Прилюдной казни, которая ещё каких-то сто пятьдесят лет назад регулярно развлекала народ. Спасибо Бартолду II и его особой беспощадности к врагам, внутренним и внешним.

Но стоило Алемдару Оришанскому, сменив жестокого отца, взойти на престол и первым же указом он запретил казнить стихийников. И одним этим завоевал любовь столичных жителей – мало кому понравится, что тебя заставляют смотреть на показательное отрубание головы. Тем более что ещё вчера казнённый желал тебе доброго утра, помогал строить дом или жил с тобой под одной крышей.

И на этом Алемдар не остановился. Гвинбор построили в рекордные сроки, и через шесть месяцев после коронации стихийников отправляли уже туда – в антимагическую,

выдолбленную прямо в скале, тюрьму. Тогда же появились ищейки, и со временем мало что изменилось – люди продолжали их опасаться, а стихийники ненавидеть. Вот только что именно могут императорские ищейки известно лишь им самим, но, по крайней мере, вместо плахи стихийников начали судить.

Тех, кого успевали.

Потому что сложно судить пепел, остающийся после битвы боевых и стихийных магов. И те, и другие не признавали поражения, и если первых вела преданность империи, то вторых – желание жить. А, как известно, лучшего стимула в этом мире ещё не придумали.

К сожалению, Алемдар умер слишком рано – ему не исполнилось и семидесяти трёх лет, когда траурные ленты заполонили город, но он оставил после себя достойные законы. И достойного наследника.

Лориан III – старший и единственный сын Алемдара вынужденно вступил на престол в двадцать семь. Невиданный возраст для императора, но он справился и справлялся до сих пор, придерживаясь политики, которую начал его отец.

И вот теперь это!

Почему Велинберг не передал оскант Бартолду, отцу Алдемара? Хотя, какие почему, если на тот момент Академия неконтролируемой магии вряд ли пользовалась любовью в народе. Скорее, служила темницей тем, кого Бартолд считал недостаточно опасными. Что было бы, получи он оскант? Да

ничего бы не было! Если верить истории, Бартолду гораздо больше нравилось казнить, чем разбираться в причинах. Так что на месте Велинберга я тоже предпочла бы спрятать камень до лучших времён.

И, пока они не настали, я продолжу искать выход из ловушки собственного дара, но для этого нужна библиотека. И много времени.

А сейчас меня ждал Даруан и его проклятие, раз уж ночь всё равно выдалась бессонной.

К счастью, в академии начались трёхдневные выходные, и весь следующий день я провалялась в постели, встав с неё только ради того, чтобы открыть дверь огромному подносу с едой, в руках одного из поварят Николаса. Похоже, старый друг узнал, что меня не было на ужине, и обеспокоился, вот только аппетит всё также бастовал.

Да и у кого бы появился после знакомства с жизнеописанием Даруана и припиской резким угловатым почерком:

«Даруан Ранберг скончался на сорок шестом году жизни от вспыхнувшего в его доме пожара. В пламени не сохранилось ни единой целой вещи, а прибывшие маги нашли лишь обгоревшие кости хозяина. Очень надеюсь, что эта участь вас минует и готов всячески содействовать вашим поискам. С уважением, И.Ш.»

Пальцы, державшие страницу, дёрнулись так, что надорвали верхнюю часть листа. Содействовать поискам? И.Ш.?!

Исгард Шалинберг.

Рианы, можно я уже рехнусь?

Потому что этот, великого ума недоучка-боевик не сам съездил в родовое поместье, нет. Этот... Рик пошёл лёгким путём – обратился к деду, который, не будь дураком, быстро понял, в чём суть просьбы.

И теперь у нас пополнение. Просто прекрасно, потому что только имени Исгарда Шалинберга не хватало в списке магов, которые знали о моём стихийном даре и молчали. Каждый по собственным причинам, но все не бескорыстно.

Я захлопнула книгу и плашмя упала на спину.

Мои собранность и стойкость исчезли в никуда, оставив оцепенелость и мрачные мысли относительно ближайшего будущего.

Даруан был старше на восемь лет, когда впервые обнаружил ожог. Мои первые искры возникли девять лет назад. После несложных подсчётов выходило, что жить мне осталось от силы лет шесть, вряд ли больше. Конечно, если я не променяю одну академию на другую. А я променяю?

Очень может быть, если выбор встанет между смертью от собственного пламени и всего лишь десятью потерянными годами.

Полноценного отдыха не вышло – я проснулась от настойчивого стука в дверь. Не открыв толком глаза, не совсем соображая, что делаю, я распахнула её и увидела боевика, занёсшего руку для очередного удара по многострадальному куску дерева.

– Ты жива?

Он это серьёзно?

Я прислонилась к косяку, вряд ли осмысленным взглядом скользя по его лицу. Даже о полураздетом виде вспомнила далеко не сразу, но переживать ещё и об этом просто поленилась.

– Как видишь, – широкий зевок вырвался помимо воли. – А как ты вообще сюда попал? – Осознав вымерший коридор и глухую ночь за окном, я как-то вдруг проснулась и нахмурилась.

– Неважно, – отмахнулся Рик. – Точно всё нормально?

– Шалинберг, какое нормально, если ты посреди ночи торчишь в коридоре женского общежития! – Но из-за очередного зевка возмущение вышло и вполтину не таким убедительным.

– Ты не ответила на вестник, – с таким видом, будто это всё объясняло, сообщил он.

Да, был вестник, но отвечать на его «Как дела?» что тогда, что сейчас казалось издевательством.

– Я и не обязана отвечать. – Я скрестила руки на груди. – Спасибо тебе за книги, правда, – вздохнула в ответ на его прищуренный взгляд, – и за беспокойство спасибо, но сейчас доброй ночи, Рик!

С этими словами я захлопнула дверь прямо перед его носом, решив, что он уже большой мальчик и сам найдёт выход. Раз уж нашёл вход.

Утро оказалось на удивление неплохим, особенно, если сравнивать с двумя предыдущими днями.

Солнце слепило глаза, золотыми теньями проникая через окно. Солнце разбрызгивало яркие искры, отражаясь в металлической резной рамке. Солнце вносило жизнерадостное безумие в раскрашенные мрачными красками последние недели. Солнце терялось в тяжёлых складках портьер и находилось в массивной медной ручке входной двери. Солнце стремилось отогреть самые дальние уголки души даже в таких ледышках, как я.

И это ему удавалось.

В утреннем свете даже «Проклятие Даруана» виделось иначе, и я ещё раз пролистала книгу, но без толку. Отложив бесполезное теперь «Проклятие», я достала из шкафа платье в тёмном чехле и повесила его на дверцу.

Мой последний Зимний бал. Моё самое невероятное платье.

И пусть время, проведённое в академии, оказалось непростым, но эти годы я сохраню в том уголке памяти, где всё дышит уютом и покоем. Потому что, несмотря ни на что, мне было хорошо здесь. И потому что я буду скучать.

В то время как Присли наверняка тихо злорадствовал. Выпускной курс, как же! Осталось всего ничего и я снова окажусь в полном распоряжении его и... будущего жениха. Рины, это даже звучит отвратно, несмотря на то, что советник всем хорош и вообще первый жених империи. Второй, если

принять в расчёт его императорское величество.

И вот интересно, Присли так расщедрился, собирая меня на бал, только потому, что знал – компанию мне будет составлять член императорской семьи? Уверена, что так и было.

Вот только какая разница, если во время последней примерки, взглянув на себя в зеркало, я впервые за много лет не увидела хмурое, с вечной складкой между бровей, отражение. Больше того, я замерла от восторга, глядя на сверкающие камни и плавные линии, на искрящийся корсет и невесомое кружево. И как-то неожиданно становилась выше, стройнее и величественнее. Что говорить, если даже Присли впечатлился, застыв позади меня с округлившимися глазами и приоткрытым от изумления ртом.

Платье было великолепно, я в нём – ослепительна, вот только сейчас последнее, чего я хотела это идти на Зимний бал.

Поэтому убедившись, что с платьем всё в порядке, я оставила его висеть на дверце, накинув заклинание невидимости, и поспешила в библиотеку, на этот раз официально. Всё равно никто туда не сунется перед самым Зимним балом.

– Аурелия, – услышав звонкий голос, я вздрогнула, но поворачивалась уже с улыбкой, – ты здесь?

– Так же, как и ты, – весело развела я руками, попросила у библиотекаря нужные книги и пошла к ней. – Знаешь ведь, выпускной курс.

– Прекрасный ответ на любой вопрос, – весело хмыкнула Ариса и сдвинула свои книги, освобождая для меня место. – Присоединяйся.

– Спасибо. – Глупо отказываться от хорошей и, главное, молчаливой компании.

– Это всё, что я нашёл по вашей теме, лиерра Грасс. – Господин Рип положил передо мной три книги.

– Мне хватит, – благодарно улыбнулась в ответ, радуясь уже тому, что их больше одной.

С Арисой мы не первый раз делили стол в библиотеке, поэтому я открыла книгу, больше похожую на картографический справочник, и приготовилась не зевать.

– Слушай.– Я подняла взгляд, не успев даже вчитаться. – А вообще хорошо, что мы встретились сегодня, честно говоря, я сама хотела идти к тебе...

Прикушенная губа, поднятые брови и неуверенный взгляд. Ариса нервничает?

– Снова помочь с... тем умником?

Мне всё равно, если она снова хочет подпортить жизнь или хотя бы физиономию старшенькому, а вот помочь в этом – моя святая обязанность.

– Да нет, там... он непробиваемый, так что не в этом дело. – Ариса несколько раз нервно стукнула карандашом о столешницу, но поймала недовольный взгляд библиотекаря и перестала. – Пару недель назад ко мне обратилась Корса...

– Да брось! – Мои глаза распахнулись так, что шире неку-

да. – Ты же не будешь её...

– Её – буду, – нехорошо усмехнулась Ариса и продолжила: – Она заказала «Глас мертвеца», и это не самое безобидное зелье из моего ассортимента.

Рианы, у нас что, снова фаркасы с гор спустятся? Если даже Ариса рискнула тайной своего заказчика.

– Допустим, – вздохнула я, – но причём здесь я? И прости, но я понятия не имею что это за зелье.

– Это мой гений! – Ну да, вот только Ариса говорила что-то подобное о каждом своём отваре. – Тот, кто его выпьет, первые сутки будет слышать голоса в голове, но это не самое худшее. Потом со всей округи к отравленному будут притягиваться неупокоенные души и, рано или поздно, сведут его с ума. Или в могилу. – Ия бы впечатлилась зловещим шёпотом, если бы не одно но.

– А какой радиус действия у твоего зелья?

– До Унаша хватит, – что-то прикинув в уме, ответила она.

– Не хочу тебя расстраивать, – теперь подалась вперёд и шептала уже я, – но ближайшее кладбище с неупокоенными душами находится на расстоянии, вдвое превышающем твой радиус.

– Да ну тебя! – отмахнулась Ариса от моего смеха. – Хочешь сделать добро, а получаешь...

– Ладно, извини! – Я примиряюще подняла руки. – Спасибо за предупреждение, я как раз выкинула подаренные ею конфеты.

– Между прочим, не смешно, – покачала Ариса головой. – Говорят, она не успокоится, пока не доведёт тебя хотя бы до отчисления.

– Кто говорит? – Я устало положила подбородок на кулак. – Местные сплетницы? Так по их словам я не вылезаю из постели Шалинберга.

– А это не так? – Наткнувшись на мой более чем выразительный взгляд, она отступила. – Извини! Но, Аурелия... Вамбург давно засматривалась на Шалинберга, а своим подружкам чуть ли не с третьего курса пела о приближающейся свадьбе. Вот только после того, как он пригласил тебя на Зимний бал, да ещё так, её словам перестали верить.

– Ариса, – начала я, понимая, что эта тема меня достала до печёнок, – можешь верить, можешь нет, но и Шалинберг, и Вамбург могут катиться к фаркасам хоть вместе, хоть по отдельности!

– Сильно достали? – с сочувствием спросила она.

– Так, что скоро я сама стану твоей заказчицей, – хмыкнула я и вернулась к атласу.

На самом деле Корса должна быть полной идиоткой, чтобы всерьёз рассчитывать меня отравить. То, что навалившиеся сложности отодвинули мою месть в дальний угол, не значило, что я о ней совсем забыла. И если Корса собирается со мной разделаться, ей придётся придумать что-то более интересное. И умное.

Атлас, наконец, увлёк меня в мир гор, рек и равнин, но

ничего толкового не показал. Карта империи не раз попадалась мне и раньше, поэтому я отложила бесполезную книгу на край стола и взялась за следующую.

«Ороканская пустошь – обширная часть территорий, расположенная на юго-востоке Ктарана, с трёх сторон ограниченная горной грядой. Иссушенная земля Ороканской пустоши не пригодна для земледелия и скотоводчества. Местами попадаются незначительные степные участки, не представляющие никакой ценности. Во время кровопролитной войны Ктарана с Миерией на этих территориях произошла финальная битва, вследствие чего выжженная сильнейшими проклятиями земля перестала использоваться для размещения поселений».

Увы, но и это я знала, поэтому без сожалений отложила вторую книгу. А последнюю просто пролистала, исключительно для того, чтобы освежить знания о Ктаране.

Найти место, куда стекались провинившиеся стихийники, до похода в библиотеку казалось проще. Гораздо проще.

Официально Ороканская пустошь была безлюдна и это подтверждали все её упоминания, правда, люди и, особенно, маги прекрасно знали кто именно там обитал. Вот только не могу же я подойти к первому попавшемуся стихийнику и начать допрос!

Правда, существовала ещё одна, последняя надежда найти хоть что-то полезное – изучить Ктаранские газеты, но они хранились только в одном месте – Имперской библио-

теке Унаша, единственной библиотеке столицы, работающей непрерывно. Вот только чтобы туда попасть нужно не меньше двух выходных, а значит, придётся отложить это на попозже.

Завтра Зимний бал, после которого академию ждала свободная неделя, так что хоть в этом я не нарушу никаких правил.

– Нашла что-нибудь? – Оказалось, что Ариса тоже закончила.

– Ничего нового, – скривилась я, – кажется, куратор погорячилась с темой.

– А что она задала?

– Мифы Ороканской пустоши.

– Шутишь?! – не поверила Ариса. – В нашей библиотеке об этом всего-то пару строчек. Признавайся, чем ты её так достала на этот раз?

– Не знаю, – развела я руками, – но, похоже, после бала мне придётся ехать в Унаш.

Не то чтобы мне хотелось ночевать в столичной библиотеке, но какой выбор? Конечно, Академия неконтролируемой магии это лучший выход, но случается всякое и к этому всякому я должна быть готова хотя бы внутренне.

– Так, может, поедем вместе? – предложила вдруг Ариса и пояснила: – Я собиралась ехать домой и родители заказали мне повозку до Унаша, как раз на вечер следующего дня после бала. А обратно ты вернёшься в академической повозке

любым другим вечером или утром.

Идея переливалась, обрастала всё более привлекательными гранями тем больше, чем дольше я об этом думала. Уже хотя бы потому, что транспорт из академии в столицу уходил рано утром, практически ночью, а возвращался буквально за полчаса до комендантского часа.

– Это было бы отлично, если совсем уж честно, – вздохнула я с улыбкой. — Даже при всём моём нежелании тебя напугать.

– Ой, брось! – отмахнулась Ариса. – Значит, решено, – она поднялась и взяла сумку со спинки стула, – буду ждать тебя у ворот в семь вечера.

– Договорились.

Как хорошо, что мне не придётся толкаться в академической повозке, насквозь продуваемой всеми ветрами! Взяв книги, я последовала примеру Арисы и с настроением, близким к отметке «отлично», покинула библиотеку. Жаль, что на полпути меня перехватили, мгновенно приводя в боевое состояние.

– Шалинберг! – Я раздражённо скинула его руку со своего плеча. – Ты меня напугал.

– И тебе доброго дня! – хмыкнул Рик. – Ты в курсе, что Зимний бал завтра, а сегодня вся академия к нему готовится?

– Это их трудности.

– Аурелия, а ты вообще улыбаться умеешь? – иронич-

но поинтересовался он, и я показательно растянула губы в улыбке. – Я не имел в виду этот оскал, но ладно – фыркнул Рик и перешёл, наконец, к делу: – Не знаю, какие у тебя планы на этот бал, но всё рано хочу, чтобы ты пошла со мной.

– Шалинберг, я устала водить тебя к врачам, – со вздохом отозвалась я после недолгого молчания. – Может, в этот раз ты сам?

– Снова из-за приворотного? – широко улыбнулся он.

– Из-за самоубийственных порывов, – отбрила мрачно.

– Да брось, что такого в простом приглашении? – развеселился Рик, но глаза оставались серьёзными. – Зато со мной ты будешь защищена от приставаний и возможного недовольства своего... сама знаешь кого, – бросив взгляд за мою спину, в последний момент исправился он.

– Просто для сведения, – недовольно прищурилась я в ответ, – кроме тебя, за все шесть лет ко мне никто и не приставал. И потом, Шалинберг, объясни, ты чего добиваешься? Всё решили без тебя и даже без меня, отвертеться не получится, так что твои ухаживания выглядят вообще ни разу не адекватно.

– Ну, насчёт не получится – ещё вопрос, – пожал плечами Рик и засунул руки в карманы. – То есть на бал со мной ты не пойдёшь?

– Подожди-ка. – Плюнув на приличия, я шагнула вплотную к боевику и задрала голову. – Что значит «ещё вопрос»?

– Ничего. Совершенно, – ровно отозвался тот.

– Рик! – прорычала я. – Ты знаешь, что меня лучше не злить... что за очередная гениальная идея возникла в твоей отбитой пульсарами голове?

– Хорошего дня, моя аурика! – дурашливо пропел этот... Шалинберг, развернулся и отправился к лестнице с этажа.

– Рик! – Вместо ответа – лёгкий взмах руки и спина, быстро исчезнувшая из поля зрения.

Рианы, ну хоть его угомоните, иначе ничем хорошим это не закончится!

Глава 24

Вернувшись в комнату, я наткнулась взглядом на платье и не удержалась – провела рукой по ткани, расшитой сверкающими камнями, приложила к лицу полумаску и повернулась к зеркалу. Зимний бал назывался маскарадом не столько из-за маски, сколько из-за сложного заклинивания на дверях бальной залы. Оно полностью скрывало личность гостя, даже если маска прикрывала одни только глаза.

Вернув едва ли на самую важную часть наряда на место, я решительно прошла в ванную. Пришло время привести себя в порядок.

Тугой узел на затылке, стоило вынуть шпильки, распался, а волосы рассыпались по спине и плечам. Прелесть какая – тёмные круги под глазами, нездоровый цвет кожи, выпирающие ключицы и опущенные уголки губ. Рианы, меня как будто в подвалах держали весь год!

Но ведь я же была другой.

В одиннадцатый день рождения из отражения на меня смотрела смешливая девчонка с задорными голубыми глазами, а белое пышное платье, сшитое по последней столичной моде, только добавляло мне сказочности. Но тот раз был последним, когда я с удовольствием смотрела в зеркало.

Я сбросила шаль, Грейс знала, что мне холодно зимой в академии, и расстегнула юбку, легко опавшую к ногам.

Что-то со мной происходило. Впервые за шесть лет вдруг захотелось выглядеть невероятной, волшебной, такой, чтобы смотрели все. И гадали, кто скрывается под маской.

Почему?

Так и не высмотрев в отражении ничего особенного, я подразделась и залезла в ванну – самое время, чтобы потешить чисто женское самолюбие. И оно удовлетворилось, правда, уже на третьем часу моего отмокания, умывания и притирания. И то только потому, что ещё немного и вместе с косметическими мазями с меня слезла бы кожа.

Зато из ванной я выходила в прекрасном настроении. Меня сейчас не то, что академический, сам Императорский бал бы не смутил.

А под стопкой учебников белел край вырванного из тетради листа – то самое неизвестное заклинание. Захватив его с собой, я взяла карандаш и устроилась на постели, скрестив ноги. Не просто же так на меня снизошло озарение! Стоило хотя бы попробовать опознать, что это вообще такое.

Уже то, что заклинание состояло из четырёх углов, никак не укладывалось в голове – составители предпочитали пользоваться связками по три для большей устойчивости схемы. Но не может же быть, чтобы это оказалось лишь плодом моей фантазии! Или я пыталась додумать то, чего нет? Или принимала желаемое за действительное?

Шумно вздохнув, я откинулась на подушки, не выпуская лист.

Четыре угла? Недостоверно. Узлов в заклинании могло быть много, но я нигде, ни разу в жизни не видела четырёх-угольной узел! Пусть практиковала я посредственно, но прерывала все доступные книги очень даже упорно, до рези в глазах вглядываясь в занудные для других строчки.

Неуловимая и невесомая, какая-то мысль мелькала на задворках сознания, но ускользала, стоило на ней сосредоточиться. Что япустила? Не поленившись, я сходила за сумкой и вывалила её содержимое на кровать, быстро найдя нужный листок. Не ошиблась. Действительно четыре угла, без каких-либо других вариантов трактовки. Нахмурившись, я посмотрела на свет через лист с заклинанием, но и этот способ ничего не дал. Недовольная, я повернула лист и замерла.

Этого просто не может быть!

Боясь спугнуть догадку, медленно и осторожно я вернула схему в исходное положение, и всё пропало, но вот лист смещается на несколько градусов против часовой стрелки, и я снова вижу это.

Магический светильник под потолком не давал того эффекта, какой получался от стоящей на столе свечи. Подойдя к ней, я снова повернула лист. Невероятно! Не зная, что и думать, я рухнула на стул. Нереально, но дрожащее пламя свечи высвечивало ещё четыре угла – отражение тех, что я видела.

Поразительно – комбинированный узел!

И я вспомнила, где видела подобное! Это были два последних раздела «Основ», озаглавленные «Защита» и «Ограничения». Но как два настолько противоположных по значению узла могут быть соединены вместе?

Опустошённая, вымотанная, но до ужаса довольная я вернулась в постель, оставив схему на столе. Одна только зарисовка могла отправить меня в темницы, но кто её увидит! Оллэйстар? Подозреваю, что, пока мы не достанем оскант, он простит мне любые нарушения не только устава, но и законов империи. Как же, всё для народа.

И стоило подумать, но, кажется, я перерасходовала на сегодня запас своих сил, потому что стоило голове коснуться подушки, как я провалилась в сон без сновидений.

Разбудил меня стук в дверь.

– Какого... – простонала сонно, потирая глаза и привстав на локте.

– Есть шпильки? Красные! – выпалила третьекурсница, как только я открыла.

Совершенно незнакомая мне третьекурсница.

– Нет! – отрезала я и с силой захлопнула дверь.

Отсчёт пошёл. На двенадцать часов женское общежитие снова сошло с ума, лихорадочно бегая из комнаты в комнату в поисках шпилек, туши, заколок, серёжек и прочего барахла, необходимого взамен забытого, утерянного, украденного или просто недостающего для подготовки к Зимнему балу.

На первом курсе это буйство забавляло, на втором нача-

ло раздражать, но от настойчивости соседок не спасало даже заглушающее заклинание. И все последующие годы я терпела, отказывала и даже пару раз помогла, надеясь, что рано или поздно им надоест. Не надоело.

Сидя за столом, я всё быстрее перекатывала карандаш от руки к руке, но волновалась вовсе не из-за бала. Оставалось одно дело, которое я не могла отложить и о котором думала вторую неделю. То, от которого не хотелось отмахиваться. Потому что переносить в новый год недоверие и несправедливые упрёки так себе затея.

А значит мне срочно нужна Елана Гронберг.

– Войдите.

В этот раз стук был моим, решительным, но всё равно виноватым.

Ни строгость, ни резкий характер никогда не мешали куратору отстаивать интересы своих подопечных даже перед проректором Оелуоном. И идиотами были те, кто этого не понимал. Грубоватое лицо куратора отталкивало многих и давало повод особо одарённым придумывать ей обидные прозвища. Пару раз я лично посылала идиоток безобидное, но очень неприятное заклинание, гарантирующее им неприятный запах недели так на полторы.

– Добрый день, куратор Гронберг. – Остановившись в паре шагов от её стола, я смиренно сцепила перед собой руки.

– Чего тебе надо, Грасс? – нахмурилась она.

– Я не имею никакого отношения к краже в вашем каби-

нете и не знаю, кто это мог быть. И прошу прощения, что моё имя доставило вам столько неприятностей.

И это не только оподставной краже. Надеюсь, что куратор поверит хотя бы потому, что настолько искренней я бываю... никогда.

– То есть, – она поднялась со своего места, позволив увидеть, что под мантией на ней элегантно светлое платье с бордовым отливом, – вместо того, чтобы как все готовиться к балу ты примчалась извиняться?

– Подготовиться я всегда успею. – Я с лёгкой улыбкой покачала плечами. – Особенно, если есть дела поважнее.

– Поражаюсь я тебе, Аурелия! – Покачав головой, куратор обошла стол и приблизилась. – И тому, что за тонны ехидства ты извиняться не подумала, а за то, чего не совершала, очень даже.

– Какая есть, – я улыбнулась под её внимательным взглядом.

– Иди уже, Грасс, – вздохнула куратор. – До бала всего ничего. – Она вернулась к месту за столом, но я и не подумала уходить.

– Я этого не делала, клянусь всем, что у меня осталось! – Удивительно, как это стало для меня важно.

– Да знаю я! – скривилась она. – И тогда знала, но, знаешь ли, сложно сдержать боевого мага, если он в ярости! Или она, – хмыкнула Гронберг. – Я хорошо изучила тебя, Аурелия, и знаю, что, захоти ты украсть тот журнал, никто бы в

жизни не узнал.

– Спасибо! – Так себе комплимент, но я поняла главное – она действительно мне поверила.

– Только сделай одолжение, раз и навсегда выбрось из головы мысль об оправдании через ментальных магов. Даже в самом крайнем случае есть гораздо более надёжные и безболезненные способы самоубийства.

– Я... не могу обещать.

– Можешь, Грасс! – такого пристального взгляда у Гронберг я ещё не видела. Все ищейки загнулись бы от зависти. – Можешь. Потому что, чтобы не случилось, у тебя всегда есть ты, а это уже много! – Впечатляющая речь закончилась на смешной. – Особенно, когда ты – такая.

И вот от комплимента мы удалились ещё больше, но почему-то сбилось дыхание и перехватило в груди. Я боялась моргать, неестественно долго держа глаза открытыми, только чтобы высушить в них всю влагу.

– Свободна, Грасс. У тебя времени в обрез! – Весело прикрикнула куратор и я, тепло улыбнувшись, вышла.

Накинув парадную мантию, я выдохнула, расправила плечи и вышла в коридор. А когда перешла в учебный корпус, осознала, что всё же опаздываю – коридоры оказались пусты, а, значит, все уже собрались. И шаг ускорился помимо желания, вот только чем ближе я подходила к закрытым дверям, тем больше нервничала.

С чего вдруг этот бал стал для меня особенным?

Сбросив мантию и глубоко вздохнув, я подошла к дверям, которые открылись при моём приближении.

Как же красиво! В этом году академия правда расстаралась – расписанные ледяными узорами стены сверкали, словно покрытые инеем, а с потолка падал крупный снег, растворяясь над головами гостей. Повсюду лежали снежинки самых разных форм и размеров, столы украсили ледяными фигурами и белоснежными розами, в дальнем конце на возвышении играли какую-то лёгкую мелодию музыканты, единственные из присутствующих в тёмно-серых костюмах.

В отличие от остальных, сливающихся в единую светлую массу, и я присоединилась к ним, направляясь к одному из столов с напитками.

– Добрый вечер, уважаемые студенты и гости нашего праздника! – раздалось в то же мгновение, и я замерла, не дойдя каких-то несколько шагов до цели. – От имени Академии контролируемой магии я рад приветствовать всех вас на ежегодном Зимнем балу! – Пожалуй, единственным здесь, кто не скрывался, был Оллэйстар. – Пусть эта ночь станет яркой звездой вашей памяти, достойно завершая прошедший год!

Ни одно академическое собрание не длилось дольше половины часа – Оллэйстара нельзя было назвать любителем длинных речей. И никто не удивился, что и сейчас, договорив, он бросил что-то музыкантам и спустился с подиума. Заиграла первая, лёгкая и ненавязчивая мелодия, но никто

не торопился танцевать.

Бокал с несладким фруктовым соком унял нервную дрожь в ладонях, и я отошла к колонне, осматривая зал. Наложённая на двери магия работала отлично – не узнавался никто из присутствующих, и тем больше меня напугало громкое:

– Аурелия.– Я вздрогнула и обернулась, не узнавая стоящего передо мной студента. Вроде бы студента... – Великолечно выглядишь.

– Шалинберг?– предположила я после недолгой паузы.

Собственно, больше некому, даже с учётом того, что узнать меня он не мог.

– Всё также умна, моя прекрасная аурика, – весело хмыкнул боевик и подмигнул.

– Обязательно так пугать? – покачала я головой и вернулась к рассматриванию зала. – И как ты, вообще, меня узнал?

– Меня вело израненное твоим отказом сердце, ведь я не вижу никого, кроме тебя! – дурашливо начал он.

– Ещё немного и рана будет не внутри тебя, а снаружи. – Бокал с соком угрожающе качнулся в его сторону, но Рик лишь рассмеялся.

– Я подготовился, – он с намёком коснулся едва различимой серебряной броши на лацкане пиджака. – Не ты одна пользуешься условно-запрещёнными артефактами.

– Зачем тебе это здесь? – перевела я взгляд на его лицо.

– Терпеть не могу неизвестность, – криво улыбнулся Рик, а для меня в происходящем сразу пропало всё очарование.

– То есть все ваше общежитие в курсе кто есть кто? – скривилась я. Вряд ли кому-то из простых студентов придёт в голову запастись артефактами для бала.

– Нет, конечно, – снова развеселился он. – Я, да Ар с Элом. Может, ещё пара человек, но не больше.

– Это радует. – Я пригубила сок.

Но волшебство развеялось и обратно возвращаться уже не желало.

– Да ладно тебе, – заметив моё настроение, Рик подошёл ближе, – забудь! Пойдём лучше потанцуем?

– Рик... – устало вздохнула я, снова качая головой.

– Эвилонберга здесь нет, и никто не узнает ни тебя, ни меня.

Серьёзное заявление, под стать взгляду. И протянутая ладонь тоже впечатляла – казалось, что для него это очень важно. Настолько, что у меня не повернулся язык отказать.

– Идём, – решила я, сама не зная зачем.

Надеялась вернуть настроение? Может и так, но Рик мало подходил на эту роль. Заиграл вальс. Поклонившись друг другу, мы приблизились и встали в позицию, начав движение после первого аккорда.

– Подаришь мне следующий танец?

– Мы только начали этот, – отказ никак не повлиял на его довольную улыбку.

– В книгах нашлось что-то интересное? – сменил тему Рик.

– Можно сказать и так, – уклонилась я от ответа, вспомнив «Проклятие».

Думать об этом сейчас не хотелось, тем более, что танцевал Шалинберг и правда неплохо, настолько, что я расслабилась, наслаждаясь. Вот только он и сейчас умудрился все испортить.

– Представь, – прижав меня ближе, чем полагается, вкрадчиво предложил Рик, – как нам будет хорошо вместе.

– Даже не думай.– Мелодия закончилась,и, поклонившись, я вернулась к столу.

Пить не хотелось, а вот занять чем-то руки очень даже, и я взяла новый бокал. Танцующие пары снова выстроились в круг и, засмотревшись, я заметила Оллэйстара только тогда, когда он загородил падающий на меня свет.

– Прекрасный вечер, не так ли?

Глава 25

Он стоял передо мной, облаченный в белый костюм, как и практически все присутствующие мужчины, но крой сюртука больше походил на военную форму. И я засмотрелась, уверенная, что многие девушки провожали его сегодня плотоядными взглядами. Как хорошо, что это маскарад!

– Вашими стараниями! – Легко склонилась я.

– Тебя можно узнать по одному только поклону, – улыбнулся Оллэйстар.

– Как вы?.. – спросила и тут же поморщилась от глупости вопроса.

– По глазам, – удивил он, не отводя прямого взгляда, но потом бросил шутить: – Я ректор, а маскарад рассчитан исключительно на студентов.

– Не совсем честно! – вежливо улыбнувшись, я пригубила сок. – А как же обещанная атмосфера тайны?

– И она для студентов, – пожал плечами Оллэйстар и взял себе бокал. – Остальные здесь далеко не ради развлечения. Поверь, ваши профессора легко нашли бы себе гораздо более интересные занятия на вечер.

– Разве на балу у вас так много работы?

Играла музыка, танцевали пары, а мне было хорошо

и здесь – в отдалённом от основного действия уголке с приятным собеседником и бокалом в руке.

– Даже я не всегда понимаю, откуда в ваших головах появляются некоторые особо одарённые идеи, – развеселился Оллэйстар.

– Наверное, это скучно, – легко улыбнулась я и наткнулась взглядом на Рика, он разговаривал с двумя гостями, чем-то напоминавшими близнецов Делабергов.

– Потанцуем? – Я засмотрелась и, кажется, не поняла вопрос.

– Что? – переспросила, округлив глаза.

– Потанцуешь со мной, Аурелия?

Какого шаргха!

– Я? – С каждым мгновением веселья во взгляде Оллэйстара становилось всё больше.

– Ты, – насмешливо глядя на меня, подтвердил он.

– Но зачем?

Потому что, правда, незачем. Шкатулок тут нет, смотреть не на что, а, значит, и провоцировать меня без надобности. Хотя не уверена, что отреагировала бы на его приближение также ярко, как в первый раз.

И моё непонимание явно его забавляло.

– Зачем люди танцуют? – Оллэйстар отставил свой бокал и забрал мой. – Чтобы развлечься, – пояснил он, словно ребёнку, взял за руку и повёл в толпу танцующих.

Развлечься? Танцами?

Это в моей жизни что-то новенькое. Настолько, что ступор отпустил в тот момент, когда отказываться стало уже поздно – мы вошли в круг, где все ждали начала новой мелодии. Ну, как ждали... лично в моей голове царили разброд и шатания. И не придумывалось ни одной умной мысли, как избежать этого спектакля.

– А вам можно танцевать? – наконец, сформулировалось что-то похожее на отказ.

Похожее, потому что нам вслед оборачивались. Ещё бы! За шесть лет я ни разу не видела, чтобы Оллэйстар танцевал на Зимнем балу.

Рианы, мне-то за что такое везение?

И внимание почти всех присутствующих гостей.

– Мне можно отдыхать, – улыбнулся Оллэйстар, – хотя бы изредка.

Мы остановились в центре и развернулись лицом друг к другу.

Снова заиграл вальс.

Оллэйстар поклонился, я присела в низком поклоне и вложила ладонь в протянутую руку. Его вторая ладонь легла на спину, обжигая даже через ткань платья, а взгляд глаза в глаза заставил нервничать.

– Вы же здесь не для этого, – придя в себя лишь после первого круга, нашлась я с ответом.

– Да, – не стал спорить Оллэйстар, – но никто не мешает мне совместить приятное с полезным.

Он заставил меня обернуться вокруг своей оси и наклонил так, что кончики волос коснулись пола. Я порадовалась, что швея не врала – невесомая кружевная мантия, переходящая в шлейф, не сковывала движения в танце.

Вот только с каких пор это есть в вальсе?

– На нас все смотрят, – пусть мой голос оставался бесстрастным, но внутри разгоралось знакомое пламя нервозности.

Чтоб вас всех!

Сколько из присутствующих магов знают, кто скрывается под моей маской? И достаточно ли их, чтобы об этом танце узнал Эвилонберг?

Потому что Рика ещё можно было оправдать, и за него есть, кому заступиться, а Оллэйстар... Оллэйстар большим пальцем успокаивающе погладил тыльную сторону моей ладони, и одно это заставило забыть об окружающих, Рике и шаргховом советнике, из-за которого я теперь оглядывалась в два раза чаще.

– Это маскарад, – весело напомнил он, а я с трудом сдержала нервную усмешку.

Вряд ли Рик один такой умный, но Оллэйстар ускорил темп и, глядя в его глаза, я забылась, впервые в жизни посмотрев на него как на... мужчину?

Эта мысль испугала до такой степени, что я позорно оступилась, но он не дал упасть, крепче прижав к себе и продолжая вести. Не знаю, о чём думал Оллэйстар, но я судо-

рожно вспоминала все наши встречи, пытаюсь понять, почему это вообще произошло! Ректор всегда оставался для меня недостижимым идеалом, примером для подражания, но я не воспринимала его как реального человека до того момента как...

Тогда, когда он вернул мне мамин кулон!

Благодарность. Восхищение. Радость. Ощущение нужности. Страшная смесь, которая день за днём баламутила разум. Первая встреча в лаборатории и шантаж. Вызов в кабинет и предложение о защите. Вторая встреча и покушение... Раз за разом Оллэйстар оказывался не абстрактным прославленным магом, а человеком из плоти и крови, из опасности и благородства.

И вот сейчас, даже витая в собственных мыслях, я задыхалась от жара широкой ладони, которая ощущалась даже через плотную ткань платья.

Поворот, и с последним аккордом я замерла в его руках, закрыв глаза.

Не хочу видеть ничего и никого, но... грохнули овации и пришлось вернуться в действительность. С помощью Оллэйстара я поклонилась и с трудом удержалась от ругательства – мы оказались единственной парой в этом танце.

– Ещё? – насмешливо поинтересовался Оллэйстар, но я лишь отрицательно качнула головой.

– Мне нужно выпить! – призналась честно, и услышала в ответ тихий смех.

Конечно, кому как не ему знать, что в этом зале нет ни капли спиртного.

– Прошу, лиерра, – Оллэйстар предложил руку, и мне не осталось ничего другого, кроме как опереться на неё и вслед за ним проследовать к одному из столов.

К моему счастью, Оллэйстара почти сразу попросили отойти и, извинившись, он скрылся в толпе вслед за странно одетым мужчиной.

И выдохнуть бы, успокоить подрагивающие руки, убедиться, что всё это – плод моего шаргхова воображения, но нет!

– Что, фаркасы тебя подери, происходит?! – прошипел Рика, возникая рядом.

– Я. Пью. Сок, – чётко, отдельно, едва ли не по слогам. Вот меньше всего мне сейчас нужны его претензии.

– Что у тебя с ректором? – Рик ощутимо стиснул моё запястье, заставляя развернуться к себе лицом.

Вот это ярость! Присвистнула бы, если бы не платье, в котором я почти дама из высшего света.

– Сначала успокойся, а потом поговорим, – криво усмехнулась я и выдернула руку. – Может быть. Если я вдруг решу, что моя жизнь хоть как-то тебя касается.

– То есть я прав?! – неверяще выдохнул он, даже не думая скрывать презрение, бушующее в его глазах. В глазах, где уже виделись знакомые искры-молнии. – Ты отказала мне ради него?!

Раз уж я дожила до того, что призналась в симпатиях к Ол-
лэйстару не только в качестве ректора, можно было ответить.

– Ты – ректорская подст...

Фраза не закончилась уже потому, что я и так прекрасно представляла размах его, надо сказать примитивной, фантазии. Хотя до конца не верила в то, что он это озвучит. Гомон зала на мгновение заглушил звук хлёсткой пощёчины.

– Если ещё хоть раз я увижу тебя рядом с собой, Шалинберг, ты пожалеешь, даже если меня потом отчислят! – яростно, глядя прямо в растерянные глаза боевика, отчеканила я.

Бокал дрогнул, когда я ставила его на стол. Высокий каблук подогнулся за шаг до цели, но я всё же выровнялась, до хруста позвоночника выпрямила спину и зло толкнула дверь на балкон, надеясь, что холод приведёт мысли в порядок.

Да уж, свой последний Зимний бал я вряд ли забуду!

Обнажённые плечи огладил морозный воздух, и я поёжилась, даже несмотря на магический купол, практически не пропускающий снег.

Шаргхов выскочка! Что он о себе, вообще, возомнил?! Решил, что после двух полезных книжек я стану его ручной зверюшкой?!

Глубокий и судорожный вдох обжёг горло и лёгкие.

Рианы, дайте мне несколько минут! Совсем немного, чтобы успокоиться, прийти в себя и не вернуться в зал, закон-

чив бал потасовкой с боевым магом.

Почти дипломированным, чтобы его фаркасы сожрали!

После духоты и шума бального зала здесь внезапно оказалось просто хорошо. Настолько, что, не боясь простыть, я снова вдохнула полной грудью и облокотилась на перила. Прямо передо мной сверкало звёздами ночное небо, а под балконом простиралась широкая мощёная терраса.

И ярость, обида на Рика растворились в этом покое.

Как я до этого, вообще, докатилась? Возраст подошёл? Вряд ли. Мои однокурсницы ещё года три-четыре назад забегали по парням, но мне было не до этого. Так почему сейчас? Почему тогда, когда всё настолько безнадёжно, что хоть ужином к фаркасам иди?

И как-то вдруг захотелось сделать что-нибудь сумасшедшее, но я продолжала стоять, задумчиво глядя вдаль. Ладно, случилось и случилось. Моя влюблённость в Оллэйстара – ерунда, с которой я справлюсь так же, как и со всем остальным. Ничего страшного не случилось, вон половина академии по нему страдают и ничего, живут, получают дипломы и даже заводят семьи.

Уверена, не вспоминая о том, что в какой-то академии был какой-то ректор...

Вдруг движение на террасе привлекло внимание. Кто-то, смеясь, как и я встал у перил. В ярком свете, льющемся из открытых настежь дверей залы, я изумлённо опознала Рика в одном из участников страстного поцелуя. Угадать его спут-

ницу я даже не пыталась, но она попалась сама. Шесть лет рядом с Корсой не прошли зря, эти её светские жесты и то, как девушка откинула волосы...

Интересно, Шалинберг прямо сказал кто он? Или на Вамбург подействовала атмосфера бала?

Настолько подействовала? Вряд ли. Скорее, всё происходило по взаимному согласию. И вот вопрос, на боевика так пощёчина повлияла, что он побежал самоутверждаться? Причём от души так, потому что оба прилично увлеклись – одна его рука уже была под подолом её платья. Длинного. Облегающего фигуру. Но Корсу это не смущало.

– Ревнуешь? – тихий голос у уха, и ладонь, опустившаяся на талию, напугали, заставив вздрогнуть, но это оказался всего лишь Оллэйстар.

Всего лишь.

Серьёзно, в свете открывшейся истины стоило выразиться иначе. Потому что жарко стало на раз, я наверняка покраснела, а руки мелко задрожали. И вот как привести в порядок разум, если предаёт тело?

– Что? – Хотелось потрясти головой, чтобы сбросить навязание. – Нет! Избави рианы от такого счастья!

Хуже всего, что я не поняла, чего больше испугалась – самого факта близости с Риком или того, что Оллэйстар подумает, будто я схожу с ума от ревности по нему же.

– Почему? – Не убирая ладони, он повернулся, чтобы видеть террасу, где главным героям уже неплохо бы скрыться

в спальне. – Выдающийся выпускник факультета боевой магии, наследник богатой и родовитой семьи, и в целом симпатичный молодой человек.

– Пожалуйста, давайте не будем об этом! – взмолилась я, не понимая, что происходит, но меньше всего желая говорить о Рике.

Особенно, когда взгляд так и норовит поддёрнуться поволокой, рука буквально чешется от желания накрыть его ладонь своей и вообще принять более привлекательную позу. Желательно при этом ещё приблизиться к Оллэйстару.

– Как скажешь, – ровно отозвался он и обратил всё внимание на меня. Ладно, давайте о Рике. О чём угодно, лишь бы не чувствовать эти непонятно откуда взявшиеся мурашки! – Как тебе вечер?

– Великолепный, – я отступила на шаг, разрывая практически объятие, и тело разом окутало прохладой, – как и всегда.

С трудом, но я могла понять, что происходит со мной, но почему Оллэйстар ведёт себя так, словно... очень странно себя ведёт и будь я поглупей и понаивней подумала бы, что... Рианы! Это даже хуже, чем свадьба и советник. Или лучше?..

– Можно сделать его ещё лучше, – с намёком улыбнулся он. – Составите мне компанию, лиерра?

Оллэйстар подал руку, но я колебалась, не зная, что делать.

Позволить себе один вечер безумств, зная, что так станет только хуже? Вот только как потом всё это забыть?

– Я хочу кое с кем тебя познакомить, – добавил он с улыбкой, и я не выдержала, с мысленным стоном вложила руку в его ладонь.

Познакомить это ведь не страшно?

Что, вообще, мне может быть страшно после Эвилонберга и его «вы разрешите за вами ухаживать?» Как оказалось многое. Например, обходительность Оллэйстара, когда он приобнимал меня за талию, чтобы обойти особо увлекшихся гостей. Его же... успокаивающее ведь?.. поглаживание моей ладони. Улыбку, которую я чувствовала, даже когда смотрела исключительно перед собой...

И самое смешное – стихийный дар даже не пытался реагировать на такое моё волнение.

– Лем! – негромко окликнул Оллэйстар, и высокий мужчина, стоящий в шаге от сцены, обернулся. В сером сверкающем костюме и тёмной, словно ночное небо, маске, он оставался, пожалуй, самым мрачным пятном в этом зале. – Позволь представить тебе, лиерра Аурелия Стефания Грасс, а это...

– Просто Лем, – представился тот, и мне показалось, что он улыбается.

– ...мой друг, – закончил Оллэйстар, и я склонила голову в приветствии.

– Очень приятно познакомиться...Лем! – Не зная как

к нему обратиться, я обошлась вовсе без обращения. Что-то цапнуло изнутри, но я не придавала этому значения.

– И мне очень приятно, лиерра Грасс! Ориан впервые знакомит меня с кем-то на Зимнем балу, – иронично отозвался очень странный Лем.

– Вы часто здесь бываете?

– Ежегодно последние лет двенадцать, – признался он, а потом на мгновение задумался. – А не вы ли дочь Грассов, владельцев «Научного вестника»?

– Да, это мои родители, – Оллэйстар стоял рядом со мной, не вмешиваясь в беседу, а мне казалось, что я кожей ощущаю исходящий от него жар.

Шаргхова влюблённость! Как же не вовремя!

– Ужасная трагедия! – Тон стал сожалеющим, но я чувствовала фальшь – скрытую, ненавязчивую. И не связанную с гибелью моих родителей. – Моя мама любила эту газету, и каждый раз скупала часть тиража в попытках вложить хоть что-то в головы своей свиты, но княгини, графини и баронессы растапливали газетными листами камин. Конечно, втайне от всех.

Подождите, свиты?

Это... это же... рианы, да за что мне такое счастье-то?!

– Прошу прощенья, ваше императорское величество, я вас не узнала! – мгновенно склонилась я в низком поклоне, не смея поднимать глаза.

Друг?! Лем?! Да в какие игры втягивает меня тот, кого я...

куда на этот раз втягивает меня Оллэйстар?

– Похвально, лиерра, Ориан в вас не ошибся. – Его императорское величество Лориан III Оришанский подал мне руку в чёрной перчатке и помог подняться.

– Что вы, ваше императорское величество, я не сделала ничего такого, чтобы...

– Вы подумали, – жестко усмехнулся император, – в наше время это уже редкость.

Комплимент? Буду считать, что да.

– Я предупреждал, – насмешливо хмыкнул Оллэйстар.

– Я оговорился, – холодная улыбка Лориана III прошла изморозью по оголённым рукам.

Вот этот оговорился? Да скорее второе пришествия рианов случится!

– Как и всегда. – Что-то между ними происходило, и особенно заметно это стало, когда Оллэйстар издевательски добавил: – Ваше императорское величество.

– Хочешь раскрыть меня? – Вот только казалось, что это волновало императора меньше всего, потому что он продолжал лениво оглядывать зал за нашими спинами.

– Я подстраховался, – Оллэйстар повёл ладонью, и я разом вспомнила, что мы стоим рядом с музыкантами – музыка стала громче, когда вокруг нас опал мутноватый купол. Но вот они закончили очередной вальс, готовясь начать следующую мелодию.

– Ах, подстраховался... – издевательски протянул импе-

ратор, которого Оллэйстар окрестил другом.

Очень смело окрестил, потому что от одного взгляда мужчины, который и магом-то не был, по позвоночнику табуном побежали мурашки. Просто они так же, как и я хотели спрятаться от режущего тёмного взгляда, давящей атмосферы и дурацких видений. Тех самых, где непроглядная тьма то появлялась, то исчезала за спиной его императорского величества.

Рианы, это так проявляется некромантская кровь?

Все знали, что императорский род пошёл от первого в этом мире некроманта, но также знали и то, что рианы лишили силы всех представителей императорской семьи, и последние много веков империей, с большей частью жителей-магов управлял обычный человек.

Неудивительно, что императорский род пытались свергнуть едва ли не раз в десятилетие.

– Вы поразили меня, Аурелия, – вдруг резко переменился Лориан III и обворожительно улыбнулся, – не откажете в танце своему императору?

А предполагался отрицательный ответ?

– Лиерра уже обещала следующий танец мне. – Оллэйстар бесцеремонно перехватил мою ладонь на полпути и, не обращая больше внимания на императора с всё ещё протянутой рукой, снова повёл меня в центр залы.

– Вы рехнулись?! – Только и смогла сказать я, когда мы снова встали друг напротив друга. – Это же... – нервно

оглянулась. – Вы понимаете, кому отказали?

– Даже больше, чем ты, – развеселился Оллэйстар. Хоть что-то сегодня могло испортить ему настроение? – Или желаешь вернуться в руки императора?

И он так это сказал, словно под руками подразумевалась постель.

– Да что вы себе?.. – В круг вставали пары, а мне хотелось наорать на собственного ректора. Очень хотелось, учитывая, что он забыл, что не бессмертный.

– Хочешь нарваться на допрос? – не меняя тона, спросил Оллэйстар, но выражение глаз стало слишком серьёзным для шуток. – Поверь, в этом искусстве ищейки не сравнятся со своим... хозяином.

– И поэтому вы решили отшить императора? – нервный смешок вырвался помимо воли, но всё стало гораздо хуже, когда до моего слуха донеслись первые аккорды. – Да вы издеваетесь! – обречённо выдохнула я и... последовала примеру Оллэйстара, вставая в очень специфическую позицию.

Глава 26

Шаруар – танец, который пришёл к нам откуда-то с юга и на балах его не танцевали. Не то чтобы запретили, просто не хотели отбиваться от возмущений чопорных, а чаще просто престарелых, дам, которые ни по возрасту, ни по статусу танцевать его уже не могли.

Потому что шаруар – чистое безумие из близости, огня и... да, приличий там маловато.

К моему несчастью и счастью молодых бурго-бергов, в академии с престарелыми дамами всегда было туговато, зато шаруар играли. Не раз и не два за вечер, но мало кто отваживался его танцевать – всё же гости на Зимнем балу бывали разные и не все из них поощряли такие развлечения.

Я оглянулась – в круг встали Рик с Корсой и не только они. А что сразу не в храм?

Фыркнув, я подняла взгляд и окаменела, вспомнив, с кем сама собиралась танцевать.

– Что-то не так? – ровно поинтересовался Оллэйстар.

Можно подумать, я не вижу, как ему весело за мной наблюдать! Шаргхов бал! Внутри разливалось приятное волнение, желудок скручивало от нервов и всё это с отчётливым пониманием, что этот вечер мне не забыть. Не дадут. И Оллэйстар понимал, что я это понимаю. Как и то, что шаруар

не танцуют с собственным ректором.

– Всё прекрасно, – процедила я сквозь зубы, предчувствуя, что легко не будет.

И, вопреки всем разумным аргументам, жалея, что движения шаруара знакомы мне лишь постольку-поскольку.

Последний решительный вдох, и я пристёгиваю мантию платья к секретному крючку, чтобы не мешался.

Рианы, пусть об этом не узнает Эвилонерг! Потому что меньше всего я хочу оправдываться за то, что мне наверняка понравится.

Одна рука поднимается над головой, вторая заведена за спину – выходить из круга поздно. И шальной азарт, разгорающийся в моей крови, однозначно не самый хороший советчик.

Первый аккорд – шаг навстречу, но я выскользываю из его рук, чувствуя жжение в том месте, где он коснулся моей спины и резко разворачиваюсь, протягивая ему ладонь. Резкий звук и он притягивает меня к своей груди, не отрывая взгляда, и мы делаем шаг – один на двоих.

Я не хотела танцевать? Ярче этого у меня в жизни не было момента. И эмоции пока ещё под контролем, но я напряжена, как никогда до этого, и вместе с тем подчиняюсь увлекающим меня в танце рукам.

Очередной резкий аккорд и я отталкиваю его, чтобы, развернувшись, сделать шаг вперёд. Чувствую, как он удерживает меня за запястье, и... я снова прижата к его груди.

Взгляд глаза в глаза и отчётливое осознание, что не я одна, мы вместе увлеклись, балансируя на грани разумного. С каждым новым шагом приближаясь к пропасти, но почему-то это не пугает ни меня, ни его.

Невероятно быстрый и резкий круг и самый откровенный момент шаруара – я медленно приседаю, насколько позволяет платье, отставив ногу в бок, не отрывая взгляда от... Ориана? Рывок и я вновь в его руках.

Следующий круг демонстративно чопорный, практически вальс, но мелодия снова меняется, и под отрывистые ударные мы сменяем несколько позиций. Слава рианам, мы не на императорском балу, даже если сам император здесь! После вот этих вот па меня не приняли бы ни в одном приличном доме столицы. Не то чтобы мне хотелось походить по гостям, но сам факт.

И если моя личность для большинства всё же оставалась неизвестной, то от правильного ректора никто такого не ожидал. Даже я.

И страшнее всего то, что, вынужденная быть хладнокровной и бесстрашной, здесь, с ним, я могла стать собой, не скрывая ни вспыльчивой натуры, ни огня, горящего в глазах.

Но вот последнее движение и я замираю в его объятиях, слыша, как быстро бьётся его сердце.

Подняв глаза, я наткнулась на мерцающий взгляд. Кажется, мы должны разойтись, но магия не отпускала, заставляя искать в партнёре отголосок собственных чувств.

Впрочем, ровно до того момента, пока я не заметила чёрную искру, мелькнувшую на запястье. И это отрезвило лучше, чем чтобы то ни было. Испуганно прижав ладонь к груди, я отшатнулась от Оллэйстара и, не глядя ни на кого, побежала из зала.

Не останавливаясь ни на миг, взлетела на второй этаж и забежала в первую попавшуюся аудиторию. Рианы, хоть бы никто не заметил!

Не имея времени даже на то, чтобы отдышаться, я поднесла ладонь к глазам. Искра взбежала до плеча и заставила отшатнуться, но куда я денусь от собственной-то руки! Присев на стол, я внимательнее взгляделась в кожу. Мне показалось, что искры следуют какому-то определённом рисунку, но рассмотреть его не удалось – тёмным пламенем вспыхнула ладонь, заставляя испуганно ахнуть.

– Помочь? – Я резко обернулась и увидела входящего Рика.

– Иди к фаркасам! – рявкнула в ответ, и обе ладони охватила непроглядная тьма.

Тьма! Даже не привычное уже пламя!

Отшатнувшись от боевика, я с трудом сдерживала панику. Даруан не описывал такого! Мне не попалось ни слова о силе, которая сейчас послушно лежала в моих ладонях!

Нужно успокоиться, но как это сделать, когда в нескольких шагах стоит тот, кто меньше часа назад меня оскорбил?

– Признаю, я – самолюбивый дурак. – Словно подслушав

мои мысли, примирительно поднял руки Рик. – Высокомерный идиот, который решил, что мир крутится вокруг него, – заговаривая мне зубы, он приблизился на шаг. Думал, что я не замечу? – Ты красива настолько, что я свихнулся при одном только взгляде на тебя... Прости меня, Аурелия! Я был последней скотиной, когда тебя оскорбил, но у меня в голове всё перевернулось от мысли, что ты предпочла мне другого!

Извинения? Как всегда не к месту и не ко времени. Даже с учётом того, что я ни разу за шесть лет не слышала, чтобы он хоть перед кем-нибудь извинялся. И это притом, что бесчинствовал Рик с компанией регулярно, а скрывать следы своих гулянок научился далеко не сразу.

– Сама видишь, я ревную тебя даже к ректору. – Нервный смешок вырвался помимо воли.

– Зачем ты пришёл? – после долгого молчания, наконец, спросила я, сжимая ладони в кулаки.

Может это поможет?

– Подозревал, что тебе нужна будет помощь. – Отбросив маску на стол и отстегнув от пояса стааш, он осторожно приблизился ко мне.

– Не подходи! – Отшатнулась я.

И как же хотелось отказаться! Сорваться, наговорить лишнего, заставить его уйти, но та часть моего сознания, которая уцелела после танца с Оллэйстаром, заставила заткнуться и дать боевику приблизиться ещё на два шага.

– Знаешь, – Рик остановился совсем близко, – ты потряса-

юще танцуешь! – Только угасшее пламя вспыхнуло снова. – Молчу. – Он преодолел последние полшага и посмотрел на мои руки. – Начнём?

Я даже забыла на время о давящей на грудь стихии и вгляделась в его глаза. Он действительно меня не боялся – во взгляде Шалинберга не были и капли страха!

– Что здесь происходит? – Требовательный голос от двери заставил вздрогнуть и спрятать руки за спину.

Рик беззвучно выругался. Мы обменялись взглядами, но никто из нас не рискнул нарушить молчание. И вряд ли это понравилось Оллэйстару, с чьим недовольным прищуром я столкнулась, подняв глаза.

– Я жду.

– Добрый вечер, ректор Оллэйстар, – обаятельно улыбнулся Рик, разворачиваясь и заводя назад руку со стаашем. Я спрятала ладони за спину, как только услышала голос ректора, пусть он знал о моих сложностях, но их решение – только моё дело. – Какой чудесный сегодня вечер!

Саркастично поднятая бровь ректора свидетельствовала об обратном, и боевик отступил. Не от испуга, чтобы прикрыть меня от раздражённого взгляда и, заодно, коснуться железом, но его манёвр не понравился Оллэйстару.

– Шалинберг, ещё одно движение и эту академию вы не закончите, – в голосе не было угрозы, но Рик застыл. – Так что вы здесь делаете?

– У нас свидание, ректор Оллэйстар, – поделился радо-

стью боевик.

– Неужели? – На месте Оллэйстара я бы тоже не поверила. Хотя бы потому, что после таких танцев не сбегают на свидания со студентами. Даже такими. – Потрудитесь придумать что-то более правдоподобное, льер Шалинберг. Свободны, – сообщил Оллэйстар Рик, но тот даже не двинулся с места. – Шалинберг?

– Я не могу бросить девушку, которую сам сюда привёл, – продолжил спектакль Рик и, казалось, с сожалением пожал плечами. – Воспитание не позволяет.

– О вашем воспитании, льер Шалинберг, я всё знаю и без этих спектаклей, – бесстрастно хмыкнул Оллэйстар. – А теперь идите, пока я не вспомнил ваши вчерашние подвиги.

– Спасибо, Рик, иди, – отозвалась я из-за его спины.

Что там за подвиги меня не интересовало, даже если это толпа студенток, выходящих из его спальни. Вот только Рик всё равно проигнорировал ректора и повернулся ко мне. Хуже того, он попытался найти в моём взгляде что-то, известное только ему.

– Аурелия...

– Всё в порядке.– Рик скривился, но всё же пристегнул стааш к поясу и ушёл. Резким отрывистым шагом и хлопнув напоследок дверью.

– А теперь, – с прищуром начал Оллэйстар, подходя ближе, – показывай, что тебя так напугало. И будь добра, в этот раз не ври мне прямо в лицо.

Мысли судорожно метались по сознанию, заставляя смотреть куда угодно, но не на него. Я обошлась бы полуправдой, если бы была уверена, что пламя пропало, но глаз на затылке у меня не было. Оставалось рискнуть или... рискнуть.

– Шаруар, – призналась я, смущённо опуская глаза и понимая, что вряд ли удастся соврать по-настоящему.

– Шаруар? – Оллэйстар остановился в шаге от меня.

Давай же, шаргхов дар, возвращайся в глубины моего тела!

– Меня напугал танец, ректор Оллэйстар. – Не лучшее признание, особенно, в пустой полутёмной аудитории. Поднять взгляд я даже не пыталась. – Я ни разу в жизни не танцевала шаруар.

– Шутишь?

Да если бы! И хотела бы, но воспоминания вот они, прямо перед глазами. Всё ещё слишком яркие и волнующие.

– Мы... вы... – Я с ним скоро косноязычие заработаю. Так и не придумав, что сказать, я возмутилась: – Вообще, вам должно быть известно, что в такие моменты девушку принято оставлять наедине со своими переживаниями! – А переживаний у меня и правда хватало, вот только я никак не ожидала, что он добавит к их числу ещё парочку.

– Я не знал, что это будет шаруар, – признался Оллэйстар, и от его взгляда я смутилась больше, чем от откровенного танца.

Он не спеша преодолел последний шаг и коснулся моих

обнажённых плеч, легко провёл ладонями вниз. И удержал меня за запястья.

– Что вы делаете? – мгновенно потеряла я голос.

– Что с тобой происходит? И причём тут Шалинберг? – Оллэйстар опустил взгляд на мои ладони и, последовав его примеру, я не удержала облегчённого выдоха – всё действительно было в порядке!

– Со мной ничего не происходит, – вот теперь честно, но Оллэйстару это почему-то не понравилось.

– Аурелия, – недовольно протянул он, не отпуская моих рук.

– Вы обманом представили меня императору! – перевела я тему. Избавившись от одной проблемы, самое время подумать о другой – Оллэйстар снова оказался слишком близко.

– Он мало чем от нас отличается, если забыть про титул, – отпустил меня Оллэйстар и присел на письменный стол. – Лем тебя смутил?

– Знакомство с Лорианом III само по себе событие! – слишком рано обрадовалась я, предпочитая обсуждать всё что угодно, но не происходящий со мной кошмар.

– Ты прекрасно держалась, – с улыбкой заметил он. – Так что там с твоими руками? – без перехода спросил Оллэйстар, и я чуть было не ответила, но вовремя остановилась.

Но мой возмущённый взгляд никак не повлиял на насмешку в его глазах.

– Это моё личное дело!

Хотелось топнуть ногой, развернуться и уйти, но проходы в этой аудитории не отличались просторами, а перешагивать через ноги ректора было как-то совсем по-детски. Поэтому мне приходилось стоять, смотреть и злиться.

– Объясни мне, почему ты становишься такой упёртой, стоит предложить тебе помощь? – И я бы ответила, но он продолжил, не дав мне вставить и слово: – Причём помощь бескорыстную, не связывающую тебя никакими обязательствами.

– Простите, но я в это не верю.– Иногда бывает полезно сказать правду, даже если она не понравится собеседнику. – Хорошего вечера, ректор Оллэйстар.

Более чем прозрачный намёк, но, он даже не подумал хоть сколько-нибудь подвинуться.

– Зимний бал ещё не окончен, – напомнил Оллэйстар.

– С меня хватит, – покачала я головой и потянулась к завязкам маски, но его рука накрыла мою ладонь, заставив вздрогнуть.

– В этом году фейерверк будет невероятным. – И тон голоса, и близость, и тепло его ладони будоражили кровь, заставляли её закипать прямо в венах, но на сегодня с меня достаточно безумств.

– Желаю вам получить удовольствие от этого зрелища. – Отступила я на шаг, присела в неглубоком поклоне и уверенной походкой прошла мимо.

Жаль только, что на одно мгновение я оказалась слишком

близко, и весь путь до комнаты меня преследовал горьковатый, кружащий голову, аромат.

Глава 27

Утро началось с по-зимнему яркого солнца.

Вчера меняхватило только на то, чтобы сбросить платье, умыться и завалиться в постель, а сегодня, при свете дня, брошенная на спинку стула ткань переливалась всеми цветами радуги, а по стенам скакали разноцветные блики. И каждый из них напоминал мне о слишком многом.

Первый шаруар в моей жизни я вряд ли когда-нибудь забуду, но зато могу вспоминать о нём как можно меньше. Поэтому я решительно свернула платье, беспощадно сминая дорогой шёлк, и засунула его в самый дальний угол шкафа. Драгоценности бросила в верхний ящик стола.

Пора собираться для поездки в город.

Пора-то пора, но как, если то и дело я замирала с тетрадью, карандашом или сумкой в руке?

А ведь осталось каких-то несколько месяцев и мне придётся покинуть это место, которое, несмотря ни на что, стало мне домом. Именно здесь я научилась стоять за себя, здесь ощутила свою силу. Академия дала мне возможность многому научиться и осознать, что в мире действительно есть люди, готовые помочь.

Осознать, но не принять и не привыкнуть.

«Объясни мне, почему ты становишься такой упёртой, стоит предложить тебе помощь?» – услышала я, словно на-

яву и резко оглянулась. Поблизости не было ни души, а в голове уже раздавался совсем другой голос.

– Я помогу тебе, Аурелия. – То, что Присли снова попытался стать любящим родственником, смутило даже тринадцатилетнюю меня. – Но и ты должна помочь мне в ответ.

– Чего вы хотите? – насуплено глядя на него, мрачно спросила я.

– Подпиши бумаги, и мы снова станем с тобой лучшими друзьями, – он щедро расточал улыбки, протягивая мне несколько листов.

С осторожностью загнанного в угол зверька я выхватила их из его рук и попыталась понять, как именно он пытается меня обмануть. В чём, а в этом сомнений не оставалось, жаль только, что свод законов империи попался мне в руки лишь спустя год.

– Что здесь написано? – нахмурилась я, запутавшись в правах и обязанностях.

– Я удочеряю тебя, и ты становишься моей полноправной наследницей. – И столько радости сквозило во всём его виде, что я ещё твёрже решила не соглашаться. – После подписания этих бумаг ты завтра же отправишься в дом родителей, – голосом искусителя продолжал Присли и моё сердце замерло.

Неужели я побываю в своём родном доме?

– Простите, но я не подпишу.

Тоскливо застонало сердце. Пусть я многого не знала, но

то, что принесёт радость Присли, по определению не может быть благом для меня.

– Что ж, – я видела, как яростно раздуваются его ноздри, – ты сама выбрала свою судьбу. Свободна! – он отмахнулся от меня, и я выскользнула за дверь с ощущением, что избежала большой беды.

И позже Грейс только подтвердила это, объяснив, что удочеряя меня, Присли открывает себе доступ к моему наследству и праву распоряжаться моей жизнью по своему усмотрению. Без ограничений и временных рамок.

И понятно, что Оллэйстар – не Присли, но когда это мне помогало...

Без четверти семь я уже стояла у главных ворот. Лучше встретиться с Арисой здесь, чем стоять одной за воротами академии, в темноте и под снегом. Привратник смотрел на меня не слишком дружелюбно, переработав за сегодняшний день. Каждый студент отмечался у него перед тем, как покинуть академию, и таких сегодня было очень много.

– Аурелия!

Я повернулась, ко мне шла Ариса, закутанная в тёплый зимний плащ, подбитый пушистым серебристым мехом.

– Привет, – я улыбнулась, глядя как она смотрит на распахнутые ворота.

– Идём? – вздохнула Ариса, и мы вместе прошли через них.

А перед академией уже стояла удобная крытая повозка,

запряжённая четвёркой лошадей. Отливающая золотом повозка. С гербом на дверце.

– Леди Кевинбург, рад снова вас видеть! Леди. – Возница учтиво поклонился нам обеим.

– И я рада, Ковер, – улыбнулась Ариса, и первая залезла внутрь, пока Ковер прикреплял её небольшой чемодан.

– Очень приятно, – ответила я и заняла место рядом с ней. – Кевинбург? – подняла бровь, глядя на неё с улыбкой.

В академии Ариса носила другую фамилию, без веского «бург», я точно знала. И она вполне могла промолчать, но вместо этого весело хмыкнула.

– Кевинбург – фамилия отца, – пояснила, как только мы тронулись, – но я хотела, чтобы в академию меня зачислили под фамилией матери – Хэвен.

– Но почему? – Ариса вздохнула.

– Потому что учиться под фамилией одного из имперских генералов так себе удовольствие. К счастью, мои родители это поняли и позволили сделать по-своему. Удивлена? – спросила она после недолгого молчания.

– В этом году я уже перестала удивляться, – честно призналась я в ответ.

И чем ближе мы подъезжали к Унашу, тем высокороднее казалась Ариса. Распрямились плечи, появилась идеальная осанка, и даже выражение лица изменилось, превращая её в леди с ироничным прищуром глаз.

Ещё несколько минут, и мы въехали в освещённую яр-

кими фонарями столицу нашей империи. Рабочие окраины, двух и трёхэтажные каменные дома, вычурные поместья – всё светилось, всё дышало приближающимся праздником.

– Куда тебя подвезти? – с улыбкой спросила Ариса, кажется, мыслями уже находясь дома.

– В Имперскую библиотеку, – вздохнула я.

– Шутишь?!

– Серьёзна, как никогда.

Почему бы не провести главный праздник года в тишине и спокойствии библиотеки? Особенно, если это вариант гораздо лучше встречи с родственниками или просиживания в своей спальне.

Ну, это для меня, а Арисе, едва не крутившей пальцем у виска, так не казалось.

– Аурелия, – она замялась, но, встряхнувшись, решительно продолжила: – Сегодня праздник! И вообще не время для книг и пыли. Я думала ты едешь к своим, а завтра пойдёшь за своим докладом, но... В общем, я приглашаю тебя к себе. Если ты согласишься встретить новый год с нами, мы будем очень рады! – искренне закончила Ариса, и, что самое удивительное, я ей верила.

Глупо, по-детски, с полным ощущением нереальности, но верила. Даже несмотря на то, что давно перестала считать начало года праздником.

– Спасибо! – Я пожалала её ладони, затянутые в перчатки под цвет плаща. – Мне, правда, очень приятно, но сегодня я

должна быть в библиотеке.

– Ты сумасшедшая! – покачала головой Ариса.

– Какая есть.

Она перегнулась через сидение и попросила Ковера остановиться у Имперской библиотеки Унаша.

– Знаешь, – когда повозка затормозила, она вышла вместе со мной, – ты очень необычная девушка, Аурелия Грасс.– Сочтя это комплиментом, я присела в шутовом поклоне и забрала свою сумку у Ковера. – И пусть ты совсем рехнулась, но и у тебя должен быть праздник в эту ночь! – Я с недоумением смотрела, как Ариса обходит повозку, берёт что-то и возвращается. – Мама искренне считает, что в академии нас не кормят, поэтому собирает мне в дорогу еды на всё папино войско. – Она протянула мне обманчиво небольшую корзинку. – Ведь отсутствие близких – не повод лишать себя праздника.

И я не смогла отказать, выразив благодарность крепким объятием

– Спасибо! – И почувствовала, как она стиснула меня в ответ. – Счастливого нового года.

– И тебе.

Глядя как отъезжает повозка, я ощутила, как увлажнились глаза. Поднявшийся ветер бросил мне в лицо пригоршню снега, и я обратилась лицом к красивому в своей строгости зданию.

– Вы что-то хотели? – обратил на меня внимание библио-

текарь, стоящий за стойкой.

– Аурелия Стефания Грасс, шестой курс, Документоведение, факультет Государственной магии, Академия контролируемой магии, – отчиталась я, и пожилой представительный маг важно кивнул.

– Что привело вас в Имперскую библиотеку, лиерра Грасс? – Его вопрос заставил меня тяжело вздохнуть.

– Мне нужна подборка Ктаранской столичной газеты за последние двадцать лет.

Библиотекарь это не должность, это призвание, и маги, работающие здесь, повидали очень многое, но мой запрос его удивил.

– «Новости Ктарана» выходят три раза в неделю, – не отрывая от меня внимательного взгляда, сообщил он.

Отличная новость! Я-то была уверена, что это ежедневная газета.

– Прекрасно, – честно призналась я, и глаза у мага заметно округлились. Он бросил быстрый взгляд вбок – до наступления нового года оставалось три с половиной часа.

– Как скажете, лиерра, – смиренно согласился библиотекарь, – но для того, чтобы подготовить нужные подшивки мне понадобится время.

– Конечно, я понимаю, – кивнула я и подняла с пола корзину, врученную мне Арисой. – Где мне можно разместиться?

– Пройдёмте за мной. – Он вышел из-за стойки и резво

направился куда-то вглубь зала. Я едва не упустила его из вида в поистине огромном помещении и вздохнула с облегчением, когда он остановился около красивой резной двери. – Мы редко используем это помещение, но учитывая, что сегодня вы – единственный наш посетитель, самое время это исправить. Надеюсь, что здесь вам будет удобно. – Он открыл дверь и пропустил меня вперёд.

Три больших письменных стола, стоящих на приличном расстоянии друг от друга, камин, несколько пустующих стеллажей, пара удобных кресел и небольшой кофейный столик между ними.

– Спасибо. – Я поставила свою ношу на ближайший стул. – Но почему оно редко используется? – Пока я скидывала плащ и осматривалась, библиотекарь разжёг камин, отчего здесь сразу стало намного уютнее.

– Это малый читальный зал, он для профессоров вашей и академии Гарригана Оттельберга, – пояснил он, и я сдержала смешок, вспомнив, что и в академии предпочитала преподавательскую секцию. – Но они практически никогда здесь не бывают, – библиотекарь обвёл рукой зал. – Располагайтесь, лиерра, я предоставлю вам первую часть подборки в течение четверти часа.

Повесив плащ на вешалку, я разместилась на противоположном от двери конце стола, достала карандаш и листы для записей. От камина шло приятное тепло, что было кстати. Зная, что мне придётся сегодня купаться в бумажной пыли, я

предпочла брюки и тонкую холодную блузку вместо привычной академической формы. Библиотекарь же вернулся даже раньше, чем обещал с тележкой, до верха заполненной толстыми папками.

И я вскочила, привыкнув приветствовать преподавателей в академии.

– Садитесь, лиерра, – отмахнулся он, – я даже не учёный, а вы устанете каждый раз подсказывать, учитывая, сколько томов вам нужно привезти.

– Извините, – улыбнулась я, – привычка.

– Работайте, лиерра Грасс, – повинуюсь движениям его рук, папки переместились на стол. – У подшивок строгая хронологическая последовательность, первая из них датирована 31 декабря 6748 года от Асса Деи.

– От Асса Деи? – ошеломлённо переспросила я.

– Конечно, – удивлённо подтвердил библиотекарь. – А вы не знали, что Ктаран всё ещё ведёт летоисчисление от войны между силами Света и Тьмы?

– Я была уверена, что все государства перешли на всеобщую систему летоисчисления, – покачала я, головой понимая, что помимо поисков мне придётся переводить их год в наш.

– Увы, но Ктаран отказался и теперь живёт в 6768 году, в то время как мы в 1729.

– Кошмар, – вздохнув, я притянула ближе первую папку.

– Удачи вам, лиерра, – отстранённо улыбнувшись на его

пожелание, я углубилась в чтение.

В одну папку сшивались газеты за полгода и, пролистав первые месяцы, я убедилась, что новости о преступлениях были либо в самом начале, либо в конце вестника. Библиотекарь приходил ещё несколько раз, но после второго я перестала его замечать.

Спустя полтора часа и пять папок я первый раз отвлеклась, достав из корзины бутылку, в которой оказался горячий какао. Несмотря на то, что не любила сладкое, я мысленно поблагодарила Арису за заботу —бумажная пыль, казалось, забившая нос и горло, не устояла перед несколькими глотками напитка. От неподвижного сидения затекло всё тело, так что я прошлась по залу, потянулась, и вернулась за работу.

Весомым плюсом моего, казалось бы, бесполезного чтения стало чёткое понимание того где находится Ороканская пустошь. И первое, что я сделала – нарисовала её примерное расположение. С одной стороны пустошь ограничивали Асиланские горы, являющиеся также и границей с Миерией. С противоположной была примерно такая же история с грядой Уеран. Ассарийское море находилось с третьей стороны и ороканцы, как называли жителей пустоши ктаранцы, не опасались набегов с тыла уже потому, что спокойное с виду море, именно у их берегов пребывало в состоянии вечно-го шторма. А высота волн могла сравниться лишь с высотой нашей академии. Или императорского дворца.

Ктаранцы считали что шторм – вина какого-то мудрёного

артефакта, но доказать эту теорию не удалось, посланные мореплаватели просто не вернулись. И единственный известный Ктарану путь в Ороканскую пустошь находился с северной стороны, но всё ущелье покрывал плотный туман и, как и моряки, смельчаки, сунувшиеся туда, не возвращались.

Интересная складывалась ситуация при том, что как-то ороканцы всё же попадали в пустошь, да и жители Ктарана уверяли, что за завесой из тумана скрывался целый город. Правда, доказать это никто не смог.

Перевернув лист рисунком вниз, я продолжила чтение, которое с седьмой папки стало гораздо интереснее.

Часто попадались преступления, совершённые одним и тем же способом – жертву ослепляли, лишали слуха, привязывали и оставляли на долгое время, будь то случайный прохожий или владелец лавки. В основном так крали вещи, но попадались и убийства. Однако, пролистав ещё несколько месяцев, я поняла, что случаи с убийствами – лишь пародия, чтобы запутать поиски виновных.

Ещё одна папка осталась позади, а на первой же странице следующей я увидела громкий заголовок: «Ороканцы оставляют метки!»

Оказалось, что в каждом преступлении, совершенном ороканцами, находили заметную пентаграмму либо над дверью дома, где была совершена кража, либо на одежде жертвы. Тем более, что сейчас пентаграммы не использовались, их заменили гораздо более удобными схемами заклинаний.

А ещё спустя несколько газетных выпусков выяснилось, что это не пентаграмма, а объединённый символ всех четырёх стихий.

Так ороканцы создали себе репутацию неуловимых, ведь ни одно помеченное преступление так и не раскрыли.

Я взглянула на часы – до полуночи оставалось полчаса. Отложив папку, я прошлась до одного из трёх больших окон и выглянула на улицу. Какой-то запоздавший прохожий торопился домой, спеша встретить праздник с близкими. Жители Оришана привыкли встречать канун нового года с семьёй, высыпая на улицы лишь после обмена подарками, превращая всю империю в шумный весёлый парад.

В отличие от той же Миерии, где праздник встречали все вместе на улице, но там и снега в глаза не видели, поэтому накрытые прямо посреди улиц столы не рисковали быть замечёнными.

– Только не говори, что и здесь у тебя назначено свидание.– Я вздрогнула, услышав первые звуки этого голоса.

Ему-то что понадобилось здесь в такое время?! Я специально выбрала последний день года, чтобы не осталось даже призрачной возможности столкнуться с ректором!

– Добрый вечер, ректор Оллэйстар.– Деваться некуда, и я развернулась к нему с вежливой улыбкой.

Ещё бы внутри всё оставалось таким же вежливым, а не устраивало бешеные скачки!

– Скорее ночь, – не менее вежливо уточнил он.

Спорить было глупо, правда, молча смотря на него, я вряд ли выглядела умной. Минута, другая...

– А вы не торопитесь домой, ректор Оллэйстар? – Верх наглости, но что я ещё могла сказать? Правду?

– А ты?

– Мне срочно понадобились некоторые сведения, а в академической библиотеке их не оказалось.

Я вернулась к своему месту и как бы невзначай закрыла папку, даже не надеясь на то, что Оллэйстар не заметил кричащий заголовок. Лишь на то, что он неправильно всё поймёт. Не знаю как именно, но неправильно.

– Хочешь убедить меня, что «Новости Ктарана» стали жизненно необходимы тебе именно за четверть часа до наступления нового года? – насмешливо поднял бровь он.

– Вы тоже не за праздничным столом.

К чему допрос? Я допускаю, что библиотекарь, увидев Оллэйстара, намекнул ему, что один из его студентов сейчас здесь. И вполне объяснимо, что, как ректор, он заинтересовался, кто предпочёл копание в книгах празднику, но, удовлетворив любопытство, можно бы уже оставить меня одну.

«В этом году фейерверк будет невероятным», – совершенно некстати вспомнила я, чувствуя, насколько чаще забилось сердце.

– Я возвращал книгу, – сообщил Оллэйстар и подошёл ближе. Вдохнул. – Давай опустим получасовые пререкания, – устало начал он, – где я предлагаю тебе составить мне

компанию в праздник, ты обижаешься на непристойное, по твоему мнению, приглашение, но я, в конце концов, тебя уговариваю, предоставив не меньше пятнадцати достойных аргументов в своё оправдание.

– Всего доброго, ректор Оллэйстар, – гордо, как он и предсказывал, отчеканила я.

Хватит и того, что я знала, как выглядит его спальня.

Гадая как бы мне продолжить работу так, чтобы он не увидел, что именно меня интересует, я собиралась вернуться за стол, но Оллэйстар удержал за руку.

– Ты же понимаешь, что делаешь глупость? Или действительно считаешь, что я воспользуюсь ситуацией?

– Не с вашей репутацией, но я всё равно не соглашусь. – Вежливо улыбнулась я, но надолго моей вежливости не хватило. Потому что Оллэйстар притянул меня к себе, и мы снова оказались в положении, которое я помнила по первой нашей встрече в лаборатории. – Что вы делаете?

Голос должен был звучать громко и надменно, но какое там, если в голове мелькали недавние особо впечатляющие моменты бала.

– Уверена? – с весёлой насмешкой уточнил Оллэйстар.

Рианы, это невозможно! Стоять вот так невозможно. Бояться пошевелиться невозможно. Задерживать дыхание, только чтобы успокоить сердце тоже невозможно.

И не смотреть в загадочно мерцающие глаза.

– Абсолютно, – ответила я едва слышно, мечтая о том,

чтобы он сделал уже хоть что-нибудь – или отпустил, или поцеловал.

– Как скажете, лиерра Грасс, – Оллэйстар аккуратно освободил мои руки и уверенной походкой вышел за дверь.

И ни разу при этом не оглянулся.

– Боги! – выдохнула я, оседая на подоконник, и прижимая руку к бешено колотящемуся сердцу. – Что это было?

Глава 28

Кажется, прошла целая вечность, прежде чем я начала соображать.

Можно ли считать меня идиоткой? Согласится разве что профессор Поберг и, пожалуй, Рик, если бы я рассказала ему о том, что происходит. Смешно, но именно он заметил то, что я пропустила – между нами с Оллэйстаром действительно что-то происходило! И это не мои фантазии, не плод ударенного влюблённостью сознания и не желаемое за действительное.

Случайностью мог стать шаруар. Случайностью оказалось неудачное покушение. Встречи в библиотеке тоже случайность, но не это.

Не его прикосновение и «в этом году фейерверк будет невероятным». Не приглашение. Не почти объятие.

До полуночи оставалось каких-то пять минут, но я не могла заставить себя вернуться к ктаранской газете, даже зная, что сейчас это мне действительно нужно.

Улицы опустели, и то тут, то там в окнах вспыхивали разноцветные огоньки. Я не смогла удержаться – улыбнулась, вспоминая, как меня саму в детстве развлекал Присли, пуская под потолок разноцветные искры, взрывающиеся фейерверками. Пусть без особой охоты, но тогда он ещё сохранял

видимость, что у нас всё хорошо. Это было в то время, когда я ещё по-настоящему ждала каждый праздник.

Прекрасные годы, но такие лживые!

– Не знаю, кем ты меня считаешь, если думаешь, что я действительно брошу тебя одну в главный праздник года.

– Вы обо всех своих подопечных так заботитесь? – съехидничала я, давая улыбку, и повернулась.

– Можешь не верить, – рядом с моими папками Оллэйстар поставил тёмную бутылку с золотой надписью и два бокала, – но из трёх сотен студентов в настолько паршивом положении сегодня ночью оказалась лишь ты.

– У меня всё в порядке. – Я смотрела как он сам, без магии, открывает бутылку и разливает сверкающий пузырьками напиток по бокалам.

– Это я уже слышал. – Оллэйстар подошёл и протянул мне бокал, а раз с подоконника я так и не встала, сверху мой вид и правда должен казаться несчастным. – Уверен, ты в восторге от библиотеки и «Новостей Ктарана», особенно, в канун нового года.

Оллэйстар отсалютовал мне бокалом как раз в то мгновение, когда колокол в императорском дворце начал отсчитывать последние секунды уходящего года.

Десять. Девять.

Волшебный звон всегда слышно в любом уголке империи. И даже в академии я отсчитывала его удары.

Восемь. Семь. Шесть.

Оллэйстар протягивает руку и, приняв её, я встаю.

Пять. Четыре.

Несмотря на откровенный шаруар мне кажется, что сейчас мы гораздо ближе. Настолько, что я замечаю знакомые искры в его глазах.

Три. Два.

– За доверие и откровенность в новом году! – предложил он тост и вместе с последним ударом послышался хрустальный звон наших бокалов. – До дна, – весело напомнил Оллэйстар.

Это казалось мне непосильной задачей ровно до того момента, пока я не ощутила освежающую сладость на языке и сама не заметила как выпила всё.

– Асса ирдэ торишан! – прозвучало принятое в империи древнее пожелание счастья, и я эхом откликнулась:

– Асса ирдэ торишан.

И вот он миг, которого я подсознательно ждала с Зимнего бала. Он склонился ко мне, и я закрыла глаза, но... оглушительный треск фейерверка заставил вздрогнуть. Выскользнув из его рук, я отвернулась к окну, скрывая разочарование.

– Императорский салют, – услышала я, чувствуя тёплое дыхание над ухом. Оллэйстар стоял за мной, но не касался даже полрой сюртука. – Виден даже на окраине империи. Символ лучшей жизни.

– А она становится лучше? – Я ощутила горечь в собственных словах и обернулась, чтобы увидеть ободряющую улыбку.

ку в ответ.

– Если мы в это верим.

Оллэйстар ушёл утром, даже не пытаясь предложить помощь в поисках и не спрашивая больше ни о чём. Иногда я чувствовала на себе пристальный взгляд, но стоило поднять глаза, как оказывалось, что он изучает книги или делает какие-то записи. Недопитая бутылка осталась стоять на столе, и при взгляде на неё мне становилось особенно тоскливо. Но думать об этом сейчас я не буду. И не знаю, буду ли когда-нибудь вообще.

Спустя ещё несколько папок мне снова повезло. Ктаранским следователям впервые за восемь лет удалось поймать ороканца, впрочем, их заслуги в этом не было. Стихийнику просто не посчастливилось – он напоролся на ловушку, установленную хозяевами как раз на случай кражи. Вот только единственное, что они смогли выпытать до того, как он упал замертво, было имя того, кто по его словам отомстит всему миру.

Горус.

Без титула и без фамилии.

Увы, это имя я уже знала. Стихийник или нет, Горус собрал под своим началом всех отщепенцев нашего мира, из которых едва ли не половина были бежавшими стихийниками. И, судя по всему, они неплохо устроились в Ороканской пустоши. Удивительно, если вспомнить о том, что местность та – выжженная проклятиями земля в самом трудно прохо-

димом участке гор.

Хватит ли мне этих знаний?

Допустим, до пустоши можно попробовать добраться по границе Миерии и Оришана. И, в самом удачном случае, выйти как раз к стыку Асиланских гор и гряды Идокай, осталось только придумать, как перед этим незаметно пересечь границы Оришана, Миерии и Ктарана. И не попасться ищейкам.

Предположим, что я справлюсь, но после придётся как-то пройти через туман. Что в нём? Дикие звери? Дурманящие заклинания? Вряд ли маги сразу умирали, оказавшись в нём, так что оставалось надеяться на удачу. И на то, что Горус примет ещё одного беглеца из империи Оришан.

Захлопнув папку, я потянулась. Оставалось ещё шесть, но просматривать их я не видела смысла, поэтому сложила папки и, забрав вещи, вышла из зала.

– Лиерра Грасс? – удивился вчерашний библиотекарь. – Вам нужно что-то ещё?

Сегодня в огромном зале за столами сидело уже несколько посетителей. Похвально, учитывая, что в академической библиотеке студенты появлялись исключительно перед сдачей экзаменов.

– Нет, вы мне и так очень помогли, спасибо, – искренне поблагодарила я. – Я закончила.

– Вы быстро, – снова удивился он, но, открыл журнал и сделал соответствующую пометку. – Был рад с вами позна-

комиться!

– Мне тоже было очень приятно! Всего доброго.

За ночь на одной из главных улиц Унаша не изменилось практически ничего. Разве что народу стало больше – мимо шли семьи с детьми, наряженными в яркие шубки, парочки, которые держались за руки и не смотрели по сторонам. Сегодня лавки открывались позже обычного и со всех сторон слышались зазывающие голоса, а из булочной напротив тянулся ванильный аромат свежей сдобы.

Я улыбнулась и с наслаждением вдохнула свежий морозный воздух. Подняла руку ладонью вверх и на перчатку упали первые снежинки, каждая своей неповторимой формы.

– Лиерра Грасс? – Я вздрогнула и подняла взгляд на мужчину в костюме возницы, который стоял прямо передо мной.

– Да, это я, – подтвердила, нахмурясь.

– Меня зовут Аррок, таер Оллэйстар распорядился отвезти вас в академию, – сообщил он и поклонился.

Распорядился сделать что?

– Вы ждёте меня с ночи?

Да не может быть, чтобы Оллэйстар взял и...

– Это моя работа, лиерра. – Поклонился возница ещё ниже, отошёл к экипажу, такому же роскошному, как у Арисы, разве что без герба, и открыл для меня дверь.

– Но я не собиралась сейчас ехать в академию, – растерялась я, глядя в отделанное бордовым бархатом нутро.

Оллэйстар приказал отвезти меня в академию? Понятно,

что академическая повозка будет лишь вечером, но это ни разу не повод оставлять мне возницу.

Но против воли в животе не то, что бабочки, шаргхи за-скакали, и я сжала руки в кулаки. Это оказалось... волнующе. В груди защемило, сердце разогналось до немыслимой скорости, а мне пришлось прикусить губу, чтобы не улыбнуться.

Значит, вот как выглядит то, что Эвилонберг недавно называл ухаживаниями?

От мысли о советнике настроение вмиг испортилось и, пожалуй, это лучшее, что он мог для меня сделать. Потому что я и Оллэйстар это, вообще, за гранью всего.

– Я в полном вашем распоряжении, лиерра. – Снова поклонился возница. – Главная моя задача доставить вас в академию, вне зависимости от времени.

На нас начали оборачиваться прохожие, и я вздохнула. Похоже, зайти в кофейню мне уже не грозило.

– Куда едем, лиерра Грасс? – открыв окошко на передней стенке, спросил Аррок, когда я села и поправила плащ.

– В академию, пожалуйста, господин Аррок, – со вздохом попросила я, и экипаж тронулся с места.

Я игнорировала это после бала, отказывалась думать этой ночью, но сейчас, оказавшись одна в тишине и покое, не могла отмахнуться от простой мысли.

Оллэйстар чувствовал ко мне то же странное притяжение, что и я к нему.

Спорить бесполезно – едва не случившийся поцелуй заставлял ёрзать по сидению даже сейчас. Щёки бросило в жар, и я приложила к ним руки в холодных после мороза перчатках. Подумать только! Оллэйстар! И я – студентка без титула и особых перспектив.

Хуже того – обещанная чуть ли не самому влиятельному магу в империи!

И глупо отрицать, что спасало нас только то, что Оллэйстар и скандалы были несовместимы, до этого мгновения точно. Ни одного плохого слова ни разу не сказали о нём ни в обществе, ни в газетах. Чудо, да и только, учитывая его близость к императору и двору, ту самую, что позволяла Оллэйстару называть императора «Лем».

Вспомнив его взгляд, я с силой сцепила руки перед собой. Хватит. Вот уж что, а влюблённость, особенно такая, не входила в мои планы. Осталось только как-нибудь договориться с собственным сердцем... как? Не знаю, но отказаться от работы над артефактом я не могу. Просто не позволю себе лишиться шанса на безопасную жизнь тех, кто ещё только откроет в себе стихийный дар.

Очнулась от своих мыслей я лишь тогда, когда экипаж затормозил у ворот академии. Дверь распахнулась, и господин Аррок подал мне руку, благодаря которой я вышла из кареты, словно монаршая особа.

– Спасибо.

– Всегда рад услужить, лиерра Грасс, – он поклонился и,

быстро вскочив на козлы, мгновенно исчез из вида.

Я шла по пустынным коридорам академии, гадая, остался ли здесь хоть кто-то.

В общежитие мне встретилась одна-единственная студентка, курса со второго, с каким-то потерянным видом бредущая по коридору. Мне сразу вспомнилась собственная речь от первого нового года в абсолютном одиночестве. Я только поступила в академию, и рядом не было даже Грейс, а вместо булочек с корицей и тёплого молока с травами меня ждали купленные в Унаше конфеты и противный сладкий чай.

Воспоминание, словно из другой уже жизни. Той, где на моём столе не лежал красный вестник, а на кровати не стояли огромная корзина аерий и объёмная коробка, перевязанная золотой лентой.

Увы, эти подарки всучить соседкам не получится.

Корзина, по цене сравнимая с половиной поместья Присли, отправилась на пол к двери, другого незаметного места не придумалось, а вот коробка... коробку я бы вообще не открывала, но я должна послать Эвилонбергу благодарность. А для этого должна знать, что он мне подарил.

Пожалуй, даже подарки Корсы я не открывала с таким страхом, хотя вряд ли советник желает известить невесту до свадьбы, раз уж вообще на неё решился. Никогда не считала себя трусихой, но пальцы, развязывающие бант, дрожали. Крышку вовсе снимать не хотелось, но пора было брать себя

в руки. Эвилонберг никуда не денется и с этим придётся как-то мириться.

Внутри не оказалось ничего страшного. Больше того, любая моя соседка убила бы за невероятно дорогое, хоть и строгое платье. Глубокого бордового цвета, с длинными рукавами и расклешённой юбкой, оно переливалось в свете магического светильника. И этот блеск ни удешевлял явно сшитое на заказ изделие.

Жаль только, что внутри вместо радости – обречённость невинного, осуждённого на смерть.

И тем сильнее стал контраст после воспоминаний о том, что со мной было после заботы Оллэйстара.

Рианы, прошу, дайте мне ума не поддаться, не сломаться и не подставить нас обоих!

Вздохнув, я вернула платье в коробку, убрала её в шкаф и подошла к столу. Пальцы снова дрогнули, когда я коснулась вестника Оллэйстара, но, увы, совсем по другой причине. И всё только ухудшилось после того, как я прочитала послание.

Восемь вечера. Кабинет ректора.

То, что не пойду, я поняла сразу же, как дочитала одну скромную строчку. Не смогу. Да просто не рискну после ночи в библиотеке остаться с ним один на один в полумраке кабинета. Того, где он – хозяин, а, значит, может... Я тряхнула головой. Оллэйстар может? В это не верилось даже сейчас, зато в то, что по неопытности я сама загоню себя в ловушку – очень даже.

И поэтому все наши встречи должны ограничиться рабочей атмосферой лаборатории...

Вот только вопрос о том, чем мне это аукнется, всплыл за пять минут до назначенного времени. Беспольный, кстати, вопрос, потому что даже так идти я не собиралась. И чтобы не искушать лишний раз собственную решимость, залезла на подоконник с ногами, кутаясь в новый подаренный Грейс тёплый плед.

И, наверное, задремала, рассматривая заснеженные верхушки деревьев, потому что испуганно подскочила, услышав хлопок двери. В моей комнате стоял Ориан Оллэйстар собственной персоной и, подняв бровь, меня рассматривал.

– Ректор Оллэйстар.

Шаргово невезение! Ну почему нельзя было просто проигнорировать моё отсутствие!

Я нервно оправила сбившуюся юбку и встала, опуская глаза.

– Я мог бы предположить, что помешало тебе явиться, – начал он, – но пусть это остаётся на твоей совести.

И кто бы объяснил, почему мне стало так стыдно! Словно я обвинила его... в посягательстве на свою честь. Ещё полчаса назад это казалось очень даже логичным, а нежелание идти к нему – естественным, но вот он стоит передо мной, и мне хочется провалиться сквозь землю, только чтобы не видеть понимающую насмешку в его глазах.

– Подойди.

Вина давила на меня даже больше шаргхова стихийного дара и сопротивляться оказалось выше моих сил.

– Я...

– Сними кулон. – На приказ это не тянуло, но я всё равно тревожно вскинулась. – Аурелия.

– Зачем вам?.. – Логичный вопрос рассыпался о его выжидательный взгляд и, прикусив губу, я расстегнула застёжку.

Вытянул из-за ворота и забрал украшения Оллэйстар уже сам. Сам же перевернул камень, достал из ниоткуда другой, той же формы, но белоснежный в тёмных разводах. Последующая за этим вспышка ослепила на мгновения, а когда я проморгалась, стало поздно – прохладные пальцы уже застегнули на мне цепь, на прощание ласково коснувшись моей шеи.

– Что вы сделали? – Осипшим от страха голосом спросила я, ощупывая место, где должен был быть кулон, но его не было!

– Решил одну из твоих проблем, – скрестив руки на груди, насмешливо сообщил Оллэйстар.

Глава 29

Истеричка? Вполне может быть, но паника удушливой волной поднялась к горлу. Я метнулась в ванную, но в зеркале не увидела ничего – в том числе и мамино кулона, при том, что чувствовала – он на месте.

Я встретилась глазами с Оллэйстаром, который встал за моей спиной, боясь даже шелохнуться.

– Это белый берилл, – спокойно пояснил он и коснулся шеи, чуть выше моей собственной руки. В зеркале отразился мамин рубин, но какой-то словно осветлённый. – Я прикрепил его с обратной стороны, чтобы камень касался кожи.

Пальцы дрогнули, когда я коснулась видимого пока рубина. Сжав его в ладони, я перевернула кулон и на обратной стороне, влитый в оправу, действительно был ещё один камень – почти прозрачный, с белым, в голубых разводах, оттенком.

– Белый берилл используется в наконечниках боевых жезлов. Угадаешь для чего? – Он убрал руку, и в то же мгновение мамин кулон исчез с моей шеи.

– Стааш, – выдохнула я. – Рик говорил, что они впитывают силу стихийников при касании...

– Похоже, оценки льерра Шалинберга оправданы, – насмешливо улыбнулся Оллэйстар уголком губ. – Можно было повесить берилл на цепь – сплав платины с добавлени-

ем железной руды, усиливающий защитные свойства камня, но у тебя уже есть один кулон, не было смысла их множить.

– То есть теперь я... – даже произносить это оказалось страшно, и я повернулась, глядя прямо в его глаза.

– Пока берилл будет касаться кожи, тебе не грозят стихийные срывы, – просто закончил Оллэйстар, а я не знала что сказать.

Поблагодарить? Если я правильно понимала происходящее, то простого спасибо недостаточно за сохранение моей и так непростой жизни. Оллэйстар сделал невероятное! Он избавил меня от заключения в Гвинборе. Спас от заточения в Академии неконтролируемой магии. Уберёг от побега в Ороканскую пустошь.

И всё это не требуя ничего взамен?

Кажется, только что вдребезги разбилась моя картина мира.

– Спасибо! – выдохнула еле слышно и очень осторожно положила ладони на обтянутую сюртуком грудь. По щекам скатились две одинокие слезинки.

– Стоило сказать сразу, – Он вытер их тыльной стороной ладони. – И не пришлось бы праздновать начало нового года в пыльной библиотеке.

– Я не жалею, – едва улыбнувшись, я развернулась к зеркалу и, отбросив волосы за спину, приблизилась.

Попытка разглядеть кулон ничего не дала. Я чувствовала тяжесть на шее, рука натыкалась на цепочку и я даже сжи-

мала камень в ладони, но ни снять, ни увидеть его не могла.

– Я тоже. – Он положил ладони мне на плечи и, смотря на него через зеркало, я не могла не спросить:

– Как я могу... вас отблагодарить? – И Оллэйстар ожидаемо скривился.

– Я говорил, что мне не нужна твоя благодарность. Если в моих силах помочь своим студентам, то я сделаю это для любого.

– Любого? – переспросила эхом.

– Любого, кто осознаёт всю опасность стихийного дара, – со вздохом отозвался Оллэйстар. – В некоторых вопросах император перегибает палку, а в отношении стихийных магов этих перегибов стало слишком много. И слухи, выдуманные впечатлительными горожанами, только усугубляют ситуацию.

– Разве учёба в Академии стихийников не отнимает десять лет жизни?

– Разве это большая цена за спокойствие и благополучие близких? – ответил Оллэйстар вопросом, на который невозможно дать неправильный ответ. – Ты боишься меня? – Слишком резко перевёл он тему, и я не смогла соврать, глядя ему в глаза даже через зеркало.

– Нет, не боюсь. – Недолгая борьба взглядов закончилась моим поражением – я опустила глаза.

– Отдыхай, Аурелия. – Оллэйстар вышел и, не зная зачем, я бросилась следом.

– Спасибо! – чувствуя, как горят щёки, выпалила я, стоило ему обернуться. – Вы не представляете, что для меня сделали.

– Не стоит, – усмехнулся он, стоя в проёме двери, за которой просматривался его кабинет. – Я сделал это для себя.

С каждым днём академия всё больше наполнялась гомонном студентов. Радостных, весёлых, с красными от мороза щеками. А я никак не могла перестать думать. Об осканте, о берилле и о ректоре, пользуясь тем, что одно без другого не существовало.

И назло всему забыла о советнике, после того, как отправила ему вестник с благодарностью. Хотя, не совсем ему, в канцелярию. Больше того, я проигнорировала его ответ, не собираясь вступать в переписку хотя бы сейчас. Хватало и того, что скоро у меня попросту не останется выбора.

А пока никак не получалось отделаться от простой мысли. Если берилл так эффективен, почему бы не раздать его стихийникам? Дорого? Может быть, но не дороже спокойной жизни. Или это настолько редкий минерал? Спросить бы, но не у кого. Хотя ничего не мешало мне обратиться к самому достоверному источнику...

И набраться впечатлений на полгода вперёд. Снова.

Впрочем, спокойно доотдыхать каникулы мне всё равно не дали. Очередной красный вестник и очередное приглашение. Слишком многозначительное после нашей последней встречи, но думать об этом я не стану. Моё дело – заклин-

нения – зарисовать их и, при необходимости, помочь снять. Если, конечно, меня к этому допустят.

Лестница, учебный корпус и снова лестница. Интересно, лаборатория 101 та же, что и была или просто табличку перевесили?

Та же.

Открыв дверь, в первое мгновение я застыла на пороге, не веря глазам – столы, стулья, стеллажи, всё оказалось на своих прежних местах. Эта мебель ничем не отличалась от старой, и я не удержалась – коснулась стола, горелки и одного из стульев. Такие же реальные, как и я.

– Лабораторию восстановили через два дня после взрыва. – Я вздрогнула и обернулась.

– То есть эта мебель – та, которую уничтожил взрыв?

– Бытовым магам польстили бы твои слова. – Оллэйстар подошёл ближе, вместе со мной рассматривая рисунок деревянной столешницы. – Но даже они не в силах сделать из деревянной стружки стол. Всё проще – закупленная академией мебель одинаковая, так что запасов хватит ещё на пару десятков взрывов.

– Не хотелось бы повторять, – я передёрнула плечами.

– Мне тоже. – Оллэйстар за плечи повернул меня лицом к себе. – Поэтому, будь так добра, не отходи от меня так далеко, как в прошлый раз.

– Хорошо.

Вообще, я собиралась смирно сидеть за столом и перери-

совывать заклинания, без хождений по лаборатории. Разве что отойду от него на два шага, только чтобы снова начать дышать.

Не став комментировать мой побег, Оллэйстар достал из шкафа шкатулку и поставил на середину, переместив горелку на другой стол.

– А поглотитель?

– Как оказалось его наличие бывает опаснее отсутствия, – хмыкнул он. – И если один я бы рискнул, то в твоей компании точно нет.

– Целились не в меня, – я подняла взгляд, храбрясь от того, что между нами оказался стол.

– Я знаю, – не впечатлился Оллэйстар.

– И знаете кто? – Наглость никогда не доводила меня до хорошего, впрочем, до откровенно плохого тоже.

– Догадываюсь, – в его голосе значительно добавилось насмешки: – Хочешь поучаствовать в интригах против императора?

– Хочу получить диплом и должность, максимально удалённую от императорского двора. – Какие теперь между нами секреты...

– Значит, получишь.

– Что? – Резко вспомнилось его «Лем» и насмешка в адрес императора. – Я не... – ...это имела в виду? Не спрашивалась? Ни на что не намекала?

Закончить фразу так и не удалось, но Оллэйстару этого

и не требовалось.

– Я лучше буду работать. – Покачала я головой, раздражаясь сама на себя.

Лист и карандаш, вот всё, что мне нужно. Ну и оно – моё уникальное магическое зрение. Вот только я снова видела только один, верхний, слой сплетённых заклинаний и меньше всего хотела, чтобы Оллэйстар приближался. Если тогда я действительно его опасалась, то сейчас... не буду об этом думать.

Не. Бу. Ду.

Схема, состоящая из узлов, которые состояли из углов, которые состояли из линий, легко ложилась на бумагу. И не мешала думать. Простейший слой из трёх имеющихся – синие линии охранок сплетаются с защитными зелёными. Первые носили сигнальный характер, но кого они оповещали? Владельца Кристиана Велинберга? Или артефактора, который помог создать шкатулку? В любом случае оба они уже умерли, даже если жили лет по триста, что долго даже для магов.

Гораздо хуже, если суть первого слоя в другом – пробудить какую-нибудь особо опасную зверюшку, которая, подчиняясь воле хозяев, будет стремиться к шкатулке. Пусть в академию она не попадёт, но за её стенами наверняка порезвится вовсю.

– Это всё? – Я дёрнулась и, подскочив, ударила бы Оллэйстара затылком, если бы он не удержал меня за плечи. – Ты уже несколько минут изучаешь на стену.

– Да, это первый слой. – Чувствуя, как успокаивается испуганное сердце, я вырвала лист и отдала ему. – Переплетение защитных и охранных заклинаний, но если с первыми всё примерно понятно, то охранки могут быть как неактивными, так и пробуждающими кого-нибудь, кто мечтает о рагу из посягнувших на шкатулку.

– Даже если и так, – Оллэйстар задумчиво рассматривал схему, – то зверю не хватит сил пробраться в самое сердце империи. Не после векового сна.

– Или он найдёт, чем эти силы восполнить, – не поднимая взгляда, я крутила в пальцах карандаш.

– Хорошо, – после недолгого молчания отозвался Оллэйстар, – я предупрежу ищеек, а теперь пей.

– Что это? – Я отпрянула от бокала, который он поставил передо мной.

– Не самогон и даже не молоко, – держа в руках лист, Оллэйстар отошёл к письменному столу, а я приняухалась.

От напитка пахло травами и чаем, только цвет был непривычно красный, жаль, что с некоторых пор у меня на него аллергия. Выдохнув, я всё же сделала глоток и улыбнулась. Действительно чай, с ягодами, какими-то травами и, главное, не сладкий. Будь рядом Ариса, она сказала бы что это.

– Снова укрепляющий отвар? – спросила я, грея руки о стенки бокала. Не от холода, для уюта.

– Что-то вроде, – задумчиво отозвался Оллэйстар, делая пометки в моём рисунке.

Хорошо, что у меня есть копия.

И ещё половина чая, прикрываясь которым я могу изучать увлекшегося ректора. Или не могу, потому что он поднял взгляд, улыбнулся, глядя на меня, а спустя несколько мгновений уже склонился над моим плечом.

– Смотри. – Я и смотрела – на чай. – Сюда, Аурелия. – Оллэйстар ткнул карандашом в нужное схождение линий. – Что это?

– Охранное заклинание. – Я наклонила голову, уходя от его близости.

– А если нет?

Нет?

Отставив бокал, я склонилась над рисунком. Даже моё натренированное зрение не справлялось, не видя привычных узлов. Это не схемы, а шаргховы лабиринты какие-то!

Так, ещё раз.

Конкретно это заклинание состояло из двух узлов. Первый – активный, то есть сигнал, который уходил к неизвестному нам магу. Второй – свойство, или то, в каком именно виде поступал сигнал. Вариантов много: ментальный сигнал, мгновенный вестник, ухудшение здоровья, да даже просто очень громкий звук, как в академической библиотеке! Только для достаточно простого заклинания здесь сходилась слишком много линий и, если приглядеться, помимо синих находились и зелёные.

На шкатулке это место нашлось не сразу и только после

того, как я попросила Оллэйстара повернуть её правым боком. Узел никуда не делся, но кроме него я отчётливо видела ещё по несколько синих и зелёных линий.

Если это то, о чём я думала, то достаточно потянуть за одну из них и вся схема обрушится, открыв нам следующий слой.

– Это схождение.

– Единственный уязвимый узел во всей схеме! – потрясённо выдохнула я. Что за увлечения у Оллэйстара, если он сходу увидел то, чего не заметила я? – Вы же покажете мне, как будете разрушать схему?

– Не хватило прошлого раза? – хмыкнул Оллэйстар и вернулся к письменному столу вместе с листком.

– Таер Галор смог вылечить меня один раз, значит, сможет и второй, – под его откровенно ироничным взглядом я пришла в себя. – Мне просто любопытно. Когда ещё я увижу как разрушается схождение!

– Я уже понял, что в твоём случае главная проблема это любопытство. Помнится, в прошлый раз тебя напугало пробуждение в моём доме.

– Заставило растеряться, – уточнила я и вздохнула. – Ещё есть время до отбоя, я попробую зарисовать второй слой.

И зарисовала, только вместо часа убила на это два, всматриваясь в красно-жёлтое полотно до рези в глазах. И стену я больше не рассматривала – после того, как закончила рисунок, вгляделась в изображённые узлы, пытаюсь найти тот,

который развалит и эту схему.

– Кажется, этот? – предположила я, поднимая взгляд на стоящего рядом Оллэйстара.

– Возможно, – равнодушно пожал плечами он. – Уже поздно, тебе пора.

Действительно пора, часы показывали начало первого.

Забросив в сумку листы и карандаши, я забрала её и послушно подошла к двери лаборатории. И снова по другую сторону оказался его кабинет. Удобный способ перемещения. Интересно, действует только в пределах академии? Или доступен везде, но только Оллэйстару?

В полном молчании мы вышли в его кабинет, и он вновь распахнул дверь-артефакт.

– Почему вы не сделаете берилл доступным для всех стихийников? – Я остановилась, так и не дойдя до порога, за которым виднелась моя спальня. – Ведь это решило бы одну из главных проблем империи.

– Потому что это не выход – Он придержал дверь. – Это временная мера, которая принесёт нам ещё большие сложностей.

– Но ведь он действует? – Я положила ладонь на грудь, туда, где под платьем чувствовался мамин кулон.

– Действует, – ужасно долгую минуту он изучал мою руку, – но потому, что его сделал я.

Наши взгляды встретились – уверенный его и растерянный мой.

– Вы хотите сказать, что...

– Когда мне что-то нужно, я этого добиваюсь, – всё так же задумчиво произнёс Оллэйстар и отвёл мою ладонь, легко погладив пальцы. – Тебе нужно отдохнуть. Иди.

Он отошёл, и мне не оставалось ничего другого, кроме как последовать умному совету.

Глава 30

Утро для меня наступило около обеда, потому что легко сказать себе: «Спи!», гораздо сложнее это выполнить. Да и кто бы смог, если все наши встречи заканчивались непонятно как! Хотя, одна точно прошла как надо – в тот день, когда он говорил вступительную речь перед моим первым учебным годом.

Так что мне оставалось ворочаться с боку на бок почти до самого утра, чувствуя нетерпеливый зуд то там, то тут.

Может, клопы?

Хуже – Оллэйстар.

В общежитие стало гораздо оживлённее, чем ещё день назад – слышались громкие раскаты смеха, девчачье щебетание, а хорошее настроение прямо-таки витало в воздухе. Моё портилось тем, что нужно было вернуть Рика книги – «Проклятие Даруана» я выучила наизусть, а из «Стихийной магии» выписала то, что посчитала интересным.

Из разговоров я поняла, что Рика уже видели в академии, а, значит, стоило захватить книги, когда пойду на обед. Или на ужин. Да и в целом моя затея обедать у Николаса исчерпала себя. Жаль только, что Рик не оправдал надежд, так и не появившись, а идти искать в общежитие?.. Моя ответственность не настолько ответственна! Если книги понадобятся – Рик сам меня найдёт, если нет – верну в конце года.

Собираясь выложить из сумки ценные издания по возвращении в комнату, в последний день каникул я возвращалась с ужина, меньше всего ожидая, что стану главной героиней безобразной сцены.

– Ах ты дрянь! – Корса накинулась на меня с воплем прямо в коридоре. В слишком людном коридоре.

– Выбирай выражения! – Видя, что я не собираюсь бежать или хотя бы оправдываться она остановилась, не долетев до меня каких-то пару шагов.

Самое то, чтобы показать себя во всей красе. А посмотреть было на что... новая причёска Корсы откровенно её портила. Волосы, раскрашенные в разные оттенки розового, вообще вряд ли кого украсят, но именно её они делали похожей на визгливого поросёнка. Тем более что визга в общую картину она добавляла предостаточно.

– И это ты говоришь мне?! – взвилась она, а коридор всё уменьшался – слишком много оказалось желающих посмотреть на скандал. – Что ты сделала с моим волосами?! – Корса потрясла передо мной одной из особенно ярких прядей.

С интересом взглядевшись, я поняла одну простую вещь – заклинание накладывали не на Корсу. Кто-то подбросил ей самодельный артефакт, и наверняка мелкий, раз она до сих пор его не нашла. А Корса не нашла, иначе не накидывалась бы на меня с обвинениями, а сразу пошла к Ол-лэйстару – за создание незаконных артефактов наказывали так же, как и за заклинания – отчислением и допросом ище-

ек. На первый раз исключительно в целях знакомства.

Взгляд невольно вернулся на шевелюру истерящей леди Вамбург. После прошлого благородного блонда стоящие практически дыбом волосы разных оттенков розового вызывали лишь смех. Руки бы оборвать той, кто сделал настолько корявый артефакт! С другой стороны, она достойно развлекла студенток, заскучавших после чинных семейных вечеров.

– Ты мне за это заплатишь! – Мой смешок вызвал новый виток ярости. – Я дойду до ректора, и ты получишь свой последний выговор!

Беда Корсы в том, что я не делала того, в чём она меня обвиняла. А ещё я хорошо представляла лицо Оллэйстара в тот момент, когда он узнает суть её претензий.

– Это вряд ли, – насмешливо покачала я головой и собиралась пройти к комнате, но Корса схватила меня за запястье.

С хваткой Присли ей не сравниться, но сам факт вызвал волну ярости. Не помню, когда меня кто-то настолько искренне бесил.

– Уверена, барон Присли будет счастлив твоему приезду!

Поинтересовалась моей внеучебной жизнью? Идиотка. Казалось бы, шесть лет совместной учёбы давали обо мне представление, но Корса больше не делала выводов – она просто ждала случая, любого, чтобы на меня накинуться. И если это ревность отключает ей последние зачатки мозгов, то мне уже страшно.

– Слушай, ты... плод любви розы с одуванчиком, убери

свои наточенные коготки и отойди на два шага. Иначе я организую тебе вывих руки без всякого применения магии, а это лечить хоть и быстро, но больно. Очень. – Выдернув руку у возмущённой Корсы, я смерила её оценивающим взглядом. – Я не стала бы размениваться на такую мелочь. Лучше подумай, кому могло настолько не понравиться твоё жаркое уединение с Шалинбергом на Зимнем балу.

Если кто-то из подруг Корсы считал, что Рик ей не пара это не моё дело. Если он же использовал давнюю знакомую в своих целях – мне это тоже неинтересно. Сплетни, ссоры, драки и горячие примирения. Сколько их было и сколько ещё будет? Шести лет учёбы не хватит, если во всём этом разбираться.

Впрочем, кто-то готов рискнуть, потому что вокруг нарастали шепотки, а Корса так и стояла напротив, глядя на меня широко раскрытыми глазами. Рика на балу узнали многие, не столько из-за повадок, сколько из-за того, что он не собирался скрываться, направо и налево разбрасываясь собственным именем, а вот в партнёрши по горячему поцелую логично напророчили меня. Не зря же по академии столько недель гуляли слухи о наших с ним отношениях.

Не обращая внимания на горящие глаза местных сплетниц, я шагнула к Корсе. Уж она-то точно знала, с кем развлекалась!

– Моя месть аукалась бы тебе гораздо дольше.

Пусть это угроза, пусть не стоило бросаться такими сло-

вами в коридоре, но достала. Мы не подруги и никогда ими не были. Мы не соперницы, и вряд ли ими станем. Мы даже не враги, ведь моя ярость утихла, оставив презрение к той, которая не гнушалась ничем, чтобы достичь своих целей.

А вокруг никому не было до нас дела – студентки пересказывали друг другу Зимний бал, обрастающий новыми, всё более невероятными, подробностями.

– Ты! – яростно прошипела Корса, сжав кулаки, но я смирила её равнодушным взглядом.

– Не вмешивай меня в свои дела, – пройдя мимо, я зашла в комнату и аккуратно прикрыла за собой дверь.

Надо же! Оказалось, что не только мы с Оллэйстаром стали свидетелями зажигательного выступления с Риком и Корсой в главных ролях. Интересно, боевик надеялся на мою ревность или банально спускал пар? В любом случае для Корсы этот поцелуй оказался полезным – она могла снова рассказывать о своей намечающейся помолвке с Шалинбергом. И ей поверят не только её подружки, завтра вся академия будет гудеть горячими во всех смыслах новостями.

А мне снова всё равно.

Потому что пальцы, в который уже раз за эти дни коснулись невидимого кулона, и я ничего не могла с собой сделать. Хотя нет, кое-что всё-таки могла.

Легко открылся верхний ящик стола, и бесшумно упала прямо мне в руки скрытая панель, стоило только чуть раздвинуть его стенки. Самый простой тайник всегда самый на-

дѣжный, тем более что спрятанные листы ни единой буквой не нарушали ни одно правило академии. Просто после кражи кулона так мне было легче.

А сейчас станет ещё спокойнее.

Чувствуя, как внутренности скручиваются в тугий узел, я со свечой в одной руке и с исписанными листами в другой остановилась напротив зеркала в ванной. Колющее пламя искажало привычные черты, добавляя глазам темноты, а лицу резкости. Сейчас я меньше всего походила на ту девушку, что веселилась на балу.

Первым сгорел лист с именем «Горус» и знаком отщепенцев из Ороканской пустоши. Второй предательски дрогнул в руке, но я заставила себя поджечь уголок и разжать пальцы. И спокойно смотреть, как обугливался, превращаясь в золу, мой путь до пустоши.

Хотелось верить, что я не совершила сейчас очень большую глупость. Непоправимую, решив довериться Оллэйстару и его бериллу. Но даже моей мрачной фантазии не хватало, чтобы представить, как он забирает подаренный кулон и отдаёт меня ищейкам. Не после танца, библиотеки и «когда мне что-то нужно, я этого добиваюсь».

На третьем, и последнем, листе расположился рисунок самой Ороканской пустоши. Каждую гряду и каждую гору в ней я вырисовывала с точностью и старанием, которые магам земли и не снились. Больше того, поверх схематичного изображения тумана я попыталась представить заклинание,

которым Горус накрыл свою территорию, или хотя бы то, которое могло бы помочь пройти через туман.

Не получилось ни одно, но это не значило, что мне не удалось бы и дальше. И вот теперь я сжигала труд целой ночи. Очень нервной библиотечной ночи. Наполненной работой, тревогой и обречённостью, но, в то же время, волнением, предвкушением и... радостью?

Карта пустоши обуглилась, постепенно поглощаясь чернотой. Леса, горы и равнина. Последняя горела дольше всего, борясь за жизнь так же, как неизвестный Горус, но я не жалела. Будь что будет.

Закончив, я вернулась за стол, бездумным взглядом скользя по его поверхности. Дымок от потухшей свечи давно растворился в опустившемся на комнату полумраке, а мне никак не уходило спать. Первый учебный день моего последнего здесь полугодия начнётся с магического права и это не самый лучший знак.

Отвлечься? Лист с загнутым углом быстро нашёлся в общей стопке, и передо мной снова легло неизвестное заклинание. Несмотря на почти полугодовой перерыв, я быстро втянулась, привычно разложив вокруг пустые листы бумаги. Долго, сложно и муторно, но заклинание всё же поддавалось, распадаясь на составные части.

Но в тот момент, когда на каждом из листков, наконец, оказалось по одному узлу, дрогнул и погас свет магического светильника, заставляя меня вздрогнуть и оглянуться. Как-

то разом вспомнились и недавнее покушение, пусть даже на Оллэйстара, и «Ты должен разобраться с девчонкой».

Перехватило дыхание, заledenели ладони.

В дальнем углу спальни показался тёмный силуэт.

– Кто здесь? – Вместо твёрдого голоса сиплый шёпот. – Я вас вижу!

Но тень и не думала уходить, лишь очертания стали менее чёткими и почти исчезло мерцание. Едва держась на ногах от ужаса, я встала и сделала медленный шаг навстречу. Ничего не произошло. Трясущимися руками я сплела заклинание-сеть и набросила его на угол.

– Свет!

В углу никого не было. Только ученическая мантия валялась на полу бесформенной, подпаленной сетью, кучей.

Бессильно осев на кровать, я закрыла лицо руками.

***

– Почему ты не сказал, что девчонка видит? – Возникшая в кабинете тень приняла знакомые очертания, и в полосу света вступил уже высокий поджарый мужчина.

Сидящий за столом Ориан без интереса взглянул на друга.

– Стихийница, незаконно занимающаяся заклинаниями, которая может меня увидеть. Ты рехнулся держать её в академии? – Холодный, яростный голос резал уютную атмосферу на тонкие лоскуты. – Хватило бы и чего-то одного, чтобы отдать её Охотнику.

– Кофе будешь? – Ориан отодвинул на край стола бумаги на отчисление. – Или что-нибудь покрепче?

– Это не смешно, Ориан! – Мужчина опёрся руками о стол, угрожаяще над ним нависнув. Тусклого света магического светильника хватило, чтобы различить блеснувший на пальце перстень и серьгу с тёмным камнем в ухе.

– Согласен. То, что император боится какую-то слишком одарённую студентку действительно не смешно. Это грустно, Лем.

– Я её не боюсь. – Тот опустился в кресло для посетитель. – Вот только ты уверен, что девчонка не окажется засланной?

– Ты бредишь.

– Я тоже так думал. – Лориан скрестил руки на груди и откинулся на спинку кресла. – Пока не узнал, что именно её ты привлёк к работе над оскантом. Её же делом интересовался в Имперском банке. И, как это ни странно, оживить потребовал ту же «слишком одарённую студентку», – он недовольно скривился.

– Ты всерьёз считаешь, что Оттельберг построил настолько далеко идущий план? – усмехнулся Ориан.

– Я считаю, что ты уделяешь лиерре Грасс чересчур много внимания, – отозвался император, и тьма в его руке приняла форму бокала. – И искренне жалею, что не могу тебе это запретить.

– Ты требовал разобраться. Я разбираюсь.

– Я требовал отдать её Охотнику или ищейкам.

– Лем, ты перестал мне доверять? – Мрачный взгляд императора упёрся в Ориана, но тот не отвёл глаз.

– Одно, самое малейшее, подозрение и я не посмотрю на нашу дружбу.

– На этот раз ты ошибаешься, Аурелия не имеет никакого отношения ни к тебе, ни к возне вокруг осканта.

– Я тебя предупредил.

Император смял бокал, обернувшийся тёмной дымкой, и поднялся.

– Оттельберг невиновен, Охотник подтвердил.

– Я говорил тебе, Лем, ищи среди своих. Самых близких. Тех, кому ты доверяешь, – покачал головой Ориан.

– Я верю лишь мёртвым. Они не лгут.

Сделав шаг, император стал туманным силуэтом, растворившись в падающей от книжного шкафа тени.

***

Магическое право прошло неуютно. Мрачным голосом и взглядом профессор Поберг предрекал каждой из нас не сдачу предмета, а настоящее испытание, вроде тех, от которых боевики лечатся потом в лазарете.

Побергу удалось нас напугать, поэтому на обед мы шли мрачной толпой, забыв о собственных ссорах. После стычки в коридоре у Корсы заметно поубавилось спеси и самолюбования, а розовый так до конца и не смылся со светлых волос. Видимо из-за этого вместо того, чтобы весело щебе-

тать в центре, она мрачно обсуждала что-то с Ирмой в самом конце.

Поддавшись всеобщему настрою, пытаюсь представить, как буду сдавать магическое право, я села за общий стол между Ирмой и Арминой. Впервые за всё время учёбы. Вскакивать и бежать? Глупости! Не обращая внимания на изумлённые взгляды, я начала есть, и не прошло и нескольких минут, как мои одноклассницы занялись своим обедом.

Растерянность, невнимательность, расчёт на удачу – откуда во мне появилось всё то, что я искореняла годами?

– Ты видела?! Вот это шок!.. – возбуждённым шёпотом обратилась Ирма к Корсе.

Её ответ я не слышала, но по шелесту бумаги поняла, что речь идёт о «Вестнике Оришана».

И я бы не обратила на это внимания, но напротив Илана ахала над той же газетой. Интереснее всего стало, когда я оглядела зал, замечая то же необъяснимое возбуждение за другими столами. Там, где то и дело мелькал чёрный грифон – главный элемент герба империи.

– Что происходит?

– Ты ещё не читала Вестник? – Не поверила Илана и через стол передала мне последний выпуск.

– Нет ещё, не до этого было, – она понимающе улыбнулась и вернулась к тихому спору с соседкой.

Налоги, суды, новости с границы, свадьба Оллэйстара...

стоп. Что? Пальцы дрогнули, когда я переворачивала первую страницу, чтобы на второй почувствовать как одеревенели все мышцы.

– Видела?! – с широко открытыми глазами воскликнула Илана. – Никогда бы не поверила, если бы не «источник из императорского дворца».

– Какая ты наивная, – лениво откликнулась Армина, – нет у них никакого источника.

– Кто их знает, – покачала головой Илана. – Когда второй раз женился князь Даренбург, все тоже считали, что это сплетня. Вот только его жена носит уже второго ребёнка...

– Тогда почему мы узнали об этом из газеты? Такое не утаишь, давно бы поползли слухи.

– Да бросьте! – со вздохом отозвалась Ирма. – Откуда и что мы бы узнали? Вы, вообще, много знаете о ректоре, кроме имени?

– А ты что думаешь, Аурелия? – вопрос Иланы вырвал меня из собственных мыслей. Неприятных и пугающих не хуже вчерашней тени.

– Мне всё равно. – На улыбку меня ещё хватило, а на небрежное пожатие плеч уже нет. – Это не наше дело и вряд ли оно как-то скажется на академии.

Ничего другого от меня не ждали, и они снова погрузились в бессмысленные гадания. А я сидела, отказывалась верить, и от этого ещё больше убеждалась в том, что всё правда. Потому что сидящие в углу столовой профессора Блек-

хендберг, Армаберг и ещё несколько недовольно качали головами, глядя на раскрытый между ними Вестник. А одна из них даже промокала платком глаза, не отвечая на сочувственное пожатие ладони.

Грейс как-то подсунула мне роман о великой любви, из него я помню только полторы страницы страданий с рыданиями, боли в груди и обморок. Ничего подобного, хотя, меня, в отличие от героини, никто и не предавал. Всё правильно, всё так, как и должно быть.

А транс пройдёт, тем более что он не мешал мне говорить, улыбаться и отвечать на вопросы. Даже до комнаты дойти не помешал, а значит, нечего и переживать. Жаль только, что сложно учить магическое право, когда на тетрадь то и дело падают тёплые солёные капли.

– Лиерра Грасс, – профессор Поберг нашёл меня взглядом, – в кабинет ректора.

– Я? – Отвлечься от конспекта несложно, гораздо сложнее успокоить сердце, разом подскочившее к горлу.

– Если вы знаете ещё одну лиерру Грасс, я уточню этот вопрос у ректора, – ехидно отозвался профессор, сжигая красный вестник.

– Извините, – буркнув, я сбросила тетрадь и карандаши в сумку.

Со вчерашнего дня настроение не улучшилось. Опустошение, неуместные слёзы, шаргхова боль, которая всё же появилась к ночи – мне удалось избавиться от всего. Да даже

прогнать ощущение предательства, но новость оказалась настолько волнующей, что на утро обсуждения не прекратились. Наоборот, обросли новыми подробностями, а каждый газетный выпуск был открыт на этой шаргховой странице.

Той самой, где Оллэйстар обнимал утончённую блондинистую леди вроде Корсы, только старше, богаче и вышекорднее. А ещё она оказалась образованным врачом, талантливым магом и просто хорошей партией. Неудивительно, что текст статьи не столько намекал, сколько оповещал о факте свершившейся в праздники помолвки.

Интересно, до библиотеки или после?

В моей жизни происходило шаргх знает что, без надежды на конец.

Казалось бы, никакого отношения ко мне ни газета, ни статья не имели, только это не помогало. Как и то, что в начале лета на титульном листе появится мой такой портрет, и заголовок будет гораздо более кричащим. Как же, сиротка и дядя императора... такого здесь ещё не случалось.

Кажется, недавно я говорила, что в любой момент выкину эту влюблённость из головы? Вот самое время.

– Добрый день, ректор Оллэйстар.

Зря я всё-таки избавилась от пути в Ороканскую пустошь. Не потому, что он мог забрать берилл, а потому, что именно сейчас, глядя на него, я понимала, что пора бежать. Ведь мне до дрожи в пальцах хотелось иметь право бросить ему в лицо упрёки и обвинения. Хотелось услышать правду. Хотелось,

чтобы он... да много чего хотелось.

Просто потому, что я себя переоценила.

Не важно. Всё, что мне сейчас нужно – сохранить лицо и продержаться несколько дней. Их хватит, чтобы взять себя в руки и закончить эту шаргхову академию.

– Добрый, садись. – Оллэйстар улыбался. Неудивительно, что у него превосходное настроение, жаль только, что мне известна его причина. – Вчера я снял первый слой со шка-тулки, и есть вероятность, что сегодня удастся сделать это снова.

Удалось убрать заклинания и без меня? В одиночестве? Практически вслепую вытягивая нужную нить?

Жить надоело?!

– Появилась причина для спешки?

Или это акт благородства, в этом случае убийственного? Готова поспорить, Оллэйстара не страховал даже тот маг, что выдернул меня с грани.

– С чего ты взяла? – Я не смутилась под внимательным взглядом Оллэйстара, который поднялся из-за стола.

– После того, как мы нашли сходение, не прошло и недели, а вы уже убрали первый слой. И собираетесь повторить это снова... – Ну что за героизм?! Вдвойне глупый, ведь я могла точно указать место в переплетении заклинаний! – Разрешите мне участвовать!

– Нет. – Опёршись о стол, Оллэйстар скрестил на груди руки.

– Я. Могу. Помочь. – Я опустила взгляд на узорный ковёр, держа себя в руках. – Охранки первого слоя, скорее всего, были неактивны, защитные могли частично разрушиться после того, как вы вытащили из крышки гагат, но атакующие...

Он же должен это понимать! Что за потребность рисковать жизнью перед собственной свадьбой?!

– Ты за меня беспокоишься или это выходка вроде той с шантажом? – неподдельно заинтересовался он, опираясь ладонями о столешницу.

Вдох. Выдох.

– Ректор Оллэйстар, при всём вашем опыте вы не можете быть уверены, чем обернутся атакующие заклинания под иллюзией.

– А ты, при всем своём опыте, сможешь? – насмешливо уточнил он.

– Я... – Вот честно хотела промолчать, но как, если Оллэйстар смеялся даже не надо мной, над реальной опасностью! – Да как вы не понимаете! – Я вскочила, взмахнув руками. – Если что-то пойдёт не так, я увижу, и вы сможете вовремя что-то сделать, как тогда с поглотителем! Но, если меня не будет, вы упустите момент и... только рианы знают, чем всё закончится!

– Аурелия.

– Если с вами что-то случится, кто ещё достанет оскант? Что ещё спасёт тысячи магов от сумасшествия, а империю от хаоса?

– Лиерра...

– А у меня нет ваших сил! И друзей-императоров, способных вытащить из-за грани тоже нет!

– Успокойся! – То, что я нервно расхаживала перед ним туда-сюда, осозналось только когда Оллэйстар остановил меня, прижимая локти к телу. – Как давно ты догадалась?

– О чём? – Переход с темы сбил меня с мысли. – Про то, кто меня лечил? Я... – Взгляд встретился с взглядом и у меня начались сложности с дыханием. – Я кое-что видела.

– И слышала, – с тихим смешком подытожил Оллэйстар. – К каким выводам пришла?

– Ни к каким. – Я смотрела поверх его плеча, боясь отвлечься и вернуть взгляд. – Я ничего не видела, ничего не слышала и даже не пробовала умереть. Могу подтвердить это хоть перед судьёй, хоть перед самим императором. Всё что угодно, только, пожалуйста, возьмите меня с собой. Не риск... – я оборвала сама себя. – Мне не хотелось бы получать диплом без подписи ректора. Меня так на работу не возьмут.

– Оелуон подпишет, а работой обеспечит советник.

Вот очень вовремя он сейчас напомнил...

Главное, не смотреть. Не чувствовать, как его ладонь отпускает локоть, чтобы лечь на талию. Не думать о том, что я стою уже не рядом, а между его ног.

– Ректор Оллэйстар, – осипшим голосом попыталась я навести порядок, – у меня занятие и...

– Я разрешу тебе присутствовать.

Забыв про все запреты, я взглянула ему в глаза, чтобы поблагодарить и... пропала.

Губы коснулись губ в лёгком поцелуе и, вместо того, чтобы оттолкнуть, я схватилась за ткань сюртука, боясь, что упаду.

– Прости, не сдержался, – без каких-либо сожалений заметил он, едва ощутимым касанием ладони огладив спину.

Мурашки толпой поползли от места, где находилась его рука по всему телу. И надо бы отцепиться, отойти и, сделать вид, что ничего не было, но вся моя стойкость испарилась от одного его прикосновения.

– Я... – Я могла сказать много правильных слов, но чего они стоят, если мне никак не удавалось отвести взгляд. – Не прощу, Ориан.

Его зрачки расширились на мгновение, а увидеть больше мне не удалось. Шалея от собственной смелости, от того, что решилась назвать его по имени, я закрыла глаза и потянулась к его губам, исполняя своё самое заветное желание последних недель.

– Лея, – со стоном прошептал он и заставил забыть о том, что кроме нас двоих существует что-то ещё.

И то, с какой нежностью и страстью откликнулся мужчина, чьим рукам я доверилась как никогда до этого, только подтвердило правильность происходящего.

Глава 31

Кружится ли от поцелуев голова?

Ещё как, но для меня всё оказалось несколько сложнее. Мы целовались так, словно нас разлучили ещё в прошлой жизни и всё это время мы искали друг друга, чтобы соединить разорванную надвое душу. В эти мгновения я не смогла бы ответить кто мы, где находимся и сколько времени прошло с того момента, как мы сошли с ума. Внутри разливалось тепло, хотелось большего, и чтобы он не останавливался.

И уже всё равно, что платье полурасстёгнуто, а шпильки пали в неравной борьбе с его руками.

– Лея, – прерывистый шёпот, которым он повторял моё имя, сводил с ума не меньше поцелуев. – Остановись. – приклонившись лбом к моему лбу, Ориан удержал мои руки.

Вообще, здравая мысль, учитывая, что я сидела на его столе, и в силу опыта и возраста она выпала на его долю. Самое время, чтобы понять – с нравственностью у меня большие проблемы – никакого стыда, никакого раскаяния, никакого смущения от откровенной позы я не ощущала.

– Лея, – выдохнул Ориан, а мне всё больше нравилось, как он сократил моё имя, – что, вообще, сейчас произошло?

– Я думала, ты мне скажешь. – Порыв схлынул, и я не спеша занялась пуговицами на платье.

– Ты не боишься? – Странный вопрос, и очень своевременный.

– Единственное, чего я действительно боюсь – не получить диплом. – То, что я всё ещё чувствовала прикосновение его губ и рук, определённо мешало вникнуть в смысл разговора. – Ещё слухов, но это второстепенно.

– Насчёт этого можешь не беспокоиться, – хмыкнул Ориан, и я поверила, увидев брошенные им на дверь заклинания. Он же щёлкнул пальцами, и одежда на нас стала идеальной. – Так я буду меньше отвлекаться, – пояснил он в ответ на мой взгляд.

И в этом был смысл, учитывая, что до этого я сама на него отвлекалась. Не то чтобы стыдилась, но не держать под контролем свои чувства, учась в Академии контролируемой магии как-то неловко. Жаль, что это чувство быстро сменилось другим. Тем, которое вылезло на первый план, стоило только начать думать.

– Что не так, Лея? – Ориан приподнял моё лицо за подбородок. – Ты боишься мне отказать?

– Бред! – недовольно фыркнула я быстрее, чем успела осознать суть вопроса.

– Тогда что?

Признаваться не хотелось до такой степени, что я молчала, пока не вспомнила, что от занятий меня никто не освобождал.

– «Вестник Оришана», – тяжёло вздохнув, я отказывалась

встречаться с ним взглядом.

– И что там? – с тёплой насмешкой спросил Ориан, протягивая мне шпильки.

– Спасибо.

Пригладить волосы рукой не получилось, и, запустив в них пальцы, я растрясла копну волос. Банально оттягивала момент собственного признания. Тем более что с каждым мгновением настроение портилось осознанием, что этот мужчина занят. Как бы мы не сходили с ума вместе.

– Лея.

– Хорошо, – раздражённо откликнулась я, бросив заплетать волосы. – Всю вторую страницу Вестника занимает изображение счастливой леди Зольберг в твоих объятиях. И новость о вашей помолвке.

Вскинутая бровь, ироничные зелёные глаза и пожар на моих щеках.

– Ты серьёзно?

– Более чем. – Я снова попыталась привести себя в порядок.

– Лея, – Ориан перехватил мои ладони, останавливая, и поймал взгляд. – Только не говори, что ты меня приревновала.

– Ещё как, – со вздохом призналась я в очевидном, радуясь, что это хотя бы звучит шуткой.

Сбросив его руку, я в третий раз собрала волосы, благодаря лень за обычный пучок, который делала каждый день.

Оставалось надеяться, что никто не станет приглядываться к аккуратности моей причёски.

– Ладно я, вчера всё женское общежитие рыдало навзрыд над несчастной газетой. Кстати, в компании приличной части преподавательского состава.

– Издеваешься? – Я, наконец, закончила и вернула всё внимание Ориану.

– Нисколько. – Хотелось бы сказать о равнодушии, когда он стоит так близко, но куда там... – Можешь проверить, я сказала чистую правду.

– То есть я зря надеялся? – Склонив голову набок, Ориан с улыбкой изучал меня, и это забавляло даже в нашей ситуации.

Той, где он занят, я занята и жизнь в целом не так, чтобы радовала.

– Надеялся? Ты шутишь?

– По-твоему я набрасываюсь на каждую студентку? – Он обнял меня без намёка на что-то большее.

– Откуда я знаю, если впервые в этом кабинете я оказалась три недели назад?

Кстати, благодаря Корсе. У рианов очень специфическое чувство юмора...

– Лея, – насмешливо покачав головой, Ориан заправил мне за ухо выбившийся волосок, – временами я пережимаю в вопросах дисциплины, а ты первая, кому я помог нарушить правила вместо того, чтобы за это наказать.

– Ещё скажи, что всё из-за моих красивых глаз. – Я кокетливо захлопала ресницами. Лучше так, перевести все в шутку, чем углубляться в проблемы, которые мы создали друг другу этими поцелуями.

– Не скажу, но глаза у тебя и правда, очень красивые.

Самое время съехидничать или сделать равнодушный вид и уйти, но себе не поверила бы даже я. Глядя на него, мне не удавалось произнести ни слова. Права была Грейс, когда обещала что рано или поздно найдётся тот, кто одним своим присутствием сведёт на нет моё желание язвить. А я ещё смеялась ей в лицо...

Неспешный тягуче-сладкий поцелуй снова выбил меня из себя, но собрать мысли в кучу всё-таки удалось.

– Я не могу, – прошептала, протестуяще уперев руку ему в грудь, – то есть могу, конечно, и даже хочу, но, Ориан, я уже пропустила половину магического права!

– И? – То есть это его вообще не заботило?

– Что я так долго могу делать в кабинете ректора, скажи, пожалуйста? – В общем-то, чтобы понять что именно он может ответить, не нужны даже слова.

– Хорошо, иди. – Ориан обошёл стол и устроился в своём кресле. Я развернулась следом, и подол платья задрался сильнее, открывая край чулка. – Если ты действительно хочешь успеть на занятия, будь осторожней, – насмешливо хмыкнул он, выразительно глядя на мои ноги.

– Уже ухожу, – пожалала я плечами, забрала сумку и пошла

на выход, считая про себя шаги.

– Вечером жду в лаборатории, – на пятом сообщил он. Не поворачиваясь, я неопределённо повела плечами и вышла за дверь.

Выйти-то вышла, но, стоило завернуть за угол, и я опёрлась спиной о стену, боясь упасть. Ноги не держали, и пришлось несколько раз медленно вдохнуть, чтобы успокоить колотящееся сердце. Кое-как придя в себя, я побрела в сторону нужной аудитории.

Рик плохо целуется? Враньё! Но с тем, что произошло только что ему не тягаться. Потому что всё моё хвалёное самообладание осталось в кабинете Ориана, от одного воспоминания о котором меня мгновенно бросало в жар. Как я смогу работать с ним в одном помещении? И, главное, чем грозит взаимный интерес нам обоим?

В аудиторию я зашла вместе со звонком.

– Лиерра Грасс, – недовольно обратился ко мне профессор Поберг, – не забудьте взять задание у одногруппниц!

– Конечно, профессор, – холодно улыбнувшись, я развернулась и вышла в коридор.

Снова снегопад и стол у окна. Слишком похоже на то, с чего всё началось, но насколько же отличается! Потому что обед так и остался нетронутым, а взгляд не отрывался от окна, цепляясь за новые и новые сверкающие снежинки.

Причина в поцелуе Ориана? Или в восторженном тёплом чувстве, тлеющем где-то в районе солнечного сплетения?

Не так и важно, ведь умом я понимала, что главные вопросы так и остались нерешёнными – леди Зольберг и советник. И понять бы, как примирить глупое сердце, заходящееся, стоило только вспомнить об Ориане, и холодный разум, пока ещё способный задвинуть все переживания в дальний угол.

– Все садились на диету до Зимнего бала, а ты решила после? – Не вникнув в суть вопроса, я перевела на Рика отсутствующий взгляд. – Аурелия, с тобой всё в порядке? – Его ладонь легла поверх моей, и я пришла в себя.

– Зачем ты это делаешь? – Я выдернула пальцы и вскинула раздражённый взгляд.

– Делаю что? – подняв бровь, уточнил он и приветственно махнул кому-то за моей спиной.

– Выбрось меня из головы, – попросила я, глядя прямо ему в глаза. – Я не отвечу тебе взаимностью, Рик.

– Из-за рек... него?

У нас явный прогресс – две недели назад на Зимнем балу вопрос с этим же смыслом он задавал, рыча от ярости. Сегодня лишь злобно сверкнул глазами.

– Ты опять? – Хотелось побиться головой о стол. – Ну как долбить тебе, что всё бессмысленно?

– Поехали на выходные в Изервуд?

Бесполезно. Да и ладно! Я честно пыталась, но, раз до Рика не доходит, пусть терпит. Надеюсь, когда-нибудь ему надоест.

Я постаралась забыть о его присутствии и снова перевела

взгляд за окно.

– Что с твоим даром?

– Я решила эту проблему, – не услышав ответа, я повернулась к Рику.

Его потрясение выглядело настолько искренним, что я развеселилась.

– Каким образом?!

– Рик, ты зачем подошёл? – покачав головой, я сцепила руки на столе.

– Я хочу тебе помочь, чтобы ты обо мне ни думала.

– Ты уже помог. – Перерыв заканчивался, и я поднялась. – Спасибо за книги, я могу вернуть их в...

– Обойдусь! – резко поднявшись, он быстрым шагом вышел из столовой.

На этике вместо конспектирования лекции я переключилась на рисование в тетради бессмысленных узоров. Меня разрывало на части, и даже хвалёное хладнокровие не выдерживало. Такими темпами я не столько помогу, сколько помешаю Ориану со схождением, и неизвестно к чему это приведёт.

Поэтому я пошла искать Арису и после бесполезных поисков и вопроса к коменданту обнаружила, что она и не жила в нашем общежитие. Неудивительно, учитывая кто её отец, но раньше об этом я как-то не задумывалась.

Зато понятно, почему она оказалась в платном общежитие, когда я столкнулась с Делабергами. Вот только мень-

ше всего мне хотелось туда идти, поэтому я наудачу начала с библиотеки.

Запустив руку в распущенные волосы цвета созревшей пшеницы, она сидела за тем же столом, что и в прошлый раз, и мрачно сверлила раскрытый справочник.

– Привет! – Я села напротив и с интересом взглянула на страницу с изображениями всевозможных листьев. – Всё ищешь замену акрогусу?

– Ты не представляешь, сколько книг я уже перерыла! – Ариса раздражённо захлопнула справочник и заработала недовольство господина Рипа. – Десятки! Но хоть бы в одном нашлось что-то подходящее!

– Может, замены просто не существует? – осторожно спросила я.

– Я не успокоюсь, пока не найду нужное растение. – Она тряхнула волосами и перевела взгляд на меня. – Ты меня искала?

– Это так заметно? – с улыбкой спросила я.

– Ты в библиотеке, – хмыкнула Ариса, – без книг и слушаешь мои жалобы. Звание главной ледышки академии за такое не дают.

– Резонно, – согласилась я и призналась: – Я действительно по делу. У тебя есть успокоительное? – Под её долгим изучающим взглядом стало неуютно даже мне. – Что?

– Пытаюсь представить размер проблемы, которая вывела тебя из себя.

– Если бы она была одна, – вздохнула я. – Ну, так что с зельем?

– Это добро у меня не переводится, – фыркнула Ариса и потянулась за сумкой. – Тебе как, травяного настоя хватит или надо средство посильнее?

– Давай посильнее.

– Держи. – Она мгновенно достала искомое и протянула мне маленький флакон синего цвета. – «Сон демона», не вызывает привыкания и не сделает тебя овощем в течение дня. Принимай по две капли максимум трижды в день, растворяя их в любом напитке.

– Спасибо. – Я покрутила флакон в ладонях, рассматривая его со всех сторон. – Ты не представляешь, как меня выручила! Сколько?

– Вообще, пять шинков, – улыбнулась она, и добавила, когда я потянулась к карману: – Но если ты их сейчас достанешь, я очень обижусь.

– Насколько очень? – тихо рассмеялась я, выпрямляясь.

– Убийственно.

– От одного из лучших врачей академии это звучит страшно, – весело фыркнула в ответ.

– А я о чём. Только имей в виду, что от превышения дозы будет очень плохо, потом очень хорошо, и в итоге можно успокоиться навечно.

– Миленькое средство, – хмыкнула я.

– Как и всё, что призвано успокаивать, – развела Ариса

руками. – Это всё, что ты хотела? Не то чтобы я тебя выгоняла, просто меня ждут шаргховы справочники, учебники и альбомы. – На месте бедных изданий я бы начала бояться уже одного её тона.

– Ухожу.– Убрав флакон в сумку, я вышла из библиотеки.

Библиотека находилась в левом крыле главного корпуса. К ней вёл длинный коридор без окон, и осветить все его углы не могли даже магические светильники, но такую темноту мне не приходилось видеть ни разу.

Ещё один шаг и под ногой раздался характерный скрежет раздробленного камня. Отступив, привыкшим к темноте зрением, я заметила на полу белеющие осколки, ещё недавно бывшие светильниками. И вот вопрос, что нужно сделать, чтобы расколоть зачарованный минерал? Очень крепкий, чтобы выдержать не только заряженный стихией огонь, но и любопытных студентов.

Дрожь прошла по оголённым до локтя рукам. Или это сквозняк? Медленно шагнув назад, я прижалась спиной к каменной стене. Это служило хоть какой-то гарантией не получить удар в спину. А в том, что без этого не обойдётся, я уверилась в тот момент, когда осознала, что свет вдалеке – это освещение центральной лестницы корпуса.

До которой не горел ни один светильник.

С тихим шорохом я опустила сумку на пол и повернула накопитель. Очередная идиотская выходка Корсы? Логика склонялась именно к этому, но интуиция кричала, что не всё

так просто. Хуже того, из-за близости библиотеки в этом коридоре не был ни одного заклинания на стенах, что делало меня практически слепой.

Шорох слева и, нервно дёрнувшись, я бросаю туда уже готовую сеть. Зря. Заклинание растворилось, коснувшись пола, а мне оставалось только ругать себя за потраченные напрасно силы.

Дыхание участилось, внутри скрутился тугой узел из страха и тревоги, а напряжённые руки подрагивали. Я не боевой маг! Меня не учили открытому бою, поэтому чаще всего я атакую первой.

Но сейчас передо мной не было противника.

С силой сжав челюсти, я приготовила следующее плетение. Жаль, что пришлось стряхнуть его, когда из темноты в мою сторону прочертила огненный след самая натуральная молния. Выругавшись, я кинулась влево. Правое плечо и щёку обожгло болью.

Мешала длинная юбка и боль от удара о стену, но больше всего – осознание, что меня спасёт только чудо.

Ещё одна молния. И ещё.

Этот коридор что, тоже не отслеживается академией?!

Очередной скачок и дыхание больше не восстанавливается. Да где же этот шаргхов убийца?! В моём арсенале нет ни одного заклинания, чтобы ему помешать! Наказать обнаглевших боевичек – да, отомстить однокласснику – легко, да даже дать отпор Присли, но не биться один на один с боевым

магом, который только начал развлекаться!

Думай, Аурелия, думай! Иначе думать станет нечем.

Озарение пришло, когда его не ждали – в тот момент, когда я рухнула на ладони и колени, мысленно проклиная шаргхову темноту. Лёгкое, почти детское плетение и потолок расцветает всеми цветами радуги, весело мерцая. Ещё одно, и те самые новогодние огоньки поднимаются к потолку, намертво увязая в разноцветном клее. Прекрасные заклинания для студенческих розыгрышей оказываются полезными даже сейчас.

Только я никак не ожидала, что фигура в чёрном окажется стоящей прямо передо мной.

Не став ничего изобретать, я ударила волной чистой силы, почти полностью опустошив резерв. Жаль, что мага это не особо впечатлило и вместо того, чтобы отлететь, он лишь отступил на пару шагов.

– Умная девочка, – хмыкнул искажённым голосом кто-то, у кого открытыми оставались одни глаза. – Только слабая.

Ему надоело играть? Похоже на то. Потому что я видела, как в ладонях формируется что-то тёмно-красное и в этот раз по-настоящему убийственное. Отступая, я упёрлась спиной в стену, вблизи оказавшуюся дверью библиотеки. А заклинание всё расширялось, пока не достигло размера моей головы.

– Скажешь что-нибудь на прощание?

– Давай лучше я, – раздался голос нового участника шар-

гхова абсурда.

Мой убийца не стал тратить время на разговоры, развернувшись и бросив предназначенное мне заклинание в Рика. Тот увернулся, мудрёно взмахнул стаашем, и, пока маг отмахивался от роя каких-то мух, Рик перекатился и оказался рядом со мной.

– Новый поклонник? – хмыкнул он и отбил очередную атаку очнувшегося мага. – Ему ты тоже отказала?

– Отвлеки его! – кое-что вспомнив, рыкнула я в ответ.

Пока Рик одновременно держал щит, и отбивался от, ставших неубедительными, атак убийцы, я сплела то самое заклинание, которым обезвредила трёх отвязных боевичек.

– Что-то не так, – отозвался Рик, напряжённо всматриваясь в мага. – Он собирается уйти! – крикнул он, и одновременно с этим с моих рук сорвалось готовое заклинание.

Боевики хоть и мнят себя всесильными, но почти всегда забывают, что вред может принести не только прямой удар. Моё заклинание не атаковало, оно лишь портило продукты в желудке до такой степени, что единственным желанием противника становились поиски уборной. Надеюсь, этот шаргхов маг сегодня ел!

– Достаточно! – Этот голос я узнала бы и при смерти.

– Ректор, – не обрадовался Рик, опуская руки.

И тянувшееся до этого время разогналось до жуткой скорости.

Разом вспыхнул, ослепляя, яркий свет. С противополож-

ного конца коридора уверенным шагом приближался Ориан, рядом с которым бодро вышагивал проректор Оелуон. Рик заслониł меня спиной. А сумасшедший маг растворился, словно его и не было.

– Не смей двигаться! – тут же рыкнул Оелуон.

То, что появлялось в ладонях его и Ориана, не могла различить даже я – слишком пёстрым и ярким с моего места казалось плетение. Да и Рик мешал, едва не вжимая меня в дверь библиотеки.

Два заклинания одновременно сорвались с рук, расширяясь и захватывая весь коридор, но они опоздали. Убийца появился справа от меня, вне пределов видимости Рика, и, вместо долгих разговоров, бросил в меня склянку с прозрачным зельем.

Без шансов увернуться.

– Лея!

– Шаргх! – Рик обернулся как раз вовремя, чтобы обнять меня, закрывая спиной, о которую разбилось тончайшее стекло колбы.

– Рик! – я испугалась, глядя в голубые глаза всё-таки спасшего меня боевика.

– Успокойся, ничего страш....

Договорить он не успел. Закатались глаза, обмякло тело и Рик начал оседать на каменный пол.

– Рик...

Всё, что мне удалось – не дать ему разбить голову о ка-

менный пол, но даже я не ожидала, что нас подхватит свет-
лый вихрь, насильно вырывая из коридоров академии.

Глава 32

– В чём дело? – Когда император появился в кабинете, до-вольства не оказалось ни в его лице, ни в резких движениях.

– Это ты мне скажи, – ровно отозвался Ориан, встречая друга скрещенными на груди руками и молниями в глазах. – С чего твои ищейки пытаются убить моих студентов.

– Студентов? – усмехнулся Лориан.

– Я предупреждал тебя, Лем!

– Не забывайся.– На мгновение в глазах императора мелькнула тьма. – Я не посылал никого из них ни за одним из твоих студентов. – Он сел в кресло и по-хозяйски закинул ногу на ногу. – И студенток тоже. Что произошло?

– Нападение на лиерру Грасс и льера Шалинберга, – недово-льно отозвался Ориан, едва сдержавшись, чтобы не выругаться. Лем не врал, а, значит, всё гораздо хуже, чем он ду-мал.

– Я так понимаю, льер оказался рядом случайно? – открово-венно издеваясь, усмехнулся император.

– С чего такие выводы? – Ориан вернулся к лежащей на столе карте. – Лучше объясни мне, с каких пор твои ищейки подрабатывают наёмниками.

– С того, что только идиот решит напасть на внука умней-шего артефактора за последние полтора века. Да и твоё вот

это всё, – он обвёл рукой стол, – прямо говорит, что дело в девчонке. Зачем она тебе, Ориан? – Лем хищно подался вперёд.

– Только лиерра Грасс может помочь с оскантом. Остальное не касается даже вас, ваше императорское величество. – Издевательский поклон дал понять императору, что Ориан не уступит.

– Хорошо, – насмешливо протянул Лориан. – Тебе не хуже меня известно, что ищейки не лично мои и подчиняются всей императорской семье, от близнецов до Эвилонберга. Другой вопрос, что сейчас во дворце особо некому им приказывать... – Император смерил Ориана долгим взглядом. – Идём.

– Куда? – Тот поднял голову от изучения карты столицы и окрестностей.

– Туда, куда заперли несостоявшегося убийцу, – хмыкнул Лориан. – Или всё-таки состоявшегося?

– Не знаю, – едва не заскрипел зубами Ориан.

Он всё ещё думал о том, что Шалинберг мог не успеть и... Акиро опознал зелье с первого взгляда, как куратор лекарей он хорошо в этом разбирался. «Забвение» – сильнейшее из зелий, вызывающих полную или частичную амнезию. Капля – и маг забывал последний месяц своей жизни, ложка – и последние десять лет начисто стирались из памяти. Того флакона хватило бы, чтобы стереть личности не только Леи с Шалинбергом, но ещё десятка студентов!

– Его заперли в антимагический лаборатории, с ним Акиро.

– Оелуон? – без особо интереса спросил император, глядя как Ориан активирует свою дверь.

– Проректор Оелуон, – отозвался тот и открыл перед Лорианом дверь.

– Исключительно твоими стараниями, – усмехнувшись, император шагнул вперёд и оглянулся. – И где пленник? Сбежал вместе с проректором?

– Сразу в лабораторию А01 не попасть даже мне.

Ориан закрыл дверь, отсекая их от своего кабинета, и открыл уже обычную, выходя в коридор с рабочими лабораториями. Через несколько мгновений они стояли перед совершенно обычной дверью с номером А01.

– Жаль, что твоя артефактная дверь единственная в своём роде.

– Ваше императорское величество может приказать изготовить ещё одну, – ехидно отозвался Ориан. – Хотя бы тому же Исгарду Шалинбергу.

– С годами у него испортился характер, – скривился император и первым прошёл в лабораторию.

– Ваше императорское величество, – склонился в поклоне Оелуон.

– Благодарю за бдительность, проректор, вы можете идти, – кивнул Лориан и заметил следы радости на лице Оелуона.

Неудивительно! Магия исчезала не только у преступника – все, сюда вошедшие, отсекались от резерва и силы, но если Ориана вела ярость, то Оелуон с явным облегчением покинул антимагическую лабораторию.

– Имя, – лениво потребовал император, усаживаясь верхом на, стоящий перед привязанным, стул.

– Барон Элизар Крамбург, – мрачно откликнулся невзрачный маг, с которого сняли маску.

– Звание, – лениво продолжил Лориан, разглядывая массивный перстень на своей правой руке.

– Я не бу... ду... – Крамбург бы упал, если бы не был привязан к такому же стулу, как тот, на котором устроился Лориан. С хрипом он добавил: – Говорить.

– Серьёзно? – нехорошо усмехнулся император и встретился с магом взглядом.

– Уволен за... неподчинение... приказу, – на выдохе признался Крамбург и обмяк.

– Он скажет тебе правду? – Лориан обернулся и увидел невдалеке, прислонившегося спиной к стене, недовольного ректора Академии контролируемой магии.

Страшно представить, что делают с выдающимися магами чувства.

– Скажет, – отозвался император, переводя взгляд на наёмника. – Увольнение не освобождает от клятвы. Опять же всегда можно его убить и тогда он точно не сможет соврать. Намного больше я удивляюсь тому, что ты всё ещё здесь, а

не скачешь в Изервуд.

– Долго, – отрезал Ориан.

– Брось, – усмехнулся Лориан, размышляя, не будет ли проще убить Крамбурга сразу. – Иди, здесь я разберусь.

Не заставив просить себя дважды, Ориан быстрым шагом покинул лабораторию.

***

Взвыв от боли в колене, я выпустила из рук Рика.

– Мальчик мой? – раздался совсем не старческий голос, и я услышала быстрые шаги позади себя. – Рикард!

Оттолкнув меня от внука, Исгард Шалинберг опустился на колени перед Риком и начал считать пульс.

– Что случилось? Быстро и чётко!

– Нападение, – прохрипела я. – В академии. Рик закрыл меня от какого-то зелья.

– Какого? – рыкнул Исгард, бросил на меня взгляд и приказал: – Цвет, запах, вкус!

– Оно было прозрачным. Кажется, без запаха.

– Вкус какой? – мужчина, который не выглядел стариком, обернулся, и тёмно-зелёные глаза полыхнули яростью.

– Я не знаю! – В отчаянии я запустила руку в волосы. – Мы... Зелье облило Рику спину.

– Уже легче, – проворчал Исгард, а вокруг уже суетились слуги, поднимая Рика и куда-то его унося. – Ранена?

– Я?.. Что? – Я перевела на него рассеянный взгляд.

– Мардж! – Громогласно крикнул он, и к нам подбежала

полная женщина средних лет. – Девчонка в шоке. Отмойте, вылечите и напоите... в крайнем случае дайте успокоительного!

– Слушаюсь, таер.

Я не поняла, как меня подняли, подхватили с двух сторон и куда-то повели. Очнулась лишь на втором пролёте лестницы и остановилась.

– Ещё немного, госпожа, – с улыбкой потянула меня вперёд, кажется, Мардж. – Мы почти пришли.

– Лиерра, – машинально поправила я, отвыкнув от другого обращения. – Где Рик?

– Рикард дома, не переживайте. Здесь с ним ничего плохого не случится. Таер не позволит.

Таер. Почему таер? Исгард Шалинберг – потомственный герцог, а не маг без титула и званий.

Мысли лениво ворочались, подкидывая то изображение огненных молний, то Корсу с розовыми волосами. Молчаливо подчиняясь сильной Мардж, которая ласково что-то говорила, я позволила себя раздеть, не дёрнулась под руками престарелого лекаря и даже дала облачить себя во что-то лёгкое.

– Почему таер? – К тому моменту, как я задала вопрос, в спальне осталась лишь Мардж, аккуратно складывающая мои вещи.

– Потому что герцог в семье может быть только один, милая, – с улыбкой пояснила она то, что я, кажется, и так долж-

на была знать. – Таер Исгард передал титул герцогу Виерду, а сам остался здесь.

Очередные ненужные подробности из жизни Шалинбергов, но лучше так, чем сходить с ума от неизвестности. Неважно, что происходило между мной и Риком раньше – сегодня он спас мне жизнь. Здоровье точно спас.

– Вы чего-нибудь хотите, лиерра?

– Нет.

– Тогда отдыхайте, у вас был сложный день, – посетовала она. – Я вернусь чуть позже и принесу лекарство.

– Подождите! – Лекарство. Ариса. Академия. – Я не могу тут остаться, – я вскочила на ноги, – мне нужно вернуться в Академию.

– Милая...

– Аурелия. Аурелия Грасс.

– Лиерра Аурелия, – с той же материнской улыбкой продолжила Мардж, – боюсь, что сейчас это невозможно. Таер Шалинберг занят Рикардом и не сможет отдать распоряжение конюху, а экипаж уже уехал в Орланию – нас собирался навестить друг таера.

– Я... поняла, – расстроено опустившись на край кровати, я вздохнула.

Выбора и правда нет, мне придётся остаться там, где я опасалась оказаться больше всего. В Изервуде, поместье Исгардра Шалинберга, который знал обо мне слишком много.

– Не грустите, лиерра. – Мардж забрала стопку одежды и

подошла к двери. – Вам всё равно не удалось бы проскакать в седле несколько часов. Отдохните, наберитесь сил и завтра сможете вернуться в академию. Здесь всегда рады друзьям Рикарда.

– С чего вы решили, что мы друзья? – Мардж остановилась в дверях и одарила меня понимающим взглядом.

– Каким бы добрым ни был наш мальчик, он не стал бы спасать врага.

Мардж уже давно ушла, а я продолжала сверлить взглядом дверь.

Что должен чувствовать человек, которого спасли? А в том флаконе явно не родниковая вода была... наверное, благодарность. Возможно, шок. И желание, чтобы случайный герой выжил.

Последнего у меня было с избытком. Я мечтала, чтобы Шалинберг выздоровел как можно скорее. Чтобы самой его прибить! Потому что он давно перестал быть для меня очередным безликим студентом, раздражая взглядом голубых глаз и идиотскими выходками. Не знаю, как это случилось и почему, но меньше всего мне хотелось, чтобы с ним что-то случилось. Особенно, по моей вине!

Поднявшись, я подошла к окну. На окружающий поместье лес опускалась темнота, укрывая и так безмолвные деревья. Казалось, они знали всё на свете, но молчали, укрытые пушистыми шапками снега.

Я не знала, где находился Изервуд, но то, что вековые де-

ревья не качались от ветра, а вдалеке виднелись очертания гор, говорило, что мы гораздо западнее Унаша. И севернее. В спальне не оказалось камина, но от этого не становилось холоднее, и я прислонилась лбом к расписным стёклам.

По коже прошёл мороз, оставляя след из мурашек на руках и плечах, а я не знала что делать. Молиться? Я не учила ни одной молитвы. Родители не представили меня рианам при рождении, а Присли и вовсе плевал на то, водили меня в Храм или нет. Гораздо больше религиозной воспитанницы ему нужны были мои деньги, поэтому с тройкой рианов – Авором, Анером и Аитаей, я познакомилась тогда, когда изучила, обязательный для каждой порядочной леди «Свод благословения».

В котором благословений от силы десятков страниц – остальное место в трёхсотстраничном томе занимали «нет» и «нельзя». Поэтому благословенных Храмом с каждым годом становилось всё меньше.

Бежать и искать Мардж? Вряд ли она уснула, но это далеко не гарантия, что, ей можно отвечать на мои вопросы. Я бы не стала, оставляя эту привилегию хозяину дома. Который сейчас, вполне может быть, спасает Рику жизнь.

Хоть бы сказали, что это за зелье такое было!

– Лиерра Грас, – зашедшая в спальню молоденькая служанка поклонилась мне и ловко поставила закрытый крышкой поднос на столик недалеко от окна, – ваш ужин.

– Благодарю. Скажите, а таер Шалинберг освобожден?

– Я не знаю, лиерра, – девушка отступила и опустила голову. – Извините.

– Ничего, это... вы не виноваты. – Я тряхнула волосами и снова отвернулась к окну, слыша, как закрылась дверь за служанкой.

Дверь. За служанкой.

А ведь я не в плену! Меня не запирали, не запрещали выходить и не ограничивали! Резко выдохнув, чтобы не потерять настрой, я отправилась на поиски ответов.

Увы, но пустой коридор не дал ни одного. Обитые деревянными панелями стены, ковры на полу, пейзажи в рамках и низкие столики молчали, предпочитая хранить тайны бывшего герцога. За незапертыми дверьми пылились такие же спальни как та, которую отвели мне. Широкая массивная лестница из тёмного дерева спускалась в холл, из которого вели две одинаковые двустворчатые двери.

Решив довериться интуиции, я зашла в левую. Неожиданно светлая мебель, высокие окна и зажжённые камин. Та комната, где оказались мы с Риком.

– Не спится? – Я развернулась на знакомый голос.

– Таер Шалинберг. – Кланяться было необязательно, но я опустила голову быстрее, чем подумала об этом.

– Садитесь, лиерра Аурелия Грасс, – хмыкнул не старый ещё мужчина, в то время как мне не удавалось отбросить назойливую мысль.

Может, это не Исгард?

Сколько ему должно быть сейчас лет? Чуть больше ста? Сто двадцать? В любом случае слишком много для темно-волосого высокого и стройного мужчины с приятным низким голосом. Я видела состарившихся людей, видела и магов, разменявших стопятидесятилетний юбилей. Но ни один из них не был похож на Исгарда Шалинберга.

– Похоже, у вас выдался сложный день? – Откровенная насмешка.

Стоило ему устроиться в глубоком кресле у камина, как зашла Мардж и поставила перед таером стакан и бокал. Мне она улыбнулась и подала чашку из тончайшего фарфора. По запаху – с травяным настоем. Хороший вариант, чтобы занять руки, но его вопрос всё же требовал ответа, даже если автор задумчиво смотрел на огонь в кресле напротив.

Я не умею общаться с такими магами. Да я вообще общаться не умею! Предел моей изворотливости – подстроить гадость младшему Шалинбергу, но никак не вести светские беседы со старшим.

– Боишься?

– Я... извините, таер Шалинберг, но я не понимаю, как здесь оказалась.

– Моему внуку грозила опасность, фамильный перстень перенёс его туда, где его могли спасти, – словно ничего особенного не случилось, объяснил Исгард.

Подумать только! Перенёс!

Это простое заявление степенью невозможности стояло

где-то рядом с рассказом Ориана об осканте. Потому что моментального способа перемещения из одной точки в другую наши маги ещё не придумали! Да, ходили слухи о разработках и испытаниях, но слухи и о наших отношениях с Риком ходили.

– Как он себя чувствует? – Пальцы дрогнули, и предательски звякнул фарфор.

– Рикард отдыхает, ему повезло. – Я смогла выдохнуть только после его «повезло» и отставила настой. – На вас напали?

– На меня, – со вздохом призналась я, не отрывая взгляда от колен. – Рик пришёл мне на помощь и... пострадал... из-за меня.

– Брось! – хмыкнул Исгард и отпил из пузатого бокала что-то крепкое. Такой запах я ощущала впервые. – Рикард пострадал из-за себя. Любишь его?

– Что?.. – вскинув на него шокированный взгляд, разом осипла я. – Я?

– Для брака достаточно чувств одного, а раз Рикард лежит здесь вместо того, чтобы развлекаться с пакостниками Делабергами...

– Простите! – Я не могла больше это слушать. Одно дело Рик и совсем другое, когда о браке говорит тот, кого недолюбливают в столице даже спустя три десятка лет добровольной ссылки. – Я устала и...

– Сядь.

Исгард даже голос не повысил, в то время как я осознала себя уже сидящей на прежнем месте.

– Мне неважно, кто ты, – в меня упёрся взгляд холодных тёмных глаз, – из какой семьи, как учишься. Гораздо больше я беспокоюсь о счастье и благополучии своего внука, которое не устроится, если в его жизни не станет тебя.

– Я говорила Рику и скажу тоже самое вам – мы с ним не будем вместе. – Даже пришпиленной к стене кабинета Присли мне не было так страшно. Но стоило прояснить всё и сразу.

– Почему? – с неожиданно весёлым интересом спросил Исгард.

– Потому что я его не люблю, – пусть мой голос звучал тише, чем хотелось бы, но твёрдости намерений это не меняло.

Я чувствовала, как горят щёки и уши. Чувствовала испытующий взгляд Исгарда. Подозревала, что сцепленные на коленях пальцы побелели от напряжения. Но всё равно отказывалась подчиняться желаниям любого из Шалинбергов.

– Стоит посочувствовать мальчику, но я не буду, – неожиданно насмешливо ответил таер, и я вскинулась, не веря. – Если Рикард сможет тебя добиться, семья обретёт интересного мага. Если нет, это ещё больше его закалит.

– А вы в любом случае останетесь в выигрыше.

– Когда живёшь столько, сколько я, учишься побеждать при любом раскладе, – неприятно усмехнулся Исгард, на мгновение становясь тем, про кого всё ещё говорили с опас-

кой.

– С чего вы взяли, что я интересный маг? – Когда, ну когда я научусь завязывать в молчаливый узел своё любопытство!

– Я – артефактор, девочка, и у меня много своих секретов, – без недовольства отозвался таер. – Иди спать, Мардж уже принесла тебе лекарство.

– Доброй ночи, таер Шалинберг. – Поднявшись, я склонила голову и знакомой дорогой направилась к себе.

Выбора нет, придётся ждать утра.

Глава 33

Исгард Шалинберг встретил его внизу широкой лестницы. Ориан однажды был в Изервуде, но так давно, что память стёрла лишние воспоминания.

– Рад видеть вас, таер Оллэйстар. – Исгард не выказывал особой радости, но понимал, что Ориан в своём праве.

– Доброй ночи, таер Шалинберг. Сегодня днём из моей академии исчезли двое студентов и у я подозреваю, что сейчас они находятся у вас.

– Пройдёмте в гостиную, – укоризненно протянул Исгард, – разве можно обсуждать такие важные новости в дверях... желаете выпить? Или, может быть, ужин?

– Благодарю, не нужно. – Не оставалось ничего другого, как последовать за стариком. – Лучше скажите, действительно ли льер Шалинберг и лиерра Грасс сейчас в Изервуде?

– Эх, молодость, молодость... всё спешите, всё боитесь опоздать... а конец-то у всех один. – По-стариковски вздохнул Шалинберг, заставив Ориана насмешливо поднять бровь. От подвижного мага, внешне едва ли на двадцать лет старше его самого, это звучало откровенно смешно.

– Прекратите, Исгард, – не стал церемониться Ориан, – мне нужны мои студенты.

– А мне – объяснение какого шаргха творится в вверенной тебе академии! – Мгновенно переменялся Исгард. – И

почему мой внук переносится из неё экстренным и самым отвратным способом?!

– Начнём с того, как вообще льер Шалиньберг оказался здесь, за много часов езды от академии, – не впечатлился Ориан, проигнорировав поданный служанкой поднос. – Кроме меня незаконный незарегистрированный и потенциально опасный артефакт мгновенного перемещения видели ещё двое магов. Вам придётся за это отвечать, Исгард.

– А вам за то, как на спине моего внука оказалось сильнейшее зелье забвения, – проворчал Шалинберг гораздо спокойнее и снова сел в кресло.

– Только на спине? – Ориан бы вздохнул с облегчением, но слишком хорошо понимал, что в этом доме расслабляться нельзя.

– К счастью, да. Ещё и неправильно сваренное, – хмыкнул тот. – Что, вообще, произошло в твоей шаргховой академии? В наши времена за такое отдавали ищейкам.

– Вам виднее, – усмехнулся Ориан, – в ваши времена меня ещё не было на свете. Что с лиеррой Грасс?

– Жива, практически не ранена, возможно, напугана. – Как бы ни старался, Ориан, похоже, не смог удержать лицо – слишком пристально смотрел на него старик Исгард. – Хотя ей дали успокоительное, так что к утру должна быть в порядке.

– Ваш внук в состоянии вернуться в академию? – перевёл тему Ориан.

– Будет в состоянии, – вздохнул таер, – когда проснётся.

Так получилось, что при лечении я слегка перестарался.

– И сколько льер Шалинберг изволит спать? – насмешливо спросил Ориан.

Артефакторы, лекари и боевики относились к факультету боевой магии, кроме своей специализации получая общие знания из тех, что на войне лишними не бывают. Вот только вряд ли хоть что-то из этого могло помочь Шалинбергу. С другой стороны, Исгард его спас, даже если сделал это не слишком умело.

– Вряд ли меньше недели.

– Я могу видеть его и лиерру Грасс? – Ориан достаточно прожил, чтобы не дать Исгарду лишних поводов для размышлений. И чтобы понимать, что не сможет успокоиться, пока не увидит Лею.

– Думаешь, я тебя обманываю? – оцетинился таер.

– Всего лишь собираю сведения для отчёта перед академическим советом, – равнодушно пояснил Ориан.

– Ну, хорошо, – после недолгого раздумья недовольно согласился Исгард и повёл его... в подвал.

Рикард Шалинберг спал на скромной узкой кровати в подвальном этаже поместья. Его переодели в светлую рубашку и тёмные брюки, но оставили здесь же.

– Если ему станет хуже, здесь я спасу его быстрее, – пояснил Исгард в ответ на незаданный вопрос.

Все стены, кроме той, где стояла кровать, оказались заня-

ты шкафами с зельями и ингредиентами. Неужели старик и правда, увлёкся лекарским делом?

– Чем вы его лечили?

– Из-за зельевара-недоучки в реакцию вступили листья акрогуса и соцветия аерии, оставляя ожоги даже через одежду, – скривился Исгард. – Пришлось срезать форму и практически купать Рикарда в антимагическом зелье. Ожоги почти прошли, но...

– Сколько он будет восстанавливаться?

Шалинберг сделал лучшее, что можно было в этой ситуации. И усыпил внука не зря – неизвестно когда Рикард снова сможет пользоваться силой, антимагическое зелье надолго блокировало резерв, впитываясь в кожу.

– Надеюсь, что недели сна хватит. А как получится на самом деле лишь рианам известно.

Под ироничным взглядом Ориана, Исгард осенил себя божественным знаком. Либо перед ним сейчас ломали комедию, либо старик рехнулся на старости лет.

– Хорошо, а лиерра Грасс?..

– Поднимитесь по лестнице, повернёте направо и пройдёте до конца. Её дверь последняя.

– А вы?

– Я побуду с внуком, – Исгард сел в кресло рядом с кроватью и Ориану стало жаль старика. – Льерре обработали раны и дали успокоительное, на травах.

Уже выходя из помещения, Ориан услышал:

– Вам также подготовили спальню, обратитесь к Мардж.

***

Уснуть не помогли ни тёплое одеяло, ни уютная постель, ни какой-то травяной отвар, который Мардж назвала успокоительным. Я лежала лицом к окну, бесцельно переводя взгляд с одного угла к другому. Может, стоило попроситься к Рикку? То, что я не ответила на его чувства, не значило, что я не могу быть ему другом.

Подумать только, другом!

Ещё месяц назад я одарила бы прыщами того, кто рискнул такое предположить, а сейчас сама об этом думаю. Из Рика получился бы хороший брат, отличный друг, но не муж. Не для меня. И никак не объяснить, что я не смогла бы дать ему того тепла, которое бы согрело нас обоих.

Услышав звук открывающейся двери, я не повернулась. Мардж словно наседка уже не в первый раз проверяла всё ли со мной в порядке. Но вместо сочувственного цоканья и вздоха услышала осторожные, но твёрдые шаги. Приподнявшись на локте, я повернулась и застыла, меньше всего ожидая увидеть здесь Ориана.

– Ты?! – выдохнула едва слышно и села в кровати.

– Прости, если разбудил, – он подошёл и присел на её край.

– Как ты... здесь? – Влюблённость не только лишнее, но и заставляющее глупеть чувство. Никогда раньше я не подыскивала слова с таким трудом.

– Верхом, – негромко ответил Ориан и коснулся ладонью скулы, завёл прядь за ухо и замер, когда я прижалась щекой к его руке.

Я не помнила как это, чувствовать, когда тебя оберегает кто-то сильный и могущественный. Такой, каким должен был стать мой отец. Или Присли, вместо того, чтобы делить моё наследство. Такой, как Ориан – чтобы защитить от целого мира.

– Лея! – выдохнул он и вместе с одеялом перетянул меня к себе на колени. Как маленького ребёнка, каким я, в сущности, и осталась. – Всё хорошо.

И я убеждалась в его «хорошо», молча плача прямо в пахнущее ветром и лесом плечо. Не знаю, сколько прошло времени, но отстраняться оказалось очень стыдно, и я позволила себе ещё немного спокойствия. До того момента, пока не наткнулась на хвойную иголку и ойкнула.

– Больно? – Щелчок и рядом с моим лицом завис светящийся шарик.

– Нет.

Как-то разом осозналась и поза, и его близость, и собственное смущение. Лучше бы мне было неловко за истерику! Потому что снова перехватило дыхание, участился пульс, а внутри зашевелились бабочки. И это в чужом поместье и чужой спальне.

– Я... беспокоился.

И ведь действительно беспокоился. Настолько, что оста-

вил академию, ехал верхом несколько часов, не стряхнул пыль с одежды и пришёл. Тогда, когда был нужен.

– Ты не ответил. – Плохое время, плохое место, но последние недели хороших у меня не бывало.

– На что? – Ориан перебросил копну волос мне за спину.

– Вестник и леди Зольберг. – Как же трудно! Сдержаться, не выдать себя, не опуститься до упрёков и обвинений.

– Лея, – насмешливо покачал головой Ориан, поднимая взгляд, – с каких пор ты веришь газетам?

– Я верю тебе, Ориан, – глупое, детское признания, заставившее его замереть. – И надеюсь, что не обманусь в своей вере.

– Эта статья и леди Зольберг были несколько лет назад. Лем любит такие сюрпризы, когда считает, что кто-то зарвался. Тебя это волновало? – Он осторожно приподнял моё лицо за подбородок.

– Если скажу, что нет, ты поверишь? – Едва слышный шёпот.

– Я расстроюсь, Лея.

Ориан не прятался за тишиной, должностью или возрастом. Он и целовал меня так, как делал всё – открыто и уверенно, без сомнений и отговорок. Так, что Изервуд со своими обитателями отодвинулся куда-то далеко, став неважным и ненужным.

– Я не мог думать, что с тобой что-то случилось, – признался Ориан, разглядывая меня в темноте ночи.

– Всё в порядке. – В отличие от него, во мне не было уверенности ни в чём.

– Исгард сказал, что тебя лечили, – не поверил Ориан.

– От зелья меня закрыл Рик, – вспомнив о приличиях, я некрасиво сползла с его коленей и подтянула повыше одеяло, – но после нападения остались несколько царапин.

– Эти? – Я не успела понять, о чём он. Ориан коснулся тыльной стороны моей руки, удерживающей одеяло, и вместо неприятного дёрганья по коже заструилось мягкое тепло.

– Ты ведь не лекарь! – Его позабавил мой поражённый выдох.

Ещё бы! Пусть лечить других проще, чем себя, но такого уровня мне не достичь и к старости.

– Когда лежишь в лесу, один, слыша топот фаркасов, вспоминаешь многое, – улыбнулся Ориан. – И очень быстро учишься.

– Но они ведь идут на кровь...

– Да, – подтвердил он. – Поэтому умение себя лечить было одним из главных критериев выживаемости. – Выпустив мою правую руку, он взял левую и также легко её вылечил. – Ещё раны есть?

– Нет, – мгновенно забыв про ссадины на коленях и длинную глубокую рану на бедре, улыбнулась я.

Вместе с успокоительным, из запасов герцогини Шалинберг – мамы Рика, Мардж принесла мне длинную светлую ночную рубашку. Лёгкую, приятную к телу и очень краси-

вую. Жаль только, что привезённый из Миерии лён не отличался особой плотностью, а широкое, плетёное вручную, кружево только добавляло прозрачности силуэту. Если бы я задумалась о том, что Ориан придет, легла бы в домашнем платье. Тоже из гардероба леди Олиены.

– Лея, – не сдвинувшись с места, насмешливо протянул Ориан, но я всё равно подтянула одеяло повыше.

– Со мной всё в порядке.

– Тогда почему здесь пахнет вытяжкой Миалиса? Ей не обрабатывают царапины.

Мне страшно представить, что ещё может знать этот мужчина! Потому что даже я не знала, каким именно обезболивающим Мардж обработала рассечённую на бедре кожу перед тем, как зашить рану.

– Я не зельевар, не лекарь и понятия не имею, о чём идёт речь.

– Ты меня боишься? – прямо спросил Ориан, и я не смогла солгать.

– Нет. – Обречённо выдохнув, я откинула одеяло.

Не став ничего говорить, Ориан коснулся моей лодыжки.

Мы оба понимали, что для лечения его ладони необязательно поглаживающим движением подниматься до колена, попутно сдвигая ночную рубашку, но... Ориан продолжал меня изучать, а я не отрывала взгляда от сцепленных ладоней, не позволяя дыханию сбиться, а пальцам задрожать. Когда обе коленки оказались вылеченными, я нервно одёрнула

подол.

– Страшно было? – откровенно подначил меня он.

– Нет, просто... – Не выдержав напряжения, я вскочила, задела бедром спинку стоящего рядом стула и охнула. Похоже, действие обезболивающего закончилось. На этом самом стуле меня осматривал лекарь, и он же подставил меня перед Орианом.

– Лея? – Передо мной снова стоял ректор Академии контролируемой магии – внушительный, строгий и не допускающий даже намёка на возражения.

– Нет, я не буду раздеваться.

– А кто говорил о раздевании? – вздохнул Ориан и подошёл ко мне. – Где болит?

– Я рассекла правое бедро, когда... падала, а Мардж зашла.

– Обезболив Миалисом, – закончил за меня Ориан. – Лея, мы раз за разом возвращаемся к одному и тому же! Хватит терпеть и считать себя всесильной.

– Я и не считаю, – мотнула я головой.

Не став спорить, Ориан приобнял меня за талию одной рукой, другую положив на моё бедро. Поверх ночной рубашки.

– То есть ткань тебе не мешала, – простонала я, уткнувшись ему в плечо. Щёки горели и в целом мысли о собственной морали не приносили восторга.

– Нет, – хмыкнул он.

– А если кто-нибудь зайдёт? – От одной только мысли я

вздрыгнула, не желая даже думать, что скажет тогда Мардж и хозяин Изервуда.

– Тогда я скажу правду, – отозвался Ориан и отошёл, а моё сердце, кажется, забыло, что от него требуется разгонять кровь по венам, – что не мог оставить свою студентку без помощи.

И я ни за что не признаюсь, насколько сильным оказалось разочарование от его слов.

– Спасибо. – Боль прошла, и я вернулась в постель.

– Отдыхай, – понял намёк Ориан и улыбнулся. – Завтра мы отправимся в академию.

– Спокойной ночи, Ориан.

– Спокойной ночи, Лея.

Щелчок захлопнувшейся двери спустил с цепи всё многообразие мыслей, но я не успела обдумать ни одну из них, заснув, как только голова коснулась подушки.

Глава 34

– Доброе утро, милая лиерра, – пропела Мардж, заходя в спальню.

К этому моменту я успела умыться, одеться и смутиться, вспомнив, что встречу Орианом при утреннем свете.

– Доброе утро.

– Какая вы ранняя пташка! – похвалила она и поставила поднос с мазями на тумбу. – Но оделись, конечно, зря. Давайте посмотрим ваши ссадины.

– Хорошо. – Всегда проще позволить человеку убедиться самому, чем долго и нудно рассказывать что произошло. Поэтому я протянула ей руки тыльной стороной ладони.

– Что тут у нас?.. – начала Мардж и осеклась. Подумала недолго и подняла весёлый взгляд. – К вам заходил таер Оллэйстар?

– Ректор Оллэйстар расспросил меня о том, что произошло в академии и после перемещения, ивылечил руки.

– У вас прекрасный ректор, лиерра. Завтрак подадут через полчаса, столовая находится напротив гостиной, куда вы вчера попали с Рикардом. – Мардж снова подхватила поднос и вышла.

В столовой не хватало только меня.

Исгард Шалинберг сидел во главе стола. Сегодня вчерашний темноволосый и тёмноглазый мужчина постарел лет на

двадцать, за ночь обзаведясь морщинами, складками у рта и неприятным взглядом. Хотя даже сейчас я не понимала, что в его облике заставляло опускать глаза в пол.

– Доброе утро, таер Шалинберг, ректор Оллэйстар.

– Доброе утро, лиерра, – Ориан улыбался, и мне казалось, что по одному только его виду Исгард легко определит, что между нами происходит.

– Присаживайтесь, – повелел таер, и слуга отодвинул для меня стул рядом с Орианом, которого устроили по правую руку от Исгарда. – Как вы себя чувствуете?

– Благодаря вам превосходно, – вежливо улыбнулась я и опустила взгляд в тарелку. Есть не хотелось.

– Друзья моего внука всегда получают в Изервуде помощь и поддержку.

«Любишь его?»

Я боялась намёков на свой стихийный дар, но не получила ни одного. Боялась грязных приёмов старого интригана, но он отдал инициативу в руки Рика. Боялась угроз и принуждения и оказалась гостем в чужом доме.

Ночью таер казался гораздо более властным, жёстким и настойчивым, сейчас же перед нами сидел маг, держащий на своих плечах груз прожитых лет и чужой неприязни.

– Экипаж к вашим услугам, – заявил Исгард, стоило нам окончить завтрак и переместиться в гостиную. – Он вернулся под утро – мой знакомый плохо себя почувствовал и отказался от поездки. Ваш конь также почищен и накормлен, –

сообщил он Ориану.

– Благодарю за заботу. Что касается льера Шалинберга...

– Я пришлю вам вестника, – кивнул Исгард. – А сейчас извините, мне нужно идти.

– А можно мне увидеть Рика?

Это я сказала? Судя по изменившимся взглядам Ориана и таера так и было. И они могли думать что угодно, но уехать, не увидев его, я не могла.

– Прошу за мной, – Исгард пошёл впереди, а я старалась не думать о том, как моя просьба выглядела для Ориана. – Ты передумала?

– О чём вы? – поинтересовалась я, спускаясь по крутой лестнице.

Приходилось держаться за стену и внимательно смотреть под ноги, чтобы не свернуть шею. Как сюда перенесли Рика?

– О тебе и моём внуке, – хмыкнув, ответил он.

– Нет. Всего лишь не могла уехать, не увидев его, – буркнула я, недовольная, что с этим магом всё время приходилось говорить на такие личные темы.

– Предпочла императорского приятеля? – с укором покачал головой Исгард.

Стоило мне осознать смысл вопроса, и туфля попала мимо узкой ступени. Вскрик, страх, но упасть мне не дали. Таер удержал, отпустив лишь после того как убедился, что я твёрдо стою на ногах.

– В этом доме от меня нет секретов. И не стоит так бес-

покоиться, я не собираюсь рассказывать о вашей связи всем встречным.

– Ваши намёки мне неприятны, – наконец, смогла произнести я. – У меня ни с кем нет никаких связей! Ни с вашим внуком, ни с кем-либо другим.

– Естественно, – насмешливо подтвердил Исгард. – Так же, как нет и стихийного дара.

Да когда уже закончится эта шаргхова лестница?!

Я не могла сказать правду и не любила лгать, поэтому продолжила спускаться. Молча. Оказалось, что идти оставалось не так уж много и, вступив в полосу света, я увидела короткий коридор с тремя дверьми. Слишком мало для такого огромного поместья, как Изервуд.

Исгард уверенным шагом направился к левой, пропуская меня вперёд. Это помещение практически не отличалось от академических лабораторий, тех, в которых мы с Орианом пытались открыть шкатулку с оскантом. Два лабораторных стола, горелки на них и шкафы, занимающие почти все свободные стены. Кроме той, вдоль которой стояла узкая кровать.

– Вы хотели его видеть, – невесело хмыкнул Исгард и указал рукой в сторону Рика.

Если бы я не знала точно, была бы уверена, что он спит.

Рик ничем не отличался от себя обычного – наглого, самоуверенного и слишком умного боевика. Грудь ровно вздымалась и опадала, лицо не побледнело, руки ровно лежали

вдоль туловища и только сияющий у головы тёмный шар, размером с мой кулак, говорил о том, что не всё так радостно.

– Рик всё забудет? – спросила я, не отводя от него взгляда.

С давящей пустотой внутри, то и дело собирающейся прорваться судорожным вздохом, я боролась из последних душевных сил.

– Нет, – голос Исгарда звучал гораздо ближе, чем я ожидала, – но ради этого пришлось пожертвовать его магией.

– Что?! – не скрывая ужаса, я повернулась к таеру.

– Антимагическое зелье стёрло с его кожи все следы испорченного «Забвения», но оставило подарок. Какое-то время Рикард не сможет пользоваться ни силой, ни резервом, – буднично ответил он и сел на стул рядом с кроватью.

– Я... простите меня. – Одинокая слеза скатилась по щеке, но я её проигнорировала.

– Я уже говорил, в этом нет твоей вины, – откликнулся Исгард и поправил идеально лежащее одеяло. – Иди, тебя ждут.

Бросив на Рика последний взгляд, я быстрым шагом вышла из лаборатории, чтобы на середине лестницы захлебнуться беззвучным плачем.

– Лея, хватит, – Ориан опустил передо мной на корточки, но отзываться я отказалась. – Это не твоя вина.

– Моя, – зло отозвалась я, не чувствуя холода. Мрачные мысли приковали меня к той ступени лестницы, которая ста-

ла свидетелем моих слёз. – Моя и того, кто решил, что убийца в стенах академии – прекрасное решение всех проблем.

– Ты не в себе, – покачал головой он и собирался поднять меня на руки, но я уклонилась, выставив между нами ладонь.

– Не надо, я в порядке.

Со мной действительно не произошло ничего страшного, а то, что творилось в голове... в ней постоянно что-нибудь творилось, и я давно привыкла отсекаать лишнее. Сейчас лишним был Ориан.

– Нужно возвращаться, – спокойно напомнил он и, поднявшись на ноги, подал мне руку.

– Я могу ехать прямо сейчас.– Встав с его помощью, я отряхнула форменную юбку, с утра висевшую в шкафу отведённой мне спальни.

– Как скажешь, – отозвался Ориан, и мы начали подниматься наверх.

Что можно успеть за те несколько часов, которые требовались, чтобы вернуться в академию? Вышивать, читать, стихи учить, наконец, но все эти занятия я забросила в свой одиннадцатый день рождения. Поэтому сейчас напряжённо думала о том, как дальше распорядиться собственной жизнью, которая, как оказалось, могла оборваться в любой момент.

Кому вообще могло понадобиться меня убивать?

Присли и Неиски это попросту невыгодно, императору пока невыгодно, а Корса не рискнула бы, даже если совсем следела с катушек. Да и тот, кто покушался на ректора, не мог

знать о моем существовании.

Или мог?

В конце концов, в доме Ориана должна быть прислуга, и нет гарантии, что все из них абсолютно преданы хозяину.

Но даже если и так, чем я могла мешать? Даром видеть заклинания? Бессмысленное предположение уже потому, что узнать об этом невозможно. С тем же успехом я могла записывать за Орианом наблюдения или помогать в опытах над шкатулкой.

Шкатулка.

Неужели кто-то очень не хочет, чтобы её открыли? И начал осуществлять свои убийственные желания с меня, раз с Орианом так просто не получилось? Идея отдавала безумием хотя бы потому, что он справился бы и сам, просто со мной это оказалось во много раз быстрее. А значит что?

Значит, кто-то вдруг сильно заторопился.

Или я всё себе выдумала, и это спятившая от ревности Корса, тем более что убийцу нельзя назвать успешным. На его месте я бы не разменивалась на idiotские молнии. Нет, конечно, и ими можно убить, если попасть точно в голову. Или в сердце. Хотя на сердце я бы тоже не рассчитывала, потому как молнии боевиков созданы на основе огненной стихии. Но если стихийники контролировали свои атаки одной силой желания, то боевикам приходилось с точностью до градуса рассчитывать углы в плетениях.

И попробуй так попади в нужный орган...

Поэтому гораздо проще было бы плеснуть на меня «Забвением» сразу. В тот момент, когда я уворачивалась от молний, ему удалось бы вылить не флакон – целую бочку этого шаргхова зелья. И я бы забыла не только об Ориане, осканте и академии. Не вспомнила бы даже имени и как держать в руках ложку!

Но убийца этого не сделал. Неужели рассчитывал взять меня живой?

Экипаж потрянуло даже несмотря на наложенные для устойчивости заклинания.

Можно долго рассуждать о причинах и о том, что могло бы быть. Гораздо полезнее сейчас определиться с тем, что мне действительно грозило. Нападение могло повториться. Хуже того, мне могли просто подсыпать яд или по-простому свернуть шею в тёмном коридоре.

И что делать?

Безвылазно сидеть в своей комнате? Было бы прекрасно, только за это отчисляют. Запереться в лаборатории с оскантом? То же самое. Даже если мне удастся перерисовать нижний слой смертельных заклинаний, снять его я всё равно не смогла бы. Учиться, словно ничего не произошло? Пусть в этот раз убийце не повезло, но меня откровенно пугало то, что я продолжу ходить по тёмным коридорам академии. Слишком жутким оказалось понимание, что все мои знания ничего не стоят.

Экипаж снова дёрнулся и резко остановился, отбросив

меня на сидение напротив.

– Да что происходит?!

Даже подумать о собственной смерти спокойно не дали!

Распахнув дверь, я высунулась наружу, спустив одну ногу на ступеньку.

– Лея, закрой дверь, – отозвался обернувшийся Ориан. В отличие от меня, он возвращался на Греме, собственном вороном коне.

– Нас грабят? – проигнорировав его слова, не поверила я.

– Вряд ли этим господам заплатили за кражу, – усмехнулся Ориан.

– Хватит болтать! – раздражённо крикнул сидящий на кауруй лошади бородатый незнакомец. – Ты – спускайся с коня и даже не думай колдовать! – Ткнул он пальцем в Ориана. – А девчонку мы сами заберём.

– Прямо так и сами? – Я должна была сдержаться, вернуться внутрь и подождать, пока Ориан сам разобрался бы с очередными наёмниками, но последние сутки оказались слишком сложными. И нервными.

– Лея... – предостерегающе начал Ориан.

Бородач поступил проще – рядом с моей рукой в дверь экипажа вонзилась стрела.

Зря он это сделал.

Я удивилась. А четверо из примерно двадцати наёмников мёртвыми упали со своих лошадей.

– Прекратить! – одёрнул остальных бородач и противно

улыбнулся Ориану. – У тебя нет в руках пары десятков кинжалов. Убить всех ты не сможешь.

– Пусть это тебя утешит, когда рукоять будет торчать из твоего лба, – отозвался Ориан, крутя в руках ещё кинжал.

Рианы, да за какие, в конце концов, грехи мне так везёт?!

И понятно, почему не спешим мы, но почему медлят они? Или приказа убить не поступало? В любом случае я отпустила первое сплетённое заклинание, радуясь восстановившемуся за ночь резерву, и увидела, как побледнели трое, сидящие на лошадях по правую руку от меня. Ещё одно заклинание сорвалось с ладоней, пока бородач и Ориан мерились взглядами.

Они окружили нас полукругом, и сейчас я подло выводила из строя ближайших наёмников. Я же говорила, что это не совсем традиционная магия? Мои заклинания проникали между зелёных линий, которыми оказались окутаны наёмники. Подготовились, молодцы. Вступи Ориан в прямую схватку и вряд ли бы победил. Хотя от кинжалов магическая защита их не уберегла.

– Кажется, с вашими друзьями что-то не так, – тонко намекнула я, глядя на скрывающихся в окружающем лесу мужчин.

– Что такое? – недовольно рявкнул бородач, в то время как около половины его людей уже скрылись за деревьями.

– Это она! – крикнул ближайший к нему наёмник и пустил лошадь прямо на меня, забыв, что находившийся меж-

ду нами Ориан никуда не делся.

На меч защита от магии не распространялась, и это было красиво. Правда, я так и не поняла, откуда в руке Ориана взялось оружие, но не успела голова наёмника коснуться снежной дороги, как ещё четверо получили свои кинжалы – кто в голову, кто в сердце.

Двое оставшихся развернулись и пустили коней вскачь. Бородач тоже хотел было сбежать, пользуясь своей магической неуязвимостью, но Ориан сбил его с лошади веткой и ей же обмотал неудачливого наёмника.

– Кто тебя нанял? – Ориан подошёл к бородачу и приставил кинжалк его горлу.

– Не скажу, – сплюнул тот кровью, а я только сейчас заметила рукоять кинжала, торчащую у бородача из-под рёбер.

Какой терпеливый попался наёмник.

– Не говори, – улыбнулся Ориан так, что стало жутко даже мне.

Он же обыскал бородача, с усмешкой вытащив у того из-за пазухи круглую пластину и раздавив её каблуком сапога. Я посмотрела на наёмника по-другому и не увидела больше ни одного защитного заклинания. Хорошие амулеты.

Пока я подсчитывала, в какую сумму нанимателю обошлись наши неприятности, Ориан как-то мудрёно связал наёмника верёвкой и бросил на запятки.

– Что ты с ними сделала? – Вернулся ко мне Ориан.

– Он доживёт до академии? – Не то чтобы я беспокоилась

о здоровье бородача, но с кинжалом в теле и по такой погоде вполне может оказаться, что говорить он не сможет уже никогда.

– Меня это мало волнует, – безразлично отозвался Орианни выдернул стрелу из двери. – Лея?

– Ну... – я с сомнением посмотрела на него. – Скажем, что они зря поели перед атакой на нас. – Ориан долго изучал меня взглядом, пока не рассмеялся, спугнув с ближайших деревьев пару птиц.

– Садись внутрь, ты замёрзла, – перехватив мою ладонь, он помог мне сесть и закрыл дверь экипажа. Увы, снова с той стороны.

Возвращение в академию стало фееричным.

О том, что мы приехали, я узнала по скрипу ворот, которыми пользовались едва ли дважды в год. Когда открылась дверь, по куску каменной стены и реющему флагу я опознала заднюю сторону главного корпуса, но и это не спасло от любопытства студентов. Я видела прижатые к стёклам окон носы и лбы, исчезнувшие стоило только Ориану поднять голову.

– Что дальше? – Я остановилась рядом с ним, ёжась в короткой шубке, преподнесённой Исгардом.

– Ничего. Ты можешь возвращаться на занятия, а с тем убийцей и этим, – он бросил взгляд на едва дышавшего бородача, – я разберусь сам.

– Это и моё дело. – Я перевела взгляд на заснеженные

клубы. – Я должна знать, почему тот маг хотел меня убить.

– А если это дело императора, Лея? – Ориан непривычно усмехнулся. Ни насмешливо, ни зло, но так, как мог только тот, кто уже не раз сталкивался сзаговорами самого паскудного характера. – Что ты скажешь тогда?

– Что я должна знать. Уверена, ты знаешь, как гарантировать моё молчание.

– Знаю, – враз переменялся он. – Но не обещаю, что тебе понравится.

– Как-нибудь переживу. – Подул особенно противный, пробирающийся даже под одежду, ветер и я втянула голову в плечи, пряча шею в стоячем воротнике шубы. – Ты обещаешь?

– Я расскажу тебе, – он цепко держал мой взгляд. – В конце концов, у нас ещё много работы.

Коротко поклонившись, я развернулась и направилась к одному из входов в академию.

Глава 35

Бросив сумку на стул, я устало опустилась на кровать.

Мы вернулись удачно – к обеду, а значит дальше у меня этика. Как будто без неё мы не догадаемся, что не стоит называть барона таером, а мага господином! Сил не осталось, и впервые за шесть лет я порадовалась, что на занятиях мы почти не использовали магию. Кольцо-накопитель исчерпало себя ещё вчера и восстановится только через несколько дней, а собственные силы я потратила сегодня на наёмников.

Сняв шубу и положив учебник по этике в сумку, я со вздохом пошла на занятия.

– Лиерра Грасс? – сверилась со списком профессор Ипраберг. – У вас освобождение от занятий на сегодня.

– Я хорошо себя чувствую, меня отпустили. – Прогулять этику, чтобы сидеть в своей комнате и сверлить взглядом стену? Я лучше поучусь. Или сделаю вид, что учусь. – Вы разрешите мне присутствовать?

– Ну, раз вы в себе уверены... – Профессор махнула рукой в сторону столов, и я устроилась на первом свободном месте. – Вот к такому рвению в учёбе стоит стремиться, – наставительно изрекла она и начала лекцию.

Мысли в голове носились быстрее шаргхов.

Шкатулка. Покушение. Оскант. Стихийники. Рик. Ориан. Император? В этот раз книги не дадут ответа ни на один из

волнующих меня вопросов.

А Ориан даст? Раз обещал – наверняка, но сколько при этом он недоговорит?

***

– Как съездил? – раздалось, стоило ему зайти в собственный кабинет.

Лориан сидел за столом, откинувшись на спинку кресла. На столе стояли два бокала – с молоком и какой-то смолистой жидкостью.

– Познавательнo, – Ориан облокотился на спинку кресла для посетителей. – Что Крамбург?

– Отправлен родственникам. С письмом о трагической гибели вследствие спасения тонувшей в озере девочки.

– Ты его всё-таки убил, – недовольно покачал головой Ориан. – А знаете ли вы, ваше императорское величество, что ближайшее озеро, в котором можно утонуть, находится очень далеко? В глуши. Куда не забредают маленькие девочки, даже если потерялись.

– О своей империи я знаю больше тебя, – усмехнулся Лориан и поочерёдно отпил из обоих бокалов. – У Крамбурга нет ни жены, ни родителей, а десять тысяч кранлей отобьют у его двоюродного брата желание интересоваться подробностями.

– Десять тысяч за убийцу? Да ещё и такого бестолкового...

– К твоему, кстати, счастью, бестолкового. Девчонка жи-

ва? – без интереса спросил Лориан.

– Лиерра Грасс в порядке, – не поддался на провокацию Ориан. – Больше того, она поспособствовала тому, что у нас есть ещё один способный говорить маг.

– Не студентка, а кладезь талантов, – скривился император. – Тем более что Крамбург и так всё рассказал.

– И кто отдал ему приказ? – Лем молчал, сжав губы в тонкую линию, и сверлил взглядом столешницу. – Эвилонберг... – догадливо хмыкнул Ориан. – Старший?

– Чтоб его фаркасы сожрали! – Глаза императора затянула тьма, отросшие когти проскребли несколько царапин в столешнице, а над головой появилась призрачная корона. – Советник! Доверенное лицо! Шаргхов дядя! – Многострадальный стол не выдержал удара, разломившись на две неровные половины.

– Ты догадывался, – бесстрастно отозвался Ориан, смерив преобразившегося императора невозмутимым взглядом, – но предпочёл начать с Оттельберга, потеряв время и едва не лишив меня двух студентов.

– Знаешь что, Ориан, – Лем выпрямился, став заметно внушительнее и более угрожающим, – ты бы тоже не обрадовался предателю в собственной семье! Каким бы недоверчивым ни был. И не делай вид, что тебя заботит судьба мальчишки Шалинберга! – съехидничал император.

– Льер Шалинберг – мой студент. Такой же, как и ещё почти пять сотен. А судьбу своих студентов я не перекладываю

в чужие руки, даже если они коронованы, – отрезал Ориан. – И это мы обсуждали уже не раз.

– Хорошо, пусть так, – поморщился Лориан, в облике которого не осталось ни следа от былой ярости. – С Джакобом я разберусь, но мне нужен оскант, Ориан. И ты мне его достанешь. – Уже не просьба – приказ и понимание этого отражалось в глазах обоих.

– Что случилось? – насторожился Ориан.

– В Академии неконтролируемой магии взорван один из учебных корпусов, а в Кшаене стихийники уничтожили несколько кварталов, – Лориан мрачно потёр переносицу. – И месяц назад Оттельберг призвал своих бывших студентов со всей империи.

– Поэтому ты был уверен в его виновности?

– Его академия в три раза больше твоей, – мрачно отозвался Лориан. – И в десятки раз опаснее. Чего только стоит эта его Киндерен... шаргхово дарование похлеще твоей девчонки.

– Гарриган Оттельберг предан тебе и короне, – напомнил Ориан.

– Я лучше других знаю, сколько стоит преданность, – раздражённо отозвался Лориан. – И как легко она продаётся.

– А Кшаен? – спросил Ориан после недолгого молчания. – Что произошло там?

– Допрашивать пепел я, знаешь ли, не в силах. – Император едва уловимо махнул ладонью, и разбитые бокалы обра-

тились тьмой вместе с пролитым содержимым. – После того, как около пятнадцати горожан были сожжены, утоплены и закопаны заживо, эти... взялись за руки прямо в центре города и выжгли не только магию, но и себя. Вместе со всеми лавками в радиусе ста локтей.

– Как это возможно? – хрипло спросил Ориан. – Стихии ведь не могут менять носителей, и объединить их тоже не получится – слишком неуправляемая сила...

– Оттельберг говорит то же самое, – скривился император, – но выжженное пятно посреди Кшаена доказывает обратное.

Каждому было о чём подумать, и на несколько долгих минут в кабинете воцарилась тишина.

– Ты заберёшь наёмника? – спросил, наконец, Ориан.

– Завтра пришлю кого-нибудь, – отмахнулся император. – Он хоть жив?

– У нас хороший лазарет, – хмыкнул тот. – И лекари.

– С мёртвыми проще. – Император ненадолго замолчал. – У тебя две недели, Ориан. Или ты достаёшь мне оскант, или... – Лориан замолчал, предоставляя простор для воображения. – И не забудь разобраться с девчонкой.

Твёрдым шагом император пересёк кабинет и растворился в тени камина.

***

Как это можно выучить?!

Я отбросила карандаш и запустила руки в волосы. Шёл

третий час зубрёжки. Из тридцати зачётных вопросов ответы нашлись только на два и с каждым часом вероятность, что я просто не успею к зачёту, увеличивалась. В особенности после того, как на мой стол опустился красный вестник.

Лаборатория 101. Ничего нового.

Кроме того, что с последней нашей встречи мы дважды целовались. И что на меня напали прямо в коридоре школы. И знакомства с Исгардом Шалинбергом. В остальном действительно ничего нового.

Привычно забросив карандаш и листы бумаги в сумку, я вышла из комнаты. Коридор. Ещё один. И ещё – тонущий в вечернем полумраке, от которого я поёжилась и невольно ускорила шаг. К счастью, лаборатория оказалась пуста, а, значит, удача подарила мне несколько минут, чтобы восстановить дыхание, мысли и мораль.

Особенно последнее, потому что целоваться с собственным ректором... не то чтобы запрещено, но, стоило обитателям академии узнать о наших отношениях, и в лучшем случае студентки обойдутся проклятиями в спину. Про худший думать не хотелось хотя бы потому, что Ориан не Рик и месть его поклонниц будет гораздо более убийственной. А моя защита гораздо менее эффективной.

– Извини, задержался, – послышалось из-за спины, как только открылась дверь.

– Что-то случилось? – И нет, голос дрогнул не из-за его присутствия.

– Нет, всё в порядке.

Пока Ориан ставил шкатулку на стол, я невольно вспомнила о своём «всё в порядке» и невесело усмехнулась.

– Ты уверена, что готова? – Вместо того чтобы отойти и открыть мне вид на вместилище осканта, он продолжал стоять рядом. К чему готова? – Второй слой, Лея, – насмешливо напомнил Ориан.

– Ты действительно позволишь мне остаться? – вскинулась я.

– Ты уже здесь и выгонять тебя я не собираюсь. – Практически не глядя Ориан выкладывал из шкафов какие-то предметы, один за другим.

– Что это? – Я с интересом разглядывала прозрачные пирамиду, шар, конус и цилиндр с заключёнными в них стихиями.

– Гарантия сохранности лаборатории. – Фигурами он образовал квадрат вокруг шкатулки.

– Только не поглотитель! – с обречённым стоном я узнала камень на дальней от меня стороне стола.

– В этот раз из сокровищницы императора, – понимающе улыбнулся Ориан. – И потом, в отличие от тебя, у меня есть знакомый, способный вытащить из-за грани любого.

– Это утешает, – обречённо прикрыв глаза, отозвалась я, не реагируя на провокацию.

– Лея, – он подошёл и коснулся щеки, заставляя поднять голову, – ничего не случится. Если мы промахнёмся, стихии

не позволят магии выйти за пределы схемы, а поглотитель рассеет активированные заклинания.

– Верю, – невесело улыбнувшись, я поднялась, подозревая, что так лучше рассмотрю схождение.

– Я не разрешил бы тебе остаться, если сомневался. – Ориан удержал меня за талию и поймал мой взгляд. – Я не стал бы тобой рисковать. Ты же это понимаешь?

– Понимаю.

Как и то, что он слишком близко для того, чтобы я могла сосредоточиться. Мерцание в глазах Ориана затягивало, много чего обещая, но нам обоим требовалась сосредоточенность. И точно не на друг друга.

Поэтому я уткнулась лбом в его грудь.

– Ты же понимаешь, что ничем хорошим это не закончится. – Вместо ответа он взял мою руку и легко поцеловал внутреннюю сторону запястья.

– Я понимаю гораздо больше, чем ты думаешь, – с улыбкой отозвался Ориан и ушёл размещать поглотитель в одному ему известное место.

– Что нужно делать? – Я запретила себе думать о его словах и включилась в работу.

Несмотря на зацикленность плетений, каждое заклинание имело начало и конец, и то место, где одно перетекало в другое, называли сходом. В своих записях я обводила его в круг, чтобы понимать, где должна закончиться схема, но придуманные мной плетения меркли перед тем, что сотво-

рил неизвестный гений со шкатулкой.

Единственная практическая польза схождения носила разрушительный характер, который чаще всего использовали артефакторы и составители заклинаний. А всё потому, что ни один нормальный боевик не решит в разгар атаки ковыряться в заклинании противника, чтобы его обезоружить. Гораздо проще ударить молнией. Тем более что в случае неудачи вся мощь заклинания обрушивалась на горе-мага.

Жаль только, что у нас не одно, а двадцать таких заклинаний. На одно-единственное схождение.

– Практически ничего, – закончив с защитой, Ориан встал перед шкатулкой. – Встань рядом и следи, чтобы отмычка попала в нужное место.

Я и встала, понимая, что так не вижу половину схем. Под насмешливым взглядом Ориана перешла на правую сторону, с тем же успехом. Воскресшая было, мораль попробовала что-то пискнуть, но я уже стояла перед Орианом, пользуясь разницей в росте.

– Удобно? – тёплое дыхание коснулось уха, а его левая рука обвила мою талию, притягивая ближе.

Мораль сдохла быстро и практически без мучений.

– Оч-чень.

Особенно мурашкам бегать туда-сюда по моей коже, сердцу выводить скоростной ритм, а всему остальному требовать забыть про схождение и развернуться к Ориану лицом.

– Смотри, – посоветовал он, и я перевела взгляд на шка-

тулку.

Отмычкой называлось нейтральное заклинание, которое, встретившись с активным, как бы обволакивало его, разрушая плетение. Его редко где использовали, но в нашем случае оно пришлось как раз кстати. Оставалось самое сложное – коснуться им именно схождения, разваливая не одну, а всё множество переплетённых схем.

– Стой!

Я плохо представляла, как буду управлять Орианом. Предполагалось, что он сделает всё сам, как в первый раз, но ладонь, на которой висела отмычка, направилась в совершенно другую сторону.

Риск перевешивал все сомнения, поэтому я положила ладонь на манжету его сюртука, исправляя направление.

– Я зря не взял тебя в прошлый раз, – насмешливо хмыкнул он мне в затылок.

– Мне стоит знать почему? – Я старательно игнорировала его присутствие, дыхание и широкую ладонь, поглаживающую мою талию.

– Нет, Лея, – я услышала смешок, – не стоит.

Он почти коснулся схождения, и я отпустила рукав. Не став задавать вопросов, Ориан едва заметно шевельнул пальцами, отпуская заклинание, и крепко прижал меня к себе.

Но мне стало всё равно в тот момент, когда отмычка коснулась схождения.

Это оказалось настолько красиво, что я застыла, забыв

обо всём на свете. Отмычку я видела впервые, не задумываясь, какого цвета должно быть нейтральное заклинание. Его серые линии практически сливались с окружающим миром, но в момент движения проявлялись смазанной тенью.

Как только отмычка коснулась самого центра схождения, она вспыхнула поочерёдно красным и жёлтым цветом, но самое интересное началось после. Атакующие и заклинания иллюзии, до этого сплетённые так тесно, что не разделить, начали расползаться сразу во все стороны! Грейс как-то распускала неудачно связанный цветной шарф – тянула нитки и они сами расползались, из сложных петель легко становясь обычной пряжей.

То же происходило и сейчас. Красные и жёлтые линии выскользывали из узлов, рассеивая углы, из которых те состояли. Не так быстро, как у Грейс, давая мне возможность насладиться процессом. И я смотрела, как второй слой распадается, обнажая что-то гораздо более сложное. И страшное.

Не понадобились ни элементы стихий, ни поглотитель.

– Красиво, – с облегчением выдохнула я, когда вокруг шкатулки не осталось ни одной красно-жёлтой линии. Мне не верилось в то, что всё прошло настолько буднично. – Я никогда не задумывалась над тем, какого цвета отмычка.

– Откуда ты вообще о нём знаешь? – хмыкнул Ориан, разворачивая меня к себе лицом.

– Читала.

– В преподавательской секции? – улыбнулся он, легко ка-

саясь моей щеки.

– Та книга даже в категорию условно-запрещённых не вошла!

– А какие входили? – мягко спросил он, ловя мой взгляд.

– Не смотри на меня так, – я отстранилась и отошла к шкапулке, рассматривая самый опасный из всех трёх слоёв.

– Как?

– Ты прекрасно понимаешь, о чём я, – бросив на него взгляд из-под ресниц, я вернула внимание по-настоящему смертельным заклинаниям.

– Я понимаю, – подтвердил он, прищурившись и оперевшись ладонями о стол, – а ты понимаешь, Лея?

– На что ты меня провоцируешь? – Я раздражённо выпрямилась. – Или лучше спросить зачем? Я хочу закончить академию, Ориан. Хотя бы так сделать вид, что всё мной задуманное ещё в силе. Что я всё ещё управляю своей жизнью, а не сдалась в руки... – я запнулась, проглатывая горькие слова. – Меньше всего я ожидала, что вызов в кабинет ректора обойдётся мне... этим, – я обвела рукой лабораторию, имея в виду не только покушения.

Точнее, совсем не их.

– Чем это мешает твоим планам? – насмешливо спросил Ориан, тоже имея в виду далеко не оскант.

– Всем. – Откровенно страшно разговаривать так с магом вдвое старше себя. – Ты – ректор, заслуженный боевой маг и друг императора! А я... – Когда это я трусила? Вот и сейчас

не стану. – Я – невеста дяди императора и, по совместительству, советника империи. Действительно считаешь, что это мне никак не помешает?

Ориан молча ждал продолжения.

– Я знаю, что тебе нужен титул. И что ради этого ты отбываешь пятнадцатилетний срок на посту ректора, именно поэтому никто не усомнился в правдивости той статьи.

Не секрет, что титул в империи можно было только заслужить и даже император не в силах присвоить его просто по собственному желанию. И женитьба – лучший выход из положения для того, кто в этом титуле нуждался. Даже я не посмела бы осудить Ориана, окажись помолвка настоящей.

Злилась бы, ревновала, выла в подушку, но не осуждала.

– Титул нужен не мне. – Ориан смерил меня задумчивым взглядом – Лем мечтает сделать меня главнокомандующим и свалить всю грязную работу на того, в чьей верности не сомневается.

– Но ты согласился на пост ректора.

– Неплохой шанс сменить род деятельности, и с годами мне здесь даже начало нравиться. И возвращению к императорским интригам я предпочту руководство академией.

– Разве оскант не имеет отношения к тем же интригам? – покачала я головой.

– Там это стало бы моей работой, – просто ответил Ориан, только сейчас заставив осознать, насколько легко мне с ним говорить.

Я не знала, что ещё сказать, чтобы донести до него весь тот ворох сложностей, который последует за нашими неопределёнными отношениями. Он молча ждал, наверное, моих претензий.

– Хорошо, – тяжело выдохнула я. – Надеюсь, ты не против, если я займусь последним слоем.

Не дожидаясь ответа, я достала лист, карандаш и села перед шкапулкой, собираясь его игнорировать.

– Ты мне нравишься, Лея, – я подняла глаза, – и мне не безразлична твоя судьба.

– Какая судьба, если всё уже решено? – Я отбросила карандаш. – Через полгода от меня не останется ничего, кроме улыбающейся по команде дурочки.

О том, что нравлюсь ему, я знала и без признаний, но проблема ведь не в этом. Моя влюблённость перерастала во что-то большее без участия разума, хладнокровностью которого я всегда так гордилась. И всё меньше было уверенности, что я выйду из этого без последствий.

– Уверена? – Меня по-настоящему напрягло то, как он это сказал.

– Уже не очень.

Похоже, что на сегодня мы всё-таки закончили. Тем более что я вспомнила о магическом праве и хотя бы ещё одном вопросе, с которым нужно закончить сегодня. Я собралась и встала, чтобы уйти, но он удержал.

– Лея...

– Ориан, – не выдержав, перебила я, – если ты меня поцелуешь, одним рианам известно, чем закончится вечер. Но что дальше? – Под внимательным взглядом я нарочито внимательно сняла пылинку с его плеча. – У тебя далеко идущие планы на жизнь, вся моя уже распланирована, и я не уверена, что наши параллельные прямые в принципе могут пересечься. Я... мне не всё равно, но я трезво оцениваю свои шансы.

– И какие прогнозы? – насмешливо поинтересовался Ориан, убеждая меня в том, насколько легко он к этому относится.

Вступать в очередной спор не было никакого желания, поэтому я молча развернулась и, подхватив по пути сумку, покинула лабораторию.

Какие прогнозы? Да никаких, особенно в свете того, что Ориан – мой ректор, а Эвилонберг как бы жених. Конечно, стоило вспомнить об этом в тот момент, когда мы впервые поцеловались, но чего уж теперь! Я не врала ему ни единым словом – у нас отсутствовало совместное будущее. А раз так, то какой смысл усугублять всё ещё больше?

Хотя чутьё подсказывало, что в моём случае больше уже просто некуда.

Глава 36

Побудка среди ночи ознаменовалась головной болью и криками.

– Что происходит?! – рявкнула я, рывком открывая дверь в коридор.

Двух таскающих друг друга за волосы девиц не смутил ни мой рык, ни короткая пижама – и без меня набралось полно недовольных, и усмешки на лицах студенток мелькали вполне себе понимающие. Я пропустила очередной скандал? Запросто, учитывая, что в академии меня не было почти двое суток.

– Араэла вчера видели выходящим из комнаты Далиры! – восторженно шепнула моя соседка безымянной подружке. – На месте Ирэн я бы ей тоже патлы повывёргивала!

Делить одного из близнецов? Совсем голову отбило? Они, фаркасы задери, близнецы! БЛИ-ЗНЕ-ЦЫ! И бедняжка Далира вполне могла оказаться невиновной, попавшись на уловки сиятельных братьев.

– Что здесь твориться?! – от лестницы раздался громоподобный голос куратора.

Зевнув, я вернулась в комнату. Сон ушёл, и я села за стол, подперев голову кулаком. Стоило засесть за магическое право, раз выдалась возможность, но мне никак не удавалось заставить себя открыть учебник. Вытянув из стопки два листа

с задачей поинтереснее, я разложила их перед собой.

Итак, явившееся мне заклинание состояло из двух противоположных по действию узлов. Один должен был защищать, а другой изменять. Разделив два чистых листа на четыре части каждый, я задумчиво вертела в руках карандаш. В общем-то, логика в комбинации пассивных и активных углов была, но что они могли делать совместно?

Начать с защиты оказалось проще и, перерисовав углы, мне удалось вывести общий смысл. Жаль только, что после этого напрочь терялась нужда в изменениях. Потому что защищало заклинание изоляцией чего-то или кого-то в сферу и последующего их рассеивания.

Но зачем изменять то, что ты планируешь уничтожить?

А если забыть про защиту... второй узел изменял, но не отдельно взятую часть, а нечто целиком.

Я взлохматила волосы, начинало пульсировать в висках.

Что же он менял? Я поворачивала, крутила и вертела листок, но так и не получила результата. Шумно вздохнув, оставила схему в покое.

«Чем это мешает твоим планам?»

Голос Ориана прозвучал вообще некстати, заставив вздохнуть ещё тяжелее.

Да хотя бы тем, что вместо диплома я думала о нём и невозможном. А вдруг? Вдруг получится? Вдруг сойдётся? Вдруг он станет тем, кого в моей жизни ещё не было?

Как же!

А император в компании Присли и советника прослезится на нашей свадьбе, забыв про всех, наверняка уже подобранных для Ориана кандидаток. Я скорее поверю, что его императорское величество устранил раздражающую студентку, чтобы друг не отвлекался от осканта и перспектив.

А, может, того недоубийцу подослал именно он?

Нервный смешок вырвался помимо воли.

Если это так, то можно смело выбирать место на кладбище. Потому что воля императора не оспаривалась никем... кроме Ориана. Но он станет последним, кому Лориан Оришанский расскажет о своих убийственных планах. Возможно, даже посочувствует потом гибели одной умной, но слишком лишней студентки.

Тем более что на шкатулке остался всего один слой и моя помощь... стоп.

Слой. Схватив карандаш, я быстрыми росчерками соединила линии и неверяще выдохнула. Второй узел не просто менял, он переворачивал всё с ног на голову! И это значило, что заклинание не применялось к живым... но неживое тем более не могло изменяться. Перед глазами пронеслись события сегодняшнего вечера.

Этого просто не могло быть.

Потому что оно изменяло не предметы – полюса заклинаний, переворачивая действие на противоположное! И я должна сказать об этом Ориану, потому что если догадки верны... рианы, неужели всё вот так просто! Неужели мы

сможем открыть шкатулку одним-единственным заклинанием? Неужели ещё чуть-чуть и оскант, а с ним и спасение для всех стихийников будет в руках наших и императора?

Нервная дрожь прокатилась по телу.

И, может, тогда мне удастся попросить о милости? В конце концов, неужели для советника не найдётся более подходящей невесты, чем я?..

Выходной.

Я открыла глаза, уставившись в кипельно-белый потолок. Вставать не хотелось, зато перевернуться на другой бок и поглубже зарыться в одеяло очень даже. Но и маленькой щелки в шторах хватало, чтобы яркие лучи грели затылок. Дни едва перевалили через середину первого месяца года, а солнце уже отвоёвывало себе место, настраивая на весенний лад.

И хотелось весь день проваляться в постели, но когда меня волновали собственные желания! Я села, пригладила растрепавшиеся волосы и улыбнулась. На письменном столе стоял поднос с крышкой, рядом лежало письмо и небольшой свёрток с белым бантом.

Они всегда помнили обо мне больше, чем я сама.

Когда-то этот день вызывал один лишь восторг, потом я его ненавидела, потом злилась и, наконец, смогла полюбить. Тот день, когда родители, наверное, были по-настоящему счастливы. Тот, который принёс мне много бед. Тот, который я игнорировала долгие годы.

День моего рождения.

Под крышкой оказался лучший в мире завтрак – не сладкий ягодный напиток, два варёных яйца с жидким желтком, огромный кусок слоёного пирога с мясом и торт. Маленький десерт из ягод, крема и бисквита с витиеватыми буквами «А. Г.» сверху и цифрой двадцать три сбоку.

Торт, который ровно пять лет назад Николас придумал для бедного несчастного ещё ребёнка, тоскливо читающего в библиотеке. В одиночестве. В собственный день рождения. И с того момента не было ни одного года, когда бы я не находила утром завтрак и подарок от Грейс.

Шали, шарфы, перчатки и шапки – уволься она от Присли и могла бы зарабатывать одним вязанием, настолько искусно у неё это выходило. Грейс любила меня, а я любила тепло, но сегодня свёрток с запиской оказался подозрительно лёгким. Решив растянуть удовольствие, я сначала расправилась с завтраком и только потом раскрыла подарок.

Всё-таки перчатки. Цвета красного вина, из тончайшей пряжи, купленной явно не в простом прилавке на ежегодной ярмарке, украшенные вышивкой из морозных узоров. И, увлекшись рассматриванием рисунка, я не заметила, как из них что-то выпало, громко ударившись о стол. Отложив перчатки, я перевела взгляд, ожидая увидеть недорогую, но приятную мелочь.

На столе лежал ключ. Массивный, латунный, с узорной головкой и причудливой бородкой, похожей на букву «Г».

И как-то враз закончился воздух, рука судорожно сжала горло, а я широко раскрытыми глазами смотрела на стол и не верила.

Она не должна была этого делать!

А я должна дышать, вот только вдох больше походил на всхлип. Что делать? Куда бежать? Как отвести беду от единственного близкого мне человека? Как... спасти Грейс от ярости Присли, когда он узнает, что она украла тот самый ключ от дома моих родителей?

От моего дома.

Боясь оторвать взгляд, я осторожно коснулась вычурных узоров, ожидая, что он исчезнет так же легко, как и появился. Рианы, с каждым днём моя жизнь всё больше похоже на абсурд. Ключ, получить который я мечтала одиннадцать лет, легко лёг в ладонь. Невесомый, с лёгким флёром защитных заклинаний, он не открывал дом в прямом смысле этого слова. Ключ вскрывал защитные плетения, активировал бытовые заклинания, оживлял дом, стряхивая с него пыль времени.

И хранился потом как реликвия, передаваемый из поколения в поколение.

Смешно. Все эти годы готовясь биться за мечту о доме, я потеряла надежду, только услышав «Орасом Присли было заключено соглашение о помолвке с великим князем» и вот сейчас...

Но и это было не всё. В письме Грейс поздравляла с днём

рождения, много чего желала и молила за неё не бояться. Потому что ключ от родительского дома она нашла случайно рядом с рабочим столом Присли, фактически он сам его потерял. Ещё Грейс сообщала, что собирается увольняться и категорически запрещала возвращаться в Орланию.

По её словам Присли связался с плохой компанией, ходил счастливым и начал ремонт в южном крыле поместья. Он ждал больших денег, и Грейс считала, что это связано со мной.

Связано? Да он меня банально продал.

Покачав головой, я перечитала письмо и предпочла его сжечь. За меня Грейс всегда волновалась больше, чем нужно, зато сейчас именно она предоставила мне повод для переживаний. На этот раз за себя, хотя...

Присли – редкий скупердяй и ради поисков ключа не станет привлекать магов, гораздо проще обратиться в Имперский банк за дубликатом. То, что ключ украли, вряд ли придёт ему в голову, потому что кроме меня он никому не нужен. А я в академии.

Закусив губу, я старалась подавить улыбку. Мне не нужно возвращаться к Присли! Меня ничего больше не держало в том месте и ничего хорошего не ждало – в этом я была согласна с Грейс. И... может быть, я смогу сбежать и от свадьбы с советником?

Сбежать?

Да, сбежать я могла и месяц назад, вот только... оскант,

дом, Ориан. И если с последним всё было плохо, но понятно, то оскант без меня не достать. Теперь точно нет – моё закливание изменит смертельные плетения на что-нибудь безопасное и рассеет их. Наверное. Но без меня Ориан точно самоубьётся, стихийные маги останутся без спасения, а империя окажется на грани магической войны.

И... горькая усмешка коснулась губ.

Пусть я трижды идиотка, но этого не допущу. Даже ради собственных, уже неосуществимых планов. И это больно, большее стихийного огня, что ещё недавно выжигал меня изнутри. Но это правильно, а значит...

Ящик открылся легко и свободно, и также легко там остался ключ.

И в то же мгновение передо мной лёг красный вестник.

Сегодня Ориан ждал меня не перед отбоем, а уже через час. Удивительно, но хотя бы будет повод отвлечься от собственных мрачных мыслей. Да и с последним слоём придётся быть очень осторожной, особенно, зная решительность Ориана. И в этот раз я буду перепроверять схему до победного, пока точно не уверюсь, что всё в порядке.

Вот только сборы прервал стук в дверь. Успев удивиться, как не похож он на дикий грохот соседок и одиночный, но весомый удар куратора, я открыла дверь. И оказалась нос к носу с Джакобо Эвилонбергом.

– Ваше императорское высочество. – Спасибо Присли за то, что этикет в меня вдолбили намертво, и низкий поклон

вышел на одних рефлексах.

Рианы, как он сюда попал? И почему без сопровождения хотя бы куратора?

– Джакоб, моя милая Аурелия. – Советник снял перчатку и, коснувшись прохладными пальцами моего подбородка, заставил подняться. – Я же не могу пропустить день рождения своей дорогой будущей невесты.

Интуиция вопила, по телу прокатилась дрожь страха, но я лишь отошла в сторону, пропуская советника и его носильщиков. Которые за несколько мгновений заставили всю комнату аериями, на кровать поставили огромную коробку, а на столе оставили намного меньшую, но гораздо более угрожающую. Моему спокойствию уж точно.

– Я не думала, что вы знаете... – под конец фразы голос сел.

– Не обижайте меня, Аурелия, – волнуяще улыбнулся Эвилонберг, а у меня слова застряли в горле, – вы мне важны, я беспокоюсь о вас и, конечно, я не смог пропустить такой важный для вас праздник.

Да уж, важный. Настолько, что почти всё самое плохое со мной случилось именно в этот день.

– Как вы себя чувствуете? – Он усадил меня рядом с собой. Ничего неприличного, если забыть, что мы одни, а местом для посиделок советник выбрал мою кровать. И властно сжал ладонь, когда я захотела отодвинуться. – То происшествие... – он с сожалением покачал головой. – После него

я не получил ответа ни на одно своё письмо, вы уверены, что хорошо себя чувствуете? Я беспокоюсь, что учебная нагрузка слишком велика и плохо сказывается на вашем самочувствии.

– Всё в порядке, ва... Джакоб. – Рианы, пошлите сюда хоть кого-нибудь! Да я даже Корсе обрадуюсь как родной! – Я люблю учиться, и мне нравится академия.

– Тогда почему вы молчали столько времени? – И настолько мягкая и заботливая улыбка, что хоть лужицей расплывайся.

– Мне не хотелось отвлекать вас от государственных дел. – Рианы, пусть обойдётся! Пожалуйста, пусть он поверит опущенным глазам, пусть примет меня за скромную дурочку. – Вы занимаете такой важный для всех нас пост...

– Милая Аурелия, – советник легко поцеловал мою безвольную ладонь, посылая по рукам мурашки. И шаргха с два они от девичьего волнения. Рядом с ним меня накрывал дикий, какой-то иррациональный страх. – Все посты и дела меркнут на вашем фоне.

Если бы не протест внутри, я бы поверила и голосу, и взгляду, и всему советнику, который вёл себя как самый натуральный влюблённый.

Ага, в несовершеннолетнюю девушку, которую видел один-единственный раз.

– Простите, мне нужно... – почувствовав касание, когда он заправил мне за ухо выбившийся волосок, я вскочила с

места.

Что нужно? К Ориану? Смешно.

– Вы боитесь меня, – вздохнул Эвилонберг с таким искренним огорчением, что я не выдержала – подняла на него глаза. – Аурелия, разве я такой страшный?

Тёмный взгляд, подтянутая фигура, высокий рост, шаргова куча титулов, денег и император в близких родственниках. Ах, да, по слухам ещё и невероятные магические способности, в отличие от Лориана III, который как бы не маг.

Правда, это не помешало императору вернуть меня с того света.

– Н-нет. Конечно, нет.

– Я сделал вам что-то плохое? – грустно улыбнулся советник, приближаясь. – Напугал вас?

Может и сделал, откуда мне знать. Но то, что маги такого уровня не женятся на сиротках без хотя бы захудалого титула – в этом я была уверена.

– Нет, просто...

– Просто вы юная, неопытная и очень светлая девочка. – Ладонь советника скользнула на талию, меня передёрнуло, но места для отступления не осталось. – Идеальная кандидатура на роль моей спутницы. Вы ведь будете моей спутницей?

– Спут-т-ницей? – Рианы, не оставьте меня зайкой!

– На балу, – ободряюще улыбнулся Эвилонберг, впрочем, не переступая больше приличий, – в честь твоего рождения,

Аурелия.

– Что? – Хотелось потрясти головой, чтобы осознать.

– Ровно через неделю в моём дворце состоится бал, посвящённый твоему дню рождения и нашей помолвке, милая Аурелия.

Кажется, ко мне даже стихийный дар вернулся – грудь начало жечь, воздух в лёгких как-то сразу закончился, а в глазах замелькали чёрные точки.

– Но... как... ведь летом...

– Ты так прекрасна, что моё сердце не может ждать так долго, – тепло улыбнулся советник и поцеловал.

К моему большому счастью, в лоб, после чего отошёл на два шага. Оставалось до боли сжимать спинку стула и просто стоять, пытаясь осознать неотвратимость происходящего.

– Мы с бароном Присли пришли к мнению, что нет смысла ждать, пока ты закончишь академию. Помолвка состоится в следующие выходные, а свадьбу мы приурочим ко дню рождения императора. Уверен, что Лориан будет в восторге. Аурелия, ты побледнела, – отметил советник, склонив голову на бок, но даже не думая подходить. – Ты не рада?

– Счастлива, – хрипло выдавила я, надеясь, что ошибаюсь. И что император родился не в начале третьего зимнего месяца. То есть через три недели? – Это от волнения.

– Как прекрасно, что мы оба горим одним желанием, – и столько иронии было в этой конкретной фразе, что я вскинулась, встречаясь с насмешливым тёмным взглядом. – А се-

годня проведём день в обществе друг друга. – И всё прежнее тепло и мягкость растворилось в истинной властности, которой обладал этот маг.

– Но я...

– Это не вопрос, Аурелия, – усмехнулся советник, – ты же не будешь противиться воле будущего мужа?

– Не в вашей воле командовать моими студентами, – от одного звука этого голоса я едва не рухнула, но позволила себе лишь прикрыть на мгновения глаза. – Ваше императорское высочество, – гораздо ироничнее добавил Ориан, подходя к нам.

Глава 37

– Рад видеть вас в академии. – Ориан встал передо мной и легко поклонился советнику, практически полностью загоразивая меня от его взгляда. – К сожалению, о визите вашего императорского высочества мне сообщили с опозданием, поэтому я задержался.

– У моей милой невесты день рождения, – усмехнулся Эвилонберг, – и она выразила желание провести этот день со мной.

Я сделала что?

– Поздравляю вас. – Ориан обернулся, встречаясь со мной насмешливым взглядом. – И вас, ваше императорское высочество. – Даже мне со спины этот поклон показался издевательским. – Боюсь, я пропустил новость о вашей помолвке в «Вестнике Оришана», простите мою невнимательность.

– Объявления ещё не было, – скривился советник, – помолвка назначена на выходные. Но, принимая в расчёт наше обоюдное желание, факт можно считать свершившимся. Не так ли, милая Аурелия?

– Безусловно. – Я даже рта раскрыть не успела, хотя в этой ситуации меня полностью устраивало то, что Ориан отвечал за меня. – Что может остановить любящие сердца в стремлении соединиться, – на откровенную насмешку вскинулся даже советник. – И мне очень жаль расстраивать вас в такой

радостный час, но лиерра не может покинуть академию.

– Разве студенты стали твоими пленниками, Ориан? – опасно прищурился Эвилонберг.

– Как можно, ваше императорское высочество. Дело в том, что лиерра уже опаздывает.

– Опаздываю? – Новость оказалась настолько неожиданной, что прикусить язык я не успела.

Ориан повернулся ко мне с таким видом, словно я не просто опоздала, а провалила все экзамены разом. Даже в первую нашу встречу в библиотеке он не выглядел настолько суровым.

– Допускаю, что встреча с женихом спутала ваши мысли, лиерра, – строго отозвался он, – но потрудитесь вспомнить, что вас ждёт профессор Поберг для дополнительных занятий, о которых вы договаривались.

– Магическое право, – ахнула я. – Вы простите меня? – жалобный взгляд на недовольного советника. – Профессор и правда ждёт, и очень не любит опозданий. Прошу вас, Джакоб... – Да ради того, чтобы избавиться от общества советника на сегодня, я ещё не на то пойду. И, выйдя из-за спины Ориана, я приблизилась к Эвилонбергу. Хотела взять его за руку, но посчитала явным перебором. – Разве может ваша невеста иметь в дипломе плохие оценки?

– Что же, препятствовать стремлению учиться – последнее дело, – мягко улыбнулся советник и склонился, крепко удерживая мою руку. – Ведь скоро ты всё равно станешь мо-

ей. – От зловещего шёпота пробрала бы дрожь, но вместо этого я радостно улыбнулась, подхватила сумку и пошла на выход, тщательно контролируя каждый шаг.

– Лиерра, лаборатория 101, – напомнил Ориан за мгновение до того, как я взялась за ручку двери. – Идите, вас ждут.

И я пошла, оставляя за спиной двух сильных магов.

Лаборатория ломилась от цветов, обычных и магических. Была здесь и аерия, получить по лицу которой когда-то опасался Рик. словно в другой жизни. Чтобы дойти до рабочего стола мне пришлось осторожно красться между корзинами. Аромат окутывал лёгкостью и свежестью, не похожий на привычный удушливый цветочный запах.

Глупо было считать, что Ориан не в курсе.

Улыбка отказывалась сходить с лица, не помогали ни уговоры, ни недавняя встреча с советником. Да, меня не должно радовать внимание собственного ректора, но разве можно сдержаться? Вот и я не могла игнорировать бешеный стук сердца и с наслаждением вдохнула аромат стоящих на столе орхидей, только сейчас замечая лежащую рядом записку.

«Невероятной и независимой».

– С днём рождения. – Я обернулась и увидела Ориана, с улыбкой смотрящего на меня от двери.

– Спасибо. – В первую очередь за то, что сейчас я стояла здесь, а не ехала в Унаш в компании Эвилонберга, и Ориан это понял.

– Я не знал, какие цветы ты любишь. – Но сделал вид, буд-

то ничего особенного не случилось. Он шёл ко мне и никакие цветы ему не мешали.

– Орхидеи. – Я легко коснулась бархатистого лепестка. – Я люблю орхидеи, – и всё же не удержалась от вопроса: – Зачем всё это, Ориан?

– Потому что у тебя сегодня праздник, – как само собой разумеющееся отозвался он, – и потому что мне хотелось тебя порадовать.

– Ты уже порадовал, когда спас от советника, – покачала я головой, с улыбкой глядя на цветы. – Большого и желать нельзя.

– Можно. – Я подняла на него взгляд. – Лея, выполнишь одну мою просьбу?

– Мне казалось, сегодня должны выполняться мои просьбы.

– Ты ведь никогда не следовала правилам. – Ориан стоял рядом, но не касался меня даже краем одежды. Чувствуя эту хрупкую дистанцию, я вздохнула, вспоминая ту памятную ночь, с которой всё началось. – Я не попрошу ничего страшного.

– Хорошо, я выполню твою просьбу, – вздохнула я, меньше всего ожидая, что передо мной появится небольшая коробка.

Такая, в которой обычно дарят кольца.

Я с испугом отшатнулась, но стол все ещё стоял за мной, и от неловкого движения ваза с орхидеями полетела на камен-

ный пол. Но вернулась на место, стоило Ориану взмахнуть рукой.

– Ты сказал, что не попросишь ничего страшного, – голос надломился.

– Что такого может быть в подарке? – Ориан открыл футляр.

– Смотри какой подарок. – Рука сама потянулась к горлу. – Я не приму его, Ориан.

Широкий золотой обод, усыпанный мелкими рубинами так, что свет, отражающийся в них, скакал по потолку и стенам лаборатории алыми всполохами.

– Ты обещала, Лея, – напомнил он и, не дожидаясь моего согласия, надел кольцо на безымянный палец правой руки, словно...

Нет.

Ни насмешливый вид Ориана, ни откровенная двусмысленность не убеждали меня в том, что это всерьёз. В голове шумело, сверкающее кольцо на моём пальце отдавало явным безумием. Вот только чьим? Как назло украшение нагрелось и сжалось, плотно обхватив палец, и только тут я догадалась посмотреть на него внимательнее.

– Что это за кольцо, Ориан? – холодно отозвалась я, отходя на шаг, и даже не пытаюсь снять кольцо. Догадывалась, что теперь это не в моей власти, ведь такого многообразия заклинаний не было даже на шкатулке.

– Это кольцо моей матери, – не стал скрывать Ориан, –

его мой отец надел ей после обряда в храме.

– Что? – Какое счастье, что берилл всё ещё на мне, иначе с такими потрясениями от академии не осталось бы и камня.

Он не мог. Это же Ориан Оллэйстар – беспристрастный, справедливый и благородный ректор Академии контролируемой магии! Герой войны. Приближённый императора. Он просто не мог так поступить.

Ощущение надвигающейся катастрофы заставляло хватать ртом воздух, и я почувствовала, как темнеет в глазах. В общем-то, неплохой выход, но потерять сознание мне не дали.

– Лея, – прикрикнул Ориан, одним прикосновением возвращая меня в реальный мир. – Лея, прекращай комедию.

– Комедию? – неверяще переспросила я и оттолкнула его руки. – Ты рехнулся? Или считаешь, что теперь можешь, как Присли распоряжаться моей жизнью по собственному усмотрению? Как, вообще, тебе в голову пришло...

– Успокойся. – Он крепко прижал меня к себе. – Что ты напридумывала? – Ориан показательно поднял мою ладонь и снял кольцо, отбросив его на стол. – Я хоть раз дал тебе повод сомневаться в себе? – Он же приподнял моё лицо за подбородок, и от его взгляда начали подкашиваться колени. – Просто поверь, Лея, – прошептал Ориан, склоняясь. – Доверься хоть раз.

Лишь одинокий, дважды брошенный ребёнок, поймет, как мне хотелось забыть обо всём и раствориться в этих объ-

ятиях. В сильных и надёжных руках того, кто всегда защитит и поддержит, но...

– Ты прекрасно понимаешь, что это недоступная для меня роскошь. – Я говорила, а сама не могла оторвать взгляда от кольца, отлетевшего на край стола. – Но всё равно продолжаешь издеваться над собой и надо мной. – Потянувшись, я всё же положила подарок на раскрытую ладонь.

Действительно красивое и не бездушное, как украшения той же Корсы. Если бы не Присли и советник, оно стало бы отличным подарком, но я панически боялась. Боялась того, что для меня это кольцо носит больший смысл, чем для него. Боялась довериться так сильно, как хотел он.

– Я знаю, как достать оскант. У меня есть нужное заклинание, хватит пары недель, чтобы довести его до ума, а потом, – горькая усмешка вылезла как всегда некстати, – потом я выйду за Эвилонберга.

– И давно ты это решила?

– Хватит! – Развернувшись, я оказалась стоящей вплотную к Ориану. – Хватит, – повторила спокойнее, зная, что раздражённый тон не поможет, – мы перешли все границы. Я не могу так больше... и не хочу. – Я протянула ему лежащее на ладони кольцо.

– Это подарок, – Ориан согнул мои пальцы в кулак, скрывая его от глаз.

– Это кольцо твоей матери.

– Там, где она сейчас, оно ей без надобности. – Он снова

надел мне его на палец. – Я не заберу его, чтобы ты себе не придумывала, – хмыкнул Ориан, рассматривая, как играют рубины в свете магических светильников, – потому что ты забываешь об одной важной вещи.

– Я не могу...

– Просто послушай меня, Лея, – перебил он и положил мою ладонь себе на грудь, накрывая рукой. – Ты забыла про своего несостоявшегося убийцу, забыла про наёмников и плохо представляешь, чем это тебе грозит. Крамбург напал на тебя не ради собственного удовольствия, ему приказали. И наёмникам приказали, так что тот, кто это сделал, не успокоится, пока не закончит начатое.

– Никто не знал, что именно я делаю в лаборатории.

– Знали, Лея, – покачал головой Ориан. – Моя просьба поставила тебя под удар, и я не успокоюсь, пока не решу этот вопрос. Даже если ты будешь против.

Его сердце билось ровно и чётко, подтверждая уверенные слова.

– И ты знаешь, кому я помешала? – Приходилось заставлять себя игнорировать волнующий стук под ладонью.

– Знаю.

Ориан молчал, я молчала, но на вторую минуту играть в гляделки мне надоело.

– И, конечно, мне не скажешь, – фыркнула раздражённо, собираясь выдернуть ладонь, но он не дал.

– Пообещай, что не наделаешь глупостей? – Ориан при-

поднял моё лицо за подбородок. – Лея, я не хочу, чтобы ты пострадала.

– Да что я могу сделать тому, кого даже не знаю. – Что-то в его взгляде было такое. – Или?..

Не может же это, в самом деле, быть Корса.

– Это Эвилонберг, Лея. Убить тебя пытался он.

Гробовая тишина и мой смешок. Вот только смешно не было.

– Ты шутишь. – Но Ориан был серьёзен как никогда. – Подожди, но ведь это сумасшествие какое-то.

Отвернувшись от него, я опёрлась ладонями о стол. Взгляд искал, за что зацепиться и не находил.

Эвилонберг. Соглашение с Присли. Перенесённая помолвка. Изменившийся «влюблённый». И тут же покушение на Ориана, зелье забвения для меня, наёмники.

– Почему он заторопился? – Другого объяснения всему этому просто не было.

– Лориан принял меры. Неофициально, но понятно для всех знающих, он перекрыл дяде доступ к императорским ищайкам и временно отстранил от управления империей.

– Временно? – Голова грозила взорваться об обилия новостей.

– Пока не сможет его казнить, – не стал юлить Ориан.

– Что мешает императору просто придушить советника во сне? – Отвратная идея, подлая, грязная, но когда дело касается трона, о чести как-то не вспоминается. – Он же может.

– Лем не маг.

– Издеваешься? – Резко повернувшись, я вскинула на Ориана ехидный взгляд.

– Ты ведь знаешь историю династии?

О, да.

Главная особенность императорской семьи – никто из них не владел магией, хотя жили они дольше среднестатистических магов. Намного дольше.

Существовала легенда, что империю Оришан основал посланный рианами маг смерти – некромант, положивший начало правящей династии.

И долгие поколения некромантов держали в страхе врагов империи, в частности, стихийно образовавшиеся Миерию и Ктаран, пока брат не пошёл на брата. Если верить легенде, князь Киаран Танисберг смог убить своего брата, некроманта и императора, Илеарда Оришанского, вместе с короной решив получить магию смерти, но не срослось. Согнав толпу народа в свидетели, Танисберг решил короноваться прямо на главной площади Унаша, вот только стоило короне коснуться его головы, как Киаран вспыхнул лучше магического факела.

И началась Асса Деи – великая война Света и Тьмы.

Удобное название, героическое, если забыть, что бились члены тогда ещё многочисленной императорской семьи друг с другом за право сесть на трон. И объединялись они лишь для того, чтобы устранить других желающих вклиниться в

перспективную битву. Ненадолго объединялись, и в один прекрасный момент просто уничтожили друг друга, оставляя империю в разрухе, голоде и страхе.

Я никогда не понимала, кого из сражающихся считали Светом, но несколько лет после империю грабили и раздёргивали в разные стороны все, у кого было хоть какое-то войско и капля ума.

Ровно до того момента, пока вдруг на главной площади Унаша не вспыхнула корона, свечение которой, если верить древним записям, было заметно в каждом уголке немаленькой империи. Вспыхнуло над мальчишкой – оборванцем с перемазанным пылью лицом.

И следующим императором стал рождённый уличной девицей от кого-то из членов погибшей династии мальчик, лишённый не только дара некромантии, но и любого другого. И люди до сих пор верили, что рианы наказали Танисберга огнём за убийство родного брата, а династию потерей силы за властолюбие и расточительство.

Другими словами, императоров Оришана спасла не честь, доблесть и достоинство, а невоздержанность в связях. И именно поэтому все с пелёнок знают, что Лориан Оришанский просто не может быть магом.

– Знаю, только ты прямо сказал, что меня вылечил именно он.

– Лем – некромант. – Выдал Ориан, кажется, главную тайну императора. Нет, то, что до лекарей Лориану Оришанско-

му далеко было понятно и так, но чтобы взять и подтвердить невозможное... Ориан настолько мне доверяет? – Первый за двадцать поколений маг смерти в императорской семье, и подозреваю, что единственный в нашем мире. Дар раскрылся в горах, когда Лем сунулся воевать с фаркасами. Нас было около двадцати, когда они спустилась с гор. – Ориан присел на край стола и усмехнулся. – И с нами был сын императора, которого отговаривали идти на разведку, но запретить не могли. Фаркасы окружили и за одну атаку вырезали почти всех боевых магов – опытных, сильных, не один год служивших на границах империи.

– Как вы выжили? – По коже прошёл озноб, и я обхватила плечи руками.

– Никак, – хмыкнул Ориан и притянул меня к себе, обнимая. – Я умер, Лем остался один и... психанул. Тогда у него и открылся дар некромантии – фаркасы в пределах нескольких вёрст легли и больше не встали, но, не умея им пользоваться, Лем вернул из-за грани только меня. И также, не зная, что делает, связал наши жизни.

– Что значит связал? – Тряхнула я головой.

– Я жив, пока жив он. – Ориан провёл тыльной стороной ладони по моей щеке. – Неплохой способ сохранить верность подданных.

– Тогда почему император не может избавиться от Эвилонберга так же легко, как от фаркасов?

– Это политика, Лея, – улыбнулся он в ответ, – а там ниче-

го не бывает просто. Советник долго готовился и с его внезапной смертью ничего не закончится. Нужны доказательства, нужен суд и нужна публичная казнь – это единственный путь сохранить дар Лема в тайне и отрубить голову всем заговорщикам разом.

– Но причём тут оскант?

Рианы, как они ещё не рехнулись от всех этих заговоров. Неужели нельзя жить спокойно?

– Эвилонберги давно были Лориану поперёк горла, но только недавно мы узнали, что всё началось задолго до его вступления на престол. Всё это время, занимая высокие посты, они ужесточали законы в отношении стихийных магов, которые по отдельности выглядели неплохо, но вместе... – Ориан покачал головой.

– И советник, в обмен на поддержку, обещал избавить их от стихийной магии? – От его взгляда я смутилась и отвела глаза. – Интриги двора это слишком сложно для простой студентки.

– Эвилонберг пообещал отменить притесняющие стихийников законы, – улыбнулся он. – Пообещал закрыть Гвинбор и поклялся сделать учёбу в Академии неконтролируемой магии добровольной, хотя его же отец тридцатью годами ранее утвердил обязательный десятилетний срок.

– Значит, оскант нужен императору, чтобы перетянуть стихийников на свою сторону? – осенило меня.

– А ты бы не пошла? – прищурился Ориан. – Зная, что

потом сможешь вернуться к нормальной жизни без ненавидящих взглядов и страха простых горожан?

Как будто он сам не знал ответа.

– Но зачем оскант Эвилонбергу, если у него и так всё прекрасно? – Выбравшись из объятий, я отошла на два шага, наткнулась взглядом на корзину с аериями и развернулась.

– Потому что обещать мало, надо делать, а это долго, Лея. Невозможно одним лишь новым императором переменить отношение людей к стихийникам и те очень быстро это поймут. А, значит, стоит подстраховаться и найти способ усмирить самых буйных.

– Лишив их магии стихий, – закончила я за него и нахмурилась.

– Слухи ползут. – Ориан выпрямился. – Двор шепчется и интригует, а это не идёт на пользу ни Лему, ни Эвилонбергу. Теперь всё зависит от того, у кого в руках окажется оскант. И от нас.

– А советника не беспокоит судьба Киарана Танисберга? – Осмыслившая ситуацию, я забыла даже о кольце на пальце.

– Подозреваю, что он в неё не верит. – Ориан перевёл насмешливый взгляд со шкатулки на столе на меня. – Так же, как и ты.

– Я не верю в наказание рианов, – пожалала я плечами и подошла ближе. – Зато в глупость, подлость и аморальность – очень даже.

– Это не меняет главного – вряд ли Эвилонберг остано-

вится за шаг до цели, и я прошу тебя, Лея, не снимай кольцо. – Его взгляд стал слишком серьёзным.

– Но ведь император в курсе, – я опустила глаза, начав выводить на столешнице бессмысленные узоры. Кольцо переливалось всеми оттенками красного. – Значит, всё решится быстро и в его пользу. – Не услышав ответа, я подняла взгляд. – Правда, ведь?

– Лориан не проиграет, – мрачно подтвердил Ориан, – он живёт ради империи, но будет ждать нужного момента. Такого, чтобы уничтожить угрозу сразу и навсегда.

– Не обращая внимания на незначительные жертвы, – с понимающим смешком отозвалась я.

«Добить было бы проще. И милосерднее».

– Я поняла, – мой тяжёлый вздох оказался слишком громким. – Я не стану его снимать.

– Лея, – рассмеялся Ориан, – меньше всего мужчина, который впервые дарит кольцо девушке, ждёт обречённого согласия.

– Только девушка слегка занята предателем империи, – покачала я головой.

– Поэтому мы вернёмся к этому позже, и к разговору, и к твоим страхам. – Он обошёл стол и обнял меня.

– Ты делаешь меня слабой, – опустила я глаза.

– Ты никогда не была слабой, – Ориан коснулся щёки, заставив поднять взгляд. – Замученной, загнанной, но не слабой. Это было в твоих глазах ещё тогда, в библиотеке. И поз-

же, в кабинете, когда ты решила сойти с ума, но не сдаться.

– Мне всего лишь некуда возвращаться, – криво усмехнулась я. – Это не сила, это отсутствие выбора.

– Есть, Лея, но об этом мы тоже поговорим позже, – пообещал Ориан так, что у меня перехватило дыхание.

Кончики пальцев покалывало от желания коснуться широких плеч и шеи, прижаться ближе, и в его глазах я видела отражение своих желаний. Широкие ладони коснулись поясницы, притянули вплотную к твёрдой груди, но...

– Я должна закончить, раз уж мы здесь – выдохнула я ему в губы и открыла глаза.

– Да, – Ориан заправил за ухо выбившуюся прядь. – И потом мы поговорим?

– После того, как достанем оскант, – подтвердила я, не чувствуя ни капли той уверенности, что продемонстрировала сейчас ему. Не понимая, что именно мы станем обсуждать.

– Хорошо, – отозвался Ориан так, что я ощутила всю неизбежность будущего разговора. Вне зависимости от моих желаний. – Поднять шкатулку?

– Да, так видно гораздо лучше.

Запретив себе думать о мурашках и прочих бабочках, я, наконец, достала тетрадь и карандаш, погружаясь в мир линий, углов и градусов.

Глава 38

Мне оставалось совсем немного, когда шея отказалась поворачиваться, пронзив резкой болью плечо и лопатку. Зашипев, я потянулась к больному месту, не отрывая взгляд от схемы, и попыталась размять затёкшую мышцу.

– Отпусти.

Вняв голосу разума, я выпрямилась на стуле. Ориан перекинул мои волосы вперёд, едва ощутимо касаясь открытого участка шеи, и мурашки послушным табуном побежали завоёвывать себе территорию. Но какая разница, если его ладони уже легли на мои плечи, пройдясь по ним уверенными массирующими движениями. Тепло из-под его рук и отсутствие боли прямо говорило о том, что Ориан меня ещё и лечит.

– Спасибо, – облегчённо выдохнула я, когда он закончил.

– Идём. – Ориан подал руку, помогая встать. – Ты устала.

– Я почти закончила, но схему тебе не отдам, не сегодня.

– Почему?

– Потому что ты найдёшь сходжение и снова решишь поэкспериментировать, – отозвалась, собирая листы. – Я не настолько уверена в своих силах, чтобы это позволить.

Долгий пристальный взгляд я заметила только тогда, когда подхватила со стула сумку.

– Идём в «Золотую аерию».

– Нет. – Вот так просто отправиться в ресторацию, где собирался весь цвет Унаша? – Ты с ума сошёл?

– Брось, Лея, тебя никто не увидит.

– Достаточно того, что себя вижу я.– Кольцо, о котором я успела забыть, привлекло взгляд красным бликом, когда я повесила сумку на плечо. – Зачем это, Ориан? Завтра утром у меня занятия, впереди зачёт по магическому праву и проверка схем. Не самое лучшее время, чтобы развлекаться.

– Лучшее время никогда не настанет. У тебя день рождения, Лея, и как бы хорошо ни готовил Николас, с «Золотой аерией» ему не сравниться.

– Спорный вопрос, – покачала я головой.

– Хорошо, скажу по-другому, – ни разу не смутился Ориан, подводя меня к двери. – Я, как и любой другой нормальный влюблённый мужчина, хочу пригласить объект своих чувств на свидание. Достаточно веский аргумент?

– Да, но... – Мне в который раз отказало красноречие. Хотелось верить, что хотя бы щёки не сравнялись цветом с рубинами в кольце. – Мы не...

– И об этом мы тоже поговорим позже, – пообещал Ориан и открыл передо мной дверь.

На первую в расписании этику я вбежала последней.

И, занимая место, старалась не думать, как началось моё утро и насколько ранним оно было. Потому что вечер в отдельном кабинете «Золотой аерии» оказался по-настоящему волшебным: тёплым, уютным и настолько близким, что

замирала душа. Поэтому я не стала сопротивляться, когда Ориан сказал, что мы заглянем в его городской дом. Буквально на минуту, которая растянулась на всю ночь.

И я бы даже не расстроилась, если бы провела её с ним, вот только, решив подождать в гостиной, уснула. И меньше всего ожидала проснуться в чужой постели в одиночестве.

– Лиерра Грасс, назовите-ка нам предмет и специфику этики делового общения. – Оборвала мои мысли профессор Ипраберг. – В конце концов, это пригодится вам гораздо больше, чем умение швыряться молниями и огненными шарами.

С момента выхода той статьи о помолвке Ориана, она резко невзлюбила всех боевиков и не скрывала ехидства, говоря о них.

– Предметом этики является моральное сознание, – начала я со вздохом, – регулирующее отношения...

***

Ради разнообразия они с Лорианом должны были встретиться не в академии, а в ресторации, где вчера он ужинал с Леей.

– Опаздываешь, – без недовольства отметил император, восседая на стуле в зелёном, расшитом золотом, камзоле.

– Добрый день, ваше императорское величество, – с ошутимым привкусом издёвки поклонился Ориан. – Нижайше прошу простить мне опоздание...

– Эвилонберг невиновен, – сообщил Лориан, разом отсекая всё веселье. – Его допросили, но безуспешно.

– Он врёт, Лем, и ты это знаешь, – покачал головой Ориан.

– Я допрашивал его лично, – мрачно отозвался тот.

– Ты отпустил его.

– У меня не было выбора, – бесстрастно пожал плечами император.

– Ты ведь понимаешь, что теперь он добьёт Аурелию из принципа? – глухо отозвался Ориан. – Или на это ты и рассчитывал?

– Какое мне дело до одной из сотен твоих студенток?

– На ней кольцо моей матери, Лем. – Ориан опёрся ладонями о столешницу, не скрывая прямого взгляда.

– Спятил? – Казалось, на лице императора, наконец, появились настоящие эмоции.

– ... и я не дам причинить Лее вред. Даже тебе.

Между двумя магами повисла угрожающая тишина, и сдаваться не собиравшись ни один из них.

– Лее, значит, – первым с усмешкой протянул Лем. – Хорошо, это твой выбор и твоя ответственность. Влюбись я в студентку и предпочёл бы «Забвение», но это теперь твои трудности. Только учти, стоит тебе жениться, и с неё я возьму ту же клятву, что и с тебя.

– Это всё, что ты хотел? – холодно отозвался Ориан.

– Эвилонберг опасен, – Лориан поднялся, – и злопамятен.

Будь осторожнее.

– Я всегда осторожен.

Бросив на Ориана последний недовольный взгляд, император ушёл своим нелюбимым способом – через дверь.

***

Кольцо вызывающе сверкало на пальце даже тогда, когда на него не падал ни один луч света. Оказалось, что его не видел никто, но так даже хуже. Оно отвлекало в аудиториях, отвлекало в столовой, отвлекало даже тогда, когда я учила право. Пыталась учить, но...

«Поэтому мы вернёмся к этому позже, и к разговору, и к твоим страхам».

Отбросив карандаш, я со стоном схватилась за голову. Как следовать намеченному пути, если от волнения кружится голова? Тайны, заговоры, Эвилонберг и оскант. Всё катится шаргху под хвост!

С этим увлечением я собиралась бороться? Эту влюблённость перебороть и забыть? Разве что с помощью того самого «Забвения». Или лишения головы. Никакими другими способами вырвать это чувство из сердца и разума не удастся. Понимание пугало, потому что если уйти я ещё смогу, то забыть...

Резко поднявшись, я сделала нервный круг по комнате. Что думает Ориан о том, что происходило между нами? Откровенный вопрос, ответами которому служили и его подарок, и обещание поговорить. Волнующие и заставляющие

сердце ускориться. Вот только между нами всё ещё стояло слишком многое.

И при мыслях об этом тревожно сжимался желудок... но и шаг с ним! Оскант и право – вот то, на чём я сосредоточусь, а остальное подождёт. До конца недели уж точно.

– Грасс. – Я не сразу осознала, что оклик относился именно ко мне. – Это тебе.

Неудивительно, что я не заметила прислонившегося к подоконнику старшего Делаберга, странно другое – что не столкнулась ни с одной курсирующей по коридору девичьей-парочкой. Глупо хихикающей и стреляющей глазами в сиятельного близнеца.

– Что это? – Я не спешила брать в руки протянутый конверт.

– Письмо, Грасс, – усмехнулся Араэл, взял мою ладонь и вложил в неё конверт. – Простое и написанное собственноручно.

– Тобой? – не поверила я, в ответ получив лишь усмешку и стремительно удаляющуюся по коридору спину.

Письмо оказалось от Рика.

Пора было брать себя в руки и спускаться в лабораторию, но я не могла.

Неподписанный конверт жёг мне карман всю этику и документоведение, поэтому первым, что я сделала, вернув-

шпись к себе – вскрыла послание, которого не должно было быть. Одна страница и подпись внизу. Ничего ужасного, но я уже несколько часов сидела на подоконнике собственной комнаты и не могла оторвать взгляд от падающего мелкого и колючего снега.

Такого же острого, как его письмо.

Простые слова складывались в режущие сердце фразы. Я перечитала его трижды, прежде чем окончательно поняла смысл. «Прости меня», «недостойн» и «магия не вернётся» от того, кто спас мне жизнь. Хотя жизнь это слишком мелко. Рик спас мою сущность. Мои мечты и планы. То, что делало меня мной.

И просил прощения.

За тот поцелуй, за давление, за бал и детские уловки. Он обещал свободу – от себя, от деда и от того знания, которым они могли меня уничтожить. И сообщал, что не вернётся в академию.

– Лея.

– Это моя вина. – Соскользнув с подоконника, я крепко прижалась к Ориану. – Только моя. Если бы не я...

Первый судорожный вздох и первые слёзы. Одна за другой они впитывались в ткань его сюртука, и я не смогла сдерживать истерический смешок. Почему он? Что заставляло меня утешаться именно в его руках? Снова.

– Из-за меня он потерял почти весь резерв.

Лёгкие поглаживания по спине не помогали. Ничего не

помогало, стоило вспомнить о том, что из-за своего героизма Рик не сможет окончить академию. Не сможет стать бо-евым магом. Не сможет расправиться даже с одним стихий-ником, не говоря о битвах, о которых он, лучший выпускник факультета, наверняка мечтал.

– Это был его выбор.

– Я должна была оттолкнуть! Напугать, заставить забыть. Я...

– Он любит тебя, и ты бы не смогла ничего. – Ориан стёр очередную слезу с моей щеки. – На его месте я поступил бы также. И не жалел.

– Ты другой. – Я отстранилась, некрасиво вытирая лицо ладонями.

– Такой же, – с улыбкой покачал головой он. – И также не могу не думать о тебе. Между нами лишь одна разница.

– Какая? – я всё ещё думала о письме Рика, плохо пони-мая, о чём в действительности идёт речь.

– Ему ты не ответила.

Через четверть часа и тонну моих уговоров мы всё же спу-стились в лабораторию.

Я отказывалась встречаться с прямым понимающим взглядом Ориана, лишь гораздо позже осознав смысл сказан-ных им слов.

– Ты можешь забрать схему, – решительно выдохнула я после того, как проверила третий слой не трижды, как обыч-

но, а пять раз.

– Ты уверена или подождём ещё неделю? – насмешливо хмыкнул Ориан, не спеша забирать листок из моих рук.

– Это не смешно, Ориан, – нахмурилась я. – Первый слой не грозил тебе ничем, второй не гарантировал смерть, но этот... здесь меньше заклинаний, но переплетены они не одним узлом, а двумя, а то и тремя. А, значит, что углы накладываются с гораздо большей эффективностью, так, что образованные ими градусы...

– Я понял, Лея, – перебил он, с улыбкой меня обнимая, – и мне приятна твоя забота.

– Это не забота, – вывернулась я, – это...

– Ответственный подход, – его улыбка стала только шире. И насмешливей.

– Здесь и здесь, – игнорируя его настрой, я по очереди ткнула карандашом в верхний левый угол и середину, – два наиболее вероятных места для схождения.

– Этот не подходит, – заключив меня в кольцо рук, он указал на угол. – Линии не сходятся, они накладываются друг на друга.

– Тогда середина? Слишком очевидно, – забеспокоилась я.

– Возможно. Попробуем? – Ориан выпрямился.

– Прямо сейчас? – Его не смутил выразительный взгляд на часы, показывающие половину первого ночи.

– Я освобожу тебя от занятий до обеда, – отозвался он,

доставая из шкафа знакомые уже элементы стихий.

– А если мы ошиблись?

Мне хотелось воззвать к его разуму, но куда там, если мой собственный приходил в восторг от мысли, что здесь и сейчас мы сможем увидеть оскант.

– Поглотитель всё ещё здесь, – хмыкнул Ориан, устанавливая его на место. – Я могу отправить тебя в спальню, – предложил он.

– По-твоему, я боюсь?

– Только не ты, – легко коснувшись моих губ своими, он развернул меня и прижал спиной к своей груди.

Вокруг нас замерцала знакомая сфера.

– Безумие! – прошептала я... и положила ладонь поверх его руки.

В этот раз до схождения мы добрались гораздо быстрее, вот только схождением это не было.

– Это не то, Ориан, – напряглась я. – Я не могу объяснить почему, но это не схождение. Хотя и выглядит как оно.

– Второй вариант? – даже не собираясь возражать, уточнил он.

– Хорошо.

Но и это место оказалось чем-то другим.

– Что не так? – В который уже раз переспрашивала я, глядя как Ориан изучает схему. – Почему у двух слоёв было схождение, а здесь нет?

– Ловушка? – он поднял на меня взгляд. – Лея, ты должна

отдохнуть.

– Ты не знаешь артефакторов, – я упрямо трянула головой. – Больше всего они любят порядок и симметрию. Каким бы гениальным ни был тот, кто придумал шкатулку, против мышления не пойдёшь. Схождения должны быть либо везде, либо нигде.

– Иди спать, – Ориан подошёл и обнял меня, отвлекая. – У тебя был сложный вечер.

«И также не могу не думать о тебе».

Кажется, мы подумали об одном и том же, потому что его глаза многообещающе замерцали. И эти светящиеся точки, то сходящиеся, то расходящиеся, напомнили мне танцующие прямоугольники...

У которых четыре угла!

Четыре угла, два узла и шаргх пойми какое заклинание. Как можно было забыть? Я резко развернулась в его руках, ища глазами сумку. То заклинание должно было остаться в ней, не помню, чтобы я его вытаскивала. Не заметив, как Ориан меня отпустил, я шагнула к сумке и вытащила из неё кипу бумаги.

Тетрадь. Ещё тетрадь. Пара глупых вестников. Исчерканные листы. Вот он!

– Что ты придумала?

Только сейчас я поняла, что собиралась сделать. Пусть Ориан знал обо мне всё, но вот так нагло показывать свои незаконные разработки мне ещё не приходилось. Некстати

вспомнилось, что до меня он был вполне себе законопослушным и жёстким ректором, но...

– Заклинание, я говорила тебе. – Выдохнув, я решительно подняла взгляд. – Я его придумала. Случайно. Оно должно менять полярность и уничтожать. – И всё же рука дрогнула, когда я передавала ему свои записи. – Я доделаю его, даже если потом император меня разоблачит, и тогда третий слой не будет смертельным. Правда, что именно случится, я не знаю, но в любом случае они должны оказаться стёртыми защитной сферой.

Ориан долго изучал отданный мной лист, кажется, забыв про время.

– Знаешь, что больше всего раздражает, Лея? – Отбросив заклинание, он подошёл, опираясь ладонями о стол по обе стороны от меня. Поглощённая мыслями о грядущем допросе, я пропустила, как его глаза перестали мерцать – в них бушевали самые настоящие молнии. – Что даже сейчас, после всего, что я сказал, ты уверена, что за это, – он кивнул на стол, – я отдам тебя ищейкам Лориана.

– Просто я... – Какие могут быть оправдания, если он впервые смотрит на меня так, что я не знаю убежать в ужасе или прижаться ещё ближе.

– Просто больше не будет, Лея, – пообещал Ориан. Вот только угрозы в его словах не было.

А потом не стало вообще ничего.

Потому что мир растворился в его поцелуе. Настоящи-

вом, убеждающем довериться, обещающем поддержку... и не только её.

Глава 39

Ориан действительно написал для меня освобождение от утренних занятий, но недосып – не повод пропускать две лекции права. Особенно, если они последние перед зачётом.

– А где Корса? – прошептала соседке сидящая передо мной Армина и, в отличие от сонного жужжания профессора Поберга, это моё засыпающее сознание уловило.

– Не знаю, – отозвалась Илана, не отрывая взгляд от конспекта. – Её с утра никто не видел.

Стоило ли возиться с журналом и выговорами, если за прогул полагался один из них? Покачав головой, я выбросила Корсу из головы. Оставалось потерпеть ещё четверть часа этого издевательства и наступит обеденный перерыв. Есть не хотелось, а вот поспать лишний час – очень даже.

Тем более что следующее занятие должно было начаться в этой же аудитории.

– Тварь! – Пронзительный крик вдруг ввинтился в сознание, заставив открыть глаза. И только хорошая реакция спасла мою голову от столкновения со студенческой скамьёй. – Безродная дрянь!

Скамья с оглушительным грохотом врезалась в стену за мной и рухнула на пол, а вместе с ней и я. Потому что мне требовались хотя бы пара мгновений, чтобы проснуться, а летящий стол этому не способствовал.

Да что опять происходит с этой придурочной?

– Из-за тебя! Всё всегда из-за тебя! – Громкий всхлип привлёк было моё внимание, но следом за ним ко мне отправился уже преподавательский стол.

– Корса, прекращай, – крикнула я, когда она затихла.

– Прекращать? – Как же противно она визжит. – Ты жизнь мне сломала, паршивая сиротка! Лучше бы тебя зарезали вместе с родителями!

Глубокий вдох – длинный выдох. Эта идиотка в неадеквате, её пожалеют, а вот если я её убью, точно попаду к ищейкам. Которые вскроют все мои секреты, и прощай, оскант.

– Оставь в покое мебель, и мы поговорим.

Прошла минута, две, а ничего не происходило. Я рискнула высунуться в проход и едва не получила заклиниванием прямо в лоб. За время передышки Корса подошла ближе и только ждала момента. Всё ещё розоватого оттенка волосы придавали абсурдности и так безумной ситуации. Разозлившись, я бросила в неё спотыкающееся заклинивание, но промахнулась.

– Ты! – пока она шипела, приближаясь, я спускалась ниже, надеясь успеть выскочить в дверь аудитории до того, как она окончательно свихнётся. Хотя куда уж больше. – Из-за тебя Рик теперь никто! Ты сломала его жизнь! Испоганила карьеру! Из-за тебя я не смогу за него выйти!

Называть сына герцога, наследника фамилии и внушительного состояния никем как-то слишком. Это признавала даже я, всё ещё чувствуя за собой вину. И слова Корсы ус-

губили бы её, если бы их бросил кто-то другой, но эта лицемерка достала меня ещё месяц назад.

– А что, за недомага папочка не пустит? – Я отступала спиной вперёд, надеясь не навернуться на широких ступенях.

– Так ты в курсе, лживая стерва! – завопила она и бросила ещё одно заклинание.

Не знаю, что в нём было, но не убиваемый студенческий стол раскололся пополам. Да откуда у неё такой резерв-то? Корса после первых двух заклинаний должна была выдохнуться.

И как назло во всё ещё полусонное сознание не приходило ничего умного. Довести или успокоить?

– Рик прислал мне трогательное письмо. – Я не отрывала взгляда от её рук с шевелящимися пальцами. Магическое зрение прекрасно только в лаборатории, здесь и сейчас я не понимала, какое именно плетение появляется в её ладонях. – Просил прощения.

– Прощения у тебя? – Как она ещё не охрипла от такого визга?

Но времени думать не осталось – пришлось уворачиваться от трёх, пущенных подряд, заклинаний. Трёх! Когда Корса успела заделаться боевым магом?

Всего три ступени отделяли меня от спасительного выхода, но я не успела.

От ещё двух заклинаний я увернулась, третье и четвертое сбила своими, пятое выбило крошку из стены над моей

головой. В отличие от того мага-недоубийцы Корса не хотела играть – ей приспичило размазать меня по аудитории и она справлялась. Невозможно, невероятно, но действительно справлялась, не давая мне хотя бы просто повернуть кольцо на пальце, чтобы активировать накопитель.

– Ненавижу! Гадина! Убью!

Последний её визг оказался роковым. Очередное заклинание попало в стену рядом с головой, сыпя каменной крошкой мне прямо в глаза. Я отшатнулась, каблук подломился и, зажмурившись, я полетела спиной вперёд, ожидая удара о каменный пол.

Не случилось.

– Что здесь происходит? – от голоса Ориана, казалось, даже стены вибрировали.

Мягкая волна удержала меня и поставила на ноги. Бесильная злоба изуродовала лицо Корсы и только сейчас я увидела вокруг себя знакомую переливающуюся сферу. А в глазах Ориана незнакомые взбешённые огни.

– Акиро! – Из-за его спины вышел проректор. – Лиерру Вамбург изолировать в лаборатории А01 до выяснения всех обстоятельств. Лиерру Грасс отвести в лазарет.

– Со мной всё в пор... – я наткнулась на взгляд Ориана и замолчала.

– Куратор Гронберг, сопроводите вашу студентку к врачам.

– Конечно, ректор Оллэйстар.– Куратор протиснулась

сквозь толпу и подошла ко мне. – Идём, Аурелия. Давай-давай, – она потянула меня вниз, и я послушно пошла, опустив взгляд и ни на кого не глядя.

Коридор, лестница, ещё коридор.

– Как ты? – с неожиданной теплотой спросила куратор, не сбавляя шаг.

– Меня не задело, – мотнула я головой. – Можно я пойду к себе?

– Не в этот раз, Аурелия. – Она набросила на меня согревающее заклинание, и стало до невозможности жарко, ровно пока я не вышла в туфлях на снег. – Приказы ректора не обсуждаются.

Лекари в белых передниках развили неестественно бурную деятельность, за несколько минут осмотрев, раздев и уложив в кровать с бельём, пахнущим травами и свежестью.

– Лиерра Грасс.– В палату зашёл лекарь среднего возраста и телосложения, не тот, что осматривал меня совсем недавно. – По результатам осмотра мы не нашли у вас серьёзных повреждений. Есть небольшое утомление, но это естественно. Как вы себя чувствуете? – Он перевёл взгляд на меня.

– Прекрасно, – вздохнула я. – Можно я пойду?

– Нельзя, лиерра, никак нельзя, – покачал головой лекарь. – Эту ночь вы проведёте здесь, а завтра утром я вас ещё раз осмотрю. В случае если всё будет в порядке, сразу сможете уйти.

– Хорошо, спасибо, – безрадостно отозвалась я, плохо по-

нимая, чем буду занимать себя ближайшее время.

– Отдыхайте, – посоветовал лекарь. – И в случае чего зовите лекаря Галора, это моё имя.

Так вот как выглядит таер Галор, личный лекарь Ориана и тот, кто якобы спас мне жизнь.

– Благодарю вас.

Лекарь вышел, и некстати подумалось, что Присли был ещё ничего, он хотя бы не пытался меня убить. Но погрязть в унынии мне не дали – буквально через несколько минут ко мне зашла куратор.

– Устроилась? – Я села в постели, глядя как она кладёт мою сумку на стул.

– Лучше бы меня отпустили к себе, – призналась с тяжёлым вздохом.

– Лучше бы ты там и сидела, раз уж было освобождение, – покачав головой, она устроилась на краю кровати. – Что вы не поделили с Вамбург?

– Вы же знаете, – скривилась я.

– Знаю, но до этого она не рвалась тебя прибить, – усмехнулась куратор, – перед этим обвешавшись накопителями с ног до головы. Чтобы наверняка.

– Так вот почему она так швырялась заклинаниями.

Корса – идиотка, хоть и стерва. Нелегальные накопители и побоище в стенах академии тянули на отчисление, даже если бы до этого у неё не было выговоров. Вряд ли папочка похвалит её за такое усердие, а желанная свадьба с Риком и

вовсе становилась чем-то недостижимым.

Рик.

– Что с Шалинбергом? – прямо спросила куратор.

Ещё немного и эта тайна перейдёт в разряд тех, о которых разве что в уборных не говорят. И то не факт.

– Он не вернётся в академию, – я отвела глаза. Можно много всего придумывать, но чего это стоило, если вина не отпускала. – Его... – Прикрыв на мгновение веки, я продолжила: – Он лишился почти всего резерва. На неопределённый срок.

– И причём здесь ты? – А что, в академии ещё не в курсе?

– Простите, куратор Гронберг, но я не уверена, что могу об этом говорить, – медленно произнесла я. – Ректор Оллэйстар сможет объяснить всё гораздо лучше меня.

– Ректор Оллэйстар сейчас не в настроении, – хмыкнула она. – И вряд ли станет отвечать на вопросы. – Куратор помолчала, изучая меня. – Что же, отдохай, раз уж выдалась такая возможность.

– Я постараюсь.

Глядя как она выходит за дверь, я была уверена, что не смогу уснуть, но глаза закрылись, стоило голове коснуться подушки.

***

– Объясните мне, проректор Оелуон, почему оповещение из аудитории 203 пришло так поздно? – Сцепив руки в за-

мок, Ориан сидел за своим столом и тщательно сдерживал редкое для себя бешенство.

– Ориан... – начал было тот, но осёкся. – Ректор Оллэйстар, вы знаете, что последние два месяца сигнальная система академии сбоит. Мы делаем что можем, но даже усилиями артефакторов и бытовиков нельзя поправить её так быстро. – Оелуон развёл руками, стоя перед его столом. – Ориан, ты же сам это понимаешь, у меня больше полутора тысяч помещений.

– Знаю. – Ориан принялся крутить в пальцах карандаш. Всё, что угодно, только бы не вспоминать, как заклинание летит прямо в голову Леи. – Вот только расскажи мне, Акиро, какого шаргха она сбоит именно тогда, когда студентам грозит опасность? – Отбросив карандаш, он угрожающе привстал с места. – И почему каждый раз это одна и та же лиерра?

– Кто же знал, что в академию проберётся убийца. Да и неделю назад на уроке зельеварения пострадал льер Ормис, – возразил Оелуон. – Около десяти дней назад мы пропустили драку на одном из полигонов боевиков. Вчера...

– Акиро, ты хочешь меня убедить, что нападение с целью убить равно студенческим дракам?

– Чего ты от меня хочешь, Ориан? – раздражённо отозвался Оелуон.

– Чтобы ты исполнял свои обязанности, – отрезал тот. – Здесь учатся дети, Акиро, большинство из которых не пони-

мают, что делают. Не хватает артефакторов? Давай запрос, я подпишу. Но это последний раз, когда я слушаю про твои проблемы и академические происшествия. Не думал, что было бы, если бы мы не успели?

– Успели же, – скривился Оелуон. – Тем более, кто-то подстраховал девчонку и без нас.

– Возможно, артефакт, а если бы его не было? – Ориан сосредоточенно потёр переносицу. – Всё, Акиро, я тебя предупредил.

– Как скажете, ректор Оллэйстар, – ехидно отозвался тот, поклонился и вышел.

Ориан несколько минут сверлил дверь взглядом, а потом встряхнулся и вышел.

– Что с лиеррой Вамбург? – Ориан подошёл к магу, стоящему у лаборатории А01.

– Сидит, – хмыкнул тот и снял тяжёлую кожаную перчатку. – Здравствуй, Ориан. – Они обменялись рукопожатием. – Давно в вашем болоте не происходило ничего интересного.

– Это академия, Тигрет, – напомнил Ориан. – Со своими делами мы справляемся без участия ищеек.

– Но не в этот раз, – ехидно протянул тот.

– Не в этот, – скривился Ориан. – Я связался с отцом лиерры, он прибудет в течение пары часов.

– До его приезда хочешь сам пообщаться? – понимающе хмыкнул Тигрет. – Ну, иди, я как раз собирался отлучиться.

– Спасибо, – кивнул Ориан и зашёл в антимагическую ла-

бораторию.

Мир сразу стал блеклым и унылым, растеряв большую часть привычных красок, но к этому он давно привык. А вот к тому, что студенты убивают друг друга – нет. Ориан поставил стул перед тем, на котором сидела бывшая уже лиерра, и сел на него верхом.

Тоненькая, гибкая выпускница со светлыми локонами и истинно ангельским лицом не соизволила оторвать взгляд от стены, которую изучала до этого. Её ладони смиренно лежали на коленях, и лишь поджатые губы выдавали напряжение.

– Итак, лиерра Вамбург, признавайтесь, что побудило вас напасть на одноклассницу.

– Я буду говорить только в присутствии отца, – выдавила она сквозь зубы.

– О проведённой с льером Шалинбергом ночи вы тоже будете говорить при нём? – с интересом спросил Ориан.

– Как вы смеете!..

– Молчать, – весомо скомандовал он. – Вы, лиерра Вамбург, на протяжении последнего года регулярно обсуждали с подружками планы мести лиерре Грасс. Вы же попробовали подсунуть противнице отравленные конфеты. Вы же не раз с ней скандалили при свидетелях. И вы рискнули напасть на лиерру Грасс в аудитории 203. Скажете, почему?

Ладони мелко подрагивали, и Ориан не знал, что именно её довело – его знание о ночных встречах с Шалинбергом или запоздалое осознание.

– Можете молчать сколько вам угодно, – хмыкнул Ориан. – За дверью вас ждут ищейки его императорского величества, а они умеют докапываться до правды. – Он поднялся. – Вас подвела не ревность, не вседозволенность и даже не готовность убить. Вы ошиблись, решив, что можете всё на территории моей академии. И эта ошибка будет стоить вам очень дорого.

Стоило Ориану коснуться ручки двери, как из-за спины раздался прерывистый голос:

– Пожалуйста, не отдавайте меня им. Всё, что угодно, только не к ищейкам!

Опустив руку, Ориан медленно повернулся.

– Тогда, лиерра, я вас внимательно слушаю.

Глава 40

Открывать глаза оказалось неожиданно тяжело.

Тёмный потолок, тёмные стены, тёмные очертания мебели. Вечер или ночь, потому и голова болела так, словно собиралась расколоться. Сев в постели, я со вздохом скривилась.

– Болит? – голосом Ориана спросил ещё один тёмный силуэт и, поднявшись, пересел на край постели.

– Жутко.

Ориан запустил ладонь в мои волосы и провёл по всей их длине. Головная боль трусливо испарилась перед гораздо более сильным чувством. Хотя в её капитуляции наверняка было виновато его заклинание.

– Спасибо. – Я не знала что сказать, а Ориан ни о чём не спрашивал. Вот только его глаза искрились самыми настоящими молниями. – Ты в порядке?

– Я злюсь, – коротко ответил он, а на столе зажёгся небольшой тусклый светильник. Молнии поблекли, но не исчезли.

– Почему?

– Потому что в академии бардак. Потому что рядом с нами предатель. Потому что студенты готовы убить друг друга и потому что ты не осталась в комнате, – вежливо сообщил Ориан, не отрывая взгляда от окна.

– Я должна сдать магическое право, – пожала я плечами.

– Конечно, должна, Лея, – он перевёл взгляд на меня. –

Ведь это важнее твоей жизни. Ведь всё в этом шаргховом мире для тебя дороже неё!

– Ты...

– Но больше всего я злюсь на себя. – Ориан подошёл, коснулся моей щеки, провёл большим пальцем по скуле и удержал моё лицо за подбородок. – За то, что потокаю твоим страхам, вместо того, чтобы их разрушать.

– О чём ты? – Я опустила глаза.

– Ты знаешь о чём, Лея, – протянул он. – Выходи за меня.

– Нет! – Сбросив его руку, я в ужасе помотала головой. – Ты не всерьёз.

– В жизни не был так серьёзен, – хмыкнул Ориан.

– Тебе не позволит император, а меня не отпустит советник. – Захлёбывающаяся словами паника игнорировала нечто воздушное и искрящееся. Нечто, что путало мысли и волновало сердце.

– Позволит, Лея. Лориан знает меня и не станет рисковать.

– Ты должен стать главнокомандующим. – Я даже отодвинуться от него не могла, что говорить о сопротивлении гораздо более важном. Тем более что...

«Когда мне что-то нужно, я этого добиваюсь».

– Меня полностью устраивает ректорское кресло. – Ориан взял мою безвольно лежащую на одеяле руку и повернул тыльной стороной вверх. – Чего ты боишься?

– Предательства, – выдавила я едва слышно.

Родители бросили меня, когда я даже их лиц была не в со-

стоянии запомнить. Променяли на очередную редкую книгу, расплатившись за неё жизнями. Пусть это чужая вина и я не могла их обвинять, но винула.

Присли бросил меня гораздо позже. И больнее. Ведь тот, кто заменил мне родителей, мог просить всё – деньги, дом, и я бы подписала что угодно ради любимого дяди. К счастью, на этот случай законом предусматривалось несколько особых статей, запрещающих сделки с детьми. Особенно, сиротами.

И я снова осталась одна.

Не имея ни сил, ни желания доверять хоть кому-то. А потом увидела в библиотеке Ориана...

– Я принесу клятву, Лея. – В его глазах уже не было молний, но была уверенность. – И больше не позволю тебе сомневаться. – Ориан улыбнулся.

– Это не смешно. – Я поднялась и отошла к окну. – И это сумасшествие.

– Сумасшествие – это ты. – Он обнял меня со спины, закрывая в уютное и надёжное кольцо рук. – Я не хочу, чтобы какой-нибудь очередной недалёкий маг завершил то, что начали первые два. Я хочу видеть, как ты улыбаешься, а не боишься ищеек, убийц или императора.

– Это сказка для детей, Ориан. – Я развернулась, чтобы видеть его глаза. – Такого не бывает.

– Будет, если ты рискнёшь, – уверенно отозвался он. – Давай же, Лея.

– Я... подумаю.

И я думала.

Думала, когда Ориан ушёл. Когда на следующий день сидела на занятиях, не отрывая взгляда от пустого места Корсы. Даже когда заканчивала заклинание, которое позволит нам снять третий слой и открыть шкатулку.

Клятвы.

Ориан не предлагал поставить подписи в ратуше, чтобы получить свидетельство о браке. Он говорил о традиционном браке. О таком, который закрепляли в храме сами рианы после того, как коленопреклонённые влюблённые произносили освящённые Аитаей слова. Для каждого свои, но не теряющие силу даже спустя десятилетия.

Такой союз не получится разорвать. Ни людям, ни магам, ни самим храмовникам. При этом не будет измен, не будет предательства, но и любви тоже может не быть.

И что ответить?

Смотря кого слушать – сбивающееся с ритма сердце или холодный разум. Да, Ориан мне нравился. Я его любила, хоть и не понимала, как такое чудо могло случиться за каких-то пару месяцев. Но взять и провести с ним всю оставшуюся жизнь?

Мне нужно время. И именно его у меня не было.

Тем более что завтра предстоял зачёт по праву, и мне очень хотелось его сдать. А через два дня должна была состояться наша помолвка с советником, и быть там мне как

раз хотелось меньше всего. Ещё хотелось, чтобы моё заклинание подействовало и мы, наконец, увидели, что это такое – оскант. И, конечно, мечталось прогуляться с Орианом по Унашу, чтобы пить ягодный морс прямо на улице и испачкать нос в креме от сладких шариков...

Опустившийся на стол вестник сбил с настроения, и я рассеянно посмотрела на печать привратника. Ко мне кто-то приехал? Развернув листок, я пробежала глазами послание. «Ожидает», «барон Присли» и «срочно» не шли ни в какое сравнение с «нижайше просит вернуть ключ от Галарнии, 13».

Присли всё узнал.

Воздух закончился, руки затряслись, в голове опустело. На улице Галарнии под номером тринадцать стоял дом моих родителей. Мой дом, ключ от которого прислала Грейс. И Присли не упустит возможности нажать на её ошибку, заставив меня сделать... что?

Конечно, вернуть ключ. Но что ещё может придумать обзлётанный униженный опекун? Я схватила за голову. Не знаю! Даже представить не могу, что ещё может прийти ему в голову. И не представляю, потому что мысль о том, что за воровство Грейс могут казнить застилала всё остальное.

Привратник написал «срочно», а, значит, выбора нет. Накинув шубу, положив в карман ключ, я пронеслась по коридорам общежития, замывшись лишь на мгновение – тогда, когда взялась за ручку двери, ведущей на улицу. Я не могла

отдать ключ Присли.

Просто не представляла, как протяну ладонь и позволю ему забрать то, что по праву считаю своим. Мысли беспокойно бились о стенки сознания и к тому моменту, как я дошла до ворот, довели до головной боли. В то самое время, когда мне как никогда нужна была трезвая и ясная голова.

– Лиерра Грасс? – уточнил привратник.

– Да. – Меня знобило далеко не от холода.

– Без записи в журнале вы не должны отходить от ворот дальше, чем на двадцать шагов.

– Хорошо, – кивок вышел по-настоящему нервным. – Я поняла.

Выходя из калитки в воротах, я специально не поднимала головы, пока не отсчитала десять шагов – половина того расстояния, на которое распространялась защита академии. Пронзительный ветер издевался над одеждой и волосами, нападая то с одной, то с другой стороны. Незащищённые перчатками ладони не слушались, но мне это только помогало – так становилось ещё труднее отдать ключ от дома Присли.

– Здравствуй, милая.

За полгода Присли не изменился. Всё та же худощавая фигура, те же водянистого цвета глаза и трость, которую он практически не выпускал из рук. Удивительная шутка рианов – имея отталкивающую внешность, Присли мог заморозить одним лишь голосом.

– Зачем вы вызвали меня? – Двенадцать лет тренировок и учёбы не помогли спрятать ненависть, которую он наверняка видел в моём взгляде.

– У тебя есть вещь, которая принадлежит мне. – Присли показательно внимательно осмотрел наконечник трости и только потом поднял глаза на меня. – И я хочу её вернуть.

– Не понимаю, о чём вы говорите. – Очередной порыв ледяного ветра заставил поёжиться и натянуть рукава.

– Могу объяснить, – с холодной улыбкой отозвался он и повернулся, указав тростью на стоящий недалеко тёмный экипаж.

Он не принадлежал Присли, слишком простым и невзрачным был, и, скорее всего, был взят внаём, но не это главное. В полумраке экипажа сидела полная женщина с забранными вверх волосами. Вот она повернула к нам голову, вздрогнула и тревожно прижала к груди руки. Мелькнула знакомая шаль.

Грейс!

Я рвануть было к экипажу, но вспомнила предупреждение привратника. Лучше бы Грейс всё-таки отравила Присли! Но как она попала? Неужели призналась? Или Присли разорился на кианит? В любом случае у меня не оставалось выбора.

– Чего вы хотите? – спросила мрачно.

– Верни ключ от дома, – неприятно усмехнулся Присли и протянул ладонь, в отличие от моей, затянутую в дорожную

кожу светлой перчатки.

– Я... оставила его в академии. – Существовал ничтожный шанс, что он поведётся, но Присли шагнул ближе и рукоятью трости приподнял моё лицо за подбородок.

– Не ври мне, мерзавка, – ласково пропел он. – Я всё знаю. И про тебя, и про эту предательницу повариху, и про кражу. Ты же образованная и знаешь, что ей грозит, стоит мне вызвать ищеек.

– Никакой кражи не было. – Я дёрнула подбородком и хотела отступить, но Присли больно схватил меня за запястье.

– То есть тебя плевать на участь своей любимой Грейс? – Повернув голову к экипажу, Присли едва заметно кивнул, и женщина внутри задёргалась всем телом. На её шею мелькнули чужие руки.

– Нет! – тихо всхлипнула я и уже сама вцепилась в ладонь Присли. – Не смей! Отпусти Грейс и я отдам тебе ключ!

С довольной ухмылкой он взмахнул тростью, и тело в экипаже бессильно обмякло.

– Хороший выбор, девочка моя.

Ему было плевать на меня, на Грейс, на всех, кроме себя. Даже с советником он расправился бы с большим удовольствием, если бы не непререкаемая власть последнего. И за одно это Присли стоил ненависти, но теперь это не значило ничего. Потому что дрожащими руками я достала из кармана ключ от моего дома.

– Прекрасно. А теперь, драгоценная моя Аурелия, иди к

привратнику и скажи, что ты уезжаешь.

– Нет, – крик застрял в горле, ужасом скрутило желудок.

– Ты поедешь со мной, паршивка, – зло прошипел Присли. – И заставишь поверить вашего цепного пса, что делаешь это добровольно и с большой радостью.

– Отпустите Грейс. – Я сжала руки в кулаки, пытаюсь справиться с паникой. – Отпустите и мы продолжим разговор.

– Либо ты выполняешь мои условия, либо завтра эту повариху казнят за воровство, – процедил он.

– Но зачем я вам? У меня по-прежнему нет доступа к наследию.

– Пока нет, – гадко усмехнулся Присли. – Иди.

И я пошла.

То, что Присли получил ключ, не значило, что он не мог обвинить Грейс. С ворами в империи не церемонились и о казнях регулярно писали в «Вестнике Оришана». Но что могла сейчас сделать я? Расстроить Присли желудок? Он знает меня дольше кого бы то ни было, и наверняка обвешался артефактами от всего на свете. Отказаться? Чтобы через пару-тройку дней прочитали о том, что Грейс Гомели повесили за воровство? Проще сразу пойти и утопиться.

Выполнить все условия Присли? Как бы ни хотелось – придётся. Хотя бы, пока он не отпустит Грейс, а, значит, я должна, насколько возможно, приблизить этот миг.

– Вы уезжаете, лиерра? – нахмурился привратник.

– Да, – улыбнулась я смущённо. Как смогла. – Дядя плохо

себя чувствует и не хочет больше тянуть – требует, чтобы мы поехали в Имперский банк и оформили наследство.

– Ох, сочувствую, лиерра, – поджав губы, покачал головой привратник. – Да облегчат рианы участь вашего дяди.

– Благодарю. – Лучше бы Присли катился шаргхам под хвост!

Буквально несколько мгновений заняла строчка в журнале и моя подпись.

Натягивая рукава на руки, чувствуя, что совершаю страшную ошибку, я шла к тёмному экипажу и Присли, виднеющемуся сквозь его окно.

***

– Где Оелуон? – открыв дверь своего кабинета, рявкнул Ориан.

– Проректор Оелуон у себя, – бесстрастно отозвался секретарь и недрогнувшей рукой подписал очередной документ.

Чеканным шагом Ориан пересёк собственную приёмную и прошёл по коридору до следующей двери.

– Акиро! – Он грохнул кулаком по двери и та медленно открылась.

Ориан редко злился и ещё реже заходил в чужие кабинеты, но Оелуон целый день игнорировал его вестники, не оставляя выбора.

На первый взгляд всё лежало на своих местах, но, присмотревшись, он заметил и сдвинутую чернильницу, и брошенную на полке книгу, и криво висящую картину. Для пе-

дантического до тошноты Оелуона в кабинете царил жуткий беспорядок, а то, что за солнечным пейзажем оказался неизвестный Ориану тайник только добавляло ситуации остроты.

Хуже стало, когда тайник оказался пустым, а в камине обнаружались нечитаемые обрывки посланий. Выругавшись, Ориан попробовал восстановить вестники, но ему не удалось – Акиро их не сжигал, он растворил их зельем. На конюшне выяснилось, что Шаена, коня Оелуона, тоже нет, и с мрачным предчувствием Ориан переместился к привратнику.

– Ректор Оллэйстар, – поклонился тот.

– Когда Оелуон покинул академию?

– Около пяти часов назад, – сразу же отозвался Овис и замялся.

– Что ещё случилось? – Ориан обречённо потёр переносицу.

– Около двух часов назад академию покинула лиерра Грасс, – неуверенно признался Овис. – Странное дело посреди учебного дня, поэтому я решил спросить у вас.

– Кто разрешил? – Ориан прикрыл на мгновение глаза.

– Так никто, – сжался привратник. – Не Гвинбор же, много кто из лиерр иногда ездит на ночь домой, а уж приключение льерров...

– Да, – медленно произнёс Ориан. – Конечно. Благодарю за бдительность, господин Овис.

Привратник ещё что-то говорил, но он уже не слушал. Развернувшись, Ориан быстрым шагом направился в сторо-

ну главного корпуса. Теперь он знал, кто его предал.

Глава 41

Шаргхов гад! Предатель! Первостатейная дрянь!

Экипаж прыгал по кочкам, всё дальше удаляясь от столицы. Я не просто не отдам Присли своё наследство, я разорю его, чего бы мне это не стоило!

Этот лицемер меня обманул! В том экипаже не было никакой Грейс, зато сидели два мага, один из которых под заклинанием иллюзии. И я бы поняла это, если хотя бы мельком взглянула на экипаж магическим зрением, но одно только упоминание о её вине... чего уж теперь!

Стоило мне забраться внутрь, как тот маг, который якобы душил Грейс, скрутил мне руки, надел на голову мешок и толкнул на сидение напротив. И я бы высказала всё, что думаю о Присли и его методах, но ткань мешка мешала не только видеть, но и говорить. Из горла не вырывалось ни звука, в то время как Присли после непродолжительной поездки пожелал удачи «хозяину», уточнил, когда ему ждать деньги и вышел.

Туда, где слышались звонкие голоса детей, а до нас долетал аромат свежеиспечённой выпечки. Мерзавец! Подлец!

Он врал. У Присли не было доказательств кражи, он надеялся, что я испугаюсь за Грейс. И ему повезло – ужасом мне перекрыло сознание, не давая ни одной мысли пробиться наружу. Уверена, эта сделка оказалась самой лёгкой

и прибыльной за всю жизнь Ораса Присли.

Хотя бы потому, что единственный, кому я могла понадобиться, был Ориан, а скоро ли он поймёт, что меня нет в академии? Великолепно, просто великолепно. Самое время вспомнить, что интриги уровня императорского двора не заканчиваются благополучно ни для кого из участников.

И уж тем более не для простой сироты-студентки.

Экипаж, в который меня пересадили неизвестно где и неизвестно когда, подбросило последний раз, и он остановился. Снаружи слышались окрики и басовитый смех, а я не могла даже просто повернуть кольцо на пальце – настолько туго верёвка стягивала запястья за спиной. Звук открывшейся двери заставил меня вздрогнуть и выпрямиться на сидении. Экипаж просел под весом того, кто в него зашёл, и тем неожиданнее оказалась аккуратная поддержка.

Мужчина, насколько я могла судить по тяжёлой походке, поднял меня, спустился сам и спустил с экипажа меня. Подошвы коснулись ровной площадки, а цоканье каблуков говорило о том, что мы идём по мощёной камнем дороге. Недолгое путешествие закончилось лестницей на пять ступеней, тоже каменной, но какой-то другой, и звуком открывающейся двери.

Ни одного лишнего звука, ни единого возгласа не раздалось, пока мой провожатый вёл меня по чужому дому. Причём дому хорошо отапливаемому – на седьмом шаге мне стало по-настоящему жарко – и не бедному. Потому как паркет,

о котором мечтал Присли года два назад, но который не смог себе позволить, иногда мелькал в щели между шубой и мешком у меня на голове.

Пятнадцать ступеней вниз не радовали, но, по крайней мере, меня не подняли на предполагаемый второй этаж, бежать с которого стало бы ещё сложнее. А бежать я собиралась, даже если у меня заберут всё, вплоть до одежды. Лучше быть голой, чем мёртвой, а в том, что меня привезли не для того, чтобы похвастаться паркетом, я не сомневалась.

Мой провожатый оказался высоким и могучим заросшим мужиком неопределённого возраста. Никогда бы не подумала, но сдёрнутый с головы мешок не врал. Разрезав верёвку на запястьях, окинув меня последним внимательным взглядом, мужчина вышел и запер за собой дверь.

Ну, Присли...

Я оглянулась и хмыкнула, в подвале с припасами меня ещё не запирали. Что ж, могло быть и хуже. По крайней мере, если я умру, то точно не от голода – три стены были уставлены полками с разной снедью. Половина из них представляла различные соленья, банки и бочки, вторая – колбасы и сыры. Как-то так я воображала священное хранилище Николаса, куда могли заходить далеко не все его поварята.

Подвал оказался чуть больше моей спальни в общежитие, без окон и с единственной дверью. Облокотившись спиной о полки, я присела на корточки и стала думать.

Кольцо-накопитель при мне, а в комплекте с головой это

радовало вдвойне. Вот только что я могла? Пару-тройку раз ударить волной чистой силы? Для человека это если не смерть, то серьёзные травмы, для мага – хилый пшик. Особенно, если он будет защищён артефактами.

Поднявшись, я сбросила шубу на стоящую тут же бочку и освободила по паре полок на каждой из стен. Ничего интересного не нашлось, и я сначала постучала, а потом и поковыряла каменные стены. Они выдержали – ногти нет. Увы, подвал оказался подвалом, а не пристроем, как это часто бывало. И чтобы пробить стену, хотя бы там, где под потолком виднелось маленькое отверстие для проветривания, мне не хватило бы даже трёх накопителей.

Еда вернулась на полки, и я ещё раз обошла помещение по кругу.

Возможно, второй этаж был бы предпочтительнее, с него я могла хотя бы попробовать спрыгнуть, здесь же приходилось ждать. И ждать долго, потому что я успела задремать сидя, пока меня не разбудил резанувший глаза яркий свет.

– Вставай.

Ноги затекли, и распрямилась я с тихим шипением, чтобы тут же схватиться за ближайшую полку – голова закружилась, в глазах на мгновение потемнело.

– Поторапливайся, – скривился высокий подтянутый и, судя по презрению во взгляде, сильно родовитый боевой маг. Боевой, потому что тёмная военная форма и прикреплённый к поясу стааш не оставляли простора для воображения. –

Иди.

Верните предыдущего провожатого, он хотя бы имел представление о манерах. Этот же бурго-берг больно перехватил за локоть, когда я поднялась по ступеням, а потом ещё и подтолкнул, да так, что запнувшись о порог, я едва не пропахала носом пол.

– Что, ноги не держат? – довольно усмехнулся он и, собственно, всё.

Потому что тело сковало неизвестным заклиниванием и всё, что я могла – крутить головой, в то время как ноги послушно шли в неизвестную мне сторону. Отвратное ощущение онемения ниже шеи отвлекало от шикарной обстановки особняка с картинами, коврами и да, тем самым паркетом. Слуг на пути не попадалось, зато в коридоре второго этажа нашлись прекрасные большие окна. Закрытые, конечно, но уж один магический удар я для такого случая приберегу.

– Пришли.

Дверь, как дверь, зато за ней...

– Добрый день, милая невеста, – усмехнулся Эвилонберг, салютуя бокалом.

– Ваше величество, – поклонился бурго-берг, и моё тело тоже исполнило реверанс. Так себе, кстати, вживую у меня получалось гораздо лучше.

– Величество? – иронично подняла я бровь. – Неужели Лориан III скончался?

Никакого смысла играть и притворяться не осталось. Ес-

ли я действительно нужна советнику, он будет терпеть меня независимо от того, насколько длинный у меня язык. Если нет, то моё неуважение тем более не будет иметь значения.

А уважать того, кто предал даже не империю, а собственную семью точно не за что.

– Он на пути к этому, – многозначительно хмыкнул Эвилонберг, – хочешь к нему присоединиться?

Если сказки о некромантах хотя бы на четверть правдивы, то советника ждёт сюрприз и ни разу не приятный.

– Вашими стараниями? – хмыкнула я и вдруг поняла, что снова управляю своим телом. Поморщившись, потёрла запястье левой руки, незаметно поворачивая кольцо-накопитель.

– У тебя есть ещё недоброжелатели?

– Я и с вами враждовать не планировала, – отозвалась ехидно.

– Вы свободны, – кивнул советник бурго-бергу и жестом предложил мне присесть в стоящее перед письменным столом кресло.

– Но, ваше величество...

– Вон. – Тон светской беседы не изменился, но холодный взгляд советника полыхнул яростью. – Может быть, кофе? – снова любезно обратился он ко мне.

Хлопнула дверь.

– Обойдусь. – Сделав два шага, я элегантно присела в удобное кресло с высокой спинкой и сложила руки на коле-

нях.

Прищурилась. И с трудом удержалась от ругательств, когда увидела, сколько и каких заклинаний навешано вокруг и на самом советнике. Неудивительно, что он не боится оставаться со мной наедине. Да ему пальцем щёлкнуть и я мгновенно обращусь в пыль.

– Расскажите, почему хотели меня убить?

– Убить? – насмешливым эхом отозвался Эвилонберг. Глупость, но сейчас, перестав строить из себя непонятно кого, он стал гораздо привлекательнее, хотя и опаснее тоже гораздо. – Милая моя, изначально никто не пытался тебя убить.

Изначально. Прелесть просто.

– Похитить – да, но убить... – Советник окинул меня оценивающим, чисто мужским взглядом от сбившейся причёски и до носков ботинок. – Я был уверен, что мы договоримся. Мне всего-то и нужно было, чтобы ты помогла достать оскант после того, как я уничтожу Лориана. Благодаря Присли я узнал о твоих способностях обходить заклинания, а, благодаря твоему неумению контролировать дар, в первую нашу встречу понял, на что ты способна.

– Но как?

– Всего лишь опознающий артефакт, который я для начала проверил на кварце из императорской сокровищницы, а потом и на тебя. Удачное у нас получилось столкновение, превзошло все мои планы.

– Зачем тогда весь фарс с помолвкой?

– Почему же фарс. – Эвилонберг сел в кресло напротив, откинулся на спинку и закинул ногу на ногу. – Мне не сложно было жениться на тебе, милая Аурелия, и сделать империю счастливее ровно на одну обиженную сироту.

Гнев внутри вспыхнул жарким пламенем. Это я-то обиженная? Да я ему... интересно, а советник знает про стихийный дар? Вспышка озарения перекрыла ярость. Знает, не знает, в любом случае берилл с меня мог снять только Ориан, а он в академии.

– А потом?

– Потом ты бы уехала куда захотела, – он показательно задумался, – скажем, на лечение. Распоряжалась моими деньгами, жила в своё удовольствие, а я бы разом избавился от всех девиц на выданье.

– И всегда держали бы меня под рукой, – усмехнулась я. – А в случае неповиновения быстро стали бы вдовцом.

– Не без этого, моя милая. – Он сделал ещё глоток. – Но ты отказывалась поддаваться, не помогали ни письма, ни подарки.

– Мне ничего от вас не передавали. Вестники приходили только после того случая с Мистой в столовой...

– Стихийники, – презрительно скривился советник, ставя бокал на поднос. – Полезные, но тупые создания природы, жалкие копии настоящих магов, по ошибке рианов наделённые могущественной силой, которой даже управлять не

могут. Стоило пообещать им отменить парочку законов, и они мгновенно предали этого мальчишку, по недоразумению ставшего императором.

По недоразумению, ага. Подумаешь, законы престолонаследования, кого они интересуют.

– Ориан, – хмыкнул вдруг Эвилонберг, заставляя меня поднять взгляд, – он перехватывал все послания. Ещё один самоуверенный юнец, который думает, что может всё. У вас с ним что-то есть?

– С кем? – растерялась я от смены темы.

– Значит, сам, – покачал головой советник, – да и ладно, уже неважно. Оллэйстар всё равно отправиться вслед за дружкойм.

Сердце пропустило удар, по телу прошла дрожь.

Дожила. Даже за себя я не боялась так, как за него. И тем хуже, что никак не могла ему помочь.

– И я?

Долгий пронзительный взгляд напомнил о том, как мало я могу против него. Фактически ничего, и без какой-либо надежды я снова посмотрела на советника магическим зрением. Глухо, он был защищён со всех сторон, не чета тем наёмникам в лесу.

Больше того, из-за количества защитных заклинаний Эвилонберг казался расплывчатым, и мой пусть не натренированный, но очень желающий найти хоть что-то взгляд, не видел ничего.

– Мне всё ещё нужен оскант, – он подался вперёд, – а, значит, ты можешь остаться жива. – Эвилонберг взял мою ладонь, перевернул, тыльной стороной руки провёл от кончиков пальцев до запястья. Невидимые для него отблески от кольца Ориана брызнули во все стороны. – Если мы договоримся.

И я не смогла сдержать брезгливую гримасу. Да меня выворачивало, стоило представить наши предполагаемые «переговоры», и советник прекрасно это понял. Усмехнулся, отпустил меня и поднялся.

– Перед тобой очень простой выбор, моя милая. Либо через два дня ты выходишь за меня замуж, клянёшься в абсолютной верности и после осканта живёшь в своё удовольствие, либо из этого кабинета ты уже не выйдешь.

– Откуда я знаю, что вы не убьёте меня при первой же возможности? – Я тоже поднялась, в то время как советник снова взял бокал.

– Ты талантлива, – бесстрастно отозвался Эвилонберг, – красива и такой, как сейчас нравишься мне гораздо, чем в роли забитой лиерры. Так что, если будешь соблюдать правила и помалкивать, доживёшь до глубокой и безбедной старости.

Он делает глоток чего-то явно крепкого и меня вдруг осеняет. А если...

– И всё же?

Я отступаю, а пальцы уже шевелятся, выплетая заклина-

ние. Всего одна попытка, чтобы отвлечь и выбежать за дверь, а там и до окна недалеко. Всего одна.

Резерв полный, накопитель полный и я полная... идиотка, которая рассчитывает сбежать из дома, наверняка набитого боевыми магами. Хотя какая разница, если этот вариант нравится мне гораздо больше двух предложенных.

– Мы скрепим обещание магией, – сухо улыбнулся советник, поднеся бокал ко рту. Судя по лёгкости, с какой он это предложил, толку от такого обещания не будет никакого.

– Я... согласна, – выдохнула решительно, поднимая взгляд.

– На что? – с усмешкой уточнил он, собираясь сделать глоток.

Мой единственный шанс.

Отпустив заклинание, я бросилась к двери, не обращая внимания на крики советника. Надеюсь, небольшой фонтан в бокале попал по прямому назначению – в глаза, но оставившись и проверять так себе идея.

Шаг, ещё один. Последний рывок, и я окажусь на свободе, но...

Оглушительный взрыв. Сильный удар. И темнота, вырывающая меня из действительности.

Глава 42

Голова словно раскололась на две половины, болело всё, но я открыла глаза, осознавая себя у дальней стены кабинета в разгар магического боя. Хотя, как боя... шесть боевых магов, объединивших силу, против одного Ориана.

– Присоединяйся ко мне и останешься жив. – Эвилонберг за спинами магов был уже не так благодушен и самоуверен. – Насчёт девчонки тоже договоримся.

– У меня всегда были проблемы с дипломатией, – иронично отозвался Ориан и ударил по боевикам чем-то серым и слепящим глаза.

Маги даже не дёрнулись, ошетилившись ехидными оскалами. И, конечно, в первом ряду оказался тот бурго-берг, что вёл меня к советнику.

С тихим шипением, чтобы не отвлекать Ориана, который нас, похоже, спасал, я села, оперевшись спиной о стену. Интересно, а их щит выдержит стихийный огонь? Хорошо бы попробовать, но снять с меня медальон может только Ориан, а до него надо ещё дойти. Поэтому рывками, опираясь ладонями о стену, я поднялась. Выдохнула сквозь зубы, игнорируя пульсирующую боль в рёбрах. И шагнула было вперёд, но задохнулась, когда кто-то перехватил поперёк талии и утянул назад.

По ощущениям назад, потому что вдруг стало темно, серо

и очень страшно. Сразу забылись боль, царапины и ушибы, оставляя сбитое дыхание, панику и абсолютную тишину.

В сплошном темно-сером тумане не было ни низа, ни верха, ни стен, ни окон. Не было ничего, кроме безмолвия, которое давило на уши, и ощущения пристального взгляда.

Я резко обернулась, но за мной никого не было.

– Кто здесь?

Ещё бы знать, где это – здесь.

– Я.

Дыхание у уха, когти на талии, издевательский тон.

И волна чистой силы, разом ополовинившая мой резерв, которая в этом нечто обратилась слабеньким пульсаром. Вот только и его хватило, чтобы осветить того, кто стоял за моей спиной.

Рот раскрылся в беззвучном крике, а сердце захлебнулось ужасом и перестало биться. И даже хорошо, что существо взяло меня за горло, приподнимая над полом – иначе валяться мне в глубоком и беспросветном обмороке. Крепко обхватив шею, оно позволяло мне дышать, но я всё равно чувствовала острые когти на коже. И обжигающе-горячие капли, стекающие по шее, тоже чувствовала.

– Кто... вы?

Каждое слово – ледяной иглой ужаса под рёбра. Неконтролируемого, необъяснимого, невыносимого ужаса, который струился липким потом по спине и желанием умереть, но не смотреть больше в белесые, без зрачков глаза суще-

ства. самого страшного из всех, что существовали в этом мире.

Длинные, тускло мерцающие волосы. Чёрные веки, которые на фоне бледной, как у мертвецов, кожи выглядели особенно жутко. За спиной существа развивался плащ из такой непроглядной тьмы, что он ярко выделялся даже в окружающем сером мареве.

Оно вдруг усмехнулось и коснулось моей щеки длинным тёмным когтем.

– Угадай.

Я едва дышала, какие тут догадки...

Но взгляд то и дело выхватывал детали, которые складывались в страшное понимание. И призрачная корона над головой существа только подтверждала домыслы.

– Ваше...

– Не трудись, – усмехнулся единственный некромант этого мира и начал говорить.

Слова чужого мира проникали в голову помимо воли, а взгляд императора захватывал все уголки сознания так, что я не видела ничего, кроме его глаз. Ещё мгновение и уже я повторяю за ним древние слова, которых не знаю. И клянусь в чём-то, чего не понимаю. И... да, послушно слизываю кровь, которой он едва мазнул мне по губам, перед этим проткнув себе палец.

И вдруг страх уходит. А вместе с ним уходит паника, дрожь и боль. И я вспоминаю, что где-то там остался Ориан,

один на растерзание сильных боевых магов.

– Верните меня обратно, – вскинула я взгляд на императора, чьи черты теперь проглядывали в облике некроманта.

– Нет.

Очередной рывок выбросил меня в реальность. Очень дурно пахнущую реальность разобранной кровати под золотым балдахинном с символами императорской семьи на каждом свободном месте. И с самим императором, который бо-сиком и в одних только брюках пытался меня здесь бросить.

– Я могу помочь! – отчаянный крик остановил его в шаге до двери. Медленно развернувшись, Лориан смерил меня в антураже своей же постели заинтересованным взглядом.

– Мне?

– Ориану. – С трудом выбравшись из пухового великолепия, я быстро подошла к императору. – Верните меня в особняк советника, он не справится один.

– Мы всё ещё говорим об одном и том же маге? – холодно усмехнулся Лориан.

– Верните. Меня. К. Нему. – Мне было бы плевать, даже если бы передо мной были сами рианы. – Если вам всё равно, то мне нет.

– Девчонка, – скривился император, – да что ты можешь? И что знаешь?

– Вы же хотите получить Эвилонберга живым. – После пережитого в сером мареве, здесь император уже не воспринимался чем-то опасным. – Ведь поэтому вы забрали только

меня, вместо того, чтобы убить всех? Чтобы никто не узнал о вашей силе. Верните меня, я помогу Ориану, а вы получите свой суд и казнь, тем более что... – Я решительно выдохнула. – Это же была клятва верности? Которую вы заставили меня дать. Такая же, как у Ориана?

Голубые глаза Лориана Оришанского сверкнули сталью, моргнули магические светильники. Рукой с отросшими когтями он снова взял меня за горло, а меня вдруг гораздо больше заинтересовали чёрные вены, которыми покрылось всё его тело. Теперь я видела их отчётливо, так же, как и то, что магическое зрение даже сейчас воспринимало императора как обычного человека.

– Думаешь, что можешь меня шантажировать? – От его тона мороз прошёл по коже.

– Думаю, что могу вам помочь.

Несколько томительно долгих мгновений мы мерялись взглядами, а после Лориан замахнулся, швыряя меня... нет, не на постель. Тьма на мгновение вышибла из меня воздух, а после я врезалась в мужскую спину.

– Прибыю Лема! – раздражённо выдохнул Ориан и задвинул меня себе за спину.

Его теснили, стараясь загнать в угол и, как бы ни был силен Ориан, он медленно, но проигрывал.

– Сними берилл, – крикнула я, развернулась и отбила спотыкающееся заклинание кого-то особо умного.

– С ума сошла?

Ориан сбил ещё три заклинания, послышался грохот и звон стекла.

– Сними!

Его плетения, какими бы коварными не были, не проходили через щит, который питали одновременно шесть боевых магов... пять, но даже этого хватало.

– Лея, – вокруг нас появилась знакомая серебристая сфера, Ориан развернулся спиной к боевикам и крепко меня обнял, – ты соришь.

– Ты же меня вытащишь. – На одно короткое мгновение прижаться щекой к запылённому сюртуку. – И у тебя есть знакомый, который вернёт меня с того света, – подняв взгляд, тепло улыбнулась я, – теперь точно вернёт.

– Теперь? – прищурился Ориан. – Что он с тобой сделал? – рывкнул он, но...

– Сними берилл. – Взяв его ладонь, не отрывая взгляда, я положила её себе на шею, там, где должна была быть застёжка. Вокруг нас искрила и мерцала сфера от заклинаний, что в неё попадали. Также мерцали и глаза Ориана. – Давай покончим с этим раз и навсегда.

– Только не так. Я не дам тебе...

Поздно.

Я всегда была талантлива, и простенькое заклинание снятия слепка дало нужный эффект – на мгновение отпечаток магии Ориана оказался в моих руках, и застёжка щёлкнула под пальцами, а дальше...

Дальше вспыхнуло пламя.

Я вспыхнула, и сдерживаемый так долго огонь на раз выжег все их щиты. Шаг, и бурго-берг становится первым факелом, первым из шести, а пламя внутри требует не останавливаться. Не ограничиваться этими магами, этим домом, этим городом. Вообще забыть про рамки и ограничения, и с этим почти невозможно спорить.

Почти, но неподдельный ужас в глазах седьмого мага останавливает в шаге от задуманного.

– Лея.

А за спиной ещё один, но этого почему-то не хочется жечь. Согреть, остаться рядом, но не уничтожить, как того, что остался дрожащим кулем на дорогом когда-то паркете. Паркете, который кто-то когда-то хотел. Кто-то...

Грудь взорвалась болью, ещё недавно ласковый огонь искрами прошёл по рукам. Больно. Наверное, так же, как было Даруану. И обидно за стихию, которая только что казалась другом.

Но я хотя бы сгорю не за просто так.

– Лея, всё.

Крепкое объятие, щелчок.

И огонь пропал весь и разом, о нём напоминали только подпаленная одежда рукава, да ожоги на руках. Не только моих руках – его одежду тоже прожгло моё пламя. И тоже оставило яркие красные пятна.

– Ориан...

Дикое раскаяние накрыло меня всю. За то, что сделала ему больно. За то, что ему пришлось это сделать. За то, что не могу контролировать проклятый стихийный дар.

Но следующий шаг оборвал связь с реальностью, отправляя в знакомую уже темноту.

Сознание возвращалось рывками.

Сначала вернулось ощущение тела, потом тихое дыхание коснулось слуха, а стоило приоткрыть веки и глаза заслезнились от яркого света.

– Девочка моя! – Всхлип, голос, тон – всё такое знакомое и незнакомое одновременно.

– Грейс?

– Милая моя, очнулась! – Ладонь пожали, к губам прикоснулись стеклянный бок бокала, и я решила, что пора возвращаться, пока Грейс меня не залечила так, как не добил советник. – Сиротинушка, никто-то тебя не защитил...

– Стой.

Хрипа не было, а Грейс действительно была – склонившаяся надо мной, с носовым платком в одной руке и бокалом с водой в другой. Живая, здоровая и невредимая. Ни капли не изменившаяся с тех пор, как я уехала в академию.

– Где я?

Конечно, не спальня императора, но близко к ней – почти та же огромная кровать, светлый балдахин, резная мебель и очень много места, хоть вальсируй.

В теле ощущалась лёгкая слабость, ныли виски, но в остальном я чувствовала себя отлично. Приподнявшись с помощью Грейс, я устало выдохнула и откинулась на подушки. И только тут заметила, что она отводит глаза.

– Где я, Грейс?

– Тебе нельзя волноваться. – Она поправила одеяло, не поднимая глаз. – Сам его императорское величество Лориан III приходил справляться о твоём здоровье, пока ты...

– Грейс!

– Грейс, да Грейс! – Бросила она поправлять постель и с размаха села в стоящее рядом кресло. – Вечно найдёшь себе приключений, а потом Грейс виновата!

– Да никто не виноват, – вздохнула я и прикрыла глаза.

– Девочка моя, плохо? – тут же подскочила она, но я ухватила её за руку.

– Плохо, – весело фыркнула, заглянула ей в глаза. – Я у Ориана?

– Ориана... – передразнила Грейс, выдернула руку и смерила меня недовольным взглядом. – Когда за мной прислали императорских ищеек, я чуть к рианам не отправилась, но оказалось, что это ты. Всего лишь влезла в дела императора, чуть не умерла, а теперь ещё и... – она исподлобья покосилась на дверь. – Милая, когда говорила, что у тебя отбоя от поклонников не будет, я никак не думала, что ими станут...

Тройной стук в дверь прервал её откровения. В открытую дверь, да и издевки в этом было столько, что о личности по-

сетителя гадать не приходилось.

– Святые рианы! – ахнула Грейс и согнулась почти пополам.

– Бросьте, госпожа Гомели, – отмахнулся император и лично помог ей встать.

При дневном свете он выглядел гораздо симпатичнее того чудовища. Высокий, жилистый, изящный в идеально скроенном камзоле. Со светлыми волосами, тонким ободом короны и яркими глазами он действительно походил на принца из сказки. Из очень страшной сказки, если вспомнить его суть.

– Разрешите мне побеседовать с вашей подопечной наедине? – склонил он голову.

– Конечно, ваше императорское величество, как прикажете. Желаете чего-нибудь? – спросила она уже от двери.

– Молока, – обронил Лориан и Грейс как ветром сдуло. Вместе с дружелюбием и добрым нравом императора. – Эвилонберга казнили, – усмехнувшись, начал он без предисловий, – так что стать частью императорской семьи, тебе, к счастью, не светит. Империя компенсирует заключённый, но не свершившийся договор между тобой и дядей, перечислив на счёт в Имперском банке приличное состояние.

– Но...

– С этого момента ты считаешься совершеннолетней и можешь управлять всем своим наследством. – Лориан сел на край кровати и улыбнулся. Примерно как фаркасы перед

тем, как тебя сожрать. – Барон Присли больше не твой опекун и временно не барон.

– Временно? – Страшно не было, а вот нервно и переживательно – очень даже. И жутко хотелось оказаться рядом с Орианом.

– За многочисленные нарушения закона в отношении опекаемого мага, он отправлен на общественные работы сроком на полгода и лишением титула на тот же срок, – хмыкнул император.

Так и вижу Присли на общественных работах в компании простых людей, которых он всю жизнь презирал.

– Что за работы? – Мне же позволено это знать?

– В академии, – поднял бровь Лориан. – На кухне, посудомойщиком. Ориан настоял, пока ты пыталась в очередной раз умереть. Если Присли будет недобросовестно исполнять свои обязанности, срок удваивается, и так до бесконечности.

– Между прочим, это вы пытались меня... – напоровшись на взгляд императора, я осеклась.

– В этой империи всё – я, – криво усмехнулся Лориан, перевернул мою ладонь и коснулся запястья. По венам словно холодная змея поползла, а меня передёрнуло. – Имущество Присли переходит тебе до последнего шинка.

– Что вы делаете? – Манипуляции императора отвлекали даже от таких хороших новостей, как эти. Хороших, ведь?

– Проверяю, помолчи. – Лориан как будто прислушался к чему-то внутри себя, довольно хмыкнул и отпустил мою

ладонь. – Твою подругу Вамбург за нападение в стенах академии посадили под домашний арест сроком на три года, и наложили запрет на брак на этот же срок.

Рианы, у меня сегодня второй день рождения? Потому что подарки и пугали, и радовали одновременно.

– Корсу шантажировал советник? Он заставил её напасть?

– Её заставили ревность и глупость. – Лориан поднял руку, и в ней появилась тьма, мгновением спустя превратясь в объёмный свиток. – Здесь твоё назначение на должность мага в императорском дворце.

Что? Да у меня резерва едва хватало на академические задания.

– Но, ваше императорское...

– Бесит, – скривился император, а после одарил меня мрачным взглядом. – Лориан или Лем и только наедине.

А вот теперь стало по-настоящему страшно.

– Спасибо, не надо. – Такой чести так уж точно. – И я ещё учусь, – напомнила я хрипло и откашлялась.

– Должность номинальная, – обрадовал он. – Зато оплата действительная.

– И за что мне такие привилегии? – спросила осторожно, глядя на свиток на своих коленях.

– За жизнь, – усмехнулся Лориан. – С этого мгновения и до последнего вздоха твоя жизнь принадлежит мне, твоя верность принадлежит мне, и все твои... – раздался ироничный смешок, – таланты тоже принадлежат мне.

Паника сжала сердце ледяными когтями.

– А если я против? – С каждым словом голос становился всё тише уже потому, что выбор тут не предполагался.

– Тогда будет всё то же самое, но без привилегий, – хмыкнул император и поднялся. – Ты поклялась мне в верности на изнанке мира, Аурелия Грасс, а это несколько выше твоих желаний.

– Лем, – послышалось от двери, и, нахмурившись, Ориан подошёл ближе. – Что ты тут делаешь?

– Награждаю. И, кстати, – Лориан снова повернулся ко мне, – твои самоубийственные замашки я оценил, поздравляю.

А можно я уже не буду спрашивать?

– С чем?

– Через три недели ты всё-таки выходишь замуж, за него. – Император кивнул на хмурого Ориана, и в это самое время раздался звук битого стекла – Грейс не донесла молоко. – В храме рианов, так что клятву вам обоим я напишу лично.

– А подождать не мог?

– Чего? – поднял бровь Лориан и перевёл взгляд на Ориана. – Я предупреждал тебя, месяц на оба дела, но если оскант теперь может подождать, то остальное нет. Или мой день рождения тебя не устраивает в качестве даты свадьбы?

Ориан промолчал, я промолчала, Грейс, вообще, кажется, была в обмороке.

– Вот и прекрасно. Готовьтесь и не разочаровывайте сво-

его императора.

Холодная улыбка, несколько резких шагов и этот ни разу не маг, которого советник назвал мальчишкой, вышел из спальни. А следом за ним вышла и Грейс, подозреваю, что за успокоительным.

– Прости, – Ориан сел на край кровати и взял мою ладонь, как недавно император, только ощущения были другими. – С Лемом тяжело общаться и тебе придётся к этому привыкнуть.

– То, что он сказал... – схватившись за его плечо, я с усилием села. И выдохнула, когда Ориан обнял и прижал к себе. – Про то, что моя жизнь теперь... – голос сорвался.

– Всего лишь пугал, Лея. – Он с тёплой улыбкой отвёл прядь волос от моего лица и, прикрыв глаза, я потянулась за его рукой. – Лориан не станет тебя трогать, я не дам, будь он хоть трижды рианом, некромантом и императором. Но предать его ты действительно не сможешь.

– Я и не собиралась, – вздохнула я, плюнула на все приличия и перебралась к нему на колени. – Только... он ведь заставил тебя жениться.

Опустить взгляд мне не дали.

– Лея, – насмешливо протянул Ориан и лёгким поцелуем коснулся губ. – Он заставил тебя, но, если ты против...

– Свадьбу отменяют? – Что-то такое ёкнуло внутри, но я не успела понять страх или нет.

– Перенесут, – оправдал мои ожидания Ориан. И следую-

щий поцелуй был лучшим доказательством того, что отступить он не собирался. – Пока ты не поймёшь, что жить без меня не можешь.

– Я уже не могу, – призналась, зачарованная танцующими молниями в любящих зелёных глазах. – И никакой некромант это из меня не вытравит.

Эпилог

Свежий весенний ветерок заставил его улыбнуться, даже боль от порезов и ссадин притупилась. Последний раз, когда он видел улицу, на мостовой лежал снег, а кусты укрывали надёжные сугробы. Всё изменилось. С погодой и с ним.

Смешно.

Они думали, что вырвали у него клыки и когти. Считали, что казнь отца сделает его слабым и безвольным. Отпустили, не видя больше угрозы в опозоренном и нищем наследнике одной из самых громких фамилий империи.

Дураки.

И кичащийся всезнанием Оллэйстар, этот императорский лизоблюд, и сам император, которому недолго осталось наслаждаться жизнью. Известные и блистающие, они вообразили себя рианами, и именно это их погубит.

Он лично этому поспособствует.

А пока... махнув рукой, он остановил экипаж и назвал адрес, который не произносил больше пяти лет.